

Евгений Баранник

ИПОТАЛАМУС

Библейский код
Книга первая

Киев

УДК 821.161.2–312.9

ББК 84.4 УКР6

Б 24

Евгений Баранник

Б 24 Гипоталамус. Книга первая — Киев, 2011. — 576 с. ил.

ISBN

Книга «Гипоталамус» — это дерево событий. Есть корень, есть ствол, есть ветки нужные и важные, а есть те, которые по весне обрезают... В этой книге смешалось все, время, пространство, настоящее и будущее, герои вымышленные и герои, живущие среди нас, факты и вымысел, нумерология и предрассудки, жизнь и смерть... Это книга-загадка, книга-головоломка. Не каждому под силу дойти до глубины смысла, однако, каждый, кто, набравшись терпения, дочитает до конца, откорует для себя потрясающий мир масштабного мышления, мир высокой степени обобщения и понимания. Книга для тех, кто недоволен своей жизнью, кто не может калейдоскопические знания открытых информационных источников превратить в знания мозаические. Книга не отвечает на вопросы, она их задает. И если вы не боитесь разрушить имеющиеся представления о жизни, если вы не боитесь проснуться и заглянуть в реальность пространства вариантов, читайте и думайте, считайте и анализируйте...

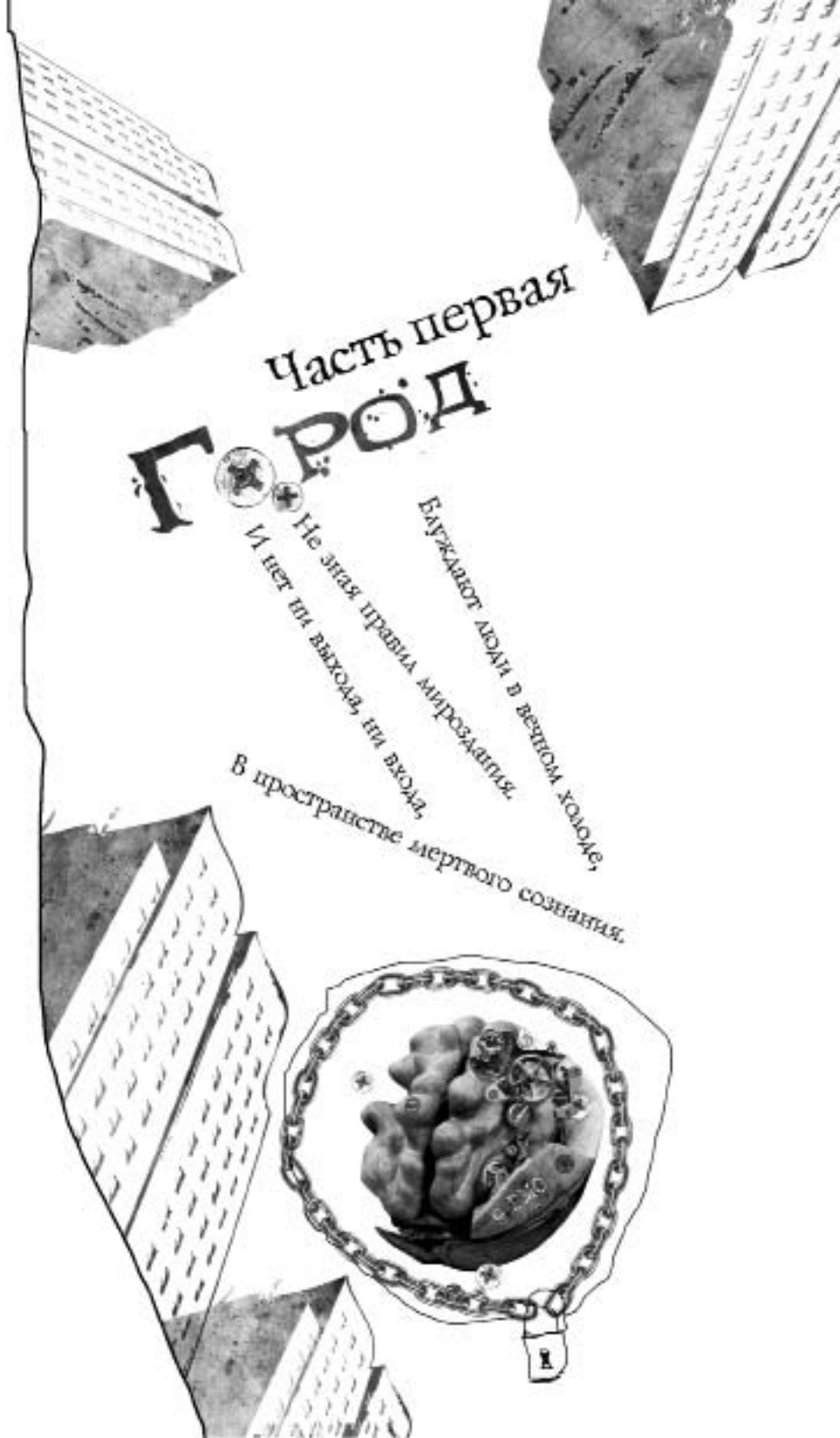
УДК 821.161.2–312.9

ББК 84.4 УКР6

Художник — Инна Зарицкая

ISBN

© Евгений Баранник, 2011

ГОРАЗДО ПОЗЖЕ 2000 ГОДА, МАЙ

В столице одной из бывших советских республик появился человек. Он появился настолько внезапно, что никто этого не заметил. *Странно, подумал человек. Бывает. Вот так ждешь встречи, волнуешься, приезжаешь в любимый город, а он тебя не ждет... Не встречает...*

Улицы древнего города пестрили рекламой мобильных телефонов и пышной зеленью цветущих каштанов, суежилась разноцветная общественность, а на дорогах с важным видом ворчали и ёрзали автомобили.

Город жил своей, понятной только ему, жизнью. Городские руководители говорили о нем как о живом организме, боялись его и уважали. Они отдавали ему самое дорогое — свое рабочее время — время своей драгоценной жизни, а брали не так много, как могло показаться со стороны. Но этого «не так много» было настолько много, что руководители порой не знали, что с этим делать. Рабочее время высоких чиновников было занято работой, суть которой сводилась к борьбе за саму же работу. Девиз: «*Лучше красиво не сделать, чем сделать некрасиво*» руководил буквально всем. Однако время шло.

— Что ты тут стоишь на проходе? Давай шевели копытами! — крикнул симпатичный парень и толкнул человека, стоявшего на ступеньках забегаровки под названием «Домашняя кухня».

Странно... Какие копыта, подумал человек и добавил вслух, — иди с миром.

— Куда иди? — не отставал парень, — да ты кто такой, деду-у-уля?

Парень попытался взять человека за рукав, но рука не слушалась, а затем и вовсе перестала шевелиться. Он пытался что-то сказать, но ничего не получалось, голос пропал.

— Мое имя — Эммануил Сведбегр, в последний раз был рождён 29 января 1688 года, естественно, было это в прошлой жизни, — старик прищурился и показал жёлтые зубы, всматриваясь в лицо парня, — не удивляйся, но я все про тебя знаю. Молодой, красивый, а сколько мусора в голове! Отцу скажи, что Я пришел. Пусть готовится к встрече. А пока полетай немного.

Эмм резко повернулся к парню спиной и быстро зашагал вверх по улице, что-то бормоча себе под нос.

Пройдя до перекрестка с Владимирской улицей, Эмм свернул вправо и, поднявшись по ступенькам, зашел в зал игровых автоматов. В помещении было прохладно и уютно, но очень накурено. Быстро окинув взглядом зал, он выбрал игровой автомат с высокой ставкой. Ловким движением отправил в банкоматную щель несколько купюр и нажал нужную кнопку. То же самое он повторил еще с несколькими автоматами. Менеджер в зале сразу обратил внимание на странного клиента. Одежда — необычного цвета и вида. Движения — неестественные. Человек двигался настолько плавно и легко, что со стороны казалось, будто он передвигается, не касаясь... пола. В зале появился гул, который нарастал с каждой минутой. Помещение закружилось, будто карусель, а стены растворились. Теперь вместо стен и потолка, находившиеся в зале клиенты и персонал видели зияющую пустоту ночного неба. Яркая луна и звёзды двигались по кругу. Музыка игровых автоматов ушла на

дальний план. Заряженные человеком автоматы самостоятельно делали крутки, снимая поставленные деньги. Один из автоматов дал бонус, заиграла характерная музыка, клиенты и персонал игрового зала, как загипнотизированные, смотрели на происходящее. Через минуту уже не было слышно ни музыки, ни голосов — только звуки круток. Помещение, без стен и потолка, несло в ночное небо.

— Джек-пот, он выиграл Джек-пот, — закричала девушка, сидящая рядом, удерживая растрёпанные ветром волосы.

— Вам придется подождать, пока привезут деньги, — автоматически среагировал менеджер, испуганно оглядываясь по сторонам.

— Это не мне — это вам, — произнес человек.

— Кому это вам? — спросила девушка.

— Всем вам, вы же этого хотели...

Игровой зал, будто блюдце на невидимой руке великана, взлетел над городом, угрожая сбросить человекоподобных, трясущихся от страха, существ. Он как гигантский ковёр-самолёт, парил над ночным городом и хохотал. Играющие автоматы один за другим выдавали джек-поты в сотни тысяч кредитов. Так продолжалось не долго... Никто не заметил, куда девался странный старик. Внезапно гул стих и наступила глубокая тишина. Движение замедлилось, зал замер в холодном шокирующем пространстве неба. Время остановилось.

— Мамочка! Мы сейчас упадем! — закричала девушка, подсознательно задавая себе вопрос, *почему над городом ночь в одиннадцать часов утра?*

Мужчины мужественно молчали, а девушка продолжала кричать и звать на помощь. Тишина угнетающе зависла над головами людей, зал качнулся из стороны в сторону, словно лифт пошел вниз... и... замер.

— Успокойтесь, всё нормально. Стены на месте, старика нет. Гипноз, — менеджер прошел по залу несколько шагов и недоверчиво пощупал стену.

— Фокусы, фантастика, — подтвердил, оглядываясь по сторонам, другой.

— Какой фокус, какой бред? Что вы несете? — отозвался мужик в углу зала, обращаясь к менеджерам, — небо и звёзды — это, конечно, компьютерная графика или лазерные спецэффекты. Но вы все слышали, что он сказал? Про деньги слышали? Это все нам, давайте-ка ребятки грузите копейку. Вы тоже в доле.

В это время последний заряженный автомат выдал джек-пот. Но это уже никого не удивило. Народ в зале оживился и вертел головами, не веря своим глазам. Игровой зал, действительно, прилетел и стоял на месте. Люди нелепо улыбались и вопросительно смотрели друг на друга. Как они себя чувствовали? А как могут себя чувствовать люди, оставшиеся в живых после авиакатастрофы? Однако вместе с чувством удивления и радости пришло холодное чувство пустоты, непонятное и страшное ощущение вакуума... В это время хлопнула дверь, в зал зашел новый клиент и сел за ближайший автомат.

— Пошел вон отсюда, — рыкнул на него мужик.

— Да, вам лучше уйти, — уверенным голосом поддержал менеджер, — мы закрыты. Технический перерыв.

— Не понял?! Что тут происходит? — возмутился новый клиент и, опустив руку в карман, достал несколько купюр.

— Пошел отсюда! — закричала девушка и, подскочив к новому посетителю, толкнула его в грудь с такой силой, что парень в недоумении свалился на пол, ударившись о стоящий сзади игровой автомат.

— Что ты себе позволяешь, дура? Ты знаешь, на кого лапу подняла? Да я тебя, коза, щас на куски порежу! — в ярости заорал парень, резко поднимаясь с пола.

— Так, стоп! Остановились! Слышь, дружок, — обращаясь к менеджеру, сказал мужик, — а ну-ка закрой двери, чтобы никто больше не заходил. Денег на всех хватит. Раз зашел этот хмырь — не убивать же его. Дадим и ему, — он повернулся к менеджеру, — слышь, студент,

давай звони начальству — пусть кэш везет. А мы пока должны договориться, кто, где сидел и кто чего выиграл. Согласны? Так, сколько нас всего? Раз, два, три. Кассир, охранник, девка с хмырем и я. Все, что ли?

Услышав про деньги, парень быстро успокоился и, потирая уши-бленное место, искоса смотрел на девушку.

— Все, восемь нас, — подтвердил менеджер.

— Итак, считаем сколько денег...

— Не так уж и много на восьмерых.

— Слышь, а при чем тут этот? — обратился к окружающим менеджер, показывая на последнего клиента, — он-то при чем? А если б тот чудака оказался бандитом и устроил бы тут стрельбу? Что? Зашел бы ты сюда, дружок? А то на тебе — деньга. За что? Мы тут можно сказать страху натерпелись, седых волос нажили, а он? Я лично против такой шары. Пусть выметается.

— Та не, пацаны, никуда я отсюда не по-о-ойду. А если вытолкаете, я всем расскажу, что вы тут замутили. Сами ни фига не получите. Так, что я ваш навеки, — отряхивая брюки, процедил сквозь зубы пострадавший.

В это время в зал вошли двое подростков.

— Не работаем! Технический перерыв! — грозно гаркнул менеджер и побежал к входной двери.

Подростков как ветром сдуло. Закрыв дверь на ключ, менеджер вернулся на свое место. *Что делать? Как сообщить начальству о шестист Джек-потам? Как получить деньги? Как делить деньги?* Ему казалось, что прошла целая вечность. *А может...*

1751 год, ФРАНКФУРТ.

Не каждый день, да и не каждому суждено получить в наследство банковское дело. Майер Амшель Бауэр — везунчик, баловень судьбы, он унаследовал банковское дело своего отца во Франкфурте и сменил имя на Ротшильд. Ему всегда нравилась фамилия бабушки. Отец, конечно, был бы против, но... Майер женился и обзавелся пятью сыновьями и пятью дочерьми. Сыновей назвал Амшель, Соломон, Натан, Кальман и Якоб. Его возвышение получило новый толчок, когда он вошел в милость к принцу Вильгельму IX. Принц, вследствие политических волнений, был вынужден бежать, он отдал Ротшильду на сохранение шестьсот тысяч фунтов. Натан Ротшильд, старший сын Майера Амшеля, взял эти деньги в Лондон для того, чтобы открыть там банк... Золото, служившее обеспечением, поступило из «Восточно-индийской компании». Натан к тому же получил четырехкратный доход от предоставления займа в банкнотах герцогу Веллингтону, который таким образом финансировал свои военные операции.

— Сын мой, Натан, я хочу ознакомить тебя с одним документом, — хриловатый голос Амшеля Ротшильда слегка дрожал. Он открыл серый конверт, достал письмо и прочитал, — податель сего, Адам Мортимер, хорошо известный мне как весьма уважаемый молодой человек, владеющий качествами, которые позволяют ему быть полезным в занятии всякого места, требующего доверия. Он — отличный бухгалтер и знаком с несколькими языками. Я охотно отвечаю на все вопросы, касающиеся его. Я покорно прошу вас направлять все мои письма и посылки, которые будут с этого времени адресованы на мое имя, в «Дженераль Деливери» отделение Бетлигем, 2-а, почтовая контора. Буду рад встретить вашего сына однажды в доме нашего общего друга в Лондоне, я осмеливаюсь письменно испросить у вас позволение явиться в вашу

собственную резиденцию. Некоторое время тому назад я жил в этом городе, и полагаю, вы помните господина, который является моим дядей. Надеюсь, что вы извините меня за свободу, которую я позволил себе. Остаюсь весьма уважающий вас.

— Надеюсь, ты понимаешь, что пришло твое время. Ты едешь с этим человеком в Лондон и начинаешь торговое дело. Но главное для нас — не деньги, главное — власть. Помни об этом всегда. Не надо стремиться владеть, надо управлять теми, кто владеет, и ты будешь владеть тем, что имеют они. Твои старшие братья хорошо знают правила нашей семьи, они успешно развивают дело в Вене, Париже и Неаполе. Богатство должно управляться только мужчинами, и только старший из них имеет право решающего голоса при всех разногласиях и серьезных расхождениях во мнениях. Все отчеты по активам должны сохраняться в абсолютном секрете, в особенности, от властей.

— Я всё понимаю, отец, я готов.

В это время формируется и занимает значимое место Орден иллюминатов. Он возник в отсталой Баварии. Хотя Орден иезуитов был распущен папой в 1773 году, бывшие члены «Общества Иисуса» по-прежнему цепко держали в своих руках контроль над всей системой образования, особенно над университетским. Для противодействия этой тягостной опеке профессор канонического права Ингольштадтского университета Адам Вейсгаупт стал вынашивать мысль основать тайный орден.

В этом же 1773 году Майер Амшель Ротшильд провел секретную встречу в доме Ротшильдов на Еврейской улице во Франкфурте, в которой участвовали, помимо него, 12 богатых и влиятельных еврейских кредиторов¹; они собрались ради выработки плана, плана контроля над всеми достояниями мира.

¹ Сионские мудрецы

Учреждение «Английского Банка» сделало возможным влияние на английскую экономику, но, тем не менее, нужен был абсолютный контроль для того, чтобы положить основание контролю над всеми богатствами планеты. На этом совещании и было принято решение использовать «в темную», распространившиеся к этому времени, тайные общества.

Орден иллюминатов был создан Вейсгауптом 1 мая 1776 года. К 1779 году оно насчитывало уже четыре отделения в баварских городах. В орден вступили наиболее влиятельные члены масонской ложи «Амалия», включая Гете, Гердера и герцога Карла-Августа. Членами ордена состояли Моцарт, Шиллер, Виланд.

В конце столетия, действуя согласно намеченному плану, агенты Амшеля Родшильда искали выход на влиятельных и высокопоставленных особ Франции. Таким образом, был найден и завербован военный артиллерист, полковник граф де-Нарбонн-Лара. Его поразительное сходство с королем Луи XV породило множество слухов о старом короле и его внебрачном сыне и сыграло в карьере графа немаловажную роль. Вскоре он стал адъютантом самого Наполеона.

НАЧАЛО ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ, КИЕВ

эр старого Города был человек не молодой. Уважая себя и своих родных, он делал все, чтобы это уважение видели окружающие. Он давно не получал удовольствия от покупки дорогих швейцарских часов и очередных заграничных автомобилей. Да он их сам и не покупал. Он даже не знал, кто и как это делает. Ему только надо было полистать каталог и ткнуть пальцем. Все остальное делали эти противные «пресмыкающиеся», люди, людишки — подьедала, лицемеры и проходимцы. *Ох как они его достали...* Но обойтись без них было уже невозможно. Хотя мэр древнего города любил людей... Да, да, да... Любил... Но любил по-своему. По-мэрски... Он любил людей вообще. То есть всех сразу. И не иначе. То есть, если точнее, он любил группы людей. И чем больше была группа, тем больше он её любил. Он любил людей как массу, как океан и небо, как горы и поля с кукурузой. А вот поодиночке люди его раздражали и нервировали. Поодиночке они казались ему никчемными и ущербными, слабыми и гадкими. А людей, которые ему перечили, он просто ненавидел. И это касалось буквально всех людей, живущих на земле. Исключений не было. Его раздражали старые родители, жена и сын, дочь и ее жених. Ему хотелось уехать в сельскую глушь и бродить по траве босиком, без людей... *У меня есть все кроме радости и счастья.* Часто думал он. А годы брали своё... Гуляющий по спине холодок предвещал беду.

Последняя встреча с Президентом была просто трагедией. *А что, собственно, произошло? Да ничего. Просто Президент с ним — великим и неповторимым, хитрым и умным интриганом — не поздоровался. Президент прошел мимо, даже не взглянув в его сторону... Ну, конечно, никто из окружения Президента не предполагал, что его выберут, что именно он станет мэром столицы. Сволочи, никто не верил. А я стал. Я хотел, а Господь решил... Мой Господь...*

Утро не радовало. Предчувствие больших проблем не давало покоя. Предчувствие беды... Болела поясница и гудела голова. Зависимость от таблеток, от этих проклятых разноцветных шариков и однотипных желатиновых пилюль — убивала его. Чувство ущербности и патологического одиночества, замешанное на почти неограниченных финансовых возможностях, в созвучии с сектантскими молитвами, пробуждало в нём необузданную, звериную страсть и невероятную потребность деятельности. Он не мог не принимать лекарства, а, принимая, понимал, что убивает себя, убивает своё естественное существование. А дозы требовались все больше. Он знал все о своей проблеме, или почти все. *Эндорфины — изобретение человечества, открытие века.... Система регуляции поведения посредством эмоций...* Вряд ли в наш просвещенный век найдется много людей, которые станут утверждать, что их поведением руководит исключительно рассудок, здравый смысл и так называемая «свободная воля». Пускай попробуют систематически совершать поступки, к которым «душа не лежит», от которых им самим становится тошно, гадко и стыдно. Роль рассудка часто сводится лишь к придумыванию логических оправданий для поступков, диктуемых инстинктами, условиями общественной жизни, политикой государства и еще черт знает чем, а «жизненную энергию», необходимую для активной деятельности, мы черпаем в сфере эмоций, которые лишь отчасти подконтрольны разуму.

А когда человек «идёт по трупам»? Когда он действует против своей совести? Когда ворует у своих? Когда приходится заискивать перед негодяем, а на порядочного человека вешать преступление им не совершенное? А когда надо врать тысячам и миллионам своих сограждан, обещая то, что никогда не будет сделано? Конечно, на все есть свои оправдания. Но только откуда брать энергию для дальнейшей жизни? Нормальный человек получает эмоциональный заряд путем созидания, он получает соответствующую порцию естественных эндорфинов, которые, собственно, и вызывают у нас всю гамму эмоций: радость и печаль, удовольствие и неприязнь, нежную привязанность и отвращение. А если не созидашь?

А если грабишь и воруешь? Врешь и не слышишь свою совесть? Как жить? Вот тут и приходят на помощь искусственно синтезированные эндорфины.

А может, выпить? Он достал из холодильника бутылку Русского Стандарта. *Украсть деньги у америкосов... Это круто... А вдруг... Нет, не может быть. Никто не узнает, там же замешан сам...* Булькнул немного в стакан и вылил содержимое в рот. Через минуту голове стало легче, но боль в пояснице не уходила. Однако что-то на дне его черной души подквакивало и подкаркивало: «*узнают, как пить дать узнают*». Он налил еще, выпил.

Визг мобильного телефона прозвучал как приговор. Только на пятом звонке мер опомнился. Звонил дежурный горотдела милиции.

— Вам что, делать нечего, в такую рань звонить? — гаркнул в мобилку мэр.

— У нас чрезвычайное происшествие, — ответил голос в трубке, — в зале игровых автоматов, на Владимирской, угол Богдана Хмельницкого — семь трупов. Оперативники выехали, работают... Через час — другой набегут «писаки».

— Выясните все подробности и перезвоните!

— Хоро...

Мэр выключил мобилку на полуслове. Нервы были на пределе. *Проклятая оппозиция. Что им надо? Столько усилий. Все уверяли, что проблем нет... Сволочи! Все врут. Столько денег ввалить и все коту под хвост?! Он налил себе еще водки. Вот так и жизнь пройдет. Куда бежим? Радости нет. Пока сидишь за столом — вроде все нормально и весело, а просыпаешься утром... Сил нет. Желаний нет.* Когда-то он мечтал о машине и квартире, о мебели и цветном телевизоре, о детях и внуках... *Даже нет желания пойти в церковь. А зачем? Если будет надо ко мне придёт кто угодно. Кого пожелаю... Тот и придёт...*

Без религии жизнь становится страшной, холодной и непонятной. Человек боится этих мыслей. Женщины не знают, кого любить,

мужчины не знают, чему служить. Люди прячут внутреннюю растерянность за рутинной ежедневных действий, личными и материальными успехами, смешанными с сиюминутными удовольствиями. Мысли о вечном ставятся потребительским обществом под запрет. Постепенно человек превращается в вещь, существующую в искусственно созданном мире, и выполняющую функцию большой, или очень большой, или очень маленькой, но всегда шестеренки, для которой вопроса о смысле жизни не существует.

Сегодня он осознал, что, достигнув финансового достатка, он потерял свободу. Дела как снежный ком. Продвигаясь по жизненной лестнице и каждый раз, назначая себе уровень желаемого, он вдруг понимал, что ходит по кругу. Достигая очередной поставленной цели, он впадал в депрессию. Депрессия продолжалась до тех пор, пока он не ставил перед собой новую цель. И всё начиналось с начала. Снежный ком. С каждым годом этот ком становился всё больше и больше, а радости оставалось все меньше и меньше. Его жизнь была похожа на потрепанный штормом корабль, который вот-вот выбросит на берег очередная волна реформ и государственного хаоса. И только он знал, как ему плохо... Он взял телефон и набрал номер.

— Алло, это я.

— Да, босс.

— Что там у вас на Владимирской случилось?

— Сами до конца не поняли...

— То есть?

— Э... Не могу по телефону...

— Так серьезно?

— Думаю, что да...

— Тогда быстро ко мне. Срочно!

— Я уже у вашего подъезда. Знал, что вызовете...

— Хорошо, заходи.

Через несколько минут в дверь позвонили. Мэр не хотел будить близких и сам открыл дверь. Вошел мужчина в спортивном костюме.

— Проходи на кухню и не шуми. Чайник поставь.

Гость поставил чайник и сел у окна.

— Ну, что там случилось?

— Понимаете, наш оператор все видел, из центра управления автоматами... Говорит, зашел дед какой-то, как из музея, странный такой.

— Да что ты мычишь, говори, — мэр налил чай и бросил кусочек тростникового сахара, — успокойся, ты что?

— Не знаю, но... Оператор говорит, что старик через камеру проник в центр управления и...

— Что ты несешь? Как он смог пройти в центр? Через бронированную дверь?

— Нет, через камеру наблюдения... Сам не пойму. Оператор говорит. Старик зашел в зал и раздвоился...

— Слушай, я тебя сейчас в психушку отправлю. Ты что? Сам-то понимаешь, что мелешь? — мэр был в ярости, но что-то подсказывало ему, что парень не врет, — Ладно, извини, успокойся и все по порядку. Может, водки бахнешь?

— Нет, спасибо... Не пью я, вы же знаете... Понимаете. Оператор говорит, что старик вышел из монитора...

— Гм. Как вышел?

— Вот так и вышел. Прямо в комнату, где оператор сидит.

— Дальше.

— Оператор перепугался. А старик ему говорит: включай на выигрыш, а то в жабу тебя превращу.

— В жабу? — мэр хотел было засмеяться, но вместо этого закашлялся и криво улыбнулся, — Интересно. Ну...

— Оператор хотел на тревожную кнопку нажать, но не вышло. Руки, говорит, не слушались.

— Ну и что старик?

— Он на него дыхнул, и оператор дальше ничего не помнит. Очнулся, когда на контрольном дисплее увидел джек-поты.

— А видеозапись есть?

— Пленка на месте, а записи нет...

— Да, дела. И что дальше?

— Ну, оператор на кнопку потом нажал. Служба включилась... Поехали туда... А что оставалось делать? Не выплачивать же сотни тысяч баксов лохам.

— Та-а-ак... Значит, дед включил автоматы на выигрыш?

— Не знаю, может быть...

— А вы, значит, этих лоходромщиков... того... Мокрушники чертовы, сволочи, что вы наделали? Теперь проблем не оберешься. Не могли иначе как-то... Сделать...

— Мы пытались их унять, но куда там. Они требовали деньги. Да нормально все вышло, не волнуйтесь. Их было восемь. А трупов семь. Так что этот восьмой все и устроил. Маньяк... Как раз полнолуние было...

— Маньяк, говоришь? — мэр подошел к парню и посмотрел в глаза. — Ну смотри мне, не дай Бог... Понял? В случае чего я тебя сам... Менты были?

— Да, опергруппа была...

— Ладно, ментов я беру на себя, а ты проваливай. Оператора в чистку, чтобы никто ничего. А деда найти! Живого или мертвого! Ты понял? — он намочил водой руки и умыл лицо, — Люди надежные?

— Свои в доску. То есть по уши наши. Это группа по возврату...

— Дебилы они у тебя. Толстолобики, мать их... Их тоже, того... Предупреди. Пока. Давай проваливай.

Львиная доля дохода игрового бизнеса традиционно доставалась очередному мэру старого города. Игровые автоматы группами были включены в центральную систему управления. Специальный оператор управляет игрой. Он может дать клиенту выиграть, чтобы завлечь, а затем все забрать. Клиент думает, что играет с железом, а на самом деле это игра со специально обученным человеком. Есть люди, которые играют по-крупному, в VIP-залах, по высоким ставкам — сотня за удар или даже тысяча... Таким предлагают стать VIP-игроками. Им выдают специальные карточки, устраивают для них вечеринки с розыгрышами автомобилей и кормят бесплатно, как на убой. Тех, кто проигрывает крупные суммы, буквально «ведут по жизни». Каждый их день и каждый их час известен и учтен. Такие люди суют в автоматы целые состояния. Конечно, система управления дает и выиграть, и если дали много, группа «по возврату» уже готова и знает, где клиент живет. Все выглядит как банальное ограбление «по пьянке». Клиент получает деньги, едет домой, а в подъезде — их забирают. Через час клиента находят соседи пьяного и без денег... Что ж, ничего личного, бизнес и только — так делаются деньги. Такова правда жизни. И ничего с этим поделать нельзя. И мэр города не исключение. Он тоже в некотором роде марионетка в руках системы...

упавшему на тротуар Андрею подбежали друзья.

— Что случилось?

— Ты, что молчишь?

— Да очнись же ты!

Андрей слышал голоса друзей, но сделать ничего не мог. Он видел все сверху. Ему было легко и тепло. Он видел свое тело, лежащее с открытыми глазами, видел напуганных друзей. *Невероятное ощущение видеть себя со стороны, смотреть в свои глаза... А вокруг люди, испуганные и суетливые, бестолковые и бедные, толстые и худые... Ах, какие они жалкие и ничтожные. Букашки. Как все надоело. Как я устал.* Андрей вспомнил вечер прошлого дня и бурную ночь в Маячке¹. Это было грандиозно. Неповторимо. Он достаточно часто ездил с друзьями на Жуков остров. Там, скрытые от глаз обывателей, стоят шикарные яхты, стоимость которых — миллионы долларов. Оттуда яхты выходят на большую воду Днепра и дальше в Черное море. Удовольствие не из дешевых. Но его это не интересовало. Кто платил и сколько, он не знал. Главное, что можно было приехать в любое время дня и ночи, ввалиться на яхту и... *Как это здорово.*

— Что с ним?

— Да это все тот старик, который с ним говорил.

— Вы его запомнили?

— Такого трудно не запомнить...

— Звоните в скорую.

¹ Маячок — ресторан на берегу Днепра, расположен на Жуковом острове.

Голоса друзей то затихали, то с новой силой оживали, где-то снизу, а небо манило своей чистотой и легкостью. Он видел, как рядом увозят на штрафплощадку автомобиль... Как внизу идут, бегут, смеются, говорят, едят, плюют и кашляют. *Ничемные тараканы! Жалкие обыватели!* Чувство, охватившее его, было тревожным и радостным... *Как мне хорошо!*

— Ишь ты — обрадовался, не время тебе еще... Успеешь... Давай вниз, — голос был громким и отчетливым, очень знакомым, сказано было так жестко, что он не посмел спорить, и опустил к своему телу...

Открыв дверь, Виктор Антонович кивнул жене и прошел в свой кабинет. Он сел за стол и, как обычно, взял чистый лист бумаги и карандаш. Мысли не шли. *Столько лет идти к власти... Получить... И что? Президент Украины... Президент...* В голове было пусто. Тишина была угнетающей. Президент все больше оставался один. Он погружался в свой, никому не известный, мир и никто не смел его тревожить. Открывая книгу Марка Аврелия «Наедине с собой», он каждый раз удивлялся глубине мысли автора. Иногда ему казалось, что это про него, что это он — Марк Аврелий... *От Вера, моего деда, я унаследовал сердечность и незлобивость. От славы моего родителя и оставленной им по себе памяти — скромность и мужественность. От матери — благочестие, щедрость, воздержание не только от дурных дел, но и дурных помыслов. А также простоту образа жизни, далекую от всякой роскоши... Да, это я, это точно я.*

Тишину разорвал звонок телефона.

— Виктор Антонович, вы только не волнуйтесь... Гм... Ваш сын в больнице. Но теперь все в порядке. Врачи говорят, ничего страшного. Упал, ударился головой, потерял сознание, — голос в телефоне сделал паузу, — не волнуйтесь, бывает... Э-э... Сотрясения нет...

— С утра чувствовал, что-то случится.

— Гм... — в трубке закашлялись.

— Что еще?

— Да есть еще неприятность, на Владимирской... Вам не сообщали?

— Какая неприятность?

— Гм... Семь трупов в зале игровых автоматов... И... все... гм... все без голов...

— То есть? Как это без голов? — Президент посмотрел в пустоту черного окна. *Почему без голов? Чушь. Не команда, а куча идиотов... Не разобравшись, докладывают, а потом не знают, на кого свалить.*

— У них в руках флажки... — не унимался голос в трубке.

— Какие еще флажки?

— С нашей символикой...

— Вы что там, с ума сошли? Что вы несете? — *Нет, это невыносимо... Идиоты...*

Он закрыл глаза. *Надо в церковь съездить, свечку поставить.*

— Разберемся, думаю политическая провокация.

— Так и разберись, чего ты меня нагружаешь? Разберись, а уж потом и звони.

Президент бросил мобилку на стол. *Странно, почему меня это не беспокоит? Сын в больнице, семь трупов... Что происходит?* Он снова открыл книгу. *Поутру следует сказать себе: «Сегодня мне придется столкнуться с людьми навязчивыми, неблагодарными, заносчивыми, коварными, завистливыми, неуживчивыми. Эти свойства происходят от незнания ими добра и зла. Я же, познавший прекрасную природу добра и постыдную — зла, понимаю и природу тех, кто заблуждается. Они мне родственны не по крови и происхождению, а по божественному соизволению и духу. Я защищен знанием от их зла. Он закрыл глаза. А может, не защищен? Или не совсем защищен. Они не могут вовлечь меня во что — либо постыдное. Но нельзя гневаться и ненавидеть тех, кто мне родственен. Мы созданы для совместной деятельности, как ноги и руки, веки, верхняя и нижняя челюсти. Поэтому противодействовать друг другу — противно природе; а досадовать и чуждаться таких людей — значит, им противодействовать».* В углу кабинета кто-то зашевелился и начал двигаться. Скрипнул паркет, шевельнулась занавеска, качнулся стул...

— Как день? — спросил хриплый старческий голос из темноты.

— Странно все как-то... — не открывая глаз, ответил Президент.

— Жизнь — паутина, свет сквозь тьму, вечная загадка...

— Почему они меня не понимают?

— Ты о народе? А зачем им тебя понимать?

— Но ведь...

— Ты хочешь сказать, что было бы неплохо понимать друг друга? А зачем? Разделяй и властвуй! Забыл? Иисус разделял мать с сыном, отца с дочерью... А ты хочешь объединять? Многие пытались... Но какой ценной это обходилось? Стоит ли?

— Я думал будет все не так... По-другому... Правильно и понятно... А...

— А, что значит *правильно*? В природе нет *правильного* и *не правильного*, *хорошего* или *плохого*, *надо* или *не надо*. В природе не существует развлекательной, научной или специальной информации. Это важно для людей в какой-то конкретный момент их ничтожной жизни и не более. Если бы было надо понимать, то Создатель все сделал бы иначе. Нет тьмы — есть мало света. Нет холода — есть мало тепла. Нет зла — есть отсутствие Бога. Возьмем хотя бы язык. Почему ты против русского языка, а восток страны против украинского? Унитарность? Независимость? Культура? Идентность? Нет. Ты защищаешь себя и себе подобных, а они себя и себе подобных. Человек, родившийся в селе, всю жизнь будет доказывать горожанам свое право на равенство, всю жизнь будет бороться с комплексом провинциала. Ты был крестьянином и остался им. Это архэ. Архетип. Корень сознания человека. Программная установка, если хочешь. Операционная система, корневой каталог. Почему ты не можешь подняться над этим? В Израиле русский язык считают первым, а иврит — вторым. И ничего, никто не умер. Разве Создателю и Природе есть дело, на каком языке кто говорит? Нет. Так же, как и нет дела до того, на какой машине кто ездит, что ест, во что одевается и какой мебелью пользуется. Это дело живущих микрочеловеков, обывателей, потребителей, жующих ближнего за

комфортное ожидание собственной смерти. Что есть жизнь человека в понятии Вечности? Ничто. Ты забыл, что договаривался с Системой и обещал заплатить любую цену за свое президентство? Торговаться надо было раньше. Тебя предупреждали, что это дорогое удовольствие?

— Да, но я не думал, что... Все так будет...

— Не думал? Спроси у своего садовника или водителя, хотят ли они любой ценой стать президентом. Знаешь, каким будет ответ?

— Теперь да.

— Так почему они не хотят платить любую цену, а ты захотел? Что, они умней тебя?

— Не знаю...

— Нет. Они просто не способны. Они не способны играть в глобальные игры и ставить большие ставки. У всего есть своя цена. Убийца убивает, а потом всю жизнь платит ожиданием наказания... Вор бежит от тюрьмы и ждет ее... а значит платит... А ты только начинаешь платить. Это — как товар в кредит. Иди, бери, пользуйся, но плати, плати и плати. Ты получил свой товар. Пользуйся. Но плати. Дорогато? Проценты высоковаты? Проехали. Рассчитываться придется долго, в одну жизнь этот расчет не уложить. Да и детям достанется...

— Дети не при чем.

— Не при чем? При чем! И ты это знаешь.

— ... — Президент открыл глаза и повернулся в сторону голоса.

— Ладно, это все лирика. Давай о деле. Зачем звал? Ты думаешь мне нечего делать?

— Я хочу поменять договоренность с Системой.

— Что? Да ты сумасшедший, это невозможно.

— То, что от меня хотят, приведет к разрушению того, ради чего я пошел на все.

— А ты не ставил условия о правах и обязанностях. Ты просто хотел любой ценой стать Президентом. В чем дело? Ты им стал. Система свою задачу выполнила. Ты думаешь, легко в Пространстве Вариантов координировать линии жизни целого народа? Теперь дело за тобой.

В двери кабинета постучали.

— Дорогой, ты будешь пить чай? — голос жены слегка дрожал.

— Нет — ответил Президент, — пейте без меня.

— У тебя гость? С кем ты говоришь? — не унималась супруга.

— ...

— Я ездила в больницу к Андрею, — не дождавшись ответа, продолжала она.

— Как он?

— Слава Богу, в порядке.

— Я не могу сейчас говорить, извини...

Он опять говорит сам с собой. Она отошла от двери, остановилась и напрягла слух...

— Итак, — Виктор Антонович задумался, посмотрел в черное окно. *Как лучше сказать?*

— Говори, как думаешь, — из темноты кабинета вышел обладатель хриплого голоса.

Человек напоминал средневекового старца. Он был одет в длинную черную рубаху, похожую на рясу священника. На голову накинута капюшон, скрывающий лицо. Иногда свет настольной лампы фрагментами выхватывал из тени контуры подбородка, носа и нависающих над глазами густых бровей. Двигался человек не спеша, опираясь на длинный посох. Пройдя несколько метров, старец довольно ловко уселся в кресло.

Услышал мои мысли... Не удивительно...

— Тебе так интересней? Как мне с тобой говорить, если ты знаешь, о чем я думаю? Останется только указать мне, что делать.

— Во-первых, я не всегда могу слышать, что думают люди. Во-вторых, единственное, что не подвластно Системе и тем более мне — это твои мысли. В этом человек имеет полную свободу, но в то же время несет ответственность за свои мысли, действия, а в каких-то случаях и за бездействия.

— Что будет стоить для меня изменение договоренности с Системой? Неужели нельзя ничего сделать?

— В Системе все возможно. Смотря, что ты готов заплатить. Ты опять готов на любую цену?

— Нет! — Президент вскочил со стула и, размахивая карандашом, закричал, — опять платить?

— Не-е-е-т? В самом деле? Ты посмотри. А я думал, ты все тот же.

— Хватит издеваться. Я серьезно.

— А если серьезно, я не знаю, что из этого получится. Посмотри на мэра Киева, думаешь, ему легко и просто? А ведь он тоже хотел любой ценой стать мэром. Клялся, что готов на любые жертвы... А теперь? Ты думаешь, он счастлив?

— Не знаю.

— А ты вообще знаешь, что такое счастье?

В двери кабинета снова постучали.

— Виктор, дорогой. Я принесла тебе чай.

— Минуту, — громко сказал Президент, повернувшись в сторону двери и тихо добавил обращаясь к старцу, — мне плевать на вашего мэра и его мысли... Иди, думай. Я что, мало для вас сделал? Всё, что вы хотели и даже больше.

— Не знаю... — старец подошел к компьютеру и, убедившись, что тот в сети, бесшумно, как привидение, нырнул в монитор.

Президент подошел к двери.

— Заходи, — ласково сказал Президент, открывая дверь.

— Ты один? — она с удивлением осмотрела кабинет. Все было на своих местах. Лишь монитор выбрасывал новые окна, выстраивая их в ряд с верхнего левого угла в правый нижний, — А мне показалось, что у тебя гость. Слышала разговор...

— Да так, мысли вслух. Не беспокойся, все в порядке. Почти все. Да все и не может быть. Как Андрей?

— Упал на улице, то ли толкнул кто, то ли споткнулся. Поедем к нему? Ой, чашку забыла.

Она побежала в столовую за чашкой, а он провожал ее любящим, нежным взглядом... Любимый человек, самый близкий и родной. Если бы ты знала, что во мне происходит...

Через минуту она вернулась с чашкой и блюдцем.

— Присядь, — он придвинул свободный стул ближе к своему.

Она посмотрела на него с удивлением и села. Минуту они молчали. Он взял ее руки.

— Что-то произошло? — нарушила молчание она.

—...

— Ты не хочешь говорить?

— В церковь хочу. Дорогая, давай съездим вместе. Неделя после Пасхи, а, кажется, что вечность прошла.

— Поздно уже. Да и нельзя мне сегодня в церковь... А к Андрею?

— Заодно заедем и в больницу, — резко прервал Президент.

Они собрались быстро. Через тридцать минут эскорт, состоящий из трех машин, уже влетел в ночной город. Окружная дорога. Поворот. Еще один. Лес. Спуск. Справа стены монастыря. Машины остановились. Кто-то сел в первую и все двинулись дальше. Через минуту

в темноте вырос храм. Остановились. В свете звездного неба было видно, как несколько человек вышли из первого автомобиля, один пошел к храму, остальные начали осматривать прилегающую территорию.

В храме было темно. Президент зажег свечу и поставил ее у ближайшей иконы. *Как мне здесь хорошо... Господи милостивый, буди мне грешному...*

Жена ожидала в машине. К тому времени, когда Президент вышел из храма, она уже успела дозвониться в больницу и предупредить сына. Процедура с молитвой не заняла больше десяти минут. Снова окружная. Поворот. Еще один. Лес. Феофания. Она красива даже ночью. Подъезд к больнице хорошо освещен. Эскорт на большой скорости. Ворота на территорию открыты. Еще миг и центральный вход. Президент заметил дополнительную охрану в штатском. *Быстро работают. Молодцы.* На пороге больницы их встретил дежурный врач.

После посещения храма Президент выглядел отдохнувшим, уверенным и демонстративно собранным, — Этаж?

— Че-е-етвертый... Чтоб меньше бе-е-espoкоили, — растеряно заикался врач.

Палата была обычной, как и все в этом корпусе. Голубые стены и белые стеклопластиковые окна. Президент улыбнулся, — ну, как, казак? Живой? Цвета не раздражают?

Он подошел к кровати, Андрей встал и шагнул навстречу отцу. Обнялись.

— Все нормально, — Андрей еще не решил, говорить ли отцу про старика или сослаться на скользкий тротуар.

— Я тебе всегда говорил, чтобы с охраной ходил, а ты... — Президент нахмурился, хотел добавить, но вспомнил, что они не одни, — э-э-э...

— Сы-ну-ля, А-ндрю-ша... — мать обняла сына и заплакала.

—Ма, не надо, все в норме, живой, здоровый. Что мне будет? — Андрей смущенно взглянул на отца.

—Если все нормально, тогда собирайся, поехали домой. Нечего здесь людей отвлекать попусту, — Президент повернулся к выходу.

—Как же так? Мы еще не поставили окончательный диагноз!? — возразил врач.

—Поставите сами. А если будет надо, он завтра утром придет.

Сказать или не сказать? Отец всегда требовал говорить правду, но ведь он сам не всегда ее говорит. Конечно, есть явное, есть тайное... Сказать или не сказать? Вышли на улицу. Андрей сел на заднее сидение автомобиля.

Машины неслись за город. За рулем второго автомобиля сидел Президент. После посещения храма он чувствовал себя отлично. Спать не хотелось.

—Что ты задумался? — он обратился к Андрею, глядя на него в зеркало заднего вида.

—Да так. Старика толкнул. Станный такой старик. Нечаянно, конечно. А он говорит: «...привет передай отцу...». Эммануилом назвался. Странно. Я не в духе был. Сказал что-то грубое, а он посмотрел на меня... Потом... Не помню... Вижу тело свое сверху. Как в кино. Ты представляешь — я наверху и мне... Нет, ты представь... Думаю... Умер... А он говорит...

—Дома поговорим, — отец нахмурился и прибавил ходу, обогнав передний автомобиль с охраной.

Загородная резиденция охранялась очень тщательно. Президентские автомобили были снабжены спутниковой навигацией и сигнализацией. Оператор службы безопасности Президента постоянно получал информацию о месте нахождения автомобилей Президента и охраны, а также мониторил близлежащую округу на предмет нахождения подозрительных людей и автомобилей. Охрана дома получила соответствующий сигнал о приближении

эскорта. Ворота были открыты. Эскорт влетел во двор. Огромная территория, освещенная фонарями, была похожа на парк постсоветского периода. Большие деревья, аллеи, газонная трава, розы и невероятный запах весны.

Президент молча прошел в дом и направился в каминный зал, также молча туда проследовал Андрей. В главном доме резиденции было прохладно и уютно. Каминный зал выглядел таинственно и строго. В углах красовались средневековые рыцари, в камине пылал огонь, на стенах тускло мерцали ночные светильники.

— Садись и рассказывай подробно всё, что ты помнишь, — отец был собран и строг, — Всё!

ТАЙНЫЕ ПЛАНЫ БОНАПАРТА

О секретной договоренности Франции и России отнять у Англии восточные колонии первыми узнали агенты Ротшильдов. Потеря колоний могла привести к падению английской экономики и закату бизнеса Ротшильдов. Выход был найден. Наполеон, из разных источников, в том числе и не без усилий своего любимого адъютанта, получает предупреждения о том, что русский царь якобы договорился с Англией против него. И Наполеон верит, он решает играть свою, как он опрометчиво думает, собственную игру. Но правила этой игры были задуманы далеко за пределами Парижа.

Английская ветвь. Натан Майер — основатель английской ветви Ротшильдов — прибыл в Манчестер в 1798. Когда в 1809 французы блокировали пролив Ла-Манш, торговля тканями стала невыгодной. Натан Майер переехал в Лондон, где основал банк N.M. Rothschild & Sons. Его главный офис разместился, конечно, в Сити.

В марте 1812 года в огромном кабинете Наполеона были расстелены гигантские карты. Император почти не спал, дни и ночи он изучал предстоящие театры военных действий. Рядом как всегда был доверенный адъютант, седовласый граф де Нарбонн-Лара.

— Дорогой мой друг, а известно ли вам о миссиях в Персии генералов Гардана и Жубера?

— Конечно, Ваше Высочество, ничего существенного из этого не вышло, — адъютант не высыпался последние несколько дней, в его красноватых широко раскрытых глазах плясали отблески каминного огня.

— Да, мой друг, у них ничего не получилось, но у меня хранится карта, на которой указаны средства народов и пути, по которым можно пройти из Эривани и Тифлиса до английских владений в Индии, — Наполеон поднял правую руку вверх и прочертил невидимую линию, — нас ждут великие победы! Быть может, этот поход окажется легче того, который ждет нас через три месяца. Представьте себе, что Москва взята, Россия сломлена... и скажите мне, разве есть средство закрыть отправленной из Тифлиса великой французской армии и союзным войскам путь к Гангу?

— Нет, мой господин!

— Мы прославим Францию в веках!

В апреле 1812 года русскому царю поступило странное сообщение, которое пришло из Швеции.

Жан-Батист-Жюль Бернадот¹, наследник престола, еще недавно маршал Франции, встретился с русским послом графом Петром Корниловичем Сухтеленым.

— Мне пишут, что Наполеон Бонапарт рассчитывает покончить

¹ Жан Батист Жюль Бернадот, закончил свою жизнь на престоле одной из европейских монархий под именем Карла 14 Юхана, короля Швеции и Норвегии. Кстати, династия Бернадотов, которую он основал, благополучно правит Швецией до сих пор.

с Россией в два месяца; затем пойдет на Константинополь, куда хочет перенести свою столицу, чтобы оттуда управлять Россией и Австрией, как и всеми остальными.

— Этого не может быть!

— Я понимаю, что в это трудно поверить, но дело обстоит именно так. Затем он хочет напасть на Персию, обосноваться в Испании; наконец, не более, как через три года, двинуться на Дели и напасть на англичан в Индии.

— Ваши предположения глупы и могут нанести большой вред.

— Но вы же знаете, от Наполеона можно ждать чего угодно. Милостивый государь, вы можете не верить мне, это ваше право, а если так все и произойдет? Что вы скажете царю?

Самый успешный бизнес Натана Ротшильда начался в 1814, когда британское правительство привлекло его банк к финансированию военной кампании против Наполеона. Крупные суммы золотом, за год свыше одиннадцати миллионов фунтов, переводились из Англии маршалу Веллингтону и союзникам через банки братьев. Ротшильды идеально подходили для движения громадных сумм в беспокойной Европе, избавляя клиентов от рисков перевозки денег и просрочки платежа.

Таким образом, были сведены лбами два заклятых врага Англии, Россия и Франция, а Ротшильды умножили капиталы.

1815 год, 20 ИЮНЯ

то был самый большой заговор семьи Ротшильдов, которые к тому времени уже сформировали во всей Европе прекрасную разведывательную сеть и систему курьерской службы. Один из их агентов, прибывший непосредственно с поля боя, передал Натану Ротшильду информацию о поражении французов в Битве при Ватерлоо. После этого Натан как можно быстрее поспешил на Лондонскую Биржу и дал понять путем продажи всего собственного пакета «Английского Совета», что Англия проиграла войну. Слух разошелся настолько широко, что большинство акционеров начали продавать акции «Английского Совета». Всего через несколько часов цена одной акции свалилась до 5 центов, и Натан быстро скупил их все по цене оберточной бумаги. Очень скоро в Лондон поступило официальное сообщение об исходе войны. Буквально за несколько секунд курс акций «Совета» поднялся намного выше изначального и продолжил свой рост.

Наполеон получил свое Ватерлоо, а Натан добился контроля над английской экономикой. За одну ночь и без того огромное состояние Ротшильдов удвоилось.

Но как же обстояло дело с финансовой ситуацией в США? Бенджамин Франклин и Томас Джефферсон враждебно относились к идее образования частного центрального банка, контролирующего финансы США. После смерти Франклина в 1790 году агенты Ротшильда усадили на посту министра финансов Александра Гамильтона. Он основал первый Национальный Банк Соединенных Штатов, первый Центральный Банк в Америке. Он структурно повторял Английский Банк и контролировался Ротшильдом.

Натан Ротшильд в 1812 году после смерти Майера Амшеля стал обладать правом решающего голоса при управлении семейным достоянием. В этом положении он открыл банк «Натан Майер Ротшильд и Сыновья» в Лондоне с отделениями в Вене, Париже и Берлине. Данное

банковское предприятие вело операции на рынке ценных бумаг, займов и страховых обязательств, управляло и учреждало прочие банки, железные дороги, сталелитейные заводы и производство оружия.

Желание завоевать весь мир и превратить его в свою колонию нельзя реализовать быстро, а никто никуда и не торопился. Тем более, открыто реализовать такие намерения, было бы не только слишком дерзко, но и опасно.

Америка. В Америке Натан Ротшильд и сыновья были представлены фирмами Кхун Лоев, Дж. П. Морган и К° и Аугуст Бельмонт и К°. Натан удерживал этот пост в родовом владении до 1836 года, в котором его отравили во время одной из семейных встреч. Причиной встречи было празднование свадьбы его сына, Лионела Ротшильда. Многие утверждали, что Натан был приговорен к смерти, потому что слишком цепко удерживал в собственных руках деньги всей семьи. Помпезные похороны Натана Майера 8 августа 1836 в Лондоне показали, какую власть и силу приобрел Ротшильд в Англии. За гробом шли послы великих держав, мэр, члены муниципалитета, на ногах был весь Лондон. Когда Натан умер, руководство общим домом перешло к Джеймсу Ротшильду в Париж. Главой лондонского банка стал старший сын Лайонель Натан Ротшильд. По традиции, Лайонель взял в жены Шарлотту Ротшильд — дочь Карла Майера из Неаполя. В семье было пятеро детей.

В 1875 Лайонель помог правительству купить контрольный пакет акций Суэцкого канала. За него нужно было уплатить 80 млн. фунтов. Ротшильд предоставил деньги тотчас же. Докладывая о сделке королеве Виктории, британский премьер-министр Дизраэли был краток: «Он ваш, мадам!».

Гражданская война в Америке. Лондонский банк Ротшильда финансировал Северян, а парижский банк — Южан. Для Ротшильдов это было очень прибыльным делом. Если в войне финансировать обе стороны и снабжать их оружием, то невозможно не выиграть. В проигрыше оставались только американцы, как северные, так и южные штаты. По тому же принципу осуществлялись и осуществляются финансовые

поддержки революций, всех мировых и локальных войн, которые, кстати, и были спланированы Ротшильдом и его тайным обществом. Однако, дошло до того, что Линкольн, понявший, какая идет игра в 1862 и 1863 годах, отказался выплачивать Ротшильдам огромные проценты. Вдобавок, он поручил Конгрессу начать печатать «зеленые» доллары, чтобы иметь возможность расплачиваться с армией Севера. Конечно, это не входило в планы Ротшильда, 14 апреля 1865 года Линкольн был убит их агентом Джоном Буттом.

После смерти Линкольна «зеленые» доллары снова были отозваны и скуплены за смехотворную цену центральными банкирами Морганом, Бельмонтом и Ротшильдом.

Русская революция 1917 года началась из голодомора рабочих, угнетаемых тираном-правителем России — царем Николаем II. Такое официальное объяснение причин коммунистической революции. Однако есть и другое объяснение. Существуют факты того, что русские рабочие были использованы кем-то по другим причинам, как и во время французской революции 1789 года. Достоверно, что настоящая причина Русской революции — конкурентная война на почве нефтяной промышленности, начавшаяся после того, как американец Эдвард Дрейк пробурил первую нефтяную скважину в 1859 году. Однако Дрейк не смог увидеть значительного потенциала нефтяного бизнеса как источника чрезвычайных доходов. Джон Д. Рокфеллер был одним из тех, кто первым начал очистку нефти, положив начало этому бизнесу в 1863 году с двумя партнерами... В 1872 году Рокфеллер имел 25% американских очистных мощностей, а в 1889-м — 95%. Он пожелал теперь иметь контроль не в национальном, а в международном масштабе. Его компания «Стандарт Ойл» обеспечивала 90% американской продажи за границу, и Америка была единственным источником такого экспорта. Однако что-то происходит на международном рынке. Стена международной нефтяной монополии «Стандарт Ойл» была пробита с открытием в России огромных запасов нефти вблизи Баку на Каспийском море. К 1883 году железнодорожный путь был проложен к Черному морю и царь пригласил братьев Нобелей и семью Ротшильдов помочь разработать эти нефтяные

месторождения. Уже в 1888 году этот новый источник нефти догнал «Стандарт Ойл» по международным поставкам нефти; к 1901 году русские поставки нефти составляли более 12-ти миллионов тонн, а США лишь — 9 миллионов.

Быстрый рост нефтяной промышленности дал возможность России войти в индустриальный мир. До этого русская экономика традиционно считалась аграрной, очень отсталой от экономики других стран. Однако с 1907 по 1913 год рост промышленного производства России превышал уровень США, Великобритании и Германии, считавшихся в то время индустриальными гигантами.

К характерному выводу пришли почти все исследователи этого исторического периода. Он состоит в том, что Русская революция 1917 года произошла не в конце периода застоя и упадка, а после быстрого и многостороннего экономического прогресса.

Русская революция 1917 года была спровоцирована интересами Америки и Европы, чтобы вырвать из рук Нобеле-Ротшильдского союза контроль над русской нефтью.

КИЕВ

аудитория университета со времен советского союза претерпела большие конструктивные изменения. Евроремонт был сделан несколько лет назад. Пластиковые окна и двери, выглядели весело, но были уже изрядно потрепаны. Студенты своим внешним видом, портфелями и мобилками демонстрировали достижения двадцать первого века.

Профессор посмотрел на аудиторию грустным безразличным взглядом.

— Все? — спросил он и открыл журнал.

— Нет Гефтера и Сергеева, а так все, — ответил веселый голос.

— Естественно, зачем бардам физика? Ну, хорошо. Продолжим тему. Элементарные частицы. Все пишем.

— А зачем писать? Можно же отксерить! — звонкий молодой голос прозвенел, как колокольчик на шее у коровы.

— Хорошо, господин Луценкин, вам я разрешаю не писать, вам это не надо...

— Нет, ну почему же? Я ведь логически...

— Ваши друзья «ксероксы», «факсы» и «принтеры» — следствие тех знаний, от которых вы все время убегаете, а физика — это причина всего на свете, кроме политики...

— А может, я буду великим политиком? — звякнул коровий колокольчик и блеснул стекляшками диоприй, — Политику точные науки — обуза.

— Да уж извольте... это действительно единственный вид деятельности в своем роде... А я, к счастью, не политик, у меня профессия есть.

— Э-э-э...

— Господин Луценкин, игровые автоматы за углом, я вас отпускаю. А мы продолжим. Пишем. Элементарные частицы современной физики не удовлетворяют строгому определению элементарности, поскольку большинство из них по современным представлениям являются составными системами. Общее свойство этих систем заключается в том, что они не являются атомами или ядрами. Поэтому иногда их называют субъядерными частицами.

— Михаил Яковлевич! А скажите, теоретически возможно проникновение реально существующего предмета или человека в материю?

— Смотря, какой предмет вы имеете в виду и немаловажно, в какую материю планируете проникнуть.

Аудитория грохнула смехом.

— Уточняю вопрос, возможно ли человеку, теоретически, проникнуть сквозь стену? — смутился студент.

Профессор улыбнулся. *Ох, эти международники. Никакого интереса к физике. Детки-мажоры. Папы для них уже все решили. Квартиры, машины, работу. В глазах — скука. В душах — пустота.*

— Вы собираетесь ограбить банк, мистер Пясецкий? Гм. Теоретически это возможно. Только для этого организм человека должен распасться на элементарные частицы, кто-то или что-то должно дать команду частицам двигаться в определенном направлении, преодолеть препятствие и снова собраться в человека, — с улыбкой оживился профессор, — все просто.

— А скажите, если представить, что человек научится распадаться на элементарные частицы и собираться снова, тогда он сможет и по проводам путешествовать, — не унимался студент.

— И даже в магнитном поле.

— Вот здорово!

— Элементарные частицы, в точном значении этого термина, — это первичные, далее неразложимые частицы, из которых состоит вся материя...

Профессор читал лекции в украинском университете на русском языке. Он был один из немногих преподавателей, которых пока еще терпело новое руководство университета и украинская академия наук. Но далеко не многим удалось выжить в обновленной вузовской среде. Проблема украинского языка стала для многих роковой. Одни в начале девяностых уехали в Израиль, другие позже — в Россию. Хотя причиной отъезда был не столько украинский язык, сколько само отношение украиноговорящих к русскомыслящим. Противостояние интеллекта и национальной идеи, здравого смысла и политической конъюнктуры, маразма на грани этноцида и свободы научной мысли. «Утечка мозгов» в Силиконовую Долину Америки и военно-промышленный комплекс России «вымыла» последние высокоинтеллектуальные ресурсы страны. Остались лучшие среди худших, и те, кто просто еще не успел или не мог уехать. Недавно он провожал своего друга доктора Костю Сомика. *Это же*

надо, с тремя детьми — в Канаду на ПМЖ¹! При этом младшей дочери десять месяцев. Он тогда не придавал словам Кости значения, а вот теперь все чаще об этом думал. На вопрос, почему они уезжают в то время, когда вся страна съезжается в Киев, Костя сказал, что повальное бегство всей страны в Киев это только верхняя часть айсберга, что перед смертью человека тоже происходит приток крови к жизненно важным органам... *Перед смертью... Так все же...*

В университете было не так много преподавателей, на кого руководство университета не смело поднять руку. К таким индивидуумам относился и профессор Михаил Яковлевич Дерзин. Невзирая на молодость, он как ученый-физик еще в начале девяностых, был признан одним из ведущих, ему вполне серьезно пророчили Нобелевскую премию, однако истинное его значение в то время не было по достоинству оценено: оно проявилось несколько позже, после выступления на симпозиуме в Брюсселе. Доклад о метафизических мутациях, радикальных, глобальных изменениях картины мира с позиции квантовой физики потряс научный мир. С того времени жизнь профессора резко изменилась. Американская общественная организация открыла для него специальный фонд. Деньги поступали с удивительным постоянством. Поначалу он не соглашался использовать деньги фонда на личные нужды, но как-то все само собой решилось. Супруга Светлана Марковна взяла эту деликатную функцию на себя. Профессор ни в чем не нуждался. Периодически ему приходилось подписывать какие-то бумаги, но это его не тревожило. Он занимался наукой и был полностью поглощен своей научной работой — главным делом всей своей жизни. Михаил Яковлевич читал лекции четыре часа в неделю. Остальное время он проводил в своей лаборатории, где было не только все необходимое для научной деятельности, но даже миниатюрный атомный реактор фирмы Toshiba.

— ...так, урок закончен. Готовьтесь к контрольной работе, — профессор закрыл журнал.

¹ ПМЖ — постоянное место жительства (сокр.)

Студенты с шумом вывалились из аудитории. Хлопнула дверь. Шум переместился в коридор, унося в прошлое смех и радость беззаботного студенческого братства.

Да... Молодость... Все впереди... Улыбнулся профессор с неподдельной завистью. *Что же это за звонок? Как такое могло произойти?* Профессор был встревожен недавним странным звонком. Казалось бы, ничего странного. Звонок как звонок. Ну позвонил старый приятель и рекомендовал идти к Владимирскому. Вот только... Этот приятель умер несколько лет назад. *Звонок с того света... Прикол какой-то. Чья-то жестокая шутка... Что это за странное слово «эквадек»? Нет, это определенная ерунда. Прийти к Владимирскому и сказать «эквадек»... Чушь...*

Было уже темно, когда Михаил Яковлевич вышел из университета. Он перешел через дорогу и быстрым шагом направился к ближайшей станции метро. Прохожих практически не было. Кое — где тускло горели уличные фонари.

Экономит городская власть на освещении. Не то, что в Европе. Там даже междугородние трассы освещаются.

Ему вспомнилась Европа. Дорога из Амстердама в Париж через Гаагу и Брюгге. Эйфелева башня с ее многослойным покрытием желтой краски и стадионом у основания. Негры, наперебой предлагающие миниатюрные «эйфельки» на всех языках мира, включая, русский и китайский. Вспомнился Брюссель и писающий мальчик, совершенно никчемная статуэтка в углу старого дома. *Европейский декор... Чушь... Забегаловки с однообразными протертými супами... Нет, это не для меня. Что там делать? Антураж изысканности в наркотическом дурмане скуки. Красиво получилось! Надо не забыть.*

Профессор прислушался, ему показалось, что кто-то идет рядом с ним, буквально дыша в затылок. Он растеряно оглянулся, но никого не было видно. Он пожал плечами и пошел дальше. *Антураж изысканности в наркотическом дурмане скуки. Да, это надо записать.*

— Михаил Яковлевич! — прервал чей-то хриплый голос размышления профессора.

— Я, а-а-а, что собственно... — профессор обернулся назад в сторону голоса и вздрогнул. Там, как и минуту назад, никого не было. Он прислушался.

— Да что же это за наваждение?! Господи...

— Профессор, вы же физик, какой «Господи»? — теперь хриплый голос прозвучал за спиной по ходу движения.

Михаил Яковлевич не спешил оборачиваться.

— Черт, что за фокусы? — прошептал перепуганный профессор.

— На тебе, теперь Черт, — захохотали в ответ, — вы определитесь, к кому обращаетесь: к Господу или к Черту.

Резко повернувшись, Михаил Яковлевич вздрогнул, прямо перед ним стоял странный человек неопределенного возраста. Он даже почувствовал его тепло и терпкий аромат неизвестного одеколona. Человеку можно было дать и пятьдесят пять, и шестьдесят шесть, и даже семьдесят семь в зависимости от того, на что обращать внимание и с какого расстояния смотреть. Большие мудрые с лукавинкой глаза утопали в россыпях мелких морщинок, которые издали рассмотреть было трудно. Высокий лоб практически без морщин, а в сочетании с взлетом густых бровей и пышной, зачесанной назад шевелюрой волнистых седых волос, придавал человеку завидную солидность. Большой, с горбинкой, нос и гладко выбритый подбородок разделялись потрясающе обаятельной улыбкой волшебника из детских сказок. Одежда — необычная. Велюровый пиджак без воротника, под ним — жилетка с расстегнутой верхней пуговицей. Белый платок, повязанный на шее, заправлен в жилетку.

Высшее общество. Мир возвышенного и утонченного аристократического интеллекта... Не может быть. Это же тот старик из сна, который водил меня... Да... Это он... Сомнений нет. Неужели это происходит на самом деле?

Михаил Яковлевич закрыл глаза и почему-то попытался вспомнить молитву.

Господи, удостой меня быть орудием Мира Твоего... Э-э... Вернута, где сомневаются... Любовь, где ненавидят... Э-э... Ибо, кто дает, тот получает... Э-э... Тот проснется к жи-и-изни ве-е-ечной...

Ему хотелось плакать и молиться. Впервые в жизни он сожалел, что толком не знал ни одной молитвы. Он открыл глаза. Свет ночного фонаря миллиардами светящихся точек медленным потоком двигался навстречу темноте. *Что же со скоростью света? Почему он движется так медленно? Этого не может быть. Что это?* Фонарный столб состоял из мельчайших точек, они, как микроскопические пчелы, роились в форме столба, периодически сливаясь с серыми точками воздуха и растворяясь в них. Он перевел взгляд на человека. То же самое. Человек и его одежда состояли их миллиардов микроскопических точек, находящихся в постоянном движении.

— Не удивляйтесь. Это то, о чем вы читаете лекции студентам. Элементарные частицы, — рассмеялся человек, — вы просто увидели то, о чем рассказывали тридцать минут назад.

Михаил Яковлевич опять закрыл глаза.

— Да ладно. Хватит Вам юродствовать. Пошли, есть разговор, — человек повернулся к профессору спиной и зашагал к станции метро.

Михаил Яковлевич открыл глаза. Человек был уже метрах в десяти. Невидимая нить связала его с идущим впереди человеком, и он зашаркал следом.

Не может быть. Я же видел этого старика... Во снах... Он представлялся... Да он знакомился с ним. Его зовут...

— Эмм! — вырвалось из груди Михаила Яковлевича.

— Узнал? Ну, наконец-то. Эм-ма-ну-ил... — человек сделал паузу, — да что это мы с вами все на вы? Ущипните себя, дорогой друг. Мы с вами, Миша, знакомы много лет. О если бы вы знали, кем были в прошлой жизни... Вы, то есть ты, приходил ко мне в Тонкий Мир

много раз. Да. В последний раз накануне выборов вашего Президента. Помнишь? Ты приходил. Веселая история. Революция... Э-э-э... Апельсиновая!

— Оранжевая, — поправил Михаил.

— Да какая разница? Мандариновая, розовая, джинсовая... Оранжевая. Не обижайтесь, но вы для Божественной Системы — как дети в песочнице. Кто там у вас получит власть, а кто потеряет — Системе не важно. Важно другое.

Они подошли к небольшому скверику. Старик отыскал скамейку и движением руки пригласил профессора сесть.

астерянный и напуганный, Михаил Яковлевич свалился на скамейку и уставился на собеседника, желая окончательно убедиться, что перед ним именно тот самый старик из его снов.

— Итак, дорогой Миша. Наш разговор был неизбежен, как неизбежна весна. Ты так же как Менделеев, Эдисон, Дизель, Сахаров и многие другие мои старые, добрые знакомые, приходил и брал то, что тебе было надо — готовые решения. Твой мозг только лишь ставил вопросы, а отвечала на них Система. Божественная Система. А верней сказать отвечал на вопросы Создатель. Человек имеет способность лишь складывать, конфигурировать, интегрировать и систематизировать известные составляющие, а вот открыть новые составляющие ему, к счастью, не под силу. Конечно, человек очень хочет, думает, ищет, работает. Но пока время не придет — ничего человек не откроет. Очень занимательная история была, дай Бог памяти, в... Э-э-э... Ах да, в одна тысяча шестьсот сорок восьмом году Иоганн

Конрад Рихтхаузен получил от своего друга Ла Базарди в Праге гран¹ красного благородного порошка и подарил его императору Фердинанду III. Император приказал главному горных дел мастеру графу Руссу проверить действие тинктуры². И что ты думаешь? Да, при помощи одного грана тинктуры 3 фунта³ нагретой ртути превратились в 2 фунта 11 лотов⁴ чистого золота! Из этого золота император Фердинанд приказал отчеканить памятную медаль, которая до сих пор находится в сокровищнице Вены... И...

— А кто решает, когда время пришло?

— Нехорошо перебивать старших, молодой человек. Решает кто? Кто, кто. Система решает, — старик обиженно насупился и снизил голос до шепота, — Но случается так, что люди попадают в Тонкий Мир через черный вход... Пьяницы и наркоманы тоже бывают там, где им нельзя бывать. Самые практичные из них даже успевают, что-нибудь стащить в реальный мир и человечество получает гениального художника или поэта. Так же точно, по пьянке, и Ла Базарди заскочил в тонкий мир и подсмотрел технологию производства благородного порошка... Но потом для того, чтобы попасть туда снова, требуется большая доза, чем предыдущая. Палка о двух концах. Больше спиртного или наркотиков — больше гениальности, больше гениальности — ближе смерть. Ученые — другое дело. Система использует ученых для повышения или понижения технологического и технического уровня сознания людей. Но это еще не все. Для гармоничного развития требуется еще и духовное сознание, я бы назвал это подобием. Если помнишь, Бог планировал создать человека по образу и подобию, а создал только по образу. А где же подобие? Его нет... То-то и оно... Человек сам должен стремиться к подобию. Существует даже градиентная шкала: неподобный, подобный и

¹Тройская система веса. 1 гран равен примерно 64-м миллиграммам.

²В алхимии эфирная или духовная субстанция, которая проникает в любое тело, придавая ему собственные свойства.

³В 1-м фунте 500 грамм (старые германские единицы).

⁴1 лот равен 12,8 граммам.

преподобный. Поэтому человечество должно одновременно растить два вида сознания: духовное, то есть божественное и материальное, то есть политехническое. Рост духовного сознания позволит людям перешагнуть барьер материальной зависимости, соединить память прошлых жизней с настоящей и осознать свое истинное предназначение относительно Божественной Системы, а рост материального сознания необходим для повышения технического уровня и создания возможностей для освоения Иных Миров. Хотя есть еще и третья составляющая — Мера. Так вот, если по какой либо причине происходит перекос в росте сознания — вмешивается Система и ускоряет рост отстающей стороны сознания или тормозит рост опережающей. Технологически этот процесс регулируется посредством Меры. Ну, об этом позже...

— Зачем Системе сознание людей? — задумчиво вставил вопрос Михаил.

— Этот вопрос не ко мне. Я — вечный раб Системы и не задаю лишних вопросов. Все, что не развивается — умирает, — еще тише сказал Эммануил и оглянулся, — Миша, а вы ничего подозрительно-го в последнее время не замечали?

— Вы чего-то боитесь? — спросил Михаил. *Опять он перешел на «вы»...*

— Все чего-то боятся. И это нормально. Страх Господень — основа веры! Понимаешь, Миша, дело в том, что в конце прошлого века уровень материального сознания значительно превысил уровень духовного. Дисбаланс настолько велик, что Равновесные Силы не справляются и дело может дойти до вмешательства непосредственно Создателя, а это Миша — беда. Он не будет разбираться... Свободой слова политики маскируют самый настоящий хаос. Сегодня выгодно продавать хаос. Журналисты, врачи, юристы, военные, политики — все заинтересованы в хаосе. Миром правят продавцы хаоса. Вот, к примеру, Америка — банкрот в прямом и переносном смысле. В Новом Мировом Порядке ей отведена роль полицейского. Но она научилась экспортировать собственную инфляцию при помощи армии и высокоразвитого

практического интеллекта. Я ведь не даром тебе пример с Ла Базарди привел. Люди всегда мечтали золото из пробирки получать. Но не всегда это получалось, поэтому и придумали нечто другое... доллар... А пробирка — Америка... Американская мечта — это потребление и еще раз потребление. Потребление — это идеология, и даже религия. В Америке живет пять процентов всего человечества, а потребляют эти пять процентов более пятидесяти процентов всех ресурсов. Что только не делали равновесные силы. И нате вам ураганы, смерчи, наводнения, в конце концов, включили в работу террористов, а им хоть бы что.

— Вы против американской мечты и демократии?

— А ты знаешь, как говорил о демократии Пифагор?

— Гм. Я не политик... Не помню...- Михаил прищурился.

— Так вот, Пифагор говорил, что человечество на всем протяжении своего существования будут мучить три бича: атеизм ученых, невежество священников и отсутствие дисциплины у демократии. А? Как тебе? Ни для кого не секрет, что Америка и не страна-то вовсе. Всё так бы и шло, если бы не... Понимаешь, кто-то обманывает Систему. То есть технический и технологический уровень плюс магия — и в результате в руках проходимцев может оказаться информация, которая в случае ее реализации, увеличит уровень материального сознания по отношению к духовному в сотни раз. А это — катастрофа. Система этого допустить не может, а менять что-либо не будет времени.

— И что может произойти?

— Сначала Мировой Кризис а потом Конец Света... Действительный Конец Света. Для Земли и землян. Мы — дети Земли. Из нее выходим и в неё же возвращаемся, — Эммануил развел руками, — но погибнут не только сами люди, погибнут их души!

— Зачем вы мне всё это рассказываете? Чем я могу помочь?

— Понимаешь... Ты один из немногих, кто имеет связь с памятью прошлых воплощений. Ты бываешь в Тонком мире, тебе доверяют, — Эммануил оглянулся назад.

Мимо проходили молодые люди. Они громко разговаривали и приближались к сидящим на скамейке.

— Это за тобой, мой друг. Уходим. Будь готов. Ничему не удивляйся, — прошептал Эмм.

Все, что происходило дальше, было похоже на фантастический фильм. Что именно сделал Эммануил — неизвестно. Но Михаил почувствовал легкость и невесомость. Он перестал ощущать тело. Затем его сознание вместе с видимой картинкой резко взлетело вверх и он увидел свое тело сверху. Все вокруг изменилось. Голоса молодых людей превратились в рычания, а движения их стали медленны. Михаил видел, как его тело начало убегать от приближающихся людей, которые выстроились в полукольцо и двигались за его телом, отрезая путь к станции метро.

— Успели, — голос Эммануила был чистый и звенящий, похожий на эхо в горах.

Михаил никого не видел. Не видел ни Эммануила, ни себя. Чувство, охватившее его, было невероятным и тревожным. Он боялся что-либо сказать и все же спросил: — Я умер?

— Умер? Скорее нет, чем да. Если бы я опоздал... То вероятно... Но не в этот раз.

— Что значит не в этот раз?

— Все рано или поздно кончается... жизнь не исключение...

— А что с моим телом?

— Не волнуйся, с телом твоим ничего не случится. Они его потеряют в метро.

— Кто они?

— Воины... Слуги... Рабы, продавшие души... Неважно, кто бы это ни был — они не твои друзья.

— Где мое тело? — дрожащим голосом процедил Михаил.

— Хочешь посмотреть?

— А можно?

— Почему нет? Пошли!

Улица и деревья зашевелились и начали двигаться навстречу Михаилу. Он не сразу понял, что это он движется вперед. Он по-прежнему не ощущал себя и не видел. Набирая скорость, навстречу ему летели деревья, фонарные столбы и автомобили. Мелькали огни и звуки сливались в один мощный гул. Он пролетал сквозь деревья, стены зданий, пронизывая все, что было на пути. Скорость увеличивалась до тех пор, пока не исчез гул, и окружающий мир не принял вид цветной трубы, внутри которой со страшной скоростью летит невидимое тело Михаила. Когда скорость движения снизилась, Михаил увидел тоннель метро и хвост убегającego поезда. Так же легко он влетел в последний вагон. Пассажиров было не много. Михаил пролетел в следующий вагон и увидел группу молодых людей из сквера.

— Страшно? — испугал Михаила голос Эммы.

— Привыкаю, — вздрогнул невидимым телом Михаил.

— Дело серьезное. Придется принимать непопулярные меры. Иначе не уйдем. А твое тело нам еще пригодится, — прохрипел Эмм, — иди в следующий вагон.

Михаил пролетел дальше сквозь стеклянный проем двери. Обернувшись назад, он увидел Эммануила между вагонами. Еще мгновение и вагон отделился от основного состава и стал отставать, удаляясь за очередной изгиб тоннеля.

— Иди дальше, найди себя и уходи. Встретимся позже, я с тобой свяжусь. Домой не иди. Родственникам не звони. Исчезни на несколько дней. Ты понял? — голос Эммануила удалялся и становился все тише, — Ты п-о-о-о-н-я-я-я-л?

— Да-а-а-а! — закричал Михаил, глядя в темноту вагонного окна.

В КОНЦЕ XIX-го СТОЛЕТИЯ

анки, контролируемые Ротшильдами, начали крупную кампанию, направленную на постановку под их контроль всей экономики США.

Европейские Ротшильды финансировали ряд банков, железную дорогу Эдуарда Харримана и сталелитейные заводы Эндрю Карнеги. Эта связь, безусловно, была больше чем основой американского хозяйства.

В 1900 году Ротшильды послали еще одного агента в США, Пауля Варбурга, чтобы он сотрудничал с «Банком Кхун Лоеб и К°». Якоб Шифф и Пауль Варбург начали кампанию за создание «Федерального Резервного Банка» в качестве прочно установленного частного центрального банка Америки.

Якоб Шифф сообщил в одной из своих речей в 1907 году Торговой Палате Нью-Йорка: «Если у нас не будет центрального банка с исключительным контролем над предоставлением кредитов, то эта страна будет ввергнута в самый острый и глубокий финансовый кризис в своей истории».

Сказано — сделано, и США вскоре встали перед финансовым кризисом, в результате которого возникла паника на рынках капитала, разрушившая жизни десятков тысяч человек по всей стране. Паника на Бирже в Нью-Йорке принесла Ротшильду, помимо многих миллиардов долларов США, еще и желаемый результат. Хитро спланированную панику использовали как аргумент в пользу открытия, в конце концов, центрального банка во избежание подобных случаев в будущем. По этому случаю, Пауль Варбург заявил банковскому финансовому комитету:

— Первое, что мне пришло в голову после начала паники, было то, что нам необходим национальный центральный банк...

Окончательный вариант постановления об учреждении

Федерального Резервного Банка, а фактически частного американского центрального банка, был разработан в частном земельном владении Дж.П.Моргана, на острове Джекилл в Джорджии. Участниками встречи были разработчики под руководством Герберта Дж. Дорси.

Появление «Федерального Резервного» в 1913 году позволило международным банкирам намного усилить свое финансовое могущество в США. Пауль Варбург стал первым президентом «Федерального Резервного Банка Нью-Йорк». За Законом о «Федеральном Резервном» последовала 16-я Поправка к Американской Конституции, которая теперь дала Конгрессу право облагать налогами личные доходы американских граждан. Это стало следствием того, что Американское Правительство более не могло печатать собственных денег, чтобы финансировать экономику.

Таким образом, впервые в истории США с момента их основания, там было применено исчисление налогов с личных доходов.

Член Конгресса, Чарльз Линдберг, уже тогда назвал только что основанный Федеральный Резервный Банк «невидимым правительством» из-за его финансовой мощи. Мощи, основанной также на человеческой алчности и праздности, на кредитомании и непомерной жажде потребления...

КИЕВ

Ой, как же он назывался?... Дай Бог памяти. Ага. Дом маневренного фонда. Во как. Туда временно подселяли военных, переведенных в Киев, но не успевших получить квартиры, и прочий бездомный люд. В то время я жил на улице Спасской. Бывший первый секретарь райкома Палий... Гм... — старик закашлялся.

— Иван Палий? — переспросил собеседник, раскладывая по мастям карты.

— Да, Иван Палий. Тогда еще говорили, голосуй за Палия — не получишь ни х..., в общем ничего не получишь. Тогда очень большой начальник был.

— И сегодня не маленький. Непотопляемый. Номенклатура! В мэрии крутятся! — подтвердила женщина, также раскладывая карты по мастям, — щас таких называют — решало.

— Решало?

— Ну да, мэры меняются, а решалы те же. Бабки между кабинетами носят...

— М-да, подобное к подобному...

— А что вам так не нравится новый мэр? — женщина демонстративно покачала головой и закурила сигарету.

— Что-то в нем сатанинское есть... Да ну ладно, Бог с ним с мэром. Так вот он, этот самый ваш первый заместитель, решил мой дом снести. А дом был замечательный, старый. Но. Предписали нас отселить. Предписывали, предписывали, потом — силой. То есть приехал трактор и снес крыльцо. Клара мне звонит, переживает. А я где-то в тайге. Меня нашли по радиостанции. Я ей говорю, ты что, не знаешь что делать? Быстро свистни ребятам, пусть разберут трактор. Вечером пришли пацаны и сняли гусеницы. Это просто делается. Я через три дня прилетаю домой, а тут плачет куча работяг. Мол, мы то

тут при чем, спрашивают- то с нас... Начался судебный процесс. Я на него не ходил. В конце концов, меня спросили, что бы я хотел. Я сказал, что, в любом случае, остаюсь на Подоле. По-любому, что бы вы мне не делали. Я здесь родился, и здесь хочу умереть. Они меня спрашивают, подойдет ли мне дом маневренного фонда? Будете, говорят, там жить, пока не подойдет очередь на квартиру. Я объясняю, что я не стою в очереди, и меня мой дом вполне устраивает. Они говорят, ну так встанете на очередь. Дом действительно был старый, раньше он принадлежал Третьякову. Тому самому, — старик понизил голос и поднял указательный палец правой руки вверх, — ну тот, у которого галерея... Использовался он как доходный дом. Ну, хороший был дом, там была масса комнат. Отселили всех. Я последний остался. В одной комнате мы клеили байдарки, в другой я точил свои камни. Нормальный был дом. Правда шумный. На перекрестке двух улиц. И связаны с ним миллионы историй. Короче говоря. Дают мне ордер в этот дом. Комендант дома, бывший мой ученик по станции туризма, говорит, если меня не пугает восьмой этаж, то он даст ордер в квартиру, которая раньше была красным уголком. Вот так и вселился. Обои переклеил. Видите, я даже двери не менял. Так и вселился. А в комнате стоял бюст Ленина. На первый взгляд — гипс. Стоит себе, ну и пусть стоит. А тут... то ли его Клара протерла тряпкой, то ли ветерком надуло. В общем, Ленин начал «обтекать», терять форму. Думаю, мироточит, что ли. Смотрю острые брови, и борода как-то округлились...

— Чей выход? — спросила женщина, устав слушать старика с бородой.

— Мой. Так вот... — старик кинул на женщину косой взгляд, — Галка, твою мать, ты, когда научишься слушать? Э-э-э...

Раздался телефонный звонок. Старик взял трубку радиотелефона, нажал на кнопку и нервно поднес к уху.

— Борис Семенович? — раздался голос в трубке.

— Именно...

— Хри-и-истос Воо-о-скрес. — откликнулся голос.

— Совершенно с Вами согласен. Но я-то тут при чем? — Борис Семенович нахмурился.

— Ой, извините... Вы же...

— Миша, это ты?

— Да, Борис Семенович, — повеселел голос.

— У тебя должна быть веская причина...

— Я помню, что пятница, у вас день преферанса, но...

— Говори, люди ждут...

— Да, по-о-онимаете, Борис Семенович, дело в том, что мне надо у вас пожить денька два-три... Гм... О-о-бстоятельства. По-о-онимаете...

— Да на хрена мне твои обстоятельства. Я тебя всегда рад увидеть, шоб ты был здоров, а то ты все по ящику мелькаешь, крутой стал... Приезжай!

— Я рядом, сейчас буду.

Борис Семенович выключил трубку и с раздражением бросил на софу: — Физик, мать твою. Итак, я выхожу.

Игра не ладилась. Борис Семенович получил в гору шестьдесят на мизере. Соумышленники по преферансу пришли без водки. Да еще колело в боку. То ли почка барахла, то ли мочевого пузырь. В общем, Миша мог стать желанным поводом прекратить игру.

Когда раздался стук в двери, Борис Семенович бросил карты.

— Клара, открой, это ко мне, — громко крикнул Борис Семенович, — все, завязываем. Друг на ночлег приехал издалека... Пошли все на хрен.

— Вы, Боря, таки препаршивейший типчик. Когда выигрываете, никого не отпускаете даже в туалет. А когда «паровоза» хватанули, сразу «на хрен», — обидчиво промямлил партнер по «префу». Непорядочно это...

— Я-я-я непоря-я-ядочный? — поднял брови Борис Семенович. — Да я никогда в жизни, за малую выгоду большую подлость не сделаю... Никогда!

— Историю-то хоть расскажите до конца, — женщина откинулась на спинку старого кресла и закурила.

— Какую? — нахмурился Борис Семенович, делая вид, что не помнит, о чём рассказывал пять минут назад

— Про Ле-ни-на, — лукаво улыбнулся соумышленник по префу.

— Да что там рассказывать. Лизнул я его, — с радостью продолжил Борис Семёнович.

— Ленина?

— Ну а кого же, твою мать. Естественно — Ле-ни-на! — повторил тон собеседника Борис Семенович и закашлялся.

В комнату зашел Михаил, поздоровался и молча сел на свободное кресло в углу комнаты. Его всегда поражал необычный интерьер квартиры Бориса Семеновича Владимирского. Да в действительности интерьера-то, как раз и не было. Просто все стены сверху донизу были облеплены полками с камнями, рамками с камнями, шкатулками с камнями, раскрытыми шахматными досками с камнями. Камни были удивительные. Красные, черные, серые, белые. Всевозможной формы и размеров.

— Так вот. Лизнул я его, а он сладкий. Не понял, думаю. Что за хрень? Я его сзади по прическе — тюк ледорубом. Беру кусочек... Мать моя женщина! Сахар! Чтоб я так жил... — Борис Семенович с наслаждением затянулся легким Мальборо, выпустил дым и продолжал, — так мы его постепенно и съели.

— При Сталине бы вас... — засмеялся соумышленник по префу, — того... В тайгу... Лес рубить...

— Ладно, Сталин, уматывай. Мне гостя кормить надо, — повернулся к Михаилу Борис Семенович.

Через несколько минут они остались вдвоем. Учитель и ученик. Физик и философствующий преферансист. Гордый старик и перепуганный мужчинка с бегающими глазами и дрожащими руками.

— Мишенька, чего стряслось? На тебе лица нет, — Владимирский пристально посмотрел в глаза Михаила.

— Есть проблемы.

— На работе не ладится? — не унимался Борис Семенович.

— Берите глубже.

— СПИДом заболел, что ли?

— Нет... — Михаилу Яковлевичу было страшно даже говорить о том, что с ним произошло. *Да и поверит ли Семёныч? Скорее всего, нет. Почему Юрка рекомендовал идти к Владимирскому?.*

— Борис Семенович, Вы помните Юру Бурова? — не ответив на вопрос, спросил Михаил.

— Ну что ты, Миша, совсем крышей поехал? Конечно, помню. Но ведь нет его... Хоронили в закрытом гробу. Долго везли из России. Сам понимаешь... Я был на похоронах. Он ведь из села. Где-то за Бояркой. Забирье, что ли... Там и похоронили. Хороший был парень. Здоровый такой. Один из лучших моих учеников. На лету все ловил.

— Он мне вчера утром звонил, — Михаил сделал паузу, — я с ним говорил... Не смотрите на меня так. Я ничего не путаю. Я не пил... Гм... Я в своем уме... Понимаете? Ошибка исключена. Так вот он сказал, чтобы я шел к вам.

— Не понимаю...

— Да, сказал идти к вам.

— Почему?

— Вот и я думаю, почему? И еще... это странное слово... Эква... Эквадек... — Михаил поднял глаза и пристально посмотрел на Бориса Семеновича.

— Я... Гм... Не знаю...- Владимирский закашлялся, — Миш, а может водки? У меня есть. И закуска найдется. А? Или минералочки?

— Она же у вас с газом, — Михаил ещё не принял решение говорить или нет Владимирскому про Эммануила и погоню.

— Ну, да. Чего простую воду пить? Без газа у меня из крана бежит...

— Окей. Наливайте.

— Так что наливать, водку или минералку? — Владимирский встал и зашаркал на кухню.

— Эх, гулять — так гулять. Все несите, — крикнул вслед Михаил.

Через несколько минут Борис Семенович вернулся с бутылкой водки. Поставив на журнальный столик запотевшую бутылку и рюмки, он вернулся на кухню за закуской. Еще пара минут и на столике образовался элегантный натюрморт. Огурчики соленные, ветчина, черный хлеб, печенье, карамельки с сухой начинкой и минеральная вода. Да еще пачка сигарет легкого Мальборо.

— Ну, вот все готово, можно и поговорить, — только теперь Борис Семенович обратил внимание на Михаила.

Свернувшись калачиком в старом кресле, как ребенок, мирно спал гениальный физик современности.

— Спишь, что ли? — Борис Семенович даже расстроился, — ну ладно, даю тебе два часа. Водку — в холодильник. Клара, ты представляешь? Я тут шо халдей... а он, редиска, заснул...

США. К 1907 году

Морган решил, что настало время реанимировать идею центрального банка. Тысячи небольших банков по всей стране испытывали огромный недостаток в собственных средствах — благодаря принципу работы с частичным покрытием сумма резервов многих из них составляла менее 1\$. Поэтому всего через несколько дней после фондового кризиса люди по всей стране бросились снимать свои деньги. В этот момент Морган выступил перед общественностью с предложением создать деньги «из ничего». Это было самым ужасным предложением — гораздо хуже, чем даже банковские операции с частичным покрытием. Но Конгресс его поддержал. Морган напечатал 200 миллионов долларов, своих, не обеспеченных резервами, частных денег. Он снабдил этой бумагой экономику, а часть послал в свои филиалы для выдачи кредитов под процент. Его план удался. Вскоре общественность снова обрела доверие к национальной валюте. Но в результате всех этих операций денежная власть сосредоточилась в руках нескольких крупных банков. Итак, американский народ, пострадавший от Американской революции, войны 1812 года, борьбы Эндрю Джексона со Вторым Банком Соединенных Штатов, Гражданской войны, финансовых паник 1873, 1893 годов и 1907 года, был, в конечном счете, поставлен в такие условия, что примирился с решением, предложенным теми, кто вызвал все эти события: международными банкирами. Таким решением был центральный банк. Следует отметить, что заговорщики не хотели, чтобы американский народ знал, что они приготовили ему в будущем: центральный банк. Закону суждено было появиться не из-под пера группы законодателей, а кучки банкиров, в большинстве своем связанных с человеком, ответственным за панику 1907 года — Дж. П. Морганом.

Перед заговором стояла еще одна проблема. Они должны были избегать названия Центральный Банк и для этой цели они прибегли к названию Федеральная Резервная Система (ФРС). Она будет

принадлежать частным лицам, которые станут извлекать прибыль, владея акциями, и контролировать выпуск национальной валюты; ФРС — начнет распоряжаться всеми финансовыми ресурсами страны; и она будет способна мобилизовывать и отдавать Соединенные Штаты в залог, втягивая их в серьезные войны за рубежом.

Морган, готовил следующее запланированное мероприятие по созданию центрального банка Америки. В начале 1907 года Морган провел в Европе пять месяцев, курсируя между Лондоном и Парижем — резиденциями двух ветвей банкирской семьи Ротшильдов. Вероятно, причина пребывания Моргана в Европе состояла в принятом решении о необходимости ввергнуть Америку в банковскую панику. Вернувшись, он стал распространять слухи, что Knickerbocker Bank в Нью-Йорке стал неплатежеспособен. Вкладчики банка перепугались, поскольку думали, что Морган, являясь известнейшим банкиром того времени, мог оказаться совершенно прав. Их паника дала толчок массовому изъятию вкладов из банка. Морган оказался прав, и паника у Никербокера послужила причиной массового изъятия вкладов и в остальных банках.

Почти сразу же была развернута пропаганда, что банкирам, имеющим устав, утвержденный властями штата, нельзя более доверять банковские дела страны. Из-за паники 1907 года, по крайней мере, так утверждали заговорщики, необходимость центрального банка стала очевидной.

Способ, примененный заговорщиками для обмана американского народа, заключался в делении Федеральной Резервной Системы на двенадцать округов так, чтобы американский народ не мог назвать создаваемый банк «Центральным Банком». То обстоятельство, что у двенадцати округов был один управляющий, называемый Председателем Федерального Резерва, очевидно, должно было считаться обстоятельством, не относящимся к делу. «Федеральный Резерв» учрежден 23 декабря 1913 года как частная корпорация.

По информации «Сенатского журнала» это был солнечный день, большинство членов конгресса уехало домой на рождественские

каникулы, поэтому хватило трех голосов членов Сената для того, чтобы закон был принят единогласно. Если бы хотя бы один из них был против или воздержался, закон бы никогда не прошел.

В 1923 году Чарльз Линдберг, республиканец из Миннесоты, сказал буквально следующее:

— Финансовая система США передана в руки Совета Директоров Федерального Резерва. Это частная корпорация, созданная исключительно в целях извлечения максимальной прибыли от использования чужих денег.

Один из известнейших критиков Федерального Резерва, республиканец от Пенсильвании и бывший Председатель Банковского комитета Конгресса США во времена Великой Депрессии Льюис Макфедден еще в 1932 году отметил:

— В этой стране создана одна из самых коррумпированных в мире организаций. Я имею в виду Федеральный Резерв... Она пустила по миру народ США и практически обанкротила правительство. К таким результатам привела коррумпированная политика денежных мешков, контролирующих Федеральный Резерв.

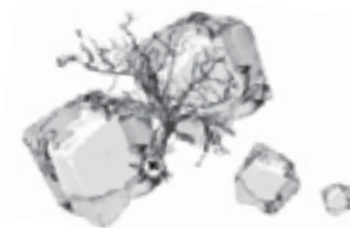
Соединенные Штаты Америки оказались полностью под пятой международных банкиров. Нужно было спровоцировать две мировых войны и великую депрессию начала 30-х годов, чтобы закрепить свое господство. После Второй мировой войны наступил следующий этап — захват мирового господства, используя ресурсы США и доллар как мировую валюту. Алхимическая мечта Ротшильда сбылась, только вместо золота стал доллар, а вместо пробирки — Соединенные Штаты Америки.

До второй мировой войны основной мировой валютой был фунт-стерлинг. США — единственная страна, которая вышла из войны, усилив свой экономический потенциал.

На 2005 год внешний долг США вырос до 26 триллионов долларов. Все это могущество принадлежит основателям ФРБ¹, которые дают деньги в долг Правительству США и получают за это

высокие проценты, в то время, как расходы ФРБ сводятся к покупке типографской краски и оплате печатников. Это один из крупнейших обманов в истории США, но никто не обращает на него внимания. ФРБ держит в залоге все землевладение Соединенных Штатов Америки, как государственное, так и частное. Поэтому логично стремление ФРБ любой ценой изменить законодательство Украины по отношению к рынку земли. Украина не выпускает валюту, а гривна привязана к долларовой валютной корзине. Следовательно, в случае если украинская земля станет предметом международных торгов, то на ее стоимость в мировую экономику тут же будут влиты соответствующие долларовые потоки.

До сих пор все многочисленные законодательные постановления, направленные на ограничение деятельности «Федерального Резервного Банка», оставались на бумаге. Небольшое резюме по вышеупомянутым банкам: — «Банк Н. М. Ротшильд и Сыновья» имеет штаб-квартиры в Лондоне, Париже, Вене и Берлине. Вплоть до сегодняшнего дня Ротшильды контролируют Сити в Лондоне, который так неумолимо стремится к приватизации Укртелесома, Украинской железной дороги и других, крупных стратегически важных для Украины объектов. Ротшильды контролируют английское правительство, а также и французское правительство, «Комитет 300», баварских Иллюминатов, а через них и все прочие контролируемые Иллюминатами тайные ложи в Европе и США.

¹ ФРБ — федеральный резервный банк.

олнце пробивалось сквозь жалюзи. Запах кофе не давал покоя и манил на кухню. *Открывать глаза? А может еще полежать?*

— А ну-ка давай посмотрим, спит ли наш папа или нет.

Он слышал шаги, но открывать глаза не хотел. Он пытался вспомнить сон. *Яркие краски, образы, голоса, движения... Что они говорили? Реальность давно пугала и раздражала. Господи, это просто сон...*

— Дорогой, ты спишь?

Он открыл глаза. *Потолок... Как все достало... Друзья, враги, советчики и молчаливые свидетели. Все, все надоело и опротивело. А ведь, что, в конце концов, мне надо? Что? Не знаю. С кем борьба? Не знаю. Иногда кажется, что все это не реально, а что тогда реально?*

— Па-п-а-а? — детский голос был такой звонкий и отчетливый, такой нежный и родной.

Потолок смотрел на него как всегда с безразличием и скукой. *А ведь потолок выше меня. А за потолком крыша, а за ней небо... А за небом?*

— Ладно, давай вставай, мы ждем тебя на кухне. Все уже давно стынет.

— Да, да, вст-а-а-ю-ю-у, — Президент улыбнулся и встал.

На кухне было все как всегда. Длинный обеденный стол сервирован на пять персон. Прислуга суетилась вокруг небольшого торта. *«Ах да, какой я кретин. Ведь сегодня день рождения младшей дочери. Сколько же ей? Пять или шесть? Сколько свечей на торте? Шесть. Ну, слава Богу».*

— А кому сегодня стукнуло целых шесть лет? Не вам ли, мадемуазель? — Президент наклонился над дочкой и чмокнул ее в румяную щечку.

— Папа, папа, а что ты мне подаришь?

— Ну, ты прям с утра о подарках... Все получишь ве-че-ро-ом. Окей?

— Окей, май фазер.

Звонок мобилки всегда некстати. Это, как правило. Если, конечно, его не ждешь. Но в этот раз все было как-то особенно. Гимн Украины, звучащий из мобилки, бодрил и напрягал одновременно. Президенту всегда хотелось дослушать его до конца, однако звонившие отключались после третьего звонка и гимн не доигрывал даже до середины первого куплета.

— Да!

Минуту Президент слушал трубку, лицо его напрягалось с каждой секундой. Когда он говорил по телефону, все в доме замирали на месте, и, затаив дыхание, ждали окончание разговора. Кто нарушал этот порядок, попадал в немилость.

— Скажите, а что там произошло в зале игровых автоматов? Выяснили?

— ...

— Как ничего? Вы же мне сами звонили...

«Неужели опять? Да я же все отчетливо слышал... Что же это такое?»

Супруга Президента, привыкшая к его странностям, уже ничему не удивлялась. Такое случалось и раньше, а в последнее время практически через день.

— Ну вы же сами мне вчера звонили и сообщили, что в зале игровых автоматов произошло убийство... И про флажки...

— ...

— Как это вы не звонили? Вы хотите сказать, что мы с вами вчера не говорили вообще? Да вы за кого меня принимаете? Вы понимаете, с кем говорите? Да как вы...

— ...

ТВОЙ ПЬЕДЕСТАЛ -
ТЕЛЕВИЗОР.
НЕ БУДЕТ ЕГО -
НЕ БУДЕТ ТЕБЯ...

Президент бросил мобилку на стол. Телефонная трубка пролетела по скользкой лакированной поверхности и упала на ковер.

Где сон, где реальность? Опять эти наваждения, галлюцинации, что ли? Я точно помню... Убийства на пересечении Владимирской и Богдана Хмельницкого... Флажки в руках... Трупы без голов... А, может... Сон...

— Дорогой, ты должен позвонить в посольство. Не забыл? — супруга внимательно смотрела ему в глаза, как смотрит врач на больного.

— Ты мне еще перед глазами пальцем поводи. Я что — плохо выгляжу?

— Да нет, просто соскучилась...

— Позвоню. Не умрут, — он поморщился и отвел взгляд в сторону, — *Достали. Все им не так. Не то сказал, не так посмотрел, не то подписал...».*

— Ты должен понять, все, что мы делаем, направлено на благо наших детей. В любом случае, мы не останемся в Украине. Здесь опасно. Политические оппоненты, Чернобыль...

— Они хотят сделать из моей страны свалку.

— Все относительно, дорогой. Как нет плохих и хороших людей, так нет плохой и хорошей страны. Все зависит от того, как посмотреть. Посмотри вокруг: украинцы давно уже граждане мира с позиции потребления. Итальянская мебель, китайская одежда, немецкие и японские автомобили и так далее. О чем ты говоришь? Украина. Что есть Украина? Аборигены в бусах, глечики, вареники, язык... Все это бутафория на пустом месте. Через каких-нибудь тридцать — сорок лет от коренного населения останется, в лучшем случае, миллион десять, не более. Украине в процессах глобализации отведена роль проходного двора между Азией и Европой...

— Кем отведена? Не тобой ли?

— Не без моей помощи, дорогой. Хотя вы сами все продали.

В погоне за долларом спецслужбы продавали секреты, парламентарии принимали законы, академики изобретали украинский язык, изуродовав его до неузнаваемости. Куча идиотов и проходимцев. Наследники Грушевского, патриоты с голой задницей. Те заседали в цирке, землю делили, пока по шее не получили и вы далеко не ушли. Вам бы только болтать и заседать, демагоги-теоретики. Вы — мелкие людишки в больших креслах. Ну и... Что скажешь?

— Что ты несешь? Ты же сама...

— Ну и что с того? Да, я — украинка, ну и что? Да, мои родные уехали в Америку, но чтобы стать сильнее и умнее, если хочешь. От уродов уехали и придурков. Неужели ты не видишь, Виктор? Украина погрязла в демагогиях и коррупции... Чтобы представить уровень деградации современной украинской элиты, вообрази себе картину, где князья и рыцари прошлых веков собрались по поводу презентации новой модели кареты или открытия кабака. Можешь такое представить?

— Конечно, нет. Это просто смешно.

— Смешно? А мне не смешно. Ты играешь в очень серьезные игры, дорогой. Украинская элита, укравшая у народа миллиарды — это простолюдины. А как ты сам знаешь, простота — хуже воровства. Скажи, почему одни, имея миллиарды, страны покоряют, а другие — бесполезные игрушки покупают, высасывая ради этого из общества все соки. Так ведут себя глисты. А тот факт, что глисты изнеженно блестят, наряжены и богаты, не вводит в заблуждение думающих людей.

— Ты имеешь в виду себя?

— И себя в том числе. Если человек действует вопреки логике, значит, он сошел с ума. Ничто не заставит человека искренне стремиться совершить нелогичные, с его точки зрения, поступки. Именно поэтому, например, нельзя победить коррупцию. Простолюдин идет на должность не для того, чтобы душу спасти через служение обществу, а для того, чтобы денег заработать. Это не означает, что он плохой чиновник. Это говорит о том, что он

обыватель, не способный мыслить в категориях, превышающих личное бытовое благо. Его цель — деньги или ресурсы иного рода. Когда есть выбор совершить вредное обществу действие и за это получить взятку или отказаться от денег ради блага общества, он подсознательно и сознательно будет стремиться к цели, ради которой шел на эту должность. Иными словами, он будет действовать логично. Ничто не может его побудить действовать нелогично. Страх перед наказанием не изменит стремления к цели. Чиновник будет искать способ достичь цели, потому что это соответствует его логике. Нелогичных, то есть бесцельных, действий такой человек совершать не будет. Коррупция неубиваема потому, что корни ее — в мышлении маленького человека, предопределяющем его стремления, и в самой сути денежной системы.

— Я шел в президенты не ради наживы, а ради демократии...

— Демократии? А ты знаешь, что такое демократия? Откуда ты можешь знать, что такое демократия? Ты когда-нибудь жил при демократии?

— Это власть народа...

— Власть кого? — супруга придвинула стул ближе. — На-ро-д-а? Какого народа? Ты, видно, и вправду крышей съехал, лю-би-м-ы-й. Да с тобой играют, как с мальчишкой. Америка и Россия играют одну игру, а вы все — мелочь, так, разменная монета. Ты думаешь, если между Украиной и Россией начнутся серьезные конфликты, то США будут на стороне Украины? Только внешне, а на самом деле США никогда не выступят против России. Неужели ты не понимаешь? Россия — это единственная и бесплатная преграда исламскому фундаментализму. Если не будет России, то западная цивилизация будет просто раздавлена исламскими фанатиками, — она на минуту задумалась и добавила, — хотя все относительно. Фанатики, они тоже могут быть фанатиками только относительно чего-то или кого-то. Они защищают свой мир, свой порядок, свою веру и традиции. А США и России нужен свой порядок. Этакая мировая двухпартийность. Иначе будет бардак и хаос. Вот они и делят. США — банкрот,

внешний долг — десятки триллионов долларов. Но американцы давно научились экспортировать собственную инфляцию. А Россия им в этом помогает. Как только нефть перестанет продаваться за доллары, все... Конец американской демократии...

— Не все так просто...

— Да уж, не просто. У каждого своя роль. А ты свою хорошо играй. Вон министр иностранных дел безукоризненно играет и счастлив. Молодой, а дело знает. С такого толк будет. Он свои мысли в банк сдал, на хранение, а делает то, что хозяевам требуется. Или взять, к примеру, мера Киева. Молодец, все правильно понимает и делает как надо. И все у них хорошо. Дети учатся за границей. Деньги поступают, немалые деньги. Запад любит порядок. Но только свой порядок.

— Я не для этого в президенты шёл, чтобы сапоги дяде Сэму чистить. Я матери обещал... Украинская нация... Я должен...

— Да проснитесь же вы, господин Президент, — она повысила голос, — вы не на майдане. Какая нация? Где ты видишь нацию? Понятие нации на сегодня — это что? Культура? Язык? Территориальная принадлежность? А может гражданское общество, живущее по единым правилам под лозунгом социального дарвинизма «Выживай, кто может и как может»?

— Мне надоели эти разговоры. У тебя свое мнение у меня свое. Меня выбрал народ... И вообще, ты постоянно едешь по этим вечеринкам, презентациям, тайным встречам... Что там происходит?

— Я думала, ты только нарцисс, а ты у меня еще и мессия! Моисей, Иисус... Понимаю... Но есть такое маленькое «но». Дело в том, что, когда Моисей водил евреев по пустыне, он их кормил, в отличие от тебя. А у тебя люди мрут, как мухи. Твоя нация вымирает. Средняя продолжительность жизни сорок лет! В Украине налицо скрытая форма гражданского неповиновения, такой себе невидимый саботажник. Коррупция и есть индикатор гражданского неповиновения. И что ты с этим будешь делать? Ты — виртуальный Президент. Свадебный генерал. Твой пьедестал — телевизор. Не будет его — не будет

тебя. А по поводу презентаций, что тебе не по нраву? Жерар де Вилье? — она громко рассмеялась. — Моисей, vedi своих евреев да не забывай, кто тебе манну небесную поставляет...

— Умная ты у меня, слишком, — Президент встал и, не прощаясь, вышел на улицу.

Миша, спишь? — шепотом спросил Борис Семенович.

— Да нет. Бока болят. Сколько я проспал, Семёныч? — не открывая глаз, буркнул Михаил.

— Много, Миша, очень много.

— Гм. Что значит много? — Михаил открыл глаза, потянулся и сел на край кресла. — Всю ночь в кре-е-сле-е? Ну, эт во-о-още...

— А что не так? Кресло как кресло. А ты знаешь, кто в нем сидел? — прищурился Борис Семенович.

— ... — Михаил молча смотрел на Владимирского, — и все же, сколько я проспал?

— Часов пятнадцать, мой монохромный друг. Так ты хочешь знать, чья выдающаяся задница грелась в этом сэконд хенде?

— Да какая разница, чья задница? — в рифму прохрипел Михаил.

— У-у-у? Есть разница. Есть. И я — таки тебе скажу.

— Ну и?

— А впрочем, не буду. Незачем тебе знать. Лишнее — враг необходимого, — Борис Семенович взял телевизионный пульт и добавил громкость. По пятому каналу передавали блок новостей, — как они

меня задолбали! Миша, ты понимаешь, кто нами управляет? Нет, Миша ты — таки не знаешь, кто нами управляет. А я тебе скажу. Ты думаешь это парляме-е-ент? А вот этот, глянь, Миша, призерва-дент? Да, чтоб ты был здоров, мать твою. Ага, а вот этот, этот министр иностранных дел? Чей только министр? Америкосовский министр, работающий у нас! Мама дорогая, зачем я родился? Говорил мне мой бедный папа Сема: «Боря, беги отсюда, подальше, после коммунистов придут их дети, а за ними их внуки...». А с чего все начинается? С логики, Миша, с нее родной. Взять хотя бы, к примеру, музыку. Ведь у нас кто самый талантливый? Тот, кого по ящику днем и ночью крутят. Так ведь? И кого же у нас крутят? Поплавка! Зёбру и мужеподобную проводницу! Дикую танцовщицу без трусов и прочих неучей! Мать их! А где Мэнсаунд, которому весь мир аплодирует? Где родоначальник украинского рока Юра Виноградов? Где Игорь Жук и Сергей Мороз? Почему не показывают Алика Берга из Донецка и Василя Слапчука из Луцка? А потому, мой дорогой друг, что планка будет высоковата. Вот так залезут бездари на пьедестал и никого не пускают...

— Там деньги ходят. И не малые, — откликнулся почти проснувшийся Михаил, — они под флагом защиты украинской культуры поделили всех на своих и чужих. И крутят свое кино, чего напрягаться?

— В том то и дело, Миша. Ну, Бог с ней, с музыкой, я в ней не очень... Друзья разбираются, вот и мне нажужжали. А вот литература! Это, брат мое.

— И что у нас с литературой? — Михаил с интересом смотрел на собеседника, перебирая в памяти события вчерашнего дня.

Борис Семенович расположился в кресле напротив Михаила, достал сигарету и закурил. Он любил небольшие паузы в разговоре. Особенно когда все внимание было сосредоточено на его персоне. Борис Семенович Владимирский мог говорить о литературе и поэзии бесконечно. Где-то повторяясь, где-то размышляя вслух и даже матерясь, он никогда не терял нить разговора и всегда тщательно следил за поведением собеседника. Но сегодня в его голове был полный, как он любил говорить, квадрононсенс. Мысли бегали в голове, будто

тараканы по кухне. И собрать их в одном месте не представлялось возможным. Он налил из кофейника черную жидкость до половины чашки себе и почти полную чашку Михаилу.

— Литература... Тут дело обстоит совершенно потрясающе. Это я тебе как академик говорю. Можно просто еб...ся. Ты Володю Каденкова знаешь? — Владимирский поднес чашку с кофе ко рту.

Михаил утвердительно кивнул головой.

— Так вот его, Вовку Каденкова, наградили как русского прозаика! Ты представляешь? Вовку! Как русского писателя! Это, что за шутка? Нет, он, конечно, заслуженный человек, трудяга, талантище! Только в украинской литературе, но никак не в русской. Тут бы я согласилась. Но кто же его, чистокровного еврея, в Украине заметит? Кто? Никто! А тем более признать как украинского писателя! На самом деле русскоязычная литература Украины по отношению к литературному процессу в России — это явление самодостаточное, развивающееся параллельно и независимо от культурной митрополии, что-то вроде эмигрантской литературы русского Зарубежья, которая после революции по понятным причинам оказалась оторванной от литературного процесса. Однако элитарная русскоязычная литература Украины оторвана от русской литературы в России скорее по причинам художественным — ни в Киеве, ни в Одессе, ни в Харькове с Днепропетровском не отыскалось пока своего Бунина или Набокова. А ведь куда интереснее современная украиноязычная литература. Переживающая в настоящее время финансовый и идейно-художественный кризис, она, тем не менее, имеет значительные шансы и потенциалы удивить мир своими не написанными еще шедеврами. Но кто признает украинских авторов в России? Кому они там нужны? Ни-ко-му. Вот и получается, что посредственные русскоязычные писатели, живущие на Украине, награждаются россиянами из политических соображений, а действительно выдающиеся и талантливые украиноязычные писатели и поэты никому не нужны ни в Украине, ни, тем более, в России. Взять хотя бы Василя Слапчука. Это же поэтище, Пушкин, гигант мысли...

— И отец украинской демократии...- автоматически прервал Михаил.

— Не паясничайте, господин физик, неуместно, знаете ли... — Борис Семенович нахмурился, затянулся легким Мальборо и продолжил, — это поэт от Бога. У меня даже была недавно комическая ситуация. Прочитал тут одной барышне стихотворение Слапчука, а она, кстати, преподаватель украинской литературы, так, представляешь, не поверила, пока книжку не показал...

— Чему не поверила?

— Думала классика цитирую. Долго потом возмущалась, что Слапчука в школах не изучают. А я ей говорю, вот умрет — тогда и вспомнят, и в учебники включают, у нас мертвое в цене, знаете ли. У нас же при жизни только бездари на виду и с деньгами, а великим — дешевле букеты на могилу носить. У русскоязычных писателей на Украине проблема с мышлением. Провинциальное оно у них, примитивное какое то...

Михаил смотрел в окно. Слова Бориса Семеновича не трогали его. Он еле различал отдельные фразы. Делал вид, что слушает. Кивал, улыбался, однако голова была занята своими мыслями. *Что произошло вчера? Что он должен забрать у Владимирского? Что такое «эквадек»?*

— Примитивное, говорите? Ну, я бы так однозначно не говорил. Это, смотря, с чем или с кем сравнивать, — Михаил хотел перейти к вчерашнему разговору, но не знал, как это сделать.

— Что-то я разговорился сегодня. Миша, давай еще кофейку подолью, — Борис Семенович чувствовал себя уже гораздо лучше. Мысли собрались в кулак, тонус в норме. Он понимал, что рано или поздно им надо будет перейти к серьезному разговору. Но всё еще сомневался. *Тот ли человек Михаил, которому он должен отдать... А если...? Хотя это практически невозможно...* Что такое «эквадек», знал только он. Он придумал это слово много лет назад и вынужден был забыть его на долгие — долгие годы. Сколько ему тогда было? Может тридцать, может тридцать пять. Если хорошо подумать, можно, конечно, вспомнить точно. Как ни странно, но он очень хорошо помнил того человека. Или не человека... Странного попутчика... Поезд Москва — Ленинград. Ночь. Заскакивает пассажир в плаще с

накинутым на голову капюшоном. Друзья уже спали, когда он в купе заскочил. Попросил не включать свет...

— Здравствуй, Боря, — голос человека звучал мягко и ласково. Борису он показался даже знакомым.

— Привет, дружище! — обрадовался попутчику Борис, так как друзья уже все спали, а водка была не допита, — мы знакомы?

— Да, я тебя знаю. Но ты меня вряд ли, — незнакомец осмотрелся, приоткрыл двери купе, выглянул в коридор, а затем закрыл двери на щеколду. Лица не было видно из-за надвинутого капюшона.

— Чем обязан? — Боря отыскал стакан и пытался налить водку.

— Не мучайся, Боря, я не буду.

— Это как так?

— Времени мало. Я и так за тобой гоняюсь неделю. Ты же должен был лететь самолетом? — незнакомец наклонился вперед. — Я должен передать тебе посылку.

— Какую ещё посылку? Ты, что не мог ее по почте послать? — Боря увидел лицо незваного гостя и отпрянул назад.

Перед ним сидел человек с прозрачным лицом. То есть лицо, освещенное тусклым светом ночника, было прозрачным, как стекло, и одновременно эластичным, как резина. Лицо смотрело на него, двигая прозрачными бровями и шевеля прозрачными губами...

— Допился... — Боря закрыл глаза.

— Нет времени. За мной гонятся. Некогда тебе все объяснять, — голос незнакомца стал громким и четким.

Боря открыл глаза. Потрясающе. Он вдруг стал совершенно трезв. Что незнакомец сделал с ним, он не понял. Но только все как-то резко изменилось. Теперь он находился не в купе поезда, а в белой, ярко освещенной комнате. Стены светились белым светом. Ни дверей, ни

окон видно не было. Из света вышел человек в белой сутане, с накинутым на голову капюшоном. Его лицо светилось.

— На тебя возлагается ответственная миссия. Ты должен взять вот это и сохранить это до нужного времени. Цена порученного тебе дела — твоя жизнь. Потеряешь — умрешь. Ты понял?

— Да, конечно. Я все понял, — Борис протянул руку и взял. Ладонь ощутила холод небольшого предмета. Он положил его в карман, — а кому это отдать?

— Не волнуйся, за этим придут. Человек назовет слово. И ты отдашь ему.

— А какое слово он назовет? — дрожащим голосом спросил Борис.

— То, которое ты недавно придумал.

— Э-э-экв-а-аде-ек? — растеряно протянул Борис Семенович.

— А ты сообразителен. Кстати, что это такое?

— Да так, понятие одно... Предмет, отличный по форме и содержанию от другого, но эквивалентный по стоимости и адекватный по действию или влиянию. Эквадек — эквивалентная адекватность...

— M-Δa...

— А когда ждать?

— Он придёт во время правления Его.

— Кого Его? — сердце Бориса Семёновича съжилось и затаилось где-то в пятке правой ноги.

— Избавь число имени Его от образа Бога во времени и познаешь Его.

Поезд в очередной раз тряхнуло. Борис Семенович открыл глаза. Никого перед ним не было. *Почудилось. Допился. Надо бросать.* Он открыл щеколду, не спеша сдвинул дверь и выглянул в коридор. Никого. *Тьфу ты, черт. Мерещится всякое.*

Борис Семенович вернулся на своё место. Осмотрелся. Кроме спящих товарищей, никого. Вагон по-прежнему качало и дёргало. На столе звякали стаканы. Он ощупал место, на котором минуту назад сидел призрачный незнакомец, выпил водки и лег спать.

Лишь на утро он обнаружил в кармане пиджака странный предмет. Это был прозрачный кубик. На вид — обычное стекло. Но, как оказалось, далеко не стекло... Кубик навсегда изменил его жизнь. Дабы разгадать его секрет Борис Семенович изучил сотни разных камней, перечитал сотни книг и тысячи статей, более тридцати раз бывал в Антарктиде, десятки раз на Дальнем Востоке, на Урале и еще Бог знает в каких местах. Искал. Читал. Думал. Но все безуспешно. Рассказать кому-либо о кубике он не мог. Всякий раз, когда он только лишь начинал думать, кому рассказать или показать кубик, в груди появлялась такая боль, что не помогали ни валерьянка, ни уколы врачей. Удалиться от кубика также было невозможно. Знакомая боль тут же напоминала о том, что расстояние до злополучной таинственности больше допустимого. Вот так и пришлось Борису Семеновичу таскать всю жизнь этот кусок прозрачной неизвестности. Он привык к нему, как привыкают к любимому кошельку или портсигару. Однако последняя фраза светящегося старца беспокоила Бориса Семёновича не меньше, чем сам кубик.

— Миша, нам надо поговорить. Я должен у тебя кое-что спросить, — Владимирский вдруг стал серьезным и собранным. Он поднялся и закрыл двери в комнату. Зашторил окно и, придвинув свое кресло ближе к Михаилу, сел на край. В руках он держал лист бумаги, — ты помнишь, что вчера говорил?

— Конечно...

— И...

— Я сам хочу вам все рассказать. Не знаю только, поверите ли. Со мной вчера произошла невероятная история, — Михаил Яковлевич начал рассказ. Он пытался вспомнить все до мельчайших подробностей.

Владимирский курил и слушал, слушал и курил. Изредка подливал в стакан минеральную воду, пил и опять слушал. Телевизор с выключенным звуком мелькал лицами политиков, дикторов и традиционно страшными картинками последних новостей. За окном чирикали воробьи, создавая очаровательную звуко-визуальную дисгармонию с немым телевизором. Борис Семёнович курил и смотрел в даль оконного проёма.

— Вы мне верите? — Михаил Яковлевич, разгоряченный собственным рассказом, пытался заглянуть в глаза Бориса Семёновича. — Я не знаю, что такое эквадек. Но, как я понимаю, вы мне сами все должны рассказать и про посылку и про эквадек?

— А чего же нет? — оживился Владимирский. — Чего же не рассказать? Я тебе, Миша, больше скажу. Я тебе, милостивый государь, такое скажу и покажу, что ты вообще больше ничему не будешь удивляться.

Владимирский за многие годы привык не думать о демонстрации кубика, поэтому в этот раз он особенно тщательно прислушивался к стуку собственного сердца. Все нормально. Ничего не болит. Значит, Михаил именно тот, кому надо передать кубик.

Владимирский встал, подошел к старому шкафчику и достал черную коробку.

— Эквадек, говоришь? Да. Дело было очень давно. Спорили мы с одним из моих друзей по поводу подарка, — Борис Семенович медленно открыл коробку... Боли не было, наоборот состояние его улучшилось и он чувствовал себя великолепно. Ему хотелось петь и летать... *Наконец — то он избавится от этого надоевшего предмета.* Хотя где-то в глубине души он не хотел с ним расставаться, они стали близкими друзьями. Много раз Борис Семёнович разговаривал с кубиком, жаловался ему и спрашивал у него, радовался вместе с ним и плакал. Всякий раз, когда надо было принимать важное решение, он обращался к прозрачному товарищу и тот ему помогал... Это нельзя объяснить словами. Но нужные ответы Борис Семёнович получал, некоторые во сне, некоторые прямо сразу. Главное — не

прозевать знаки. Борис Семёнович приоткрыл черную коробку, но доставать содержимое не решался, — Эк-ва-дек... Так вот, мы собирались на день рождения к своему общему другу, не помню имени, да это и неважно. Деньги, в общем, у нас были, не так много, но все же были. Друг настаивал подарить нормальный подарок, исходя из стоимости, а я настаивал на подарке, менее ценном в денежном выражении, и предлагал сделать что-либо собственными руками и не тратить деньги, которые мы откладывали на летнее путешествие в горы. Спорили мы до хрипоты. Он не сдаётся и я держусь. А мы же философы, повернутые на риторике и на искусстве спора. Чего мы только не наговорили друг другу. И тут мне приходит потрясающая мысль. Я ему говорю. Хорошо, допустим, мы подарим подарок стоимостью в сто пятьдесят рублей. Добьемся определенного эффекта, обрадуем друга, погуляем, выпьем... А если мы подарим просто деньги? В принципе, результат будет почти тот же. Радость от денег будет такого же уровня, как и от подарка. Согласен? Так вот, деньги как вариант подарка будут эквивалентны подарку по стоимости и адекватны по эффективности воздействия на именинника. Получилась эквивалентная адекватность. Коротко — «эквадек». Теперь поищем другой эквадек. Ну, например, долговая расписка на сто пятьдесят рублей от нас двоих тоже ведь может приниматься как эквадек подарку и деньгам?

— Наверно, может. Хотя...

— Правильно, может. Но что мы получаем? Пришли, подарили расписку, погуляли, выпили, разошлись... А на следующий день звонит наш друг и говорит, а приходите-ка, дорогие мои, ко мне домой, надо убраться в квартирке, я вам рубликов двадцать и спишу... С долга-то...

— Ну, вы чудаки, — засмеялся Михаил Яковлевич.

— Напрасно смеётесь, дорогой мой Миша. Это совершенно не смешно. Конечно, отдать уже заработанное легко, а вот всесторонне его оценить — нужен талант. Наши-то политики, все ездят, тратят, говорят, спорят, ругаются, дерутся в парламенте и на телевидении. А

зачем? После них не останется ничего. Машины сгниют, законы поменяют, квартиры их разбалованные детки проиграют в казино...

— Ну и картину вы нарисовали, — Михаил налил в стакан минеральной воды и выпил.

— Я тебе рассказал, что такое эквадек. Ты понял?

— Да что тут непонятного? Все ясно. Только в чем же смысл? — заинтриговано глядя на черную коробку, спросил Михаил.

— А то, что не все так однозначно, как кажется на первый взгляд, — прохрипел Борис Семенович и выпустил клуб дыма.

После некоторой паузы Владимирский с трепетом передал кубик Михаилу.

— Ну, как?

— Гм... Я... Простите... Что Вы сказали? — прошептал Михаил, не отрывая глаз от прозрачного кубика, лежащего у него в руке.

— Извини, не буду мешать... — Борис Семёнович тихо встал и вышел из комнаты.

Он понял, что между Михаилом и кубиком есть какая — то связь. Ему даже стало как-то не по себе. Он почувствовал это макушкой головы. Легкий мороз пробежал по спине снизу вверх. Да, он отчетливо ощущал этот неприятный холодок. Казалось, будто у него забрали что-то очень дорогое и близкое...

В голове Михаила бурлило и летало. Мысли, картинки, звуки... Он не чувствовал ни кресла, ни комнаты, ни веса собственного тела. Его сознание было полностью поглощено этим странным прозрачным предметом. Кубик загипнотизировал Михаила, накрыл его своей формой и светом, теплом и скоростью. Перед глазами неслись картинки из жизней, из его собственных прошлых жизней. Он слышал звуки, чувствовал запахи, ощущал температуру воздуха. Все было настолько приятным, увлекательным, а главное настолько реальным, что ему не хотелось прерывать путешествие. Увидеть свои

жизни... Детей, родителей, родственников... Свои прошлые рождения и смерти... Да, это потрясающе. Годы, десятилетия и века неслись перед глазами, а вернее, он сам несся сквозь них. Казалось все, что прошло, вообще не прошло, а существует где-то рядом... В пространстве... *Побольше запомнить, зафиксировать, записать в памяти...*

Сколько продлилось его общение с кубиком Михаил так и не понял. Час, два или сутки... Время как бы остановилось и летело одновременно...

— Миша. Ми-ша-а-а! — Борис Семёнович толкнул Михаила в плечо.

— Да, да... Я... Гм... Сейчас, Семёныч... — Михаил закрыл глаза. Потом открыл. Положил кубик в коробку и откинулся в кресле. — Это не... Э-э-э... Гм... Что? Что это было? Вы представляете? Да вы...

— Летал? Ага! Ну, как? У меня не каждый раз получалось. Ладно, привыкнешь. Но это еще не все. Смотри, — Борис Семенович положил перед Михаилом лист бумаги, — я тут кое-что посчитал и сам офигел.

Михаил посмотрел на листок, там были буквы и цифры. То есть он увидел русский алфавит, а рядом с каждой буквой была цифра. Букве «А» соответствовала цифра 10, букве «Б» — 20, «В»-30 и так далее.

— Ну и что? — непонимающе поднял брови Михаил.

— Ага-а-а! Это тебе не физика, — лукаво искрил глазами Борис Семёнович. — Когда я получал этот чертов кубик, а было это несколько десятков лет назад, мать моя женщина... Как сейчас помню. Я спросил, когда придут за посылкой? А он мне говорит, что придут за посылкой во время правления Его. Я спрашиваю, кого Его? А он улыбнулся и говорит: *«Избавь число имени Его от образа Бога во времени и познаешь Его»*. Долго я над этим бился. Если речь идет о Боге, то имя Его должно быть очень известным. То есть это тот, кто правит.

Борис Семёнович сделал паузу, затянулся сигаретой, выпустил дым в сторону потолка и спросил: — Ты веришь в реинкарнацию?

— Не знаю... Раньше не верил...

— Раньше ты, Миша, под стол пешком ходил и в штаны... Извини, конечно. Ну, я же тебя не позавчера спрашиваю, а сегодня, — ехидно улыбаясь, прохрипел Борис Семёнович.

— Сегодня? Думаю, скорее «да», чем «нет».

— Тогда идем дальше. Допустим, что правители прошлого, теоретически, могут реинкарнироваться в настоящем.

— Допустим.

— Так вот я начал искать, считать и... Нашел... Думаю, что нашел. Смотри, — он придвинул лист бумаги ближе к Михаилу и указал пальцем.

Михаил посмотрел и увидел:

НРОН

$$50+200+6+50=306$$

КСР

$$100+60+200 = 360$$

$$306+360=666$$

— Из всего написанного я могу предположить, что обозначает цифра 666.

— Я уверен, что ты это знаешь. Хотя то, что ты думаешь, надо еще доказать. Вот по картам Таро шестерка обозначает «искушение», Иоанн Богослов о шестерке говорил так: «Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть», цифра 6 и 9 очень похожи в написании. Цифра 9 отвечает за память человека и его ум, которые, естественно, помогают человеку выжить. Допустим, что это так, то цифра 6 должна была сохранить основное значение цифры 9, но должна «перевернуть» их цели. А что думаешь про буквы?

— Буквы? Нет, не знаю. А где это вы все выкопали? В инете, что ли? — Михаил кинул косой взгляд на работающий компьютер.

— Ну и что? У нас теперь все там. Ладно, только не перебивай, немецкий востоковед Фердинанд Бенари, исследуя Библию и другие исторические источники, доказал, что числом 666 прикрыто имя римского императора Нерона. На римских монетах, чеканившихся для восточной части Римской империи, то есть для территорий Азии, надписи делались на древнееврейском языке, чтобы они были понятны местному населению. В соответствии с грамматическими правилами при письме гласные опускались. Поэтому легенда «Нерон кесарь» выглядела так: «Нрон кср». По тем же примерно правилам писались легенды и на старинных русских монетах: «кнзь» вместо «князь», «црь» — вместо «царь». Числовые значения букв древнееврейского алфавита, которые нас в данном случае интересуют, выглядели так.

Борис Семенович взял карандаш и написал:

ק (קֹפ) = 100

ה (הֹה) = 50

ו (וֹו) = 6

פ (פֹפ) = 200

ס (סֹס) = 60

— Зная их, Фердинанд Бенари заменил в предложении буквы цифрами.

— Что дальше? — недоумевал Михаил. — Почему они порядковые значения букв умножали на десять?

— Десять — это додэкаэтрида, то есть число окончания, величайший символ мирового порядка и власти.

— Хорошо. И все же я пока не понимаю...

— Слушайте дальше. Я пошел тем же путем. Во фразе явно просматривается формула. Читай еще раз.

Избавь число имени Его от образа Бога во времени и познаешь Его

— Допустим, «Значение имени Его» будет «Х», а «образ Бога во времени» — «У». Минус потому, что «Избавь значение» может означать только отнимание от значения. Следовательно, формула выглядит так:

$$X - Y = 666$$

— Почему 666?

— А потому, что если бы речь шла о приходе Бога или Сына Бога, то не было бы такого хаоса в Море и в нашей стране. Следовательно, речь идёт не о Боге... Это мне кубик подсказал... О чем все вокруг болтают?

— О чем бы люди ни говорили — они всегда говорят о деньгах.

— Совершенно верно. А деньги у нас сейчас — доллары. Я взял и измерил денежные купюры... — Владимирский прищурился и понизил голос. — Получилось — 666...

— Что значит — получилось?

— А то, что ширина долларовых купюр равна 66,6 миллиметрам. Что скажешь?

Михаил напряженно думал. Ему очень хотелось оппонировать, но он не находил аргументов. *Что-то не складывается.* — Слабые аргументы. Но я с вами соглашусь условно.

— Условно? Ну, как скажешь, пусть условно. Итак. Много времени мне понадобилось, чтобы вычислить значение «У». Божественное состояние материи, в которой она узнаёт сама себя, выражено числом 7 и формой пирамиды. Бог, покоящийся Сам в Себе, есть один в трёх и три в одном. Равносторонний треугольник. Геометрию не забыл?

— Так вы изволите утверждать, что равносторонний треугольник есть образ Бога?

— Именно! — Борис Семёнович поднял указательный палец правой руки вверх.

— Ну, допустим...

— В геометрии форма равностороннего треугольника есть образ Бога, в котором познающий, познаваемое и познание — одно и то же. Каждая форма — это образ творческой силы, которая строит ее и обитает в ней. Треугольник представляет полную гармонию и равновесие, так как все три угловые точки лежат на одинаковом расстоянии друг от друга. А вот когда треугольник как аспект Бога, покоящийся сам в себе, перемещается в пределы времени и пространства, то он всегда проявляет себя в числе 4. Пока числа 1 и 3 образуют единство в божественности, они остаются 3 в 1 и 1 в 3. Но когда выходят из единства, то получается 1 и 3, что в сумме составляет 4.

— Допустим...

— А что тут допускать? Это аксиома... Почитай Жору Бореева — там все ясно разложено. Равносторонний треугольник всегда содержит скрытые внутри него четыре меньших равносторонних треугольника. Если соединить середины сторон треугольника прямыми линиями, то четыре меньших равносторонних треугольника проявятся. Этот закон содержит тайну.

— Тайну? Не понимаю, — Михаил сделал характерное движение плечами и отрицательно покачал головой.

— Так точно, дорогой мой друг! Тайну! И еще, какую... Тайну ключевого числа Трёхмерного Мира: 3 плюс 4 равно 7.

— Ничего нет удивительного в том, что 3 плюс 4 равно 7. Что тут таинственного? Это знает каждый школьник.

— Боже, какой ты примитивный. Как это нет тайны? А тройка и четверка?

— ... — Михаил опять покачал головой.

— Образ Бога во времени и пространстве — это 3 и 4. Покой

и движение, тайна и ее проявление. То есть 3 и 4. «Образ Бога во времени» — это 34. Тогда формула приобретает следующий вид:

$$\times - 34 = 666$$

— Логично предположить, что X равен 700? Или опять, что-то не так? — оживился Михаил.

— Ай, молодца! Физик, а как быстро посчитал, — саркастически заметил Борис Семёнович. — Именно 700!

— Вы меня совершенно запутали Семёныч. Налейте водки, что ли, — не дожидаясь, Михаил плеснул себе в стакан и залпом выпил.

— Как пошла?

— Гм...

— Так вот, Миша. Я не просто так рассказал тебе, как вычислял число 666 Фердинанд Бенари. Я по такой же методе пересчитал кучу имен. Почти всех правителей и почти всех стран. Ничего не выходило. Последний раз делал расчеты, не помню точно, ну где-то года три-четыре назад. Тогда ни у кого не получалась цифра 700. И только вчера, после твоего появления, я решил вернуться к расчетам. Ты наверно слышал, что Киев еще называют Вторым Иерусалимом. А ну-ка, думаю, нашего президента посчитаю. И... Ты не поверишь. Именно у него 700. Тютелька в тютельку 700 получается. Глазам не поверил, ровно 700!

Михаила прошиб холодных пот. В голову ударила кровь.

— Не может быть... А... Дайте-ка свой листок, — Михаил еще раз взглянул на фамилию президента с зачеркнутыми гласными, кроме последней и сосчитал цифры под не зачеркнутыми буквами:

$$270 + 150 + 120 + 160 = 700$$

— Невероятно. 700. Вы хотите сказать... Что...

— Я ничего не хочу сказать. Я боюсь даже думать об этом. Ты представляешь, Мишенька, что может произойти, если эту вот виртуальную гипотезу произнести вслух в обществе, знающем таблицу умножения?

Борис Семёнович немного подумал и многозначительно тихо добавил: — Говорил мне мой покойный папа Сёма: «Боря, играй на скрипке и не лезь в политику, а то политика заберет у тебя скрипку и даст лопату».

— Борис Семёнович, а давайте премьер-министра посчитаем.

— Я уже посчитал. Вот расчеты, — он протянул Михаилу второй лист бумаги.

— Так это бывший премьер...

— Именно...

$$150 + 120 + 30 + 100 + 250 = 650$$

— Не дотягивает бывший, — улыбнулся Михаил.

— Подожди-ка дорогой друг... — Борис Семенович вышел из комнаты и через минуту вернулся с небольшой книжицей в руках, — читаем все того же Бореева. Форма физического проявления вещества — куб. Кристаллы солей, металлов, камней, газов и жидкостей имеют кубическую форму. Квадрат — это 4 в 1 и 1 в 4. Он состоит из пяти факторов: четырех проявленных линий и пространства, ограниченного этими прямыми. Пятый фактор — не проявленный физический мир. Поэтому основное число двумерного мира — 5. Творческие силы Бога направлены из плоскости наружу, и плоскость, поднимаясь сама над собой, образует куб. Куб — это 6 в 1 и 1 в 6. Он состоит из семи факторов. Миша опять цифра 7! Шесть плоскостей, и седьмой, не проявленный фактор — его кубическое содержание. Поэтому основное число трёхмерного мира — семь. Итак. Если действовать по той же методе и значение

«У» как «Образ Бога во времени» представить как 1 и 6. То есть 16, а знак поменять на противоположный, так как они оппоненты и число 666 в нумерологии это девятка, а девятка — должна «перевернуть» их цели. Получается следующее:

$$X_1 + 16 = 666$$

— Я вас понял. Значение $X_1 = 650$, — улыбаясь, выпалил Михаил.

— Именно! — Борис Семенович подкурил новую сигарету и налил в стакан минералки.

— Но, что это может значить?

— Пока не знаю. Надо подумать. Но то, что у этих, двух господ есть какая то цифровая зависимость — бесспорно! И ты посмотри, если уровнять, что получается.

Борис Семёнович взял карандаш и написал уравнение:

$$\begin{array}{r} \times \\ 700 - \underline{34} = 650 + \underline{16} \\ 7 \qquad \qquad 7 \end{array}$$

— Ну и, что? — Михаил развёл руками, — Совпадение... Случайность...

— Случай — псевдоним Бога...

— Семёныч, а что это за книжка? — Михаил взял в руки книжицу и прочитал вслух, — «Инопланетные цивилизации Атлантиды». Да, Борис Семёнович, ну ты и шутник. Так это же фа-анта-асти-ика-а!

— А кубик тоже фантастика? А твои вчерашние приключения тоже фантастика? — ехидно прищурившись, прошипел Борис Семёнович, наклонившись вперёд к Михаилу. — А звонок мертвеца? Или это мне Юрка звонил?

— Мда... Гм... Действительно... Ничего не понимаю... И страница шестнадцатая... Опять семерка... — на лице Михаила застыло удивление и растерянность. Он осмотрел книжицу со всех сторон. *Нормальная книжка, издана несколько лет назад, тираж, конечно, маловат,* — мда... Вы меня Семёныч окончательно запутали.

— Тут без бутылки не разберёшься, наливай. Выпьем и спать. Я знаю, кто нам нужен. Утром найду.

— Кого?

— Да есть тут один... — Владимирский поправил подушку. — Ложись, утро вечера хитрее.

— Да что-то и спать перехотелось.

— А надо себя заставлять. Или еще по пятьдесят?

— Нет уж, я лучше чайку.

Каждый раз приезжая на работу, он все больше думал о том, что будет делать дальше. Он прекрасно понимал, шансов выбраться повторно у него мало.

Да и стоит ли? Тяжесть, которую он испытывал, была неимоверная. Он был просто истощен. *Кто вокруг меня? Кто друзья? Кто враги? Почему они такие? Неужели они не понимают, что он хочет только добра? Почему они так делают? Я же не могу вечно их спасать... Положиться не на кого... Сегодня американцы. Прагматики чёртовы, сами назначают, обнаглели вконец.* Ему было крайне неприятно, что американское посольство вмешивалось в его распорядок. Но сделать ничего не мог. Он вспомнил

слова супруги: «... Они друзья... Помогают тебе не ошибиться...». *Может быть, может быть... Только все получается наоборот. Чем больше я их слушаюсь — тем больше удаляюсь от своего народа. Тем меньше меня понимают и меньше любят.* Он даже немного завидовал своему оппоненту — бывшему премьер-министру. *Счастливчик. С виду простой и грубый, а в действительности — отзывчивый и добрый человек. Откуда у него столько энергии? Хотя наш народ сегодня любит, а завтра камни кидает...* Он вспомнил избирательную кампанию, теледебаты... *Многое было не так, как он хотел. Но кто его спрашивал? Все происходило по сценарию... Еще эти саентологи под ногами крутились. Все советовали, настаивали...*

Почти автоматически, без эмоций, Президент вышел из машины и через несколько минут был уже в своем кабинете. Он не слышал приветствий встречающих его людей. Утренний кофе слегка взбодрил. *Надо работать.*

— Виктор Антонович, в девять тридцать у вас американцы, — референт был как всегда с иголочки. От него исходил приятный запах, — в одиннадцать — руководитель оппозиционной фракции, бывший премьер-министр, в одиннадцать двадцать...

— Что? Двадцать минут на встречу? Да вы что, совсем очумели? Встреча будет продолжаться столько, сколько будет нужно и точка. Вы меня поняли? Все остальное отрегулируете по времени после встречи, — сухо прервал референта президент.

— Как скажете, господин Президент.

И этот туда же... Ты смотри, и бровью не повёл. Чей он человек? Откуда его взяли? Президент пытался вспомнить, кто рекомендовал этого чистюлю. *Ну конечно... Кто еще, кроме любимой...* *Надо почитать его личное дело.* Он был уверен, что кандидатуру референта тоже утверждали где-нибудь в Вашингтоне. *Они только таких и брали. Почему я не могу сам определять, кто именно мне нужен? Почему? Взял бы Валентина, друга детства. Было бы хоть с кем поделиться мыслями. А то ходят тут всякие...* Он вспомнил

родное село. Огромный луг перед родительским домом, отца и мать, школу. *А как он меня тогда перед девочками... В землю носом... Вот гад... Обидно было до смерти... Но все же друг. Сколько помогал, сколько спасал... Надо его найти и назначить главой района...*

Американский посол пришел не один. С ним был еще один человек. Он выглядел как настоящий лорд. Великолепный костюм от кутюр был украшен золотым значком. Поверх розовой рубашки красовался яркий галстук пурпурного цвета. Посол, как всегда, был улыбчив, но выглядел уставшим и озабоченным.

— Господин Президент, это мой друг Дэвид Бауэр, он является крупным акционером нескольких транснациональных компаний, и я очень хочу, чтобы вы тоже стали друзьями, — посол повернулся в сторону незнакомца, — очень влиятельный человек.

Президент знал этого человека. Он его видел раньше. Но тогда он представлялся другим именем. *Америка, Америка... Сколько же у тебя имен? Да уж... Имена...* Президент вспомнил, как много лет назад в разговорах с американскими консультантами он слышал настоятельные рекомендации о введении украинских имен вместо русских и требования снести все памятники советских времен. Казалось, ничего страшного, а что? Хочешь быть гражданином Украины — меняй паспорт. А в паспорт мы тебе впишем новое имя... Его предшественники не обратили на это внимания, все занимались более важными делами. А в итоге? В итоге, с легкой руки западных советчиков и украинских академиков-реформаторов, была реализована секретная операция, задуманная спецслужбами сразу после второй мировой войны. Он вспомнил, как несколько лет назад к нему на прием приходил старик. Интересный получился тогда разговор...

Виктор Антонович! Я обращаюсь к вам как к депутату Верховного Совета и будущему Президенту Украины. Согласно решению совета по вопросам языковой политики при Президенте Украины в Верховный Совет подан законопроект о развитии и использовании языков в Украине. Законопроект не соответствует, как минимум, пятнадцати статьям Конституции Украины. Он направлен на дальнейшее силовое внедрение украинского языка во все сферы жизни, — выпалил сходу старик, забегаая в кабинет.

— А вы, собственно, кто?

— Это неважно. Я — гражданин Украины, разве этого не достаточно? Академик, если вам угодно... Я пришёл по вашему приглашению, — растерянно тараторил посетитель.

— Разве я вас при-игла-аша-ал? — удивился Виктор Антонович.

Он заглянул в план встреч и прочитал вслух.

— Вопрос государственной важности по факту российского вмешательства в украинскую геральдику. Насколько я понимаю, у нас с вами для обсуждения намечался совершенно другой вопрос.

— Да, но. Понимаете, это же шаманизм. Глупость несусветная. Логическая ошибка. Язык представляет собой необходимое условие существования абстрактного мышления. Язык...

— Да подождите вы, остановитесь, наконец. Сядьте! — *сумасшедший*, подумал Виктор Антонович. *И так дел невпроворот, а тут еще старики-маразматики время воруют.* — Давайте сначала по чайку, а уж потом и о проблемах ваших поговорим. Сначала по плану, что у вас с геральдикой не так?

— Не у нас, а у вас. Минералка есть? Или водка? — старик задышался и нервничал.

значительно превышают возможности украинского языка и не только его, а вот в русском я купаюсь, как в море. А почему?

— Не знаю. И почему?

— А все дело в архетипе. Понимаете? Логический анализ мышления всегда имеет форму исследования языка, в котором оно протекает и без которого оно не является возможным. В этом плане логика — наука о мышлении — есть в равной мере и наука о языке. Мышление и язык — две предполагающие друг друга стороны процессов познания и общения. Язык участвует не только в выражении мысли, но и в самом ее формировании...

— Но ведь закон не запрещает думать на русском языке, что вы так волнуетесь? Выпейте, пожалуйста, водички и успокойтесь, — Виктор Антонович придвинул стакан с минералкой ближе к академику.

— Да Бог с ней, с водой, очевидно, вы до конца не понимаете, о чём я вам тут говорю, — Владимирский расположился в кресле, закурил, и уже более спокойно продолжил, — все языки могут быть разделены на естественные, искусственные и частично искусственные. Первые, называемые также повседневными, разговорными и обычными, складываются стихийно и постепенно. История каждого языка неотделима от истории народа. Во всем цивилизованном мире язык — это средство коммуникации и не более. А в Украине — это основа культуры, за пределами нарушающая права человека.

— И в чем же вы усмотрели нарушение прав человека? — Виктор Антонович искал повод прекратить разговор, но не находил.

— Да хотя бы в насильственном переводе собственных имен. Вы посмотрите на улицу. На афишах Надежду Бабкину окрестили Нидией, а певца Носкова — Мыколой. Как вам? А знают ли «изобретатели» нововведений, плюющие на права человека, о такой науке, как семиотика? — старик снова поднял указательный палец правой руки вверх и посмотрел на потолок.

Виктор Антонович тоже посмотрел на потолок: — Семиотика говорите?

— Се-ми-о-ти-ка! Это наука о знаках. Она уходит своими корнями глубоко в древность. «Божественное послание» представлялось архетипом священных книг, а традиционные тексты являлись собой лишь его частичный перевод на человеческий язык.

— Я знаю, это подтверждают и Веды, и Коран, и пифагорейская доктрина, — вспомнил Виктор Антонович.

— Да, но особую роль буквы играют в космогонической доктрине каббалы, — академик отпил немного из стакана.

— У нас с вами не так много времени. Я даю вам еще пятнадцать минут, уложите? — не скрывая раздражения, использовал паузу Виктор Антонович.

— Нет проблем. Уложусь. Итак. В метафизическом смысле, сгущения, вызванные божественным дыханием, перенесенным на нижние уровни, составили и сформировали явленную Вселенную. В «Сефер Иецира» сказано, что вселенная сотворена и поддерживается числами от одного до десяти и двадцатью двумя буквами еврейского алфавита. Вы меня слушаете? Если что непонятно — останавливайте. А вы знаете что такое «Сефер Иецира»?

— Вы меня обижаете, — Виктор Антонович незаметно включил систему аудиозаписи.

— Извините. Так вот числа представляют десять сефирот, а двадцать две буквы разделяются на три матери, семь двойных и двенадцать простых букв. Три буквы-матери, которые производят три первоэлемента — Воздух, Огонь, Воду, повторяющихся и устанавливающих законы взаимодействия всех вещей. Каждая буква-матерь имеет свою сферу — Вселенная, Годичный цикл и человеческая Душа, представляет аспекты количества, качества и взаимодействия... Э-э...

— Семь двойных букв...

— Совершенно верно, — перебил академик, — семь двойных букв соотносят с планетами, днями недели, качествами или силами : богатство, мудрость, плодородие, жизнь, сила, покой и... Забыл... Э... — академик опять посмотрел на потолок потом на Виктора Антоновича.

— И милосердие, — добавил Виктор Антонович. И продолжил, — а двенадцать простых букв принято соотносить с астрологическими созвездиями, месяцами года и чувствами.

— Приятно иметь дело с образованным человеком. Да, конечно, речь, мысль, движение, зрение, слух, работа, соитие, обоняние, сон, гнев, осязание и радость. Ничего не забыл? Вроде нет. Каждая из двадцати двух букв имеет определенное звучание, что позволяет их произнесением установить власть над определенными качествами, — старик сделал паузу, прищурился и лукаво улыбнулся.

— Вы хотите сказать, что при изменении звучания имени человека меняется... Его судьба? — Виктор Антонович удивлённо поднял брови и тоже улыбнулся.

— Именно! И не только судьба человека, но и судьба общества, в котором обитает данный человек. А присвоение человеку цифрового идентификационного кода делает возможным разрушение общества извне.

— Вы преувеличиваете.

— А знаете ли вы, что двадцать восемь букв арабского алфавита точно соответствуют фазам луны? — старик опять поднял указательный палец вверх, — Существует и терапевтическое применение букв — когда каждая буква алфавита используется определенным образом для исцеления болезней, поражающих конкретный орган. С этим перекликается и Евангелие от Иоанна «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Поскольку буквы и имена выражают природу любого существа, то знание их позволяет оказывать магическое воздействие на сами эти существа и происходящие с ними события. «Господь Бог образовал из

земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел их к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей...». Вот почему знание тайного имени существа или предмета как выражения его истинной природы может давать власть над ним. Вот почему дети не любят когда искажают их имена и фамилии. Устами младенца... Если хотите... Человеку без имени нельзя. И когда человек получает имя — он получает регистрацию в Божественной Канцелярии, участвуя в формировании эгрегора своей семьи, места своего жительства, своей страны и мирового сообщества в целом. Изменяя звучание имени человека, мы нарушаем Божественный Порядок. Раздваиваем эгрегор. Ослабляем его и вносим хаос в свое существование. А уж, какой вред наносится самому человеку, можно только догадываться...

гораздо позже, став Президентом, Виктор Антонович разыскал аудиозапись разговора с академиком и долго разбирался с каждой фразой и с каждой мыслью, высказанной им.

Он выяснил, что «Сефер Иецира» — «Книга Формирования» — очень древний каббалистический труд, приписываемый патриарху Аврааму. В нем сотворение вселенной представлено по аналогии с двадцатью двумя буквами еврейского алфавита, распределенными на триаду, гептаду и додекаду, соответственно трем материнским буквам А, М, S, семи планетам и двенадцати знакам Зодиака. Тогда он ещё не знал, что в действительности стоит за благими, на первый взгляд, намерениями идентифицировать украинскую нацию. Понятно стало гораздо позже...

— Здравствуйте, Дэвид. Мы с Вами не знакомы? — Президент протянул руку.

— Не думаю, — ответил Дэвид на русском языке практически без акцента и крепко пожал руку Президента, — оставьте нас одних, господин посол.

Не говоря ни слова, посол быстро вышел и закрыл за собой дверь.

— Хорошая работа. А вы разбираетесь в искусстве! — рассматривая большую картину, тихо произнёс Дэвид.

— Это жена... Я, знаете ли, не очень...

— Знаю, знаю... Я очень хорошо вас знаю. Да, мы с вами знакомились в Нью-Йорке лет так восемь назад, если не ошибаюсь.

— И я вас узнал. Вы не доверяете послу?

— Почему не доверяю? Доверяю, но проверяю, — лукаво улыбнулся Дэвид.

— Что вы хотите от меня? — Президент сел в кресло и внимательно посмотрел на собеседника. *Что ему надо? Опять что-то задумали. Нашли мальчика на побегушках.*

— Вы должны сделать что-нибудь с этими профсоюзами, они мутят воду и мешают нам адаптировать Украину в глобальном мире.

— Но введение в действие механизма глобализации несет в себе фактор угрозы, то есть политика глобализации нацелена на избавление не только от профсоюзных, но и от национально-государственных ограничений, она имеет целью ослабление национально-государственной политики. И это многие понимают...

— Вы преувеличиваете, господин президент. Конечно, риторика занимающих важные посты представителей экономики против политики социального государства предельно ясна. Но наша с вами задача, в конечном итоге, уменьшить возложенные на государство задачи и

сократить государственный аппарат. Осуществить мечту, так сказать, анархического рынка — утопию минимального государства, — Дэвид поднял руки ладонями вверх.

— Это приведет к процессам ренационализации. К новым переделам...

— И это естественно, а вы что, против?

— Представители разных политических партий, пораженные и восхищенные глобализацией, размягчающей государственные и общественные институты страны, только начинают смутно догадываться, что они, по словам старика Маркса, обречены стать своими собственными могильщиками. Я, по крайней мере, с невольной иронией смотрю на то, как некоторые политики требуют рынка, рынка, как можно больше рынка и явно не замечают, что тем самым они убивают свой собственный жизненный нерв, перекрывают кран, из которого текут деньги и властные полномочия.

— Смотрите на происходящее масштабней, выбросьте ваш идеологический микроскоп. Вы рассуждаете, как председатель колхоза, обеспокоенный нарушением границ своего огорода.

— А на что направлена ваша политика? Не на расширение ли границ вашего огорода? — Президент поправил очки и посмотрел на часы.

— Куда-то торопитесь?

— У меня встреча с руководителем фракции. Через...

— Отмените её. У нас с вами длинный разговор.

— Гм. Я.. Не...

— Да все вы можете, не стесняйтесь, наберите секретаря и отмените встречу.

— По какому праву вы здесь...

— По какому праву? А кто помог вам стать президентом, разве не мы? А кто помог вам создать музей украинской культуры в Чикаго? Вы вывезли из Украины уникальные экспонаты, все скифское золото... на

четыре миллиарда долларов! Как бы вы это сделали без нас?

— Я к этому не имею никакого отношения...

— Ах, да, это всё ваша супруга, я забыл, извините. А на чьём самолете это вывозилось?

— Гм. Что вы от меня хотите?

— Я хочу, чтобы мы стали друзьями.

— Друзьями? Ваши транснациональные компании уничтожат Украину. Дожился, меня шантажируют инвесторы...

— А как вы хотели? Только получать и получать? Как маленький ребёнок, хочу того, хочу этого. Деньги — это ответственность. Ответственность за поступки. Еще раз призываю вас посмотреть на происходящее глазами умного человека. Не разочаровывайте меня, — Дэвид нервничал.

— Ваши компании вторгаются в материальные жизненные артерии Украины.

— Никто к вам не вторгается. Мы просто хотим сделать вашу страну более доступной для инвестиций. Во-первых, транснациональные предприятия будут экспортировать рабочие места, прежде всего туда, где расходы по найму рабочей силы и налоги самые низкие. Во-вторых, они в состоянии, благодаря разделению труда, таким образом рассредоточивать производство продуктов и оказание услуг в разных местах мира.

— В-третьих, они сталкивают лбами национальные государства и таким образом устраивают глобальные закулисные торги в поисках мест с самыми низкими налогами и самой благоприятной инфраструктурой, — повысил голос президент.

— А что тут плохого? Я вам скажу даже больше. Они могут даже наказать Украину, если сочтут ее слишком дорогой или враждебной. Они имеют право в произведенных и контролируемых ими дебрях глобального производства самостоятельно определять место для

инвестиций, для производства, для уплаты налогов, для жительства и противопоставлять их друг другу.

— Конечно! А в результате капитаны бизнеса могут жить в самых красивых местах, а налоги платить там, где они самые низкие?

— Это закон природы. Самый сильный имеет право на самое лучшее. А вы, как я вижу, приверженец закона социальной справедливости? Я правильно вас понял? — Дэвид закурил сигару и подошёл вплотную к президенту.

— Вы меня не можете понять... Мы с вами...

— Вас понять? Да я вас насквозь вижу. Вы что, мечтаете о контроле деятельности транснациональных компаний или процессов глобализации? Вы наивно думаете, что от вас в вашей стране что-то зависит? Я хочу вам рассказать одну историю. Как-то в советские времена один из членов политбюро ЦК КПСС¹ должен был лететь в Америку. При посадке в самолет выяснилось, что у него нет американской визы. И что бы вы думали? Он лезет в самолет, заявляя, что у него есть решение центрального комитета партии и ему не нужна американская виза, — Дэвид рассмеялся.

— Какое отношение это имеет ко мне?

— Самое что ни на есть прямое. Должен вас разочаровать. Процессам глобализации не требуются обращения в ваш парламент или консультации с ним, не нужны никакие разрешения вашего правительства, не нужны изменения в вашем законодательстве и представьте себе, не нужна даже публичная дискуссия. Вы сами будете бегать за нами и просить деньги.

— Вот это меня и пугает.

— А вы не бойтесь. С вас какой спрос? Вы жертва обстоятельств. Я лично могу вас понять, но... Вашингтон...

— Что Вашингтон?

¹ Центральный комитет коммунистической партии советского союза.

— В Вашингтоне вами очень недовольны. Вы теряете электорат, вы теряете популярность, ваш рейтинг падает. Наших солдат гонят из Крыма. Наши благотворительные организации не получают должной поддержки и понимания властей на местах. Надо работать. Чем занимается ваша команда?

— Моя команда? Да, что вы себе... — Президент перешёл на крик.

— А я вам скажу. Ваша команда делит киевские земли. Им что, денег мало? Сколько вы получили?

— Гм. Не всё так просто...

— Конечно, не просто. Просто под юбки заглядывать. Когда вы уже успокоитесь? У вас страну из-под носа уводят, а вы по бабам... А если жена узнает? — Дэвид резко повернулся к Президенту лицом и захохотал.

— О чём это вы?

— Да всё о том же... О вас...

Следят сволочи. Подслушивают. А может, и съёмку ведут? От них можно всего ожидать. Куда только наши смотрят? Выгнать всех надо...

— Ладно. Это все пустяки. Это ваше семейное дело. Меня больше интересуют другие вопросы. Когда, в конце концов, вы закончите дело с национальной идентификацией и русским языком? — Дэвид наклонился над столом и посмотрел прямо в глаза Президента.

— Если мы запретим изучение русского языка, кто будет управляться с делами на атомных станциях?

— Что значит кто?

— Все технологические регламенты и ГОСТы на русском языке, а их переводить нельзя, так же, как нельзя доверить переводчику менять код компьютерной программы. Наши производства, энергетика, железные дороги, самолёты — всё существует и ещё работает как часть технической системы, генетический код которой написан

по-русски. Так вот я и спрашиваю, кто будет работать с миллионами русскоязычных документов?

— Вы же вступили в ВТО...

— А в ВТО система стандартов качества и безопасности ISO, слышали? — Президент вопросительно кивнул головой. — Когда Украина присоединялась к системе ISO, нужно было выбрать язык, но только один из трёх вариантов: английский, испанский или русский. Украина выбрала, естественно, русский. И что теперь?

— Слушайте, мне плевать на ваши хозяйственные вопросы, решайте их сами. Не будет своих специалистов, будете нанимать из России, главное чтобы украинцы забыли русский язык, чтобы они ненавидели русских и всё, что с ними связано!

— Понимаете, мы столкнулись с сопротивлением на местах... Россия проводит губительную для Украины политику. Вы посмотрите, с одной стороны они усложняют временное пребывание на своей территории, а с другой — упрощают процедуру получения ПМЖ¹ и гражданства... Четыре миллиона гастарбайтеров могут стать гражданами России.

— Да мне плевать на Россию и на ваших гастарбайтеров. Пусть хоть все уедут, — сорвался на крик Дэвид, — мне надо дело делать. Время не ждёт. Доигрались. Они у вас под носом подписи собирают. Потом референдум проведут. А что потом? А я вам скажу. Отделятся они и ничего вы с этим не сделаете.

— Маловероятно.

— У вас, господин президент, простейшая задача. За вас всё уже продумали. Ваше дело — в нужное время быть в нужном месте и сказать то, что нужно. А вы и этого сделать не можете... То по субботникам бегае, то арбузы на дорогах покупаете... Никто не просит вас говорить личное мнение. Скажите, зачем вы ездили в Канаду?

¹ ПМЖ — постоянное место жительства.

— Э-э-э. Понимаете ли...

— Понимаю, все никак не наездитесь? А кто тут будет выполнять обещанное? Вы должны были быть здесь. Ваша задача — демонстрировать уверенность и силу. Берите пример с китайцев. Найдите коррупционеров, расстреляйте пару десятков прилюдно и всё наладится. Вам необходимо сохранить целостность страны на ближайший год. За это время мы должны успеть... А потом делайте, что хотите. И уймите свою службу безопасности. Они лезут, куда не следует. Что им заниматься больше нечем?

— Вы сами виноваты. Ваши благотворительные организации совершенно обнаглели. Завозят всё, что хотят. Никого не стеснясь, завозят наличную валюту, секретное оборудование, дипломатическая почта уже ходит контейнерами. Я не могу всем рот закрыть. Я даже сам не знаю, что вы там возите.

— Ничего страшного. Поверьте. Вы ещё и спасибо скажете. Итак. Мне поручено передать, что вами очень недовольны. Вы не выполняете условия контракта. И если так будет продолжаться, мы вас... — Дэвид многозначительно посмотрел на Президента, достал из кармана диск и протянул Президенту. — Заменим.

— Что значит заменим? — Президент взял диск.

— Вставьте в плеер.

Президент нажал нужную кнопку и поставил диск. Через минуту на экране плоского телевизора появился человек, невероятно похожий на него самого. То есть похожий на президента Украины как две капли воды. Человек с экрана улыбнулся, приветственно махнул рукой и заговорил.

— Привет! Ну, как? Похож? А у тебя симпатичная жена. Она мне нравится...

Человек еще что-то говорил, но президент ничего не слышал. В горле пересохло, а в голову ударила кровь. *Ах вы, сволочи, так вот вы как.* Он кинулся на Дэвида и схватил его за ворот пиджака. Они

свалились на пол. Схватка продолжалась несколько минут. Когда все закончилось, президент лежал лицом вниз, а на его спине сидел Дэвид и удерживал правую руку в болевом приеме.

— Хватит шуметь, Виктор Антонович, будет вам...

— Слезь с меня, мразь!- Президент пытался вырваться, но ничего не получалось. Дэвид был намного сильнее.

— Ну-ну, не так резко. Помягче. Это не интеллигентно. Господин Президент, вы же джентльмен! — немного ослабил руку Дэвид.

— Что тут у вас происходит? — завизжала вбежавшая секретарша. — Охрана! Охрана!

— Да все в порядке, мы с мистером Дэвидом — старые приятели и давние соперники, по борьбе... — с трудом улыбаясь, выдавил из себя Президент. Поднимаясь с пола, он поправил брюки и заправил рубашку.

— Да, мадемуазель, силен, чёрт возьми, ваш президент, ну просто буйвол! — Дэвид прижимал рукой оторванный воротник и косился на президента. — Принесите, пожалуйста, воды.

Несколько молодых мужчин толпились в дверях. Ничего не понимая, они смотрели то на президента, то на Дэвида.

— Свободны! — Президент махнул рукой в сторону охранников.

— Да не волнуйтесь вы так, Виктор Антонович! Это всего лишь компьютерная графика. Виртуализация, знаете... Ну как в кино. Фильм «Хищник» смотрели? Уверен, что смотрели. Так вот компьютерную графику в этом фильме делал выходец из Украины. Харьковчанин. Не помню его имени. И даже получил за эту работу Оскар. Так вот он и на нас работает... — улыбнулся Дэвид.

— Знаю я ваше кино. Виртуализация... — Президент постепенно приходил в себя.

— А вы боец. Воин. Какой порыв! Какая отвага! Я вас буду теперь бояться. Но вы не из моей весовой категории, — не унимался Дэвид.

— Инженер Браунинг своим изобретением уравнил всех...

— Вы мне угрожаете? — Дэвид вплотную подошел к Президенту и посмотрел в лицо. — Не царское это дело — угрожать. Кто опасен — не угрожает, тот рыбок по утрам кормит в шелковом халате... А вы — не опасный человек, у вас духа не хватит даже команду дать, не то, чтобы самому... стрельнуть. В человека...

Президент не мог поверить. *Неужели они решились? Человек на диске... Это не виртуальный актер, не графика... Это... Нет это невероятно. А если? В любом случае нельзя подавать вида. Нельзя... А ведь служба докладывала... Все не верилось. Все же было договорено... Но разве с ними можно договариваться? А может все-таки графика? Надо все проверить... Потом делать выводы...*

— У вас сегодня встреча с премьером? — строго спросил Дэвид, вынимая диск из проигрывателя.

— Во второй половине дня.

— Дожмите ее. Вспомните, о чем мы договаривались. Приведите себя в порядок, переоденьтесь. Она собирается в Штаты. Вы должны этому помешать. Нечего ей там делать.

— Поздно. Она уже обо всем договорилась и все организовала, — Президент смотрел в окно.

— Доигрались... Поздно... Договорилась... Тогда отрегулируйте ее расписание и план встреч. Согласуйте перечень вопросов и ответов. Сформируйте концепцию ее поездки. А мы отрегулируем маршруты передвижения. Поймите, нам не нужен лишний шум вокруг Украины, — Дэвид посмотрел на часы.

— Вы ее в Диснейленд свозите, — усмехнулся президент.

— В Диснейленд? А почему нет? Свозим. Ладно, я ухожу. Сделайте все, как вам было сказано. И без шуток. Да, с вас костюм, — Дэвид вышел, придерживая рукой ворот пиджака.

Президент тяжело дышал, учащенный пульс отбивал дробь и гулко

отзывался в верхней части головы. *Уговорить премьера закрыть все русскоязычные школы? Запретить русскоязычные фильмы и радиопередачи, газеты и журналы? Снести памятники постсоветского времени? Признать геноцидом голодомор? А что потом? Россия и Казахстан тоже объявят свои голодоморы геноцидом... Вывесить на обозрение фамилии НКВДистов? Ввести категорический запрет на русские имена? Зачем такие крайности? Что они задумали? Это же война... Нет, это не реально... Что происходит? Я не могу понять, что происходит. Что изменилось в обществе? В советское время были одни проблемы, а сейчас — другие. Все помешались на выгоде и прибыли. Львиная доля общения строится вокруг элементарной выгоды. Каждый готов продать каждого. Если от общения нет выгоды, оно воспринимается как бессмысленное. Нравственно только то, что выгодно, то есть прибыльно. Умно только то, что прибыльно. Если ты умный, приведи доказательство, покажи деньги. Красиво только то, что дорого. Эти «истины» вдалбливаются в кровь и плоть нового украинского общества. Нет, это же болезнь. Это эпидемия... Ничего личного, ничего святого, только прибыль. Элита Украины служит деньгам. И только деньгам. Отдавая им все свое драгоценное время и силы, она ничего не получает взамен. Реального увеличения благ не происходит, меняются только лишь виртуальные цифры. А финансовый успех обратно пропорционален наличию морали, элита украинского общества сформирована из самых аморальных людей. Сорос предложил вообще вывести бизнес за скобки морали, то есть узаконить его аморальность. А Трамп заявляет, что христианские принципы несовместимы с бизнесом. Что делать? То, ради чего я шел, разрушает мою страну...*

После нескольких лет гипертрофированного ТАК!называемого беспредела, бурлящего в котле клановых войн, вера в незыблемость законов либеральной демо-

кратии трещала по всем швам.

Страна хатаскрайцев испытывалась на прочность пришедшими из народного ниоткуда, таинственными, словообильными незнакомцами. Страна истекала кровью, теряя, на пути к Евросчастью, не только средства производства, сельское хозяйство, среду возможного обитания и жизненную силу, она теряла саму себя. Страна неотвратимо растворялась в цунамических потоках мирового капитализма так же, как растворяется сахар в воде.

Народ мыслил желудком и еще некоторыми частями, израненного социальными экспериментами, тела, далекими от логики. Похмельный дурман демократической пьянки постепенно исчезал, а на смену ему приходило суровое понимание реальной действительности. Доминирование средств массовой информации над, почти всеми, известными науками, включая опыт предыдущих поколений, сделал свое дело... Ничего непонимающий хатаскрайский народ дружно, но гневно радовался бестолковым футбольным войнам и политическим телешоу, сереальной бесконечности и бананам в супермаркете. На фоне скрытой формы гражданского неповиновения, названной в прессе — коррупцией, его образное мышление рисовало картины невероятно объемных уродливых фактур и фантастически серых красок. Холодный ветер кризисного ледохода породил бурную творческую реакцию крайне больного воображения. Вектор народного подсознания накренился и сделал крутой поворот на сто восемьдесят градусов. В противность телевизионному назиданию, приватизация уже не казалась ему столь красивым и евромодным действием, а новоявленные эффективные собственники не становились народными любимцами. Напротив. При этом слове чухраинских хатаскрайцев тошнило, как от морской болезни.

Неотвратимо наступал момент истины. Банальная продажа народного имущества, именуемая приватизацией, еще пока подсознательно, но все же относилась его разумением в область крайней глупости, с одной стороны, и преступной халатности — с другой. Тотальное обожествление процессов европеизации и украинизации ассоциировалось выздоравливающим мышлением с антропологией и археологией в их крайней стадии социального полураспада.

Народное настроение в отношении свободы слова, не соответствовало тому представлению, в котором, по расчетам цэйрушных генералов, оно должно было пребывать. Наоборот, оно превратилось в маленькую, микроскопическую черную точку зрения, отыскать которую, с каждым днем становилось все сложнее.

Однако время неумолимо требовало ответов на, поставленные похмельным постдемократическим синдромом, вопросы. Кто нами правит? Откуда они взялись? Когда наступит конец Света? Где спрятан красугольный камень? И наконец, что делать?

Весеннее утро в Киеве — это чудо. А особенно на Подоле. Узкие древние улочки с неимоверным количеством автомобилей на обочинах и пешеходных тротуарах. Со соседство великолепных старинных и уродливых ультрасовременных строений веселит и шокирует одновременно. Городская деревня с жителями — пофигистами. Миллионами пофигистов, мечтающих о бессмертии, но не знающих, что они будут делать в среду вечером... Страна всех и ничья. Нация тех, у кого хата с краю. Нация хатаскрайцев. Грязно — плевать! Криво — и так сойдёт! Нет гармонии? А кто понимает? Воруют? Традиция! Великие украинцы, великая нация... Так ли это? Великие нации гордятся своими достижениями, а хатаскрайцы — своими унижениями... Демократия. Все делают то, что скажет главный демократ... поэтому борьба за должность главного. Был плохой, новый будет лучше. Что ж, людям свойственно исправлять одни ошибки на другие...

Подол... Проходной двор столицы... Единственные, кто гармонично вписываются в современный натюрморт Подола — нищие и бомжи. Хотя с каждым годом все тяжелее определить, кто бомж, а кто пенсионер с научным званием. Уравниловка по-украински — народные сэконд-магазины с вывесками: «Все по 2 гривны», «Новая коллекция из Европы»... Теперь в поставках бутылок подпольным цехам по розливу водки и самогона участвуют все свободные и независимые от зарплаты граждане. Сбор денег на оплату коммунальных платежей теперь не просто банальное механическое действие — теперь это подвиг, вызов реальности, политика... Платишь за газ? Уже богатый человек! Независимость. То есть привычка не зависеть. Не куришь — значит, не зависишь от сигарет. Не пьешь — от водки. Не ешь фруктов — от фруктов. А особенно хороша независимость страны! Народ Украины независим от благосостояния и безопасности, газа и денег, а главное от мяса, которое, как утверждали Ильф и Петров, «вредно»... Бездомных собак и кошек на Подоле гораздо больше, чем коренных киевлян. Квартиру в аренду... Себя — на

дачу... Дрова, уголь, огородик... Растерянно поглядывает на прохожих старая синагога-кормилица... Пайки от диаспоры — как манна небесная. Пришел, получил, выжил... И снова независим.

Подол... Почти полное отсутствие растительности... Грустные магазинчики постсоветского периода с продавцами социалистического мышления и поведения. Приятная ностальгическая грубость персонала и ничтожно узкий ассортимент вызывает легкое головокружение и желание попросить «Жалобную книгу». Аура гуляющего по Верхнему Валу, полтора столетия назад, Бальзака, голос взлетающей по Андреевскому Спуску Ольги Лепешинской, тень таинственного Булгакова на одной из тихих улочек «самого прекрасного города нашей родины». Подол... Андреевский спуск, Андреевская церковь... Бронзовый Борисов рядом... Разделительные столбы... Можно заехать снизу, можно сверху, но проехать нельзя... Кто так решил? Зачем? Непонятно. Явно не еврейская выходка... Разорванное кольцо — алхимический знак соли, почти все древние народы, включая римлян, запрещали священникам носить кольца. Кольцо должно быть разорвано. Кольцо, как и узел, мешает душе выйти из тела, поэтому оно должно быть разорвано, сломано. Кто разорвал Андреевский Спуск? Зачем? Неужели пора душе Андреевского на выход?

Подол... Мусорные баки... Грустный атрибут цивилизации... Утро...

Борис Семенович ежился, глядя в небо. *Будет дождь. С погодой последние годы что-то не того... Все изменилось и не в лучшую сторону. Где же он? Вчера его видели возле мусорных баков.* Он прошел вдоль здания, остановился и прислушался. *Тьфу ты, ему же можно позвонить.* Достав мобилку, Борис Семенович быстро нашел нужный номер и включил вызов. Несколько секунд и в одном из баков заиграл гимн советского союза. Он улыбнулся и поднес трубку к уху: — Алло!- затем, не спеша, направился к ожившему мусорнику.

Из бака поднялся человек. Было хорошо видно его голову и руку с телефоном.

— Да-а-а! — рявкнул шершавым голосом обитатель мусорника, не открывая глаз.

— А где вы?

— Где, где! На работе! — прохрипел человек и исчез в глубине грязной емкости.

Владимирский подошел к баку и глянул на небо. *Счастливый человек. Спит под открытым небом. Свободен, как птица. И ничего — то ему не надо.*

— Пора вставать! — Владимирский пнул ногой мусорный бак.

— Семеныч, ты?

— Может быть.

— Дай поспать. Вчера был трудный день. Много работы...

— Да ладно жаловаться, тебе весь квартал завидует, — грозно повысил голос Семеныч.

— Пусть завидуют, — ответил голос из бака.

— Пошли ко мне. Клары нет. Выпьем и поговорим, — Семеныч развернулся к подъезду.

— А где твой пес? Ты его того... Убери...

— Перевоплотился он...

— Помер, что ли?

— Вроде того... — Владимирский направился в сторону подъезда, — второй раз не приглашаю.

С момента развала Союза помойки в Киеве почти не воняют. Все меньше остатков продуктов питания попадает в мусор. А за теми остатками, которые все-таки попали, ведется настоящая охота. Съедается и допивается все. Территория строго распределена между бомжующими группами. Мусор возле супермаркета — объект стратегический, жизненно важный, настоящее богатство и потому, как

правило, весьма охраняемый. Мусор возле госучреждений — сущая непотребность, ничего съедобного, однако для тех, кто еще не разучился читать — вещь достаточно интересная... Человека из мусорного бака звали Грумберг. Никто не знает, когда именно и откуда появился этот человек. Говорили разное. Кто-то рассказывал о том, что в прошлом Грумберг был профессором философии, а после трагической смерти жены и детей свихнулся и попал в «дурку»¹. Кто-то считал его ортодоксальным семитом и даже антиглобалистом, протестующим против... Против того, что происходит... Документов у него не было. А имя Грумберг прилипло по факту обвинения в шпионаже еще с советских времен. Доброжелатели накатали на него телегу, приехали ребята, увезли. Потом опрашивали жителей района. Кто, что, когда? С кем говорил? К чему призывал? Вот и пошел разговор, мол, ГРУ² проверяет философа. Шпиона шьют. *«Посодуют юродивого или опять в психушку»*. ГРУ да ГРУ, сначала грушником кликали, а уж потом на еврейский лад наладили. Вот и получился Грумберг. Грумберг любил мусорные баки госучреждений. Шуршание свежвыброшенных газет, журналов и документов в сочетании с запахом послеобеденных салфеток сводили его с ума. Он часами рылся в серых папках, листал яркие журналы и читал газеты. Мусор на Трехсвятительской, рядом с Бюро Технической Инвентаризации и на улице Владимирской был для Грумберга особенно дорог. Туда попадало огромное количество самых разнообразных брошюр, книг и разного рода служебных материалов. Таким образом, за многие годы он прочитал сотни тысяч самых разнообразных документов и газетных статей, служебных записок и журнальных опусов. Работники в учреждениях менялись, а традиция «подкармливать» мусорного философа оставалась. Остатки бутербродов упаковывали, а затем отдавали прямо в руки старика Грумберга. Так и жили.

— Жаль пса... Хороший был... Умный... — бормотал себе под нос Грумберг, шаркая изношенными туфлями.

¹ Дурка (жаргон) — психиатрическая больница

² Главное Разведывательное Управление (в СССР)

— Чего жалеть? — Владимирский остановился возле лифта и нажал кнопку.

— А тебе не жалко? — Хитро улыбнулся Грумберг.

— Живых жалеть надо, а не мертвых. На все воля Гос...

— М-да. Чуть раньше, чуть позже, какая разница? Все тленно... — перебил Грумберг. Он очень не любил когда вспоминают Бога без особой надобности, — тебя что-то очень беспокоит. Я сразу это понял, по голосу. А когда ауру твою увидел... Э-э-э...

— Беспокоит... Не то слово. Еле утра дождался.

Они поднялись на восьмой этаж. Вышли из лифта и прошли в квартиру Бориса Семёновича.

— Боря, я в душ, с твоего разрешения.

— Давай, полотенце на полке, халат вот, — Владимирский протянул старенький велюровый халат, — а я пока на стол накрою.

— А кто это у тебя спит?

— Узнаешь позже, иди, мойся, — Владимирский взял чайник и пошёл на кухню, — кто, кто. Дед Пихто.

Борис Семенович пригласил Грумберга без согласования с Михаилом и это обстоятельство его сильно беспокоило. Но другого выхода не было. Будить Михаила он не хотел, а ждать, пока он проснется, не мог — Грумберга не найдешь.

Михаил проснулся от странной боли в груди. Сверху на него смотрел закуренный бесконечными посетителями потолок. В соседней комнате слышалось движение, а в ванной гремел душ. Он встал, пошел к окну и попытался сделать гимнастическое упражнение. Все тело болело, волосы слиплись, а изо рта скверно пахло. Михаил съехался и брезгливо фыркнул. Смотреть в зеркало желания не было. Боль утихла, но пришло чувство тревоги и страха. *Странно, никто не звонит.* Он поискал взглядом мобилку.

— Семёныч! — громко позвал Михаил и направился в соседнюю комнату, — а где мой телефон?

— Да вот он на полке, — Борис Семенович заканчивал сервировку стола.

На столе красовалась бутылка «Хортицы»¹, солёные огурчики, сыр и, пышущая жаром, яичница с беконом.

Я тут соплюсь. — подумал Михаил.

На полке лежал разобранный мобильный телефон.

— Семеныч, кто это его... Того ... На составляющие...

— Ты встал, Миша, а не проснулся. Иди на кухню умойся, ванная комната пока занята. Гость у нас... Если б я мобилку не разобрал, так мы бы с тобой до утра возможно и... Не дожили бы... — Владимирский налил себе водки, выпил, занюхал черным хлебом, — я в кино видел, так все делают. Чтобы не обнаружили...

Михаил еще больше сморщился, закрыл глаза и фыркнул. Давно он так скверно себя не чувствовал. Вчерашняя водка булькала внутри и пыталась выйти наружу горлом. *Только дойти бы до раковины...*

¹ Хортица (укр.) — в данном случае название популярной, но не самой лучшей водки.

Утро. Сон после сна. Реальность или нереальность? А, что такое реальность? И есть ли она на самом деле? Борьба за жизнь — это и есть борьба за контроль над реальностью. Михаил не любил утро.

Прошло еще некоторое время. Борис Семёнович смотрел телевизионные новости по пятому каналу. Грумберг курил, развалившись в старом потертом кресле.

Михаил почистил зубы чужой щеткой, после чего долго брезгливо полоскал рот большим напором воды. *Дожился...* После водных процедур и пол-литра выпитого на кухне огуречного рассола к нему вернулось сознание и уверенность в том, что он еще жив.

— Господа, прошу всех к столу, — Борис Семенович нацедил в рюмки грамм по пятьдесят и с радостью отметил, — поровну, глаз — алмаз!

Еды на столе было не так много, поэтому после третьей рюмки закусывать было уже нечем. Грумберг, привыкший к вынужденной диете, был очень доволен. Утро удалось. Душ... Завтрак с водкой... Михаил недовольно поглядывал на опустевший стол.

— Хватит жрать, господа! — умозаключил Семёныч. — Есть дела и поважнее. Извините. Я вас не познакомил... Гм... Как говорил мой бедный папа Сёма, «...какое может быть знакомство на голодный желудок? Прежде чем ухаживать за дамой — ее надо накормить...». Итак. Михаил — это Грумберг. Грумберг — это Михаил. Пожмите друг другу руки. Хорошо. Молодцы. Миша, не буду много говорить об этом человеке. Скажу только, что он почти все на этом свете знает.

— Очень рад. Гм...гм... Можно просто Грум, — Грумберг артистично хмыкнул и задрал нос вверх.

— Конечно, у него свои тараканы, он может выходить из тела и летать. Я проверял, точно может. Его базар, конечно, фильтровать надо, однако понятие имеет... — Владимирский посмотрел в глаза Михаила, — пророк он. НАСРАдамус МЕСТного Розлива.

— НАСРА-МЕ-Р!- мгновенно поправил Грумберг и нахмурил брови.

— Сильны вы, Семеныч, слова выдумывать, — недоверчиво заметил

Михаил. — Это же надо? Насрамер! Ну и ну... Признавайтесь, только что придумали?

Владимирский и Грумберг переглянулись и взорвались раскатистым старческим смехом.

Вот сволочи, разыграли... Михаил хотел обидеться, но интерес к новому знакомому победил.

— Ладно. Один — ноль в вашу пользу... Старики — развратники, — улыбнулся Михаил. *Уроды, тут жизнь, можно сказать, на волоске, а они шутки шутят. Себе бы так научиться.* Он опять почувствовал боль в груди и легкий холодок в затылке.

— Миша, дело в том, что Грум очень неплохо разбирается во многих областях целого ряда околonaучных теорий и концепций. Считаю, что он может нам помочь в нашем запутанном деле. Кстати, тебе ведь не запрещено демонстрировать кубик. Что думаешь?

— Ну, если вы так считаете, то я не возражаю, — Михаил достал коробку и осторожно открыл крышку. Затем бережно вытащил кубик и положил на стол.

Свет, проникающий через закопченные сигаретным дымом шторы, пронизывал кубик и рассеивался еле видимыми лучиками по всей комнате. Грумберг, как замороженный, смотрел на кубик. Владимирский включил компьютер и посмотрел на Грумберга.

— Ну? Как?

— ...Э-э-э. It's not possibly, amazingly, extremely ¹... — Грумберг смотрел на кубик широко раскрытыми глазами, — мне бы такой...

— What do you think?² ! — перешел на английский Борис Семенович, он тоже не мог оторвать взгляд от кубика. А вы знаете, друзья, что-то в нем изменилось.

— Слышал я про такие штучки, — оживился Грум. — Миша, вы

¹ Это не вероятно, поразительно, фантастически (англ.)

² Что ты думаешь (англ.)

можете мне сказать, ну как физик, возможен ли выход астрального тела человека из физического в полном сознании?

— ...- Михаил пожал плечами.

— А я сразу же вам скажу, возможен. Есть технологии, позволяющие астральному телу человека в любое удобное для него время покидать физическое тело в полном сознании для посещения различных материальных и нематериальных вселенных. Астральное тело способно невидимо путешествовать где угодно и когда угодно, не спрашивая ничьих позволений, проникая сквозь любые преграды, оказывая влияние на действия людей и нематериальных существ.

— Слова непонятные, но почему-то я тебе верю, — Борис Семенович сделал несколько щелчков мышкой и вернулся на свое место.

Грумберг поднес руку к кубику.

— А он, живой. Теплый, — приблизил руку еще ближе. — Ух, ты! Кусается.

Михаил и Борис Семенович внимательно наблюдали за действиями Грумберга. Тот поднес вторую руку к прозрачной неизвестности и попытался взять кубик в руки. Но это ему не удавалось, чем ближе он подносил руки — тем сильнее парализовались мышцы рук, а из кубика в ладони Грумберга летели пучки электрических разрядов.

— Это реализатор. Если хотите, материализатор. Не знаю, как это работает, но уверяю вас — это материализатор. Все материальное — это упакованные энергия и информация. Если настроиться на нужную волну и направить поток мыслей в этот кусок стекла, то... Возможно... Вероятно... — Грумберг с трудом отвел руки от кубика и, тяжело вздохнув, ввалился в кресло, — за-ра-бо-та-ет.

— А что? Сейчас попробую, я всегда мечтал взглянуть на электрический ток изнутри, — Михаил демонстративно напрягся, нахмурил брови и артистично уставился на кубик, формируя поток мыслей.

— Не лопни, дружище, — захохотал Борис Семенович.

— Я вижу звезды, небо... — Михаил крепко ухватился за

подлокотники кресла. Он увидел, как на месте, где лежал кубик, образовалась черная дыра с невыразительными краями. Дыра расширялась, меняя форму. Через мгновение она поглотила все пространство. Теперь вместо стола и кресел, пола комнаты и стен, потолка и окна зияла черная пустота с мерцающими огоньками, напоминающими звезды на небе. Пустота вдохнула Михаила в себя и проглотила с потоком свежего воздуха. Ветер бил в лицо. Михаил закрыл глаза. Временами ощущалась невесомость, периодически невидимый поток бросал тело то вниз, то вверх. Он ощущал себя песчинкой в потоке штормового ветра, капель в бушующем океане. Постепенно ощущение тела исчезло. *Что с моим телом? Я его не вижу... И не ощущаю...* Открыв глаза, он увидел летящие навстречу цветные потоки. *Что это?* Потоки меняли скорость и цвет, перекручивались в жгуты и рассыпались на мелкие разноцветные шарики, затем снова образовывались потоки. *Это же электрический ток.* С потоком он влетел в огромное помещение с черными стенами и потолком. Цветные жгуты и шарики врывались в помещение и били разрядами в одну из стен, которая нагрелась и разделилась на мелкие соты. Через мгновение вся стена вспыхнула ярким светом и перед Михаилом предстала знакомая картина. Комната Бориса Семеновича, стены и стол. Он не сразу понял, что смотрит в комнату через монитор компьютера. Легкий морозец пробежал по его фантомному телу, но мозг работал четко и вполне здраво. Сознание отказывалось понимать, а мозг отрабатывал все до мельчайших подробностей. *Ничего не пропустить. Это реально или не реально? Путешествие по сети. Здорово. Как это происходит?* Цветной электрический поток с шумом пролетал рядом, как горная река. Михаил закрыл глаза и рванул вперед. *Задачу. Надо поставить задачу. Хочу домой.* Поток подхватил его и понес в глубину, в черную точку, к которой неслись цветные потоки. Теперь он не чувствовал ни ветра, ни тепла — только скорость. Периодически закрывая и открывая глаза, Михаил видел, как цветной поток проносил его мимо цветных перекрестков и развилок, иногда резко поворачивая то влево, то вправо. Потоки, точки, жгуты и шарики. Яркий свет и снова цветные потоки. Остановка. Поток выбросил его в нишу. *Что это? Экран монитора или телевизора? Телевизор. Это же моя квартира. Только...* Михаил увидел свою квартиру

изнутри работающего телевизора. Какие — то люди ходили по квартире. Они вытряхивали полки шифоньера и бросали содержимое на пол. *Что они ищут? Что им нужно? Надо возвращаться. Назад в тело.* Обратный путь не занял много времени. Скорость, потоки, шарики, жгуты и... Остановка... Ощущение тела... Тепло, запах чая с лимоном...

— Что у вас тут происходит? Все в порядке? — Жена Бориса Семеновича заглядывала в комнату через приоткрытую дверь.

— Гм.. Да, все хорошо... Чай прекрасный... — приходя в себя, протараторил Грумберг.

— Боря, ты принимал лекарства?- обратилась она к мужу.

— Конечно, дорогая! — улыбнулся в ответ Владимирский. — Клара, а ты чего пришла? Что-то случилось?

— Нет, забежала на обед, тебя покормить, а у вас тут пир горой.

— Да разве это пир? Скромный завтрак, — отозвался Грумберг.

— Если чего будет надо, скажите, я еще тут, — Клара закрыла дверь и удалилась в соседнюю комнату.

— Ничего себе штучка, да это покруче коки¹ будет, Dizzy pleasure², —сердце Михаила готово было вырваться наружу, кровь ударила в виски, а в ушах царил полная тишина, — все нормально, вот только...

Он сделал вдох, зажал нос и глотнул. В ушах что-то хрюкнуло, затем хлопнуло и... Слух вернулся.

— Молодец, помнит, чему в школе учили! Уши продул, — с видом профессионала констатировал Борис Семенович, обращаясь к Грумбергу.

Грумберг откинулся в кресле, запрокинув голову назад. Странно качая головой из стороны в сторону, он как бы считывал текст с потолка:

— Астрология как прогноз погоды, она сообщает вам, что будет дождь, а ваше дело брать ли зонтик. Вы можете намокнуть или

уберечься, астрология предупреждает о явлениях, с которыми вы будете иметь дело. Из-за астрологии велись войны, святые мученики гибли за нее. Да... Библия... Многие верят, что на страницах Библии можно найти пророчества. Каждый из псалмов предсказывает события XX-го столетия. Многие из них уже сбылись. Большинство людей не хотят знать дату своей смерти, однако у всякого правила есть исключения.

Михаил Яковлевич с удивлением наблюдал за Грумбергом. А тот запрокинул голову назад и, вытянув ноги, размахивал руками в воздухе.

— У всего свои правила. Нельзя обговаривать дату смерти. Планеты вызывают события, нет планеты ничего не вызывают... Они... Они... Их другая морковка держит, а не этот бизнес. Продажа CD дисков Сердючки и Поплавского! Акция! Вместе с бутылкой водки под лозунгом «Для души и для тела»! Душесципательный комплект! Да... Америка... Сволочи... Все продали...

— Бывает, у него... Сейчас пройдет. Клара, принеси лекарство! — Владимирский извинительно посмотрел на Михаила. — Подержи его. Чтоб не упал.

Грумберг понизил голос и продолжал говорить странный текст. Михаил удерживал его сзади за плечи, прижимая к креслу. Ему было страшно и неловко. Тело Грумберга то напрягалось, то наоборот становилось мягким и бесформенным. Движения головой участились, а широко раскрытые глаза чертили на потолке невидимые линии.

— Да. Я вижу. Это они. Чтобы утвердить и удержать свое право на эксплуатацию других народов, она прибегает к крайним формам насилия. Я там был, я видел. Одна тысяча семьсот семьдесят первый год... В Америку ввезены миллионы рабов, миллионы погибли по дороге... Одна тысяча шестьсот двадцать второй — Джеймстаун... Война... Семьдесят пятый — война с индейцами-алгокинами в Новой Англии... Сто... Сто миллионов индейцев убито. Этноцид. Девяносто второй — Кентукки, девяносто шестой — Теннесси. Война... Смерть. Я видел, я вижу... Князь мира сего входит в каждый дом, и люди принимают его. Далее брат встанет на брата, отец на сына...

¹ Кокаин (жаргон)

² головокружительное удовольствие(англ.)

Тело Грумберга сжалось. Легкая дрожь усилилась и перешла в конвульсии.

— Держи крепче! — Борис Семенович при помощи ложки открыл рот Грума и влил полстакана лекарственной жидкости. — Это еще ничего... Бывало и похуже.

— Вот они. Одна тысяча восьмисотый — Вирджиния, Габриель Проссер, тысячи повешенных. Огайо, Огайо... Смерть. Восемьсот пятый — война в Африке, опиум, смерть. Америка... Восемьсот шестой — вторжение в Рио-Гранде, Пайк — убийца... Восемьсот одиннадцатый — восстание рабов, Новый Орлеан... Смерть. Иакин. Шибболеты. Смерть...

— Ну и память. Все правильно называет. В хронологической последовательности. Все правильно! — Михаил удивленно смотрел на Владимирского.

Грумберг успокоился и почти не дергался.

— Последних слов не понял. Что он говорил? Ианин? Ши... бо... Не понял. Вы не запомнили?

Борис Семенович накрыл одеялом обессилившее тело Грума: — Бредил он. Не бери дурного. Миша, пойдем на кухню, пусть отдохнет часок. Понимаешь, он столько всего знает, что просто жуть. Представляешь, он все-все помнит. У него мозги такие, он не может ничего забыть. Вот только приступы...

— Процессор перегревается... Ему бы перегрузиться... — многозначительно заметил Михаил.

— Конфликт тела и духа...

— Семеныч, а можно мне в душ? Второй день приключений, а такое впечатление, что полжизни прошло. Рубашка в тело выросла...

— Валяй. Клара, дай ему полотенце! Ты молодец, Мишка, не испугался. А вот я каждый раз... Боюсь. Ничего. Отдохнет немного и поможет во всем разобраться. Сколько мы еще не знаем... Истреблен будет народ Мой за недостаток ведения.¹

¹ Библия: /4.6./ цитата, пророк Осия.

РОССИЯ, 1905 ГОД

В 1905 году, имея средства от членов Фабианского общества и зная о том, что американские банкиры ссудили Японии деньги для войны с Россией на Востоке, Ленин начал свою революцию 1 мая — в годовщину основания тайного ордена Иллюминатов. Однако большевики не добились успеха, несмотря на помощь банкиров и тайных обществ.

Царь отреагировал на эти события и провел несколько реформ, ограничив полномочия власти, издав ряд важных законов и создав национальный парламент, Думу, с правом участвовать в законодательном процессе от имени народа. То есть монархия превратилась в демократическую республику.

В это же время царь сделал чрезвычайно загадочный ход: он разместил 400 миллионов долларов в банке Чейза под контроль Рокфеллера, и в национальном городском банке под контроль Моргана, в ганноверском и промышленном трастовых банках и около 80 миллионов долларов в банке Ротшильда в Париже. Возможно, он понимал, что его правительство находится в сложном положении, и надеялся, что эти вклады купят толерантность влиятельных финансовых олигархов после неудачной попытки революции 1905 года.

Но руководство масонских организаций решило продолжать борьбу за уничтожение царя и Российской империи. Они создали новые масонские ложи в России, активизировали работы тайной масонской ложи Иллюминатов. В 1907—1908 годах в Петербурге действовала одна из секретнейших организаций — орден Иллюминатов. В Особом архиве хранятся его документы, в частности — грамота на пергаменте и с печатями. Руководителем петербургского отделения Иллюминатов был Фриц Дезор, а его заместителями — доктор Добровольский и Сахаров.

К началу 1917 года масонство в России являло собой чрезвычайно мощную политическую силу, главным отрядом которой были 28 лож масонского ордена «Великий Восток Франции»,

объединяющие значительную часть влиятельных государственных деятелей России. В Государственной Думе действовали более 40 масонов, была даже создана специальная думская ложа из 62 масонов, которую возглавлял Ефремов. Секретарь Верховного Совета российских масонов Николай Некрасов был заместителем главы Государственной Думы. Масоны контролировали большинство средств массовой информации и издательств. Масонство стало влиятельной силой в России, открытая подрывная деятельность которого привела к роспуску Думы. Обсуждение вопросов о захвате власти и убийстве царя в 1915—1916 годах проводилось во всех масонских ложах.

За несколько месяцев масонского господства в России были полностью уничтожены армия, органы государственной безопасности, полиция и разведка, разрушена система министерского и губернского управления. Масону Сватикову была поручена тайная миссия ликвидации русской разведки за границей... Кстати, масонский характер носили и правительства независимой Украины, так называемая Рада и Директория. Центром политических интриг была Великая ложа Украины...

Ленин и его приверженцы получили около 22 миллионов марок, приготовленных для них шведским банком. Организации Моргана и Рокфеллера также помогли наличными, как сделал это и Якоб Шифф, старший партнер банка "Кун, Лоеб и К°", который дал Ленину 20 миллионов долларов. Шифф был партнером Поля Варбурга, главы Федерального резервного банка, и участником встречи на Джекилл Айленде, где был подписан проект закона о создании Федерального резервного банка. Кроме помощи от американцев, прежде всего, от банкиров Ленин также получил 40 миллионов марок золотом, а это около 5 миллионов долларов, от банковских кругов Германии. Совершенно очевидно, что коммунизм был навязан русскому народу, а люди, на самом деле, не поднимали восстаний...

Эвид вышел из посольства.

— Сэр, а как же ваш автомобиль?

— крикнул вдогонку охранник.

— Пусть ждет, я сейчас буду.

Привычка держать окружение в неведении была привита с детства. «Никто не должен знать о тебе всё» — говорил отец. И он прекрасно понимал почему. Водитель ждёт, а он не вернётся, а может и вернётся... Никто не знает. Погода прекрасная. Летняя прохлада ласкала его лицо лёгким, пахнущим ароматом цветущих лип, ветерком. *Наивные люди. Ходить пешком с его работой... С его посекундной тарификацией... Что ж... Пусть так думают.* Он дошёл до Софийской площади и посмотрел в небо. *Что будет дальше? А мне плевать, будь что будет... А что может быть хуже, чем то, что есть? Конечно, если сравнивать его жизнь с другими... Но почему я должен всё время сравнивать? Тот хуже, этот толще, кто-то богаче... Почему люди разучились слушать собственную душу?*

Одинокие автомобили радостно рычали и летели вдоль улицы, унося неизвестных пассажиров по их неотложным делам... Боковым зрением он увидел человека, который двигался ему наперерез. Еще несколько секунд и их пути пересеклись.

— Добрый вечер, Дэвид, — человек протянул руку.

— Приветствую вас, господин мэр, — он крепко пожал руку и, задержав её на несколько секунд больше, чем положено, спросил, — скажите, вы сильный человек?

— Вы, как всегда, философствуете? Или это так, для разрядки?

— А вы в своем стиле, вопросом на вопрос. Так как же?

— Что вам сказать? Иногда мне кажется, что сильный, а иногда...

— Понимаете, система, в которой мы живем, вдалбливает что

мы бессильны, что мы слабы, что обществом управляет зло и преступность, и так далее.

— Всё это брехня. Мы сильны, прекрасны и удивительны. Нет никаких причин, чтобы не понять, кто мы есть и куда мы идем, и нет никаких причин, чтобы человек не владел своей силой.

— Да, я тоже так думал.

— Мы необычайно сильные существа.

— Я думаю, что провел 30 лет своей жизни, первые тридцать, пытаюсь стать кем-то. Я хотел добиться успеха, успеха в теннисе, в школе, в колледже. И на что бы я ни посмотрел с этой точки зрения, мне всегда чего-то не хватало. Понимаете? Имея почти всё, что можно иметь в финансовом плане, мне всегда чего-то не хватало. Я думал: вот если бы я добился успеха в том-то или в том-то... И я понял, что играл не в ту игру, потому что игра заключалась в том, чтобы понять, кто я уже есть. Наша культура приучает нас обращать внимание на разницу. Вот вы смотрите на человека и «это» тут же включается: светлее, тупее, старше, моложе, богаче, беднее... Различие — это наша система измерений.

— А разве можно иначе?

— Иначе? Не знаю... Мы классифицируем и раскладываем всё по полочкам, и мы видим других отдельно от себя, мы видим лишь только то, что различно. Одно из самых ярких переживаний — быть с другим человеком и вдруг увидеть, что он в чем-то похож на тебя, он ничем не отличается, и ты понимаешь, что, в сущности, и ты и я — одно, ты понимаешь, что других нет, все-одно. Я не родился Дэвидом, я родился человеком, а уже потом научился быть тем, кем я есть — плохим или хорошим, благополучным или нет, всему этому я научился по ходу жизни.

— Мне не нравится ваше настроение, — мэр города шёл странной походкой, его качало из стороны в сторону, а иногда казалось, что он хромает попеременно то на одну ногу, то на другую.

— Вы совершенно разучились ходить, Леон, совершенно. Скажите, это ваш автомобиль сопровождает нас?

— Мой, а что?

— А на рыбалке удочку вместо вас тоже кто-то забрасывает? У вас в штате мэрии есть «удочкозабрасыватели»?

— Нет, только «портфелеподаватели», — улыбнулся мэр.

— Власть, власть, власть... Я вас знаю очень много лет Леон, вы раньше были другим, совершенно другим.

— Всё меняется... — мэр тяжело вздохнул и оглянулся на проходившую мимо парочку, — любовь это такое чувство...

— Любовь к власти? — Дэвид остановился и по-отечески посмотрел вслед убегающей молодежи.

— Вы, как всегда, опешляете всё, что движется, вы случайно не американец?

— Когда власть любви превзойдет любовь к власти, настанет мир на земле. Знаете, кто это сказал?

— Вы сказали...

— Чудак, я лишь повторил... Сказал это Джимми Хендрикс.

— Поэт?

—... — Дэвид посмотрел на собеседника и поджал губы, — вас, Леон, погубит невежество, да, да, да. Я же вам всегда рекомендовал слушать музыку, а вы... Музыка... Что может быть прекраснее? А мне так и не удалось...

— Музыка? У меня знаете сколько музыкантов-мудозвонов? И все такие талантливые... А я дирижер у них, ага, вот только палочки не хватает, — он настороженно вслушивался в интонацию собеседника. *Что-то случилось. Неужели они узнали? Вызвал на встречу срочно, а ходит вокруг да около...*

— Вам не хватает страсти, Леон.

— Да уж, не хватает... С вашей помощью всё будет... Всё, что хотите. Страсти расовые, сексуальные, религиозные...

— Это больше не работает, появляется новое сознание, которое воспринимает Землю как единый организм... Понимаете к чему я?

— А чего же не понять? Вы всегда к войне...

— Да, организм, который ведет войну сам с собой, обречен. Бил Хикс заканчивал свои выступления так. Он говорил: «жизнь это как катание на аттракционе. Пока вы там — вы думаете, что это реально, такова сила нашего воображения. Вас подбрасывает вверх и вниз, кружит по кругу, вас бросает в дрожь, всюду яркие цвета, громкая музыка, вам весело, некоторые кружатся на этой карусели уже долго и задаются вопросом: «это реально или это просто аттракцион?» Кто-то опомнился, вернулся на землю и говорит: «да не волнуйтесь, не бойтесь, это просто аттракцион» и мы убиваем их, — Дэвид поднял руки к небу и посмотрел вверх, затем писклявым, неестественным голосом закричал, — заткните его я слишком много вложил в этот аттракцион, застрелите его, как же мои проблемы и страхи, как мой банковский счет и моя семья? Вот моя реальность! А это просто аттракцион...

Он остановился, опустил руки и голову, поднял воротник пиджака и, хитро улыбаясь, с ещё большей страстью, закричал.

— А мы убиваем их, мы убиваем тех, кто говорит нам про это! И мы позволяем демонам творить мерзости. Но не это главное, это всего лишь аттракцион и мы можем всё изменить, как только захотим, это наш выбор. Нет усилий, нет борьбы, нет работы, нет денег, нет сбережений, это просто выбор, который мы делаем прямо сейчас между страхом и любовью. Мы радуемся новой машине, шубе, брильянтам... Почему? Нет! Не потому, что это нам нужно, мы радуемся потому, что этого нет у других... Мы получаем радость не от того, что имеем, а от того, что остальные этого не имеют...

Он замолчал. Прохожие на другой стороне улицы остановились и, напрягая слух, пытались, видимо, понять, что происходит. Пауза затянулась.

— Bravo, bravo, — мэр сделал несколько хлопков, его поддержали дальние прохожие, — не думал, что вы... Шекспир отдыхает...

— Шекспир. Да, когда-то я мечтал стать... Нет, не будем об этом. Вот вы являетесь большим городским начальником, чиновником, по сути, вы должны иметь дух чести и бескорыстия... Ну, хотя бы чести...

— Прекратите, Дэвид, мы с вами не вчера познакомились, давайте без нравоучений, я из тех, кто стоит на земле и управляет аттракционом.

Дэвид опустил воротник пиджака, поправил рубашку и взял мэра под руку.

— Дорогой мой друг, аттракционом управляете не вы и не я, и даже не моё руководство, и даже не руководство моего руководства, так что не льстите себе. Вы — раб денежной массы, служитель Золотого Тельца, аморальный и хитрый поедатель колбасы, вы банальный обыватель, работающий на собственный желудок, а вот ваш жалкий организм, забитый шлаками и глистами, и есть ваше богатство и ваш аттракцион.

— Если бы я был помоложе, я бы, я... — обиженно огрызнулся мэр.

— Дали бы мне по шее? Нет, вы и на это не способны, вам плевать, что о вас говорят.

— Почему?

— Потому, что вы — не человек, вы — ходячий желудок, химзавод по переработке дорогих продуктов питания, — Дэвид прижал руку мэра так, что хрустнул сустав, — больно?

— А как вы думаете? Это не интеллигентно с вашей стороны, обзываетесь, болевые приёмчики применяете... Садо-мазо какое-то...

— А с вашим братом иначе и нельзя. Ты думаешь, я из праздности тебе тут спектакли разыгрываю, — Дэвид перешел на «ты» и понизил голос, — мы вынуждены тебя... убирать... дружок...

— Я... А что я... — мэр понял, что дело серьёзное и шутки кончились. *Неужели они узнали... Нет... Невозможно... Убьют... Черт подери, они же*

меня убьют, — Дэвид, так нельзя, вы должны объяснить... Вы... Так не...

— Вопрос решён и обжалованию не подлежит. Вы знаете за что. Я просто хотел сообщить лично, как старому другу. Чтобы вы знали и ждали. Встретимся в следующей жизни, — Дэвид резко повернулся и пошёл в обратную сторону.

Автомобиль, сопровождавший их движение, остановился. Водитель, внимательно следивший за происходящим, совершенно растерялся когда увидел своего великого шефа, великого мэра, непобедимого, наглого, беспощадного хапугу, жалко бегущим вслед за уходящим собеседником. Но то, что произошло дальше, его просто потрясло. Мэр догнал собеседника и упал перед ним на колени...

— Дэви-и-ид, сэр, я не хочу... Понима-а-ете, я не знал... Не ду-у-умал, что это важно... Я всё понял... Про-о-остите меня... Меня подста-а-авили...

Дэвид грозно посмотрел сверху вниз на ползающего чиновника.

— У вас тоже неплохо получается... Встаньте... Шекспир бы оценил... Убедительно, но...

— Дэвид, я вас прошу, спасите меня, вы же можете, я для вас все, что угодно, все, — мэр выглядел ужасно, рубашка вылезла из брюк и её белый угол свисал почти до колен. Грязные от пыли брюки мешковато сползли с талии на бёдра, открыв миру волосатый живот и нагло торчащий пуп.

— Заправьтесь и успокойтесь, может быть, я смогу для вас что-то сделать, не знаю, обещать не могу...

— Я ва-а-ас о-о-очень прошу, Дэвид, мы же друзья...

— Ну, хорошо, я же вам сказал, что попытаюсь.

— Я все исправлю, я все верну...

— Вы слишком долго жили в Советском союзе. Приказы и запреты приводят к притворству и лицемерию, причем, как правило, в самые удачные лицемеры пробиваются худшие люди, а не

лучшие. Вот так и у вас в стране, куда ни глянь — везде шваль и бездари, лицемеры и пустобаи...

— Дэвид я вас прошу, — мэр успокоился, заправил рубашку и поправил брюки, — я сделаю все, что вы скажете.

— Это уже нормальный разговор. То, что вы в своей администрации продаете участки земли, а потом забираете назад, мне плевать, но то, что вы помогаете воровать наши деньги... Это уж слишком.

— Я... Не знал... Что это ва... Я же всегда, все как вы приказываете...

— А вы вообще когда-нибудь интересуетесь, чьё воруете? Набрали детвору, чтобы подписи ставили, и думаете, что все на них свернуть сможете?

— Дэвид, простите, меня подставили.

— Я вас просил уничтожить весь тираж книги.

— Книги? Ах да, кни-и-иги...

— Вы сделали?

— Конечно! Все как вы просили, мои люди все вывезли и сожгли...

— Все ли?

— ...

— Что вы моргаете, как школьник? Отвечайте!

— Не досчитались одного экземпляра... Может, ошиблись...

— Опять ошибка? Мне надоели ваши ошибки. Найдите этот последний экземпляр и принесите лично мне в руки. Как хотите и где хотите, но найдите мне то, что я прошу.

— Да, конечно! Я переверну весь город! Я...

— Даю вам неделю! А теперь о деньгах.

— Деньги?

— Деньги, которые наши с вами друзья получили для рекламы

НАТО, украдены с вашей помощью. И не надо говорить, что вы не знали, чьи это деньги. Земельные участки, квартиры, дома, яхты... Когда вы насытитесь? Только и слышно: «я миллиардер», «я богатый человек»... — не надоело врать? Или нам следует обнародовать данные о ваших долгах?

— Я должен поддерживать имидж...

— Имидж? Вы до сих пор не переименовали улицы... Я же вас предупреждал. Все улицы в столице должны носить имена врагов России.

— Простите, я не думал, что это так важно, я не думал... — Мэр нервно расчесал пальцами волосы и оглянулся. *Вроде нет никого, дай Бог пронесёт...* — *Всё верну, все до копейки...*

— Ваше дело — не думать, а делать. Месяц назад я передал вам список улиц?

— Да, да... конечно... но я... заб... руки не дошли.

— Ах, вот как? Руки виноваты? Дайте мне свою руку.

— Зачем это? — растерянно улыбаясь, мэр протянул Дэвиду правую руку.

В считанные секунды рука мэра оказалась в мертвой хватке, а мизинец был зажат ножом для сигар. Холодный блеск нержавеющей стали поверг мэра в ужас. Его лицо напряглось и вспотело, как в бане. Острие лезвия впилося в кожу...

— Не-е-ет, — истерично взвыл хозяин мизинца и попытался вырвать руку.

— Так кто же виноват? Руки? — Дэвид, не напрягаясь, удерживал ослабшего, теряющего сознание, чиновника. — Кого будем наказывать? Руку или голову?

— Я не знаю-ю, Дэвид, простите... Я не смогу без пальца, что я ска...

Тело мэра обмякло, а на асфальте образовалась скверно пахнущая лужа. Ноги ослабли и подкосились, грузное тело рухнуло на землю. Дэвид снял с мизинца нож и положил в карман.

ЛЕТО, КИЕВ

Лето входило в свои права. Пение птиц, запах цветов и свежестриженных газонов кружили головы прохожим. Но те, в свою очередь, бежали вперед, к вершинам карьерного роста и финансового успеха, совершенно не замечая, что жизнь проходит мимо них...

Проспект Победы — одна из центральных улиц Киева, а кафе Нон-Стоп, недалеко от Цирка — место встречи, которое изменить нельзя. Ничем не приметное внешне, кафе являлось центральным местом деловых контактов бизнесменов среднего уровня. Прекрасная кухня, замечательный англопонимающий персонал и удобное место расположения плюс гарантированная парковка сделали это кафе невероятно популярным.

— Борщ, вареники с мясом и Греческий. Только сначала принесите воды без газа, лучше Бонакву.

Клиент сделал заказ, не глядя на официантку.

— У нас есть супчик дня, — девушка пыталась привлечь внимание клиента. Ей показалось, что он говорит с акцентом. *Красивый мужчина, наверняка иностранец.*

— Спасибо, прошу вас поторопиться, — не поворачиваясь, буркнул клиент. *Have bothered all. Home I want. But...*¹

Официантка улыбнулась и исчезла внутри зала.

— Hello, Martin. Long wait?² — подошедший мужчина средних лет протянул руку, и после рукопожатия сел напротив.

— Как наши дела? — спросил Мартин, глядя в глаза собеседника. — Времени почти не осталось.

¹ Надоели все. Домой хочу. Но... (англ.)

² Привет, Мартин. Долго ждете? (англ.)

— Все нормально, тендер прошел хорошо. Правильно прошел. Наши друзья получают разрешение в зону. Думаю через десять — пятнадцать дней перебазироваться на место. Продукт упакован. Все, как вы просили. Адсорбент фирмы FOX. Сертификаты и все прочее в порядке, да там никто ничего не проверяет, все на расслабухе¹, им бы день простоять да водки хряпнуть, — собеседник засмеялся.

— С начальником охраны разобрались? — Мартин явно нервничал. Он внимательно осмотрел зал. Все, как всегда. Ничего необычного не было.

— Деньги ему отдали?

— Пусть сначала работу сделает. Вы обед заказали?

— Если дело сорвется... У вас, Николай Петрович, будут большие проблемы. Я надеюсь, вы это понимаете? И не только у вас.

— Да не волнуйтесь вы так. Конечно же, все отдал. Это я так шутю².

— Остальное оборудование в портфеле. Портфель внизу. Я пойду, а вы уйдете через сорок минут. Мой заказ себе заберете. Да. И не забудьте расплатиться.

— А вы что, обедать не будете? — удивился Николай Петрович.

— В другой раз, — предчувствие беды не давало покоя. *Еще эта официантка...*

Мартин вышел из кафе и сел в машину. Затем проехал вперед до Воздухофлотского моста, повернул направо, на мост, еще направо и назад, на проспект Победы, к универмагу Украина. Еще пару минут, и он въехал в многоэтажную стоянку. Затем оставил машину, вышел из универмага через центральный вход и перешел в сквер напротив кафе Нон-стоп. Он надел очки, затем достал мобильный телефон-коммуникатор и включил специальную программу. На самом деле этот комплект позволял вести наблюдение издали и делать видеозапись.

¹ Отсутствие дисциплины, неорганизованность (жаргон)

² Шучу (сленг)

В очки была вмонтирована управляемая видеокамера с оптическим и цифровым зумом. Сигнал передавался на коммуникатор через встроенный Bluetooth¹. Наблюдавшему не надо было даже поворачивать голову, управление камерой и ее зумом осуществлялось клавишами на коммуникаторе. Мартин направил камеру на площадку перед кафе Нон-Стоп, приблизил картинку и включил запись. Несколько минут — и все машины, стоящие на стоянке кафе, были записаны, а запись автоматически была передана на почтовый ящик отдела специальных расследований посольства Соединенных Штатов. А еще через несколько минут сотрудник посольства переслал сообщение из двух букв:

Ok

Это означало, что на стоянке у кафе Нон-Стоп в настоящий момент не было сотрудников и автомобилей СБУ². Мартин прекрасно знал, что службе безопасности Украины не до него, все квалифицированные специалисты, понимающие в разведке, давно покинули здание на Владимирской. Кто уехал в Россию, кто ушел на пенсию, а большинство — в охранные структуры большого и малого бизнеса, но законы конспирации и выполнение инструкций безопасности — дело святое.

Мартин видел, как Николай Петрович вышел из кафе, сел в свой автомобиль и спокойно уехал в западном направлении.

Вроде все нормально. Хвоста нет. Началось. В добрый путь, Николай Петрович. Мартин собрал коммуникатор и положил в футляр очки. *Теперь на доклад.* Он поймал такси.

— Улица Юрия Коцюбинского, десять. Побыстрей, — Мартин решил не брать свою машину. Так, на всякий случай. Если следят — будут ждать возле машины. А он пока съездит к начальству.

— Десятый, по Коцюбинского? Так, а в якому це районі?³

— Езжайте прямо, а дальше я подскажу.

¹ Беспроводное соединение

² Служба Безопасности Украины

³ А в каком это районе (укр.)

Мы говорили с министром иностранных дел и председателем Нацбанка. Они обещают сделать все возможное, чтобы паника, нагнетаемая русскими, не превратилась в цепную реакцию. Мы с вами, господа, сюда не борщами наслаждаться приехали, мы на передовой. Именно здесь сегодня решается судьба мира. Наш Центральный банк, как вы знаете, регулирует три механизма валютной политики: операции на открытом рынке, учетную ставку и резервные требования. Совет управляющих Федеральной Резервной Системы ответственен за учетную ставку и резервные требования. Федеральный Комитет открытого рынка отвечает за операции на рынке. Используя эти три инструмента, ФРС влияет на объем средств, которые депозитарные учреждения держат в Федеральном резервном банке и, таким образом, меняется процентная ставка по краткосрочным кредитам. Кроме всего, курс доллара в Украине держится за счет продажи золотого запаса, вы это тоже прекрасно знаете. Но у всего есть предел. Украина не будет продавать все до грамма. И это понятно. Украина сегодня, как индикатор. Ситуация в Украине напрямую влияет на процентную ставку по краткосрочным кредитам. Покупательская способность в Украине держится на долларе, который мы с вами имеем честь здесь представлять, — Дэвид посмотрел на часы.

— Мы еще кого-то ждем?

— Да, еще одного сотрудника. Он скоро будет. Итак. В Украину скоро поступит очень большая партия. Думаю, это будет один из последних кэш-траншей. Наша задача рассредоточить эти ресурсы и сохранить до нужного времени. Цель — Россия, Беларусь и, естественно, Украина. Что говорят наши банкиры?

— Денежная масса исчезает, фондовый рынок падает, цены на не-

движимость тоже. За интенсивность этого процесса у нас отвечает мистер Браун, — отрапортовала молодая девица.

Дэвид снова посмотрел на часы. *Пора. А вдруг... Нет все нормально. Все хорошо. Нельзя самому программировать неудачу...*

— Мистер Браун, дружище, что у нас с курсом доллара?

— Растет, сэр, темп, конечно, снизился, но тенденция осталась. Реальная покупательская способность населения снизилась до критической отметки, однако процесс неадекватен процессу в Японии. Украинский народ любит виртуальные покупки. У них пять гривен отнять трудней, чем сто тысяч, — Мистер Браун улыбнулся, достал из папки листок бумаги и протянул Дэвиду. — Я подготовил письменный отчет.

— Делайте все возможное, пусть нацбанк повышает процентную ставку. В банках денег нет, они начнут повышать проценты по депозитам. Это сейчас главное.

Замигал огонек на блоке мини АТС. Дэвид нажал кнопку.

— Сэр, приехал господин Шоур.

— Пусть заходит, — Дэвид облегченно вздохнул.

В комнату бесшумно вошел человек средних лет. Седина на висках украшала его прическу, а облегающий костюм подчеркивал спортивную фигуру. Он взглянул на Дэвида, улыбнулся уголками губ и кивнул головой.

— Присаживайтесь, Мартин, вы как раз вовремя, — Дэвиду нравился этот красавчик.

Мартин Шоур являлся правнуком Льва Брамсона, двоюродного брата Зигмунда Розенблюма, депутата первой Государственной Думы России созыва 1906 года. Профессиональный разведчик, он был всегда выдержан и деликатен. Два высших образования, знание пяти языков и потрясающе обаятельная внешность обеспечивали выполнение заданий на высшем уровне и быстрое продвижение по

карьерной лестнице. Мартин пользовался огромным уважением и доверием высшего руководства ЦРУ.

— Но стабилизация и рост рынка недвижимости и курса доллара — не самое главное. Перед нами стоит задача поважнее. Я хочу представить вам Джеймса Робертсона, который прибыл в Киев для проведения специальной операции, — Дэвид направил взгляд на человека, сидевшего в углу комнаты, и сделал приглашающий жест рукой, — прошу вас, сэр.

Вперед вышел немолодой мужчина. Он был одет в футболку и джинсы. Длинные волосы, зачесанные за уши, спадали на шею. Он держал дымящийся окурок толстой сигары.

— Добрый день, господа. Не будем терять время. Я уполномочен использовать все возможные ресурсы посольства, в том числе персонал и агентуру. Должен ввести вас в курс дела, — он достал толстую папку и начал читать, — Джордж Орос, настоящее имя Дьердь Орош, родился в Будапеште 15 августа 1931 году в еврейской семье среднего достатка. Во времена репрессий, благодаря фальшивым документам, изготовленным отцом, семья Ороса избежала преследования нацистами и в 1948 году эмигрировала в Великобританию, где Орос поступил на учебу в Лондонскую Школу Экономики. На лекциях философа Карла Поппера Орос впервые познакомился с идеей открытого общества. После ее окончания и нескольких лет работы в Лондоне он в 1956 году перебрался в Нью-Йорк и стал работать брокером и финансовым аналитиком. Добившись первичного успеха, он пришел к выводу, что его судьба — управлять чужими инвестициями. Благодаря связям отца и своему происхождению Орос вошел в высшее общество и получил возможность заработать большие деньги. Основал Фонд. Фонд Ороса работает в России 12 лет. Надеюсь, вы понимаете, что без благословения Совета Директоров Федерального Резерва это было бы невозможно. Фонд много лет работает в российской провинции. Две трети всех средств направлялись в российскую глубинку. Выделение Фондом Ороса 30 миллионов долларов на создание 43 интернет-центров было отработкой технологии и частью операции «Avalanche» и при-

вело к тому, что теперь вслед за Оросом Всемирный банк выделяет сотни миллионов долларов на интернетизацию университетов во всех областях России. Выявляя талантливых ученых, в 1990-х годах Фонд обеспечил им получение Грин-карт и виз на ПМЖ в США и страны Европы. Главной задачей Фонда является выработка ряда фундаментальных ценностей, которые могут быть предложены мировому обществу, находящемуся в большей части в переходном состоянии. Традиционно фундаментальные ценности исходили от внешнего авторитетного источника, такого, как религия или наука. Но в настоящий момент истории, благодаря деятельности Фонда, да и нашей с вами, нет ни одного источника, авторитет которого не был бы поставлен под сомнение. Единственный возможный источник находится внутри самого человека. Прочным основанием для создания наших принципов может стать признание собственных ошибок. Ошибочность суждений и взглядов — универсальное человеческое состояние; поэтому мы можем говорить об ошибочности применительно и к мировому обществу. Ошибочность порождает рефлексивность, а рефлексивность может создать условия нестабильного неравновесия, или, проще говоря, вызвать политический и экономический кризис. То, что мы с вами сегодня делаем. И в наших общих интересах — иметь возможность регулировки таких состояний. Для этого необходимо общее основание для всех, если хотите — общий знаменатель. И таким знаменателем, социальной основой, на сегодня, является доллар. Это то общее основание, на котором должно строиться мировое сообщество. Чтобы подчинить человека, который не знает, что такое доллар нужно применить силу. Это вчерашний день. А чтобы подчинить человека мечтающего о долларе — нужно открыть ему возможность покупать, покупать и еще раз покупать. Одновременно это означает признание открытого общества в качестве желаемой нормы общественной организации. Вы наверняка зададите себе вопрос, что может произойти, в случае падения доллара. Отвечаю — ничего страшного, мы тут же предложим новую валюту. Одну бумагу заменим на другую. Необязательно, чтобы люди осознавали существование концепции открытого общества.

Чем больше непонятных концепций и теорий — тем лучше. А чтобы реализовать данную технологию, нам необходимы псевдополитики, разговорчивые умники и пустотрёпы. Под флагом демократии они способны «заговорить» любую конкретику и логику. Это наши внештатные сотрудники и друзья. Пусть говорят, пусть ругают в эфире друг друга — это очень хорошо. Мы будем поддерживать все противоборствующие стороны. Открытое общество — это идея, за которую они должны рвать друг другу глотки. Перед Фондом стояла и стоит задача популяризации открытого общества как идеального. Любые действия власти или оппозиции, ведущие к наведению порядка, всегда можно легко перекалфицировать в антидемократические. Пока они разберутся — пройдут годы, так что мы все должны успеть. Переходное общество страдает от нехватки общественных ценностей. Будучи идеалом, открытое общество могло бы устранить именно эти недостатки. Открытое общество должно быть особым или специальным видом идеала — самосознательно несовершенным идеалом. Такой идеал серьезно отличается от идеалов, зажигающих воображение людей. Люди должны жить в виртуальной сказке. Пусть себе спят, мечтая стать европейским сообществом. Открытое общество должно нивелировать религиозные, этнические, расовые и даже половые различия, — Робертсон налил себе воды, выпил и посмотрел на сотрудников.

Дэвид внимательно следил за реакцией каждого из присутствующих. Знания языка мимики и жестов позволяли ему безошибочно угадывать тайные мысли и настроения работников посольства. *Солдаты. Бойцы невидимого фронта. Да. А если просто — рабы своих доходов. Утолители потребностей, жрущие друг друга волки, аморальные, хладнокровные убийцы всего чуждого Америке, включая ментальность и культуру, экологию и собственно сами жизни людей. Преданные американской мечте фанаты. Они даже не представляют, на кого и зачем работают. Вассалы, обреченные на неведение и слепоту. Безумные ведут слепых... Безумные ли? А кто я в этой карусели? Что я делаю? Зарабатываю громадные деньги, имея их... Зачем? Когда ими пользоваться?*

ищерия на улице Владимирской, принадлежала одному из бывших высокопоставленных чиновников, право собственности оной,

как водится, было оформлено на подставного человека. Зачем? Непонятно. Тайное очень быстро стало явным и во многом благодаря болтливости самого же владельца. Так уж повелось со времен Грушевского. На троих украинцев — как минимум, два гетмана и один атаман. А желание поговорить, перебивая друг друга — национальная особенность. Конкурентное преимущество в формировании предложения с одной стороны, и находка для шпиона как определение спроса с другой. Все эти факторы, по сути, и определили новую эру достаточно рентабельного вида деятельности, который владельцы нежно называли «инфомаркет». То есть деятельности по сбору, обработке и продаже информации. И поскольку все государственные секреты, доставшиеся по наследству от СССР, давно были проданы, интересы «Инфомаркета» крутились вокруг секретов крутых граждан. От источников доходов, владения недвижимостью, соучредительства в бизнесе и зарубежных банковских счетов до фамилий любовниц, любовников, незаконно рожденных детей и смены половой ориентации представителями политической элиты. Пищерия на улице Владимирской — являлась также местом специальных встреч работников службы безопасности с разного рода сомнительными гражданами. Зал был всегда полон. Клиентов — хоть отбавляй. Пищерия была очень даже не простая. Но об этом чуть позже.

Никого в Украине давно уже не удивляли уборщицы-коммерсантки, торгующие «ценными» бумагами со столов владельцев высоких кабинетов, CD-диски с секретной информацией о таможне, МВД, Верховной Раде, кабмине и администрации

¹Название рынка в Киеве

президента, почти свободно продающиеся на Петровке¹. Информации было настолько много, что народонаселению Украины просто не хватало времени для обращения внимания на все эти тонкости. Коррупция в стране давно стала традицией, а традиции предков — превратились в актуальное жизнепонимание и национальную особенность. И это обстоятельство не могло пройти мимо внимания спецслужб России, Китая, Кореи, Индии, Англии, Америки и других ближних и дальних соседей, включая Гондурас, Ливию и Ватикан. Все кому не лень бродили по Киеву. Одни в поисках оставшихся государственных секретов и технологических регламентов военных производств, другие — в поисках красной ртути и тяжелой воды, а третьи скупали земельные участки и исторические памятники в центре столицы и ее окрестностях. Последним везло куда больше, чем остальным. Практически во всех кафе и ресторанах Киева люди говорили о земле, назначении земли, форме собственности на землю и ценах на нее. Продавцы Родины старались изо всех сил. Работа кипела. Верховный Совет под лозунг правых «Хай буде!», соблюдая традиции предков, «Так!», на всякий случай принял ряд законов, запрещающих продажу, покупку, изменение назначения и прочие операции с той же бесценной украинской землей. Ситуация сложилась потрясающая своей уникальностью. Дело в том, что основными продавцами земли являлись сами же законопроизводители, начальники губерний, районные наместники и поселковые головы. Бывший губернатор Киевской области Жабвтяк выделил сам себе столько земли, что не мог точно сказать, где в Киеве и окрестностях не его земля. Счет, как говорится, был потерян, но нищета не наступала. Закон древних — «*нищета от не считать*» в Украине не работал. Все было как раз наоборот: тот, кто не считал — тот имел, а кто считал и экономил — бедствовал.

¹Пусть будет (укр.)

Пиццерия на улице Владимирской, по сути, являла собой некий центр сбора, накопления и систематизации информации. Туда заходили бизнесмены и бандиты, политики и реабилитированные политзаключенные, поэты и музыканты, местные и транзитные граждане. Но далеко не многие знали, что на самом деле представляла из себя эта пиццерия. А представляла она самый настоящий Тайный Информационный Центр. Каждое место в зале было оборудовано специальной аудиовизуальной аппаратурой. Достаточно было посетителю шевельнуться или заговорить, как тут же включалась система аудиовизуального наблюдения и записи. Видео- и аудио-сигналы поступали на центральный сервер и автоматически попадали в систему обработки информации согласно теме обсуждения. Например: если в разговоре посетителей звучала фамилия, какого-нибудь известного политика или высокого государственного чиновника — запись разговора и видеоматериал автоматически поступал на сервер в электронную папку данного лица, тем самым облегчая сотрудникам службы безопасности работу с информацией. Благодаря такой организации было очень легко проследить связи человека, род его интересов и приоритетов. Однако те, кто знал об истинном назначении пиццерии, с учетом своих интересов, могли внедрить и внедряли дезинформацию, чем часто запутывались и без того безнадежно запутанные дела. Примерно таким же образом собиралась информация с телевизионных каналов и радиостанций. Собранная информация попадала в отдел «МС», что означало — мусоросборник. Дальше информация очищалась от «примесей», накапливалась в электронные папки и поступала в отдел «ЧИ», то есть чистая информация. Чистая информация разделялась на чрезвычайную, срочную, терпящую и очень терпящую. Первые два вида информации в форме тезисов и баннеров поступали на электронные карточки руководства, которое в свою очередь имело право эту информацию: читать или не читать, копировать или не копировать, уничтожать или не уничтожать, а также дать ход данной информации или не давать. Решение принималось в соответствии с политическими, экономическими и социальными тенденциями. Не исключалось принятие того или иного

решения по заказу власть предержащих или деньгоимущих. С каждым месяцем количество информации увеличивалось многократно. Доходы владельца пиццерии росли, а финансовый и политический кризис в стране уже воспринимался гражданами как обыденность бытия, как осенний дождик или утреннее солнце.

Стоит отметить, что, не взирая на кризис и отключение Газпромом газа, тепло в киевских квартирах присутствовало, а посетителей казино не убавлялось. В это непростое время на необъятных телевизионных просторах страны развернулась борьба за право быть правым. Нескончаемый политический сериал пестрил всеми цветами радуги от черного до белого. Но основная борьба развернулась между оранжевым цветом и объединенными против него белым, синим, красным и социалистическим. Борьба за власть в Украине приняла форму затяжного боя, линия фронта которого находилась в студии Мумика Шустрова, в реалтишоу «Свободное слово». Именно туда каждую пятницу шли, как на фронт, «любі друзі»¹ и верховные раде-деятели, демократы и партоверты, «бандиты, которые должны сидеть в тюрьмах», и «бандиты, которые уже сидят в парламенте», ортодоксы и крутобаксы, лысые депутаты и косматые депутатки, политические педафилы и интеллектуальные мазохисты, денатурированные лесбиянки и синтезированные политологи. Шли на войну друг с другом, чтобы в прямом эфире на глазах у всего народа отвоевать очередной плацдарм общественного мнения и занять очередную рейтинговую высоту. В борьбе за власть и демократию участвовало все народонаселение страны. Хотя, что такое власть и демократия, для многих оставалось загадкой.

Национал-радикалам был близок Томас Гоббс, который утверждал, что власть — это средство достичь блага в будущем, а сама жизнь есть вечное и неустанное стремление к власти, прекращающееся только со смертью. Коммунистам — Александр Гамильтон заявивший что: «Власть — это способность или дар что-либо совершить», ультраправым — Макс Вебер, определивший власть как возможность индивида

¹ Дорогие друзья (укр.)

осуществить свою волю вопреки сопротивлению других. Социалистам — Рональд Даль, считавший, что власть — это... К счастью, далеко не все социалисты разделяли мнение Рональда Даля, скорее, наоборот. Но, будучи почему-то уверенными в том, что Рональд Даль является родственником Владимира Даля¹, социалисты единогласно приняли суждения Рональда Даля как основополагающее и идеологообразующее.

С демократией дело обстояло намного лучше, так как все партии и политические течения единомолча приняли за основу теорию демократии Йозефа Шумпетера², которая основывается на противопоставлении классического и современного методов демократии. Согласно этой теории: «...демократический метод есть такая совокупность средств принятия политических решений, с помощью которых осуществляется общее благо путем предоставления самому народу права решать проблемы через выборы индивидов, идущих во власть для того, чтобы выполнить волю народа».

Однако главный недостаток подобного метода, по мнению того же Шумпетера, состоит в том, что разные индивиды вкладывают в понятие «общее благо» различное содержание. И он был совершенно прав. Общее благо в Украине имело четыреста пятьдесят видов различных содержаний народных депутатов плюс содержание администрации Президента, кабинета министров и пару сотен содержаний макро — и микро — олигархов страны. В результате демократия в Украине все больше становилась идеалом, чем объективной реальностью. Как мудро заметил однажды Президент Украины: «...реальное положение дел не соответствует действительному...».

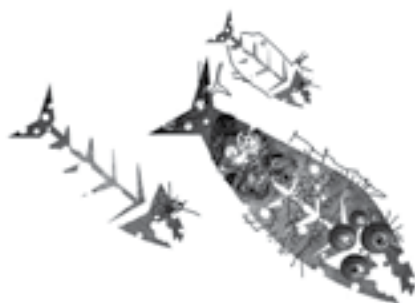
В Украине доступность профессии политика определялась банальным наличием денег и элементарным желанием претендента их заплатить. Техническое, технологическое, интеллектуальное и культурное отставание страны от современных мировых стандартов было

¹ Автор "Толкового словаря живого великорусского языка".

² Йозеф Алоиз Шумпетер (нем. Joseph Alois Schumpeter — австрийский и американский экономист, социолог и историк экономической мысли.

чудовищным. По заявлениям Терри Санделла¹, культурная политика в Украине касается лишь мертвых форм культуры. Отсюда и тенденции уделять внимание не живой культуре, а наследству. Это наследство когда-то тоже было живой культурой. Но поскольку Украина не инвестирует в настоящее, не создает климат, среду, где может процветать актуальная культура, то через 20—50 лет в Украине не будет наследства. Общая концепция украинской власти похожа на поиск причин зрелости в молодости и причин старости в зрелости.

Время шло, а Киев по-прежнему оставался одним из красивейших и стратегически важнейших городов Европы. Реальное значение древнего города осознавали и понимали не многие... А значение это лежало далеко за пределами определения степени важности украинского языка, цен на газ, коммунальных тарифов, национальной идеи, независимости страны и коренных граждан, количество которых с каждым годом стремительно уменьшалось... Реальные проблемы страны появлялись, жили и умирали сами по себе, а борьба за власть жила независимо от них где-то далеко в Пространстве Вариантов на краю реальности, интригуя народ все большей непредсказуемостью сюжета и отсутствием света в конце политического тоннеля.

¹Директор Британского экспертного совета по культуре в Украине.
«Комментарии» 4(64) от 2.02.2007 г. стр. 27. www.comments.ua

елый микроавтобус марки «Мерседес Vito» мчался по трассе Киев — Чернобыль. Водитель — молодой парень лет

двадцати пяти, из приезжих, внимательно всматривался в происходящее за лобовым стеклом. Он не превышал скорость и строго выполнял все правила дорожного движения. Яркое солнце светило с правой стороны, пешеходы в населенных пунктах вели себя достойно. Следом за микроавтобусом не отставала серая иномарка с грязными номерами.

— Петрович, а, правда, что во всем евреи виноваты?

— Еврейцы? Думаю, что далеко не во всем. Это нам так толкуют...

— Та не, Петрович, это точно во всем жида виноваты! — водитель оторвал взгляд от дороги и посмотрел в лицо пассажира.

— Вперед смотри!

— Все под контролем, Петрович!

— Еврейцы, говоришь... Эта публика уважает только силу. А иначе — тут же усядется на шею. Народишко нахальный!

— Богои-и-и-избранный, — водитель язвительно повысил голос.

— Что касается богоизбранности, то приемчик-то дешевенький. Так поступает любой бандит вроде тебя. «Я сильнее тебя, давай бабки!» — и бах по башке. Ничего нового тут нет. «Нас возлюбил Господь...» Тоже мне сокровище! Будто получше не нашлось. Но — молодцы. Они не торгуют путевками в рай. У них другие гешефты. Нам бы у них следовало кое-чему поучиться.

— У жидо-о-ов?

— Никогда не путайте, мой юный друг, две вещи: на белом свете есть евреи, а есть жида. И жидов, кстати, очень много среди русских. А уж среди украинцев, как я наблюдаю, нечего и говорить.

— А Христос?

— Не уверен я... про Христа... А не заслан ли он к нам еврейцами? Да, он обрезан был, и в синагогу ходил. И вдруг! Нате вам новую религию. Все, что выскакивает вдруг — это нехорошо. Тут надо разобратся... Да и с Магометом — тоже. Слишком уж везде торчат еврейские уши! Не зря же Магомет из Мекки в Медину сбежал, не зря...

— Может, натворил чего?

— Не исключается, мой юный друг, не исключается. А Медина — это иудеи. Они его и укрыли, и защитили. Такие вещи надо знать. А мозги — то у народа закомпостированы настолько плотно и умело, что впору брать топор.

— Петрович, на фи́га мы туда едем? Там же эта, ну как ее, ра... ра...

— Радиация, Вова, ра-ди-а-ц-и-я! Ты когда это слово выучишь?

— Да на фи́га мне это слово? Ё маё, нам шо, делать нечего?

— Так Вова бабки зарабатываются. Первый! Я — второй! Как слышишь?

Из динамика радиостанции послышалось шуршание и щелканье.

— Слышу хорошо, вас вижу.

— Внимательней рули, головой отвечаешь!

— Понял, Второй!

— Конец связи.

— Понял, конец связи.

— Мы, Вова, большое дело делаем для науки. Видел мешки?

— Ага. Тяжелые такие, в них шо, кирпичи битые, чи може¹...?

— Адсорбент, Вова, ад-сор-бент. Повтори!

— Ад... сор... як, як²?

¹ Или, может быть (укр.)

² Как, как?(укр.)

— Та ну тебя, задолбал ты меня своей тупостью. У тебя все мозги в мышцы ушли.

— Оскарбуха¹, Петрович...

— Ладно, не обижайся. Что бы ты Вова ни делал, делай всегда хорошо. Даже плохое дело надо делать хорошо.

— А мы шо, плохое дело делаем? — Вова пристально посмотрел Петровичу в лицо.

— Вперед смотри, водила-мудила, ты че болтаешь? Мы науке помогаем. Этот адсорбент экспериментальный. Ты когда-нибудь посуду мыл?

— Ну... Мыл...

— Тряпку выкручивал?

— Выкручивал.

— Так вот, когда тряпку выкручиваешь насухо, а потом протираешь тарелку, остатки воды впитываются в тряпку. Секёшь?

— Ну?

— Так вот, этот адсорбент так же как тряпка воду, впитывает радиацию.

— Во бля... — Вова удивленно посмотрел на Петровича и кивнул головой.

— Вперед смотри, мать твою... Штрафую на сотку. За систематическое нарушение инструкции. Понял?

— Петрович, больше не буду.

— Ага. Не буду — забуду. Так вот, твоя задача, Вова, состоит в том, чтобы эти мешочки уложить в щели саркофага, а я устанавливаю электронику, которая будет контролировать концентрацию радиации в адсорбенте. Понял?

— Ага... А костюм защитный дадите?

¹ Оскорбление (жаргон)

— Конечно. ОЗэКа¹ называется. Слыхал?

— Не-а. Петрович менты² впереди.

— Первый, я — Второй, как слышишь?

— Слышу хорошо. Менты, Петрович.

— Ну и что? Едь себе молча. В зону въезжаем, остановись, спроси у них что-нибудь.

— Чего спросить?

— Как проехать в Чернобыльскую зону, спроси, болдур! — перешел на крик Петрович.

— Окей, Второй.

Микроавтобус остановился. Водитель открыл дверь и вышел.

— Мужики, как проехать в зону ЧАЭС?

— Все время прямо, — равнодушно ответил сержант с фуражкой на затылке. — А пропуск в зону имеется?

— Само собой, а как же. Показать?

— Та езжай, кто ж туда по своей воле поедет? Там на въезде все равно проверяют, — лениво промямлил сержант и сел в машину.

Иномарка с Петровичем и Вовой лихо пролетела между микроавтобусом и ментами и скрылась за поворотом.

— Стой, подождем здесь. Глуши, — Петрович нервничал, но виду не показывал.

Конечно же, не из-за милиции его тревожила та самая радиация. Он знал, что этой весной на станции участились случаи внутреннего облучения работников, а внутри объекта «Укрытие» были возобновлены работы, в ходе которых планировалось изучить и заблокировать источники утечки радиации из-под саркофага. В сообщениях

пресс-службы эти работы были определены как «особо опасные».

— Едет. Все нормально.

— По коням, Вовчик, заводи!

Мигнув фарами, микроавтобус пролетел мимо. Иномарка вылетела следом, унося Петровича к давней мечте — домику на берегу Черного моря. Да. Это была его сокровенная мечта. Заказчик заплатил за операцию аванс триста пятьдесят тысяч «убитых енотов». Дальше по сценарию все надо было записать на видео и после передачи записи получить еще триста пятьдесят тысяч. День работы и мечта в кармане... *Море, чайки, катерок... Что там в мешках? Да какая разница? Сказано — адсорбент, значит адсорбент.*

Как бывший военный человек, он, конечно, не верил в адсорбент и в то, что электронное устройство, которое он должен будет установить — есть передатчик данных. Мысль о взрывчатке с дистанционным управлением не давала ему покоя. Он гнал ее, глушил разговором с Вованом, растворял в мыслях о море и домике, но безуспешно. Чем ближе они подъезжали к зоне — тем сильнее приливалась кровь к вискам и стук сердца заглушал рев иномарки. Николай Петрович Иващенко много повидал в этой жизни. Приходилось и стрелять, и взрывать. Афганистан, Карабах, Чечня... Но чтобы вот так? Против своих? Ненависть ко всем, как бывшим, так и нынешним руководителям страны не давала ему покоя ни днем, ни ночью. *Все сволочи, бандиты, проходимцы. Ненавижу. Это же надо такое со страной сделать... Окраины пустеют, села — исчезают, поля — не засеваются, заводы — на металл, людей — в батраки по соседям. Сволочи.* И вдруг он понял, почему он сделает то, на что решился месяц назад. *Он все сделает, а дальше будь, что будет. Взорвут? Ну и фиг с ним.* Ему вдруг захотелось посмотреть, как, в случае взрыва побегут из Киева жирные коты, бросая свои виллы на Козинке² и Конча-Заспе, как они будут вылетать из пен-хаузов и шикарных офисов... *Сволочи.*

¹ Общевоинской защитный костюм

² Милиция (сленг)

¹ у.е. — условные единицы, доллары США (сленг)

² Река Козинка, вблизи Киева выходящая на большую воду Днепра

Так вам и надо... Мартин говорил, что после благополучного завершения операции будет еще одна работа, очень денежная.

— Приехали, Петрович. Зона, — Вован снизил скорость и через несколько минут припарковался возле шлагбаума, где уже стоял микроавтобус.

— Строи-и-ители? А водка у вас есть, строи-и-ители? — сержант милиции обошел микроавтобус вокруг и остановился возле задней двери. — Открывай! Раз, два.

Водитель микроавтобуса открыл задние двери. Мешки с адсорбентом фирмы FOX, ящики с гвоздями, плотницкие инструменты и спецодежда в пакетах — это все, что удалось обнаружить.

— Та-а-ак, документы в поря-я-ядке, все соответствует. Или нет, товарищ водитель? Как там вас? Сергей Иваныч, — проверяющий посмотрел в лицо водителя и засмеялся. Резкий запах самогонного перага и чеснока чуть не свалили водителя микроавтобуса с ног.

— Чего голову втянул, воробей? Не бойс-с-сь, самому страшно. Водку, говорю, привезли?

— Та нет, не брали, а шо, надо было? — водитель микроавтобуса пожал плечами. — Не знали, в другой раз...

— Другого раза, братишка, может и не быть... Вишь, де мы службу несем? То-то! Каждый день, мож-а-а сказать, шо целая жи-и-ись. Тока держись. Эх. Летя-я-ять они, я-як пули у виска, мго-о-ове-ения, мго-ове-ения, мго... Гм.. — не допел известную песню сержант.

— Все нормально, мужики, парень новенький, не в курсе. Все есть, порядок знаем. И водочка и винцо красненькое и пивко, — Петрович подошел к сержанту и протянул звеняще-булькающий пакет, — как у вас тут погода? Кони Пржевальского не беспокоят?

— Кони? Та не. Мы их того... — сержант забрал пакет и поднес указательный палец правой руки ко рту и качнулся в сторону, — тс-с-с. Мы на них охо-и-мся. Только тс-с-с, никому, ты по-ял? Прр-жай! Раз, два! Не создавай очередь-ь-ь-е-е-дь.

Шлагбаум открылся и машины въехали в зону.

Петрович даже обиделся.

— Твою мать. Страна... Окраина мира. В Европу им хоца! А хрен в ж... не хоца? Бардак. Сталина на вас нету или Путина, в крайнем случае. Вояки хреновы — все просрали, — Петрович горько плюнул на пол автомобиля.

— Машина — то при чём? — обиженно прошипел Вован.

— Да пошёл ты, крути баранку и не вякай, урка недорезанная, — Петровичу было плохо. Он ненавидел бардак в принципе. Беспорядок и нарушение инструкций нервировали его больше всего на свете.

лло, это я.

— Слышу. — Мартин кивнул секретарю на дверь и тот быстро удалился. — Ну?

— Все прошло, как в лучших домах Лондона и Пари...

— Обойдемся без эпитетов, — перебил Мартин, — вы все сделали как надо?

— Обижаете, мой генерал. Я — человек военный. Сказано — сделано.

— На старом месте в час дня. Пообедаем и поговорим. Не опаздывайте и не забудьте то, что брали.

— Утром деньги, вечером стулья...

— Well, my friend. All will be good¹, — успокоил Петровича Мартин.

¹ Хорошо, мой друг. Все будет хорошо. (англ.)

Ну и хорошо. Начало есть — конец будет.

— So that is better, my general², — Петрович поспешил первым включить телефон. Он чувствовал себя победителем. *Не все им заправлять. Пусть прогнутся господа капиталисты...*

Николай Петрович приехал в Нон-Стоп раньше положенного на целый час. Он взял водочки и соленых огурчиков, затем селедки и вареников с мясом. По телевизору показывали футбол. Он выпил почти двести граммов, но состояние не менялось. *Не водка, а вода. Кто ее делает? Разбавляют, что ли?* Он оставил машину за цирком. Вован с кассетой находился в машине. Небольшую часть видеозаписи Петрович переписал в мобильный телефон, а копию записи, положил в депозитную ячейку Артем Банка у кинотеатра Киевская Русь. Так, на всякий случай.

— Здравствуйте, Николай Петрович, — Мартин появился настолько внезапно, что Петрович вздрогнул, — рад вас видеть здоровым и невредимым.

— Да уж, здоровым. Вы думаете, там свежий горный воздух? Я там набрался...

— Ничего вы не набрались. Вот посмотрите, — Мартин протянул Петровичу маленькую коробочку, похожую на брелок автомобильной сигнализации.

На дисплее была четко видна цифра 18.

— Что это? Это у меня 18? Это микрорентгенов? — недоверчиво проворчал Петрович.

— Естественно. Если бы вы «светились» — я бы к вам близко не подошел. Принесли?

— Осторожничайте? — Петрович протянул сумку.

— Бывает... Итак. Я никуда не спешу. Прошу вас все подробно вспомнить и рассказать. Все до мелочей, — Мартин проверил содержимое сумки, затем налил себе минеральной воды и перевел взгляд на собеседника.

— А запись? Вам что, не нужна запись? — нервничал Петрович.

— Нет. Запись у нас есть.

— Вот сволочь. Вован? Иуда!

— Ваш друг не при чем. Вас снимали скрытой камерой. Верней вы сами себя и снимали. Видите ли, в камере, которой вы снимали, установлено еще два замаскированных широкоугольных объектива, управляемые со спутника. Один сигнал шел, как положено, на пленку, а на спутник шли все три сигнала, разумеется, через ретранслирующее устройство, которое вы установили. Таким образом, мы все наблюдали в реальном времени и сразу же проверили работу устройства. Все в порядке. У нас нет сомнений, что продукт на месте и все подключено правильно.

Петровича пробил озноб. *Вот сволочи теперь я у них на кукане. Не сорвешься. Скрытая камера. Улыбнитесь, вас снимают...*

— Да, о деньгах не беспокойтесь, все уже на вашем счете, — Мартин успокоительно показал голливудскую улыбку и закурил.

— Я сейчас, — Петрович встал и вышел из зала. Зашел в туалет, достал телефон и набрал нужный номер, — проверь счет. Быстро. Сообщение сбросишь.

Какой им смысл платить, если у них запись закладки с лицами исполнителей? — подумал он и, не дождавшись ответа, включил телефон.

— Проверили? — Мартин спокойно пил минералку.

— Я вам верю. Вы же — джентльмен. Это я — баяк и проходимец, а вы то... — телефон подал сигнал о сообщении. Петрович глянул на дисплей, — теперь еще больше. Все в порядке. Спасибо...

¹ Так — то лучше, мой генерал (англ.)

— Мы же договорились, какие могут быть обманы? Все как в лучших домах Киева и Жмеринки, — саркастически съязвил Мартин, — переходим ко второй серии. Итак...

— Вы знаете, я наверно не смогу. Найдите кого-нибудь другого. Я устал, хочу отдохнуть.

— Вы еще не знаете, что я хочу предложить, а уже отказываетесь?

— Знаете ли? Пора на покой. Как говорится...

— Как говорится, покой нам только снится, — Мартин взял телефон-коммуникатор и нажал несколько клавиш, — взгляните сюда.

Петрович посмотрел на дисплей, сердце съежилось, а тело стало невесомым. На дисплее красовалась единица с шестью нулями.

— Гм. Да... Это в уе? Или? Гм...

— Нет не в уе, а, скажем, в фунтах стерлингов. Так вас устроит? — хитро сверкнул глазами Мартин, — да и запись процесса получите в придачу, в виде бонуса.

— Что я должен сделать?

— Well here it is other conversation¹. Сначала действительно отдохните. Вот билет на самолет. Вылет завтра. Неделька отдыха и за работу.

— А куда?

— К морю и солнцу.

— А кто платит за отдых?

— Фирма. Это бонус, премия, по-вашему, — Мартин достал конверт и передал Петровичу, — через неделю позвоните мне, но не слишком рано. Окей? Спасибо, что камеру не забыли. Казенное имущество.

Мартин встал.

— И все же. Что я должен буду сделать?

— Дело вам по силам. Все соответственно вашей специализации. Не волнуйтесь. Кроме этой суммы, как я уже сказал, вы получите оригинал вчерашней записи. Разве это для вас не имеет значения?

— А копии останутся?

— Я постараюсь, чтобы копий не было.

— Вы должны дать гарантии... — Петрович нервничал. Он прекрасно осознавал, что гарантий нет и быть не может. *И всё же*, — гарантии?

— Я даю вам слово джентльмена, — трудно было понять, шутит ли Мартин, или говорит серьезно.

— Нет решений правильных и неправильных, есть решения только вынужденные, — философски заметил Николай Петрович, — лед тронулся, господа присяжные заседатели. Договорились!

— Ну, вот и славно. Руководство вас очень ценит. Вас ждет достойное будущее. Не надо ни о чем беспокоиться. Все уже давно решено без нас с вами. И от того хотим мы этого или нет — ничего не зависит. Все равно будет так, как решено.

— Кем решено? — Николай Петрович обмяк и успокоился.

Ему действительно было уже все равно. Он чувствовал себя вагончиком, поставленным на рельсы чьей-то могучей рукой. Ощущения безысходности и собственной никчемности нивелировались мыслью о единице с шестью нулями.

Мартин в очередной раз улыбнулся и, ничего не ответив, вышел из кафе.

¹ Вот это другой разговор (англ.)

Михаил Яковлевич жил у Бориса Семеновича Владимирского уже вторую неделю.

На улицу выходил только с наступлением темноты. Звонить друзьям и родным было рискованно. Грумберг после приступа куда-то пропал. Клара занималась с учениками английским языком. Владимирский дописывал очередную научную статью. Эммануил не появлялся. Михаил Яковлевич при содействии кубика целыми днями путешествовал по Пространству Вариантов, сетям инета, чужим мониторам и телевизорам, по радиоволнам FM — станций и магнитным полям.

Его жизнь так круто изменилась, что прошлое казалось ему микроскопическим фрагментом, одним днем из миллиона. Ему казалось, что неделя, прожитая у Владимирского, в тысячи раз больше и значимей, чем вся его прошлая жизнь. Вторая неделя пробежала так же быстро, как и первая. Михаил записывал все свои мысли и чувства, полученные во время странствований. Он научился пользоваться настройками Пространства и управлять ими. Управление Пространством Вариантов было похоже на управление радиоприемником. Сдвигаешь мысленно ручку влево и получаешь сдвиг событий в сторону параллельную существующей в условной реальности. Он видел, что в Пространстве есть все возможные варианты развития событий. Буквально все, которые только можно представить. Там даже есть вариант, где Борис Семенович — Президент Украины. Конечно, этот вариант очень далеко расположен от реально происходящего, но все же он существует. Миллионы и миллиарды всевозможных вариантов развития событий. Знания, полученные в той, старой, неинтересной жизни, дополнялись целым океаном знаний и мироощущений, эмоциями, полными красок и запахов, форм и движения. При этом он вдруг понял, что знания не хранятся в голове человека, они находятся в Пространстве Вариантов, а человек только лишь заучивает путь к ним.

— Миша, а зачем человек живет на Земле? — Владимирский,

задавая этот вопрос, лукаво поглядывал то на Михаила, то на кубик, лежащий на столе.

— Раньше я бы вам сразу ответил, а вот сейчас... Затрудняюсь... — Михаил пощипывал отросшую с проседью бородку. *Что за идиотский вопрос?* — нас с вами кто-то спрашивал, когда впускал в этот мир?

— Миша, а ты за свое тело платил? — процедил сквозь зубы академик.

— Извините меня, Семеныч, но вопрос дурацкий.

— Человек, Миша, это единственное животное, способное быть дураком. Так что гордитесь! Как говорил мой бедный папа Сема: многие принимали ванну, но гениально принял ее только один. — Борис Семенович многозначительно покачал головой. — Так значит, вам Бог дал организм совершенно бесплатно?

— Бог — посредством родителей, — уточнил Михаил.

— Так вот почему тогда вы в свой организм курите, пьете всякую дрянь, едите вредные и лишние продукты?

— Я что, слишком много у вас съел? — попытался обидеться Михаил.

— Ну что вы... Что вы... Это я так философствую. Вы не похожи на человека с лишними калориями. — Владимирский улыбнулся, — Калории, мой юный друг, это такие мелкие пакостники, которые приходят ночью и ушивают твою одежду. Да. Нашему народу без войны и труда досталась шикарная территория с удивительно выгодным географическим и геополитическим положением, а он это не ценит. Гробит страну, как мы с вами свои организмы. Как видите лишние калории невпрок...

— Закон аналогии подставляете? Так это и невооруженным глазом видно, что все идет к развалу. Такое впечатление, что эти так называемые политики испытывают страну на прочность. Продавцы хаоса, они рано или поздно доиграются, — Михаилу не хотелось говорить о политиках и стране.

августе 1971 года США де-факто прекращают обмен золота на собственные деньги. Доверие к доллару подкреплялось военной и экономической мощью, что позволило и дальше печатать бумагу и вбрасывать ее на мировые валютные рынки. В настоящее время на земном шаре в наличном обращении находится 460 миллиардов долларов США, а в самих США — 150 миллиардов. США — страна с самой большой задолженностью на планете. В настоящее время суммарный долг США составляет астрономическую сумму 26 триллионов долларов. Руководители США — такие же марионетки в руках мировых финансовых кланов, как и руководители большинства стран планеты. 15 июня 1996 года агентство Рейтер привело данные из доклада ООН по Программе развития семей-кланов миллиардеров, которые имеют доход, превышающий в долларовом исчислении совокупные доходы 45% населения Земли. Клан семьи Бауэров владел огромным состоянием. Банки в США и Европе, контрольные пакеты акций крупных транснациональных компаний, алмазные и золотые прииски в Африке. Но главным богатством семьи считались традиции и классический семейный консерватизм. Дэвид Дж. Бауэр в 1987 году в Массачусетском Технологическом Институте получил ученую степень доктора философии. В дальнейшем был профессором в Стэнфорде и возглавлял отдел в Принстоне. С 1990 года он в различные периоды времени принимал участие в работе ФБР Филадельфии, Бостона и Нью-Йорка. Был директором программы по разработке теории монетарной политики Национального бюро экономических исследований, а в девяносто втором он уже был консультантом Совета Директоров Федерального Резерва по Восточной Европе. Поставка гуманитарной помощи в страны бывшего СССР, создание сети общественных организаций в России и в Украине, выявление и организация выезда в США ведущих инженеров и специалистов, разработка операции по отделению украинской церкви — это лишь небольшой перечень «добрых» дел, которыми занимался Дэвид

Ему хотелось поделиться с Борисом Семеновичем своими мыслями о Пространстве Вариантов, рассказать ему о том, чего никогда не произойдет. *Смеишно. Рассказывать о том, чего никогда не будет или о том, чего не произошло в прошлом... Но в Пространстве Вариантов это же существует, а значит это возможно. Бред какой-то. Существует. Не существует,* — Семёныч, я тут кое-что записываю, есть достаточно интересная информация. Но мне надо еще несколько дней. Потерпите?

— Нет, выгоню тебя, бля, на улицу, мать моя женщина. Говорил мне папа: «Боря, то у тебя же друзья такие, шо и врагов не надо». Как вы, Миша, можете так рассуждать, да еще и вслух. Ну, думаете, себе под нос всякие гадости про меня и ладно, зачем же голос поднимать? Ай, яй, яй. Стыдно вам, молодой человек. По-тер-пи-те? Таки не в доме терпимости, слава Богу. Ты мне, Миша, такую радость доставляешь своим присутствием, что я бы тебе и сам доплачивал, так ты же не возьмишь, негодаяй этакий.

— Возьму. Только водкой. — улыбнулся Михаил.

Владимирский открыл шкаф, достал небольшой сверток и положил на стол.

— Что это?

— Книга, друг мой, просто книга. — Борис Семенович задумчиво смотрел на сверток.

— Вы ее читали?

— Нет.

— Я вас не понимаю.

— Мне ее дали на хранение. Понимаешь, весь тираж был украден, это последний экземпляр...

— А кто автор и как называется книга?

— Не знаю...

Бауэр в последнем десятилетии прошлого века. Колоссальные связи и неограниченные финансовые возможности обеспечивали его истинное могущество и влияние в обществе.

Однако Совет Директоров Федерального Резерва в последнее время был очень обеспокоен текущим положением дел. Доллар слабел на глазах, а новая валюта — заменитель еще не была до конца готова. Верней, не была готова почва для внедрения. Задолго до нынешнего кризиса проводились работы по созданию общеевропейской валюты: сначала ЭКЮ, затем — плавающий коридор валют и, наконец, — ЕВРО. Оставалось решить задачу: как заставить огромный долларовый пузырь, гуляющий по странам и континентам и вот-вот готовый лопнуть.

Первого января 1999 года официально введена общеевропейская валюта — ЕВРО, а с 1 января 2001 года евро ходит в виде наличных денег. Что дальше? Подготовительный этап закончен. Перед Советом стоит новая задача: обеспечить перевод финансовой системы на новую валюту и сделать это достаточно быстро, пока не рухнула старая система. Слухи о том, что крах близок, распространяются, как эпидемия. Таковы издержки демократии. Были приняты меры. Операция «Avalanche»¹ значительно улучшила положение дел. Средства массовой информации работали на полную мощность, получая деньги не за качество информации, а за количество. Гениальная идея — завалить народонаселение планеты лавиной информации. Принцип прост: чтобы помешать найти «иголку», необходимо соорудить «стог сена», а лучше вообще не останавливать процесс производства «сена». А если контролировать производство и распространение «сена», то, понятное дело, можно всегда знать, где именно находится «иголка»...

Известный американский экономист Линдон Ларуш заявлял:

— Сегодня правительства и банки не собираются спасать нынешнюю финансовую систему. Они лишь пытаются продлить ее

¹ Лавина (англ.)

существование путем финансовой и политической поддержки. Что будет делать США, чтобы защитить свой рынок от хлынувшей в страну долларовой массы? Момент сброса доллара приближается, и он, по отношению к другим валютам (евро, иене) будет терять свою стоимость.

Дэвид Бауэр имел отношение к подготовке информации о фальшивых долларах, изготовленных в Чечне, Иране и Северной Корее. Он хорошо понимал, что в один прекрасный момент долларовая масса превратится в обычную бумагу. Даже туалетная бумага будет стоить дороже. А пока за эту бумагу страны бывшего СССР продолжают гнать на Запад реальное богатство: газ, нефть, сырье и многое-многое другое. *Время еще не пришло. Но надо торопиться. Момент истины близок...*

Олег Иванович Пушкарев, будучи человеком необычной профессии, жил размеренной, организованной, но вместе с тем очень стремительной жизнью. Зарабатывая большие деньги, он имел в собственности ряд предприятий и не только в Украине. Но поскольку его профессия и хобби по своей сущности, значимости и КПД¹ совершенно совпадали с его целью в жизни — он сам не всегда мог точно сказать, чем занимается в конкретный момент времени: работает или отдыхает. Он очень любил работу, и любовь эта не была безответной. Работая, он отдыхал, а отдыхая — работал. Олег Иванович принадлежал к той небольшой части населения Земли, которую политологи причисляют

¹ Коэффициент полезного действия.

к борцам за денежные знаки, а психологи — к рабам оных. Посвятив себя борьбе — он радовал близких не только систематичностью своего отсутствия, но и постоянством присутствия наличных денег «в тумбочке», которые никогда не кончались. Супруга Антонина с годами привыкла к состоянию «не все дома», а единственная дочь Даша носила фотографию редковидимого отца, чтобы, не дай Бог, не ошибиться при встрече.

Точное название его профессии еще не было определено. Но в своем нелегком деле Олег Иванович был просто волшебник. А волшебником он был в области решения нерешаемых вопросов. Это и было то, чем он занимался и увлекался одновременно, не покладая: рук, ног, нержавеющей телефона NOKIA, автомобиля марки «Lexus» с живущим в нём водителем и огромного портфеля, который он ласково называл кошельком. Олег Иванович не был филантропом и альтруистом. Но деньги не были для него самоцелью. Например, к наличным деньгам, бывшим в употреблении, он испытывал откровенную неприязнь, а вот когда деньги превращались в банковские счета с цифрами и ноликами — этот момент для Олега Ивановича был наиболее приятен и желателен.

Приходя поздно ночью домой, когда все уже спали, и уходя рано утром, когда все еще спали, он оставлял в тумбочке новые денежные знаки американского производства и уходил... Уходил, чтобы после взятия очередного финансового плацдарма и выплаты потерпевшей стороной контрибуции в свободно конвертируемой валюте, вернуться к заветной тумбочке.

В редкие мгновения жизни, в мгновения бизнес-тайм-аутов Олег Иванович скоростно брал любимую супругу и летел в Египет. Отдохнув 2 — 3 часа, он возвращался в Киев, чтобы снова окунуться с головой в кипящие волны денежных потоков, в вечную борьбу за контроль над реальностью.

Борьба продолжалась, а жизнь заканчивалась, здоровье давало о себе знать, а время на пользование нажитым богатством — отсутствовало... Дела росли, как снежный ком, и толкать этот ком становилось все тяжелей и тяжелей...

Дверь в офис распахнулась, на пороге появился симпатичный молодой брюнет лет тридцати — тридцати пяти. Одет он был во все черное. Черный костюм, черные туфли, черный джемпер.

— Привет, это мой новый файл-клерк? Я не ошибся?

— Да. Но...

— Никаких но! — брюнет с ног до головы осмотрел девушку. — Не волнуйтесь, испытательный срок пробежит быстро. Так, так. Будем считать, что с первого взгляда вы вполне можете подойти. Кто меня искал? Кто звонил? Извините, не представился. Олег Иванович.

— Я уже поняла. Олег Иванович, вам и теперь звонят по внутренней линии.

— Кто?

— Не знаю, говорит, «земляк».

— Маня, я тебя прошу, сначала спрашивай имя!

— Я спрашивала, а он говорит, срочно давай, я земляк! — девушка смущенно и удивленно посмотрела на Олега Ивановича. *Почему Маня?*

— Ладно, соединяй, — Олег Иванович был полон сил и энергия била из него ключом. *Классно придумал. Маня! А ей вроде не нравится...*

— Алло... А-лл-о-о...

— Олег, привет! Это я... Серега!

— Да слышу я, не глухой, Серега, а ты что, представиться не можешь? Зе-м-ля-ч-ок.

— Та я думал, она меня узнает. А она...

— Кто узнает? Серж, не чуди, она работает второй день, у нее сотни звонков, откуда ей было знать, что ты за земляк. Ладно, ты где? — Олег Иванович посмотрел на часы. — На вокзале? Ты поездом?

— Да нет, мы в кафе заехали.

— Опять Макдональд? Ну ты, чувак, не жалей свой желудок. Далеко от туалета не отходи, брат, не рискуй...

— Да ну тебя, все нормально, кофе пьем. Даст Бог — выживем. Хочу тебя увидеть.

— Хорошо, минут тридцать, разгребусь и к тебе.

— Окей, жду.

— Маня, напомнишь, мне через тридцать минут на встречу и Онегина предупреди, чтоб был готов.

— Хорошо, Олег Иванович, но я — не Маня, я...

— Маня — это очень хорошо, это от слова Money¹. Соглашайся, а то будешь Муней. У каждого писателя и певицы есть псевдоним, ты, наверно, знаешь?

— Я не писатель и не певица, и...

— Ну и что, а вдруг станешь? А у тебя уже будет псевдоним Маня! Звучит гордо. А то будешь Муней. Выбирай! — Олег Иванович наклонился над столом. Глубокое декольте с трудом скрывало пышные формы Мани. *А она ничего. В порядке.*

— Муней? Ну... Это... Да нет... — она поймала его взгляд и опустила глаза.

— Ну, тогда договорились. Итак, Маня принимай дела. Ты же — мой личный секретарь-референт, — кровь ударила Олегу Ивановичу в виски, сердце забилося, как в студенческие годы.

— А кто такой Онегин? — не поднимая глаз, тихо спросила Маня.

— Тебя не предупредили? Уволю хулюганов. Это я так нежно называю своего водителя Евгения. Поняла?

— Да, конечно. Ну почему именно Онегин?

— Не понял!? У тебя есть другие варианты? — он наклонился ниже и заглянул в ее глаза. *Голубые. Классная деваха. И голос приятный и все остальное...*

— Евгений по-гречески «благородный». Прямой перевод: Ациль, современное израильское имя, но очень редкое. Близкое по смыслу имя Иди — «наилучший». Можно Авирам, от двух слов: «отец мой» и «высокий», «возвышенный» — такое имя указывает на аристократизм или просто Рами — от того же корня, — Маня обиженно сверкнула глазками.

— Так, так... Любопытно... Ты где этого нахваталась? Я поражен. Такого не может быть. Женщина либо умная, либо красивая. А ты...

— Вы не читали мое резюме? Я филолог. Кстати, вас ждал посетитель, настойчивый такой. Но...

— Что значит «но»?

— Станный он.

— И чего же в нем было такого странного? — Олег Иванович взял себя в руки.

— В джинсовом костюме...

— Чего же тут странного, люди не могут ходить в джинсовом костюме?

— Да нет, дело не в джинсовом костюме... Просто... Он как-то нервничал, отказался от кофе, а после того, как выпил воду, одноразовый стаканчик засунул себе в карман, он думал, я не увижу, а я в отражении стекла увидела. Думаю, а зачем ему стакан одноразовый?

— Ну, мало ли... Может надо было человеку.

— Хорошо, а почему он тогда ушел? Я же ему сказала, что вы уже в здании и поднимаетесь вверх?

— А вот это уже серьезней... Какая ты внимательная! Молодца! Так держать.

¹ Деньги

— Да, вы точно не читали мое резюме. Я хорошо разбираюсь в психологии...

— Мне плевать на резюме, тебя рекомендовал мой друг. Ну, все же молодец. Толково. Я подумаю. Рами... Не плохо. А тебе прибавка к заработку. Плюс десять процентов. За знания и своевременное их применение. Поняла?

— Да, конечно. Спасибо Олег Иванович.

— Кто еще звонил? — Олег Иванович подхватил увесистый портфель и направился в свой кабинет.

— Реестр звонивших и телефонограммы у вас на столе. Чай сделать?

— Кофе. Только кофе и с небольшим количеством сахара, буквально десять — пятнадцать сахаринок. И... Без воды...

— Гм... Я не ...

— Да шучу я с водой, конечно, только быстрее, — он еще раз осмотрел девушку. *Так и влюбиться можно. Надо ее в ресторан пригласить, на ужин...*

Олег Иванович пробежал по реестру звонков. Страница, другая, третья. *Михаил Яковлевич не звонил, странно, куда он пропал? Вот так всегда, с кем поведешься, от того и заболеешь. А что это за звонки? Двадцать четыре звонка. Один и тот же номер. Он набрал номер в мобильном телефоне. Нет. Такого номера у него не было. Как я не люблю незнакомые номера. Надо проверить.*

— Маня, а ну-ка набери мне Михалыча. Ах, да, ты еще, наверно, не в курсе...

— Почему? Мне все объяснили, пока вы отдыхали, я в курсе. Сейчас наберу.

Олег Иванович испытывал тревожное чувство, но никак не мог понять, откуда оно исходит. Он сел в кресло. Закрыв глаза и настроился на чувство тревоги. В темноте закрытых глаз мелькали разноцветные точки и размытые геометрические фигуры. Он умел фиксировать

чувство, раскручивать его и утрировать. Он даже мог настроиться на запах чувства, умел определять его форму и вес. Это был его большой секрет. Об этом не знал никто. Олег Иванович оберегал эту способность, этот Божественный Дар, как зеницу ока. Всегда, когда надо было принимать важное решение, он обращался к скрытой от глаз близких способности. Для этого ему было необходимо две-три минуты тишины и удобное расположение тела.

— Олег Иванович, Анатолий Михайлович на линии, соединять?

— Соединяй. Алло, Михалыч, как дела? Как новый офис?

— Спасибо, Олег Иванович, за жалюзи.

— Не за что. Может еще чего надо?

— Когда поедете с нами на охоту?

— Лучше на Сапсан¹, по тарелкам. Жалко мне зверушек, да и небезопасное это дело...

— Бойтесь? Вы думаете, в Киеве мало людей с оружием бродит?

— Ну ладно, поедем, поедем. Вот немного разгребусь и буду проситься.

— Вот так бы сразу и сказал. А чего трезвонишь?

— Да хочу, чтобы вы номерок пробили. Поможете?

— Для вас любой каприз. Перекиньте информацию, а мы поработаем. Как срочно?

— Вчера.

— Понял, сделаем, доложу.

— Буду ждать.

— Есть.

Олег Иванович положил трубку и размашистым почерком написал незнакомый номер.

¹ Стрелковый клуб в Броварах, под Киевом.

— Маня, сбрось Михалычу факсом эту записку. Я отдохну минуту, меня нет ни для кого. Угу? Ма-ня-я-я!

— Хорошо, Олег Иванович, я все поняла, меня предупреждали, я в курсе.

Маня хорошо выучила инструкции. Когда Олег Иванович говорит, что его нет — это означает выключение всех телефонов, закрытие входной двери в приемную и полную тишину.

Олег Иванович закрыл глаза. *Круги, фигуры, цветной дым... Дальше, дальше... Коридор. Дверь. Пустота... Круги, фигуры. Падение вниз. Взлет вверх. Еще выше. Еще... Небо. Солнце. Падение. Круги, фигуры, цифры. Голос. Очень знакомый голос. Кто же это? Лицо. Бабушка? Круги, фигуры, цифры. Голос. «Уходи, срочно уходи. Исчезни на несколько дней! Срочно уходи. Уходи. Уходи».* *Круги, фигуры, цифры. Цифры. Не забыть. Пять, восемь, ноль, ..., два, один, ... голос. «Уходи, срочно уходи».*

Олег Иванович открыл глаза. Холодный пот стекал по вискам и бровям. Он взял карандаш и записал продиктованные бабушкой цифры, затем встал, собрал со стола документы, схватил портфель и направился к выходу.

— Маня, резко встала, так, взяла свои вещи и на выход. Быстро.

— Я что уволена? — испугалась девушка.

— Нет. Ты только что получила прибавку к зарплате и уходишь в отпуск.

— Я же...

— Без возражений. Быстро. На выход.

Он взял ее за руку и потащил к двери. Растерянная девушка не сопротивлялась. Ее предупреждали о странностях работодателя, но такого поворота событий она точно не ожидала. Они вышли из офиса в коридор.

— Лифт? — голос девушки дрожал.

— Никаких лифтов. Только лестница, — он крепко удерживал ее руку.

Спустившись вниз, они не пошли к машине во внутренний двор, а вышли с толпой через центральный вход. Людная улица встретила их ревом автомобилей и запахом бушующей зелени. Перейдя через улицу, они сели за столик летнего кафе. Олег Иванович сел лицом к зданию, где на пятом этаже остался офис. Ему казалось, что сердце выскочит наружу, а кровь, ударившая в голову, вторила словам бабушки: «Срочно, уходи, уходи... ди... ди...». Он достал листок с записанным номером. *Что это за цифры? Семь цифр. Семь цифр. Номер телефона?* Звонок мобилки едва пробился сквозь шум улицы.

— Олег, привет. Ты уже в Киеве?

— Мартин? Привет. Да. Хорошее кончается быстро. Я на родной земле, первый день на работе, — Олег Иванович почувствовал тревогу как чувствуют морскую волну. Он ее увидел. *Мартин? Почему Мартин?*

— Ты в офисе?

— Конечно.

— А чего так шумно?

— Это телевизор, сейчас выключу, — Олег Иванович почувствовал легкость в затылке и свободу в груди. *Почему он спрашивает? Зачем ему это надо?* Время ускорялось. Он не отрывал взгляд от окон офиса.

— Олег Иванович, вы подумали над нашим предложением?

— Гм... В смысле? — *ах, вот оно что. Предложение. Землю тебе? Да пошел ты...* — Да! Подумал.

— Ну и?

— Вы знаете, я не буду продавать этот участок.

— Вы точно решили? Не передумаете? — голос Мартина стал металлическим. — Мы можем увеличить сумму вдвое.

— Приговор окончательный и обжалованию не подлежит! — Олег Иванович почувствовал ударивший в голову адреналин. *Ну- ну и что ты скажешь?*

— Вы делаете ошибку. Непоправимую ошибку. Жалеть не будете?

— Не ошибается тот, кто ничего не делает.

— Ну, тогда прощайте, не обижайтесь, ничего личного. Бизнес, знаете ли... — Мартин отключился.

Олег Иванович много раз видел в кино, как вылетают окна после взрыва, как разбегаются в панике люди, как огненные языки пламени вырываются из черных проемов, облизывая холодное пространство. Но. Теперь он увидел все это наяву. Окна его офиса, как в замедленной съемке, надулись и вылетели. Блеск осколков ослепил своей чудовищностью, а пришедший через мгновение звук — оглушил. Олег Иванович не удивлялся крикам людей и сработавшей сигнализации припаркованных у здания автомобилей. Он интуитивно этого ждал. Все было как в кино. Онемевшая Маня только открывала рот, не в силах что-либо произнести. Слезы текли по ее щекам, растворяя тушь, образуя черные следы-ручейки.

Олег Иванович выглядел спокойно и уверенно. *Спасибо, бабушка, спасибо, дорогая моя. Спасибо тебе...*

— Оле-с-ег И-ва-ано-ов-и-ич, н-у, к-а-ак же э-э-это? — заикалась перепуганная Маня, вытирая платком слезы. — Как же мы с вами успели? Как мы успе-е-сли вы-ы-йти?

— Спасибо бабушке. Предупредила вовремя... — задумчиво пробормотал Олег Иванович.

— Какая бабушка?

— Моя бабушка, Маня, моя родная бабушка.

— У вас же нет бабушек. То есть они давно умерли... Мне так сказали, так было написано...

— Написано? В газетах тоже много чего написано, что же нам

всему верить? — Олег Иванович улыбнулся неестественной улыбкой и поднялся. Приехавшие пожарники раскручивали шланги и настраивали телескопическую лестницу.

— Итак, Маня, у нас больше нет офиса. Но это не значит, что у нас его не будет. Вот тебе карточка, здесь есть деньги. Добирайся домой, я тебя найду, когда надо будет. Лучше даже не домой. Есть подруга или друг?

Маня одобрительно кивнула головой.

— Гм. Подруга...

— Так вот, лучше исчезни на пару тройку дней, съезди в Египет или в Турцию. Про сегодняшний день никому. Ты поняла? Никому ничего. Если кто будет спрашивать, говори, что вышла в кафе, а я оставался в офисе. После взрыва ты меня не видела. Окей? Ма-а-аня! Ты меня слышишь? — он потряс ее за руку.

— Окей, Олег Иванович, я все поняла. Я все сделаю, как вы сказали. Я...

— Ладно, ладно, успокойся, — он присел рядом, погладил ее по голове, — все будет хорошо, ты поняла?

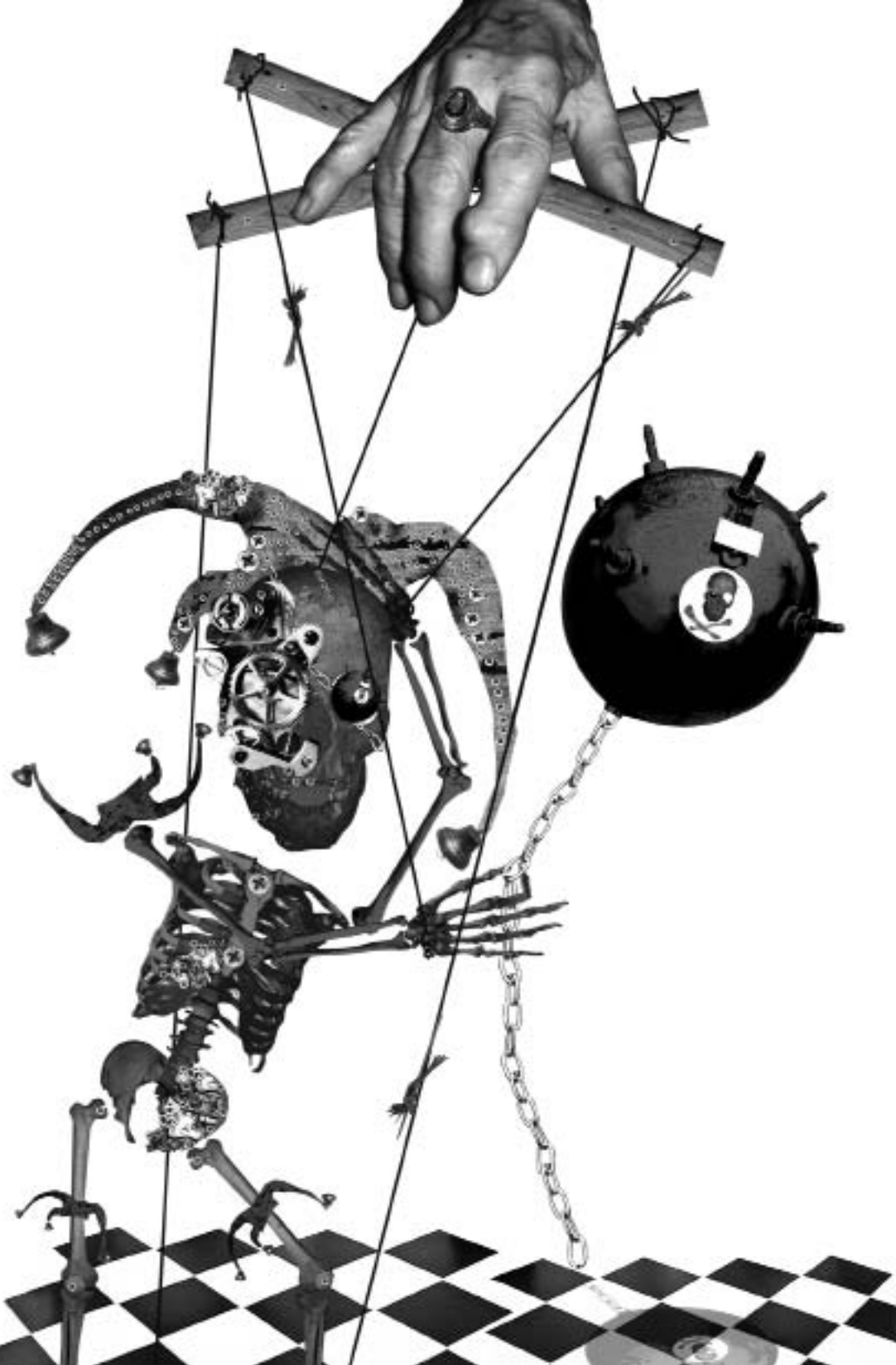
— Да... — она всхлипнула и кивнула головой.

— Деньги у тебя есть, успокойся и быстренько отсюда сваливай. Мобилку не выключай, я тебя найду, код карточки 2115, — он встал и, не оборачиваясь, зашагал к станции метро.

Часть вторая
ПРЯСТРАНСТВО

Лучшее - лучшим...

Господа, мы собрались с вами в такой поздний час не для того, чтобы петь друг другу дифирамбы и угощаться пивом. Дело чрезвычайной важности.

Знаете ли вы, что Российский Научный Центр Прикладных Исследований провел презентацию «звездной батареи», а также технологий и устройств, которые не имеют аналогов в мире? — Президент Соединенных Штатов перевел взгляд на присутствующих в комнате. — Основой «звездной батареи» послужило открытое российскими специалистами новое вещество — гетерозелектрик. Я пригласил специалистов из ЦРУ для более детального доклада по этому поводу. Прошу вас.

Из-за стола вышел пожилой стройный человек, с седой шевелюрой, в черном костюме. Он положил перед собой папку с бумагами, открыл ее и начал читать.

— Идея нового вещества заключается в том, что, размазанный в широком спектре длин электромагнитных волн, гетерозелектрик загоняет солнечный свет на одну частоту, тем самым, усиливая в несколько раз эффект. Гетерозелектрический фотоэлемент в совокупности с гетерозелектрическим конденсатором способны работать в видимом и инфракрасном излучениях. Эффективность работы нового устройства при видимом свете порядка 54 процентов, а в инфракрасном спектре — 31 процент, при фототоке в 4 раза выше и массой на ватт энергии в 1000 раз меньше, чем у фотоэлементов, существующих солнечных батарей. Расчеты показывают, что стоимость «звездной батареи» будет намного ниже, чем у всех существующих современных устройств. Гетерозелектрик позволяет осуществлять управление магнитным полем и его преобразование с целью создания приборов и устройств с прогнозируемыми оптическими, электрическими и магнитными свойствами. Это, что касается официальных сообщений. Но если рассмотреть этот вопрос

глубже... То... Гм... Я даже не знаю, как вам это сообщить. Это не просто достижение науки, которое, по сути, может уничтожить результат многолетних усилий американской политики и экономики, это — оружие, равных которому, до сих пор не существовало. Об этом можно долго говорить, но суть неизменна.

— Вы понимаете, что произошло? Господа, нет, вы не понимаете. Что мы с вами скажем нашим избирателям? Что мы будем делать с нашей энергетической системой? Да они просто нас раздавят этим своим гетероз-э-э... — Президент был взволнован и растерян.

— Гетерозелектриком, господин Президент, — поправил выступавший.

— Да. Вы понимаете, что происходит? Мы прикладываем колоссальные усилия, отвоевываем в Конгрессе миллиарды и все это впустую! Под угрозой безопасность Соединенных Штатов, под угрозой завоевание демократии. Американская мечта — в опасности, — Президент хотел сказать еще что-то о демократии, но передумал. *Не то время и не то место.* Он взглянул на часы. *Пора заканчивать, через час гольф с конгрессменами, затем ланч...* — мистер Смит, я вас очень прошу разобраться в данном вопросе и очень досконально. Даю вам ровно пять дней. Господа, прошу вас всех подготовить планы мероприятий. Мы должны доказать нашим избирателям, что мы не даром едим свой хлеб. Надеюсь, вы правильно меня понимаете?

Каждый раз, когда президентские дела и заботы требовали принятия важных конкретных решений, президент США испытывал жуткое чувство душевного дискомфорта и умственной слабости. Полагаясь в своих решениях на подчиненных, он не всегда понимал, что делает, а почти полное отсутствие масштабного мышления оправдывалось наивной уверенностью в лучшем будущем. Он играл в игру под названием «Президент Америки». Так было до него, так будет и после. Так будет всегда. Или нет? Скажем лучше — может быть. По крайней мере, в это верят все, кто в своих карманах имеют зеленые деньги, доллары... Что может обрадовать человека, имеющего возможность купить все? Правильно, возможность купить еще

больше или создать то, что нельзя купить и завладеть этим. Все-таки завладеть приятней, чем купить. Владеть! Так значит, все же власть? Власть над чем, над кем? Что движет президентами? Что мотивирует их? Президента Америки раздражали умные люди, он чувствовал силу их интеллекта, как чувствует болонка силу слона. Особенно сильно его раздражал бывший президент России, который, зная немецкий язык, без труда выучил еще и английский. Конечно, было бы неплохо ответить ему тем же — выучить русский, но... Он, конечно, пробовал и не раз... Но дальше приветствия продвинуться не удавалось. Что мешало? Какая разница, что мешало? Все мешало. Близкие и окружение, лень и праздность, власть и деньги. Смешно? Да, деньги, прежде всего и мешают. Это, когда их не хватает, человек трудится, учится, желает, мечтает. А когда их много, очень и очень много? Когда их миллиарды? Он часто вспоминал мудрость древних: кто не может работать — тот учит, кто не может работать и учить — управляет, а кто не может работать, учить и управлять — тот правит.

Борьба за мировое господство, в конечном счете, сводилась к борьбе за Азию. Кто будет владеть Азией, тот будет владеть Миром. В этом политическом раскладе огромную роль играла Украина. Это государство является, по сути, воротами в Азию. Географическое положение этого государства уникально. Если бы украинским политикам хватило ума осознать главное конкурентное преимущество своей страны... Страшно даже подумать, что могло бы произойти. Разделяй и властвуй. Идеальная формула. Слава Богу, разделить Украину оказалось совершенно несложно. А вот, сколько это состояние продержится неизвестно. Содержание нескольких сотен общественных организаций, работающих в Украине, обходилось американским налогоплательщикам в кругленькую сумму, но это было оправдано. С их помощью понятие американской демократии вовремя засело в буйных головах радикальных политиков, деструктивных граждан и членов экстремистских организаций. После падения «железного занавеса» жители Украины получили возможность говорить и делать все, что угодно, понимая демократию как вседозволенность. Борьба за Украину перешла в открытую форму противостояния Запада и Востока.

Президента Америки увлекала игра в политику... Игра судьбами миллионов людей. Судьбами государств. Но далеко не многие, даже из его собственного окружения, знали, кто управляет их шефом и как происходит это управление, не понимали, но чувствовали... чувствовали эту невероятную силу... Это была невидимая, но всемогущая сила, сила финансовой системы и тех, кто стоял за ней. Нет, об этих людях не пишут газеты, они не попадают в рейтинги самых богатых людей — они просто владеют на Земле всем, что на ней есть...

Виброзвонок мобильного телефона. Тревожное чувство неизвестности. Несколько колебаний и телефон успокоился. *Либо короткий звонок, либо сообщение.* Он достал телефон. *Сообщение.*

I wait for you in your cabinet¹

Президент быстрым шагом направился в овальный кабинет. *Ну, наконец-то.* Войдя в кабинет, он закрыл входную дверь на ключ. В кабинете были наглухо зашторены окна, полумрак комнаты нарушал тусклый настольный светильник.

— Ты здесь? — Президент оглянулся назад.

Неприятный холодок пробежал по спине.

— Я везде! — хриплый старческий голос прозвучал с левой стороны комнаты.

— Сколько тебя можно ждать? Я же вызывал тебя еще на прошлой неделе...

— Что случилось в вашем королевстве? — из-за шторы вышел человек похожий на средневекового старца. Он был одет в длинную серую рубаху, похожую на рясу священника. На голове был накинута капюшон, скрывающий голову и лицо. Мягкий свет фрагментами выхватывал из тени контуры подбородка, носа и нависающих над глазами густых бровей. Старец не спеша прошел к креслу. — Как у вас всех всё похоже, даже мебель...

— У кого это, у вас?

¹ Я жду тебя в твоём кабинете (англ.)

— Да неважно. Итак, что у тебя? Выкладывай, — старец откинулся в кресле и, забросив правую ногу на левую, направил посох на президента.

— Как могло случиться, что русские ученые открыли этот гетероэлектрик? Ты понимаешь, что всё, всё, что мы делаем, может провалиться в один миг? Мы проигрываем технологическую войну. Они...

— Не суетись, успокойся. А как ты думал? Система тоже работает, она отслеживает процессы и принимает решения. И действия Системы нам, к сожалению, не подвластны. Налей мне виски и успокойся.

— Виски? Успокойся? Еще немного и действительно уже больше не о чем будет беспокоиться, — Президент подошел к тумбочке, открыл дверцу и достал начатую бутылку. Разлив виски в два фужера президент уселся на стул напротив старца.

— Ты должен мне помочь. Нет, ты просто обязан что-то сделать. Ты и твои хозя...

— Тс-с-с, — старец прижал указательный палец левой руки к губам, — еще одно слово и я не дам за твою жизнь ни цента.

— Но ты должен по-о...

— Я знаю, что я должен и кому должен, — старец оторвал спину от кресла и наклонился вперед, — у нас одна цель. Но мне будет нелегко сделать для тебя то, о чем ты просишь. Слуги Системы зашифровали и фрагментировали практически все Материальное Сознание. А храниться оно теперь в информационных оболочках, живущих на земле людей. В их мечтах, снах, иллюзиях, бредовых идеях. Понимаешь теперь? Алгоритм фрагментации и хранения знает только Создатель. Там все ответы, на все вопросы. А ты... В чем именно ты желаешь помощи?

— Наши ученые уже много лет работают над одним веществом. Я не могу сейчас точно сказать, я просто не помню...

— Президент великой страны... Не помню, не знаю... В гольфклуб торопишься?

— Я не обязан все помнить. У меня есть доклад ученых,

я сейчас... — Президент открыл сейф и достал папку с документами. — Вот. Субстанция с почти полным отсутствием энтропийной¹... Это — абсолютно холодный своеобразный световой кристалл... Луч лазера, скорее всего, самый реальный кандидат в качестве инструмента, позволяющего реализовать принцип термоядерной генерации энергии. Если мы будем действовать самостоятельно без твоей помощи, это может произойти не раньше 2022 года. А это слишком долго. Русские нас уже обгоняют.

— Ты хочешь занять водородные микробомбы?

— Так ты в курсе? — Президент удивленно посмотрел на старца.

— Слышал кое-что. Твои ученые работают со смесью дейтерия с тритием, такие бомбочки могут взрываться с энергией в 10 мегаджоулей. Взрывы эти происходят под воздействием лазерного излучения. Практическая эффективность такого достижения, конечно, невелика. Но...

— Прорыв в суперплотность! — прочитал Президент фразу, выделенную в документе жирным шрифтом.

— Дело в том, что микробомба срабатывает полноценно только при эффективной имплозии¹.

— В ближайшее время посредством имплозии может быть достигнуто давление выше давления внутри Солнца. Правда, на Солнце подобное давление поддерживается вечно — миллиарды лет, а в микробомбе примерно одну миллиардную секунды.

— Зато в микробомбе и температура, и плотность, пусть мимолетно, но превосходят солнечные параметры в десять раз. Оптимизация режимов лазерного термояда позволит получать микровзрывы под воздействием лазерных импульсов. В дальнейшей перспективе — создание реакторов, в которых взрывы сантиметровых микробомб под воздействием лазерных или ионно-пучковых потоков, дадут энергию в тысячи мегаджоулей. Но радиоактивный тритий экологически неудобен, его

¹ Программированный взрыв внутрь, приводящий к суперсжатию.

надо заменить нерадиоактивной смесью дейтерия с легким изотопом гелия-3 или чистым дейтерием. Я понимаю, это будет означать пришествие термояда в промышленную энергетику, появление которой ожидается в период не ранее 2030 года. Исследованиями занимаются ученые Ливерморской национальной лаборатории имени Лоуренса?

— Да ты лучше меня все знаешь, — нахмурился президент.

— При желании это может узнать даже школьник, главное знать, что искать... Я помогу, только твои тоже должны напрягаться.

— А мои не спят. Самым продвинутым на сегодняшний день проектом лазерного термояда считается американский проект NIF, реализуемый, как ты уже знаешь, в Ливерморской национальной лаборатории. Мировые расходы на микровзрывной термояд достигают на сегодня триллиона долларов в год или выше. Но существенного успеха еще никто не достиг, — заключил Президент.

— Гонка в создании реакторов — дело закономерное. Но не обязательно только лишь для электростанций. Подсистемы космических платформ, межпланетных кораблей и самолетов на микровзрывной энергетике. Реакторы на основе различных топлив, в том числе — для лунных и марсианских баз. Возведение прототипов стационарных и мобильных термоядерных комплексов различного предназначения, в том числе — межпланетных, развивающих скорость более 100 километров в секунду — вот это уже дело серьезное. Ты понимаешь, что просишь? Такой скачок материального сознания не пройдет незамеченным. Возмущение равновесных сил будет огромным, а последствия непредсказуемыми и необратимыми. Тут одними торнадо и наводнениями может не обойтись. Развитие промышленной добычи гелия-3 на Луне с доставкой на Землю станет обыденным делом. Ты этого хочешь? — старец хрипло рассмеялся.

— Я не знаю... Ты столько наговорил... Я не всё понимаю... Но я хочу...

— А-а-а, все-таки ты говоришь «хочу»! Молодец, настоящий ковбой! Будь, что будет, а я хочу! Вот это поступок! Равный великим

правителям, — старец снова рассмеялся, — амбиции, амбиции... Хорошо, но мне одному это не под силу. То, что ты просишь находится на Украине. Нам известно многое, но не все. Думаю, что совместными усилиями мы найдем то, что нам нужно.

— Мои возможности в твоём распоряжении.

— Окей. Тогда дай команду своим генералам, чтобы сориентировали своих дешифровщиков на работу с Торой, необходимо разобраться с геометрическим кодом Торы. Это будет первый шаг.

— Не понимаю, при чем тут Тора? Что может связывать настоящее и тысячелетнее прошлое?

Старец молча направил свой посох на противоположную стену. Луч света вырвался из посоха, а на стене появилось изображение.

— Смотри сюда, — прохрипел старец, — я тебе сейчас объясню. Речь идет о геометрических закономерностях расположения слов в печатном тексте Торы. Я предполагаю, что ты видишь это впервые. В оригинальном тексте Десяти Заповедей Торы на иврите совершенно отчетливо видна система параллельных и взаимно перпендикулярных линий, соединяющих одинаковые слова. В данном случае соединены слова — «Господь». Вполне естественно предположить неслучайность расположения одинаковых слов в тексте. Достаточно простого здравого смысла, чтобы понять, что вероятность случайного совпадения в такой четкой геометрии крайне низка.

Президент повернулся и увидел на стене изображение.

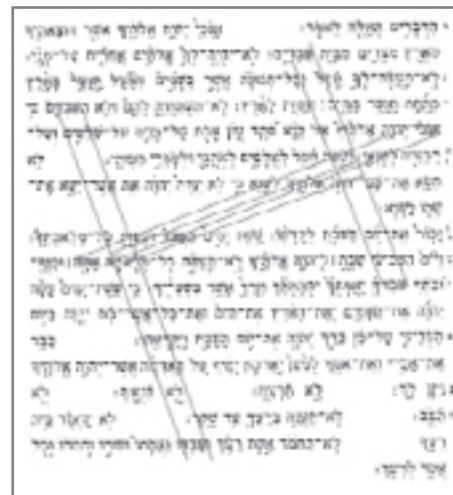
— Непонятная фигура. Но... Это все крайне интересно, — Президент сел в кресло.

— Какова цель этих геометрических связей, мы пока не знаем. Но имеем право предположить, что четкая геометрия этих линий обозначает некую дополнительную, зашифрованную информацию, скрытую в тексте. Для краткости скажу, что эффект значительно ослабляется тем, что слов «Господь» на этой странице Торы довольно много, а попытка построить некую геометрическую систему, включающую все слова «Господь», не приводит к очевидному результату. И все же крайне трудно допустить, что линии на рисунке — простая случайность. Я слышал об исследованиях математических закономерностей и предполагаемого шифра в тексте Торы, проведенных профессором Рипсом, и знаком с работой Майкла Дроснина «Библейский код». Мне также приходилось читать о том, что существование шифра в тексте ТАНАХа¹ доказано при помощи математических методов. Однако до сделанных наблюдений мне никогда ранее не приходилось слышать о возможных чертежах или картинах, зашифрованных в тексте Торы при помощи закономерного размещения слов. Поэтому я предполагаю, что геометрическая связь и предлагаемая мною интерпретация этой связи могли быть полностью или частично ранее неизвестны. На мой взгляд, было бы логичным — предположить, что именно геометрия расположения слов, в силу своей доказательности, является ключом к прочтению шифра. Поэтому необходимо исследовать и другие повторяющиеся одинаковые слова на странице, а также слова с одинаковым корнем, которых значительно меньше, чем слов «Господь».

— Как эта информация попадет дешифровщикам?

— Твое дело дать команду генералам, а мое дело вложить информацию в нужные головы. Нам предстоит раскрыть шифр не только Торы, но и Библии. Только соединив геометрический код Торы с математическим кодом Библии, мы сможем понять алгоритм фрагментации Материального Сознания. Посмотри еще один рисунок.

На стене появилась другая картинка.

— Система соединений, связывающая все 5 слов на странице с корнем айн-бет-далет в словах: рабы, служи, работай, раб твой, раб его, прямо указывает на геометрическую связь этих слов со словами «Я» и «Ты». Опять случайность?

— Думаю, что нет.

— Теперь я вижу, что ты отнесешься к моей просьбе серьезно, — старец встал, прошелся по кабинету, — ты должен дожать ситуацию в Украине. Почему там так слабо работает твоя демократия с глобализацией?

— Я бы так не сказал. Все идет по плану. Ребенок не может родиться раньше положенного срока, — Президент нахмурился, — на всякий случай мы подготовили запасной вариант.

— Ты хочешь задействовать клона?

— Только в случае крайней необходимости.

— Сначала надо обрушить экономику, а уж затем... Действуй решительней, ковбой! Старец повернулся спиной к президенту и, пройдя сквозь штору, исчез. Президент глянул на часы. *Так можно и опоздать. Дела делами, а гольф — по расписанию.*

¹ В христианской традиции — БИБЛИЯ

Олег Иванович шагнул вниз по улице к железнодорожному вокзалу. *Непривычно ходить пешком. Очень непривычно. Не бывает так пло-*

хо, чтобы не могло быть еще хуже. Надо торопиться.

Быстрее к Южному вокзалу, затем в метро, там разберемся. Цифры. Так что же это за цифры? Семь цифр, да, точно семь цифр. Номер телефона? А может... Надо попробовать позвонить. Он достал мобильный телефон. *Черт, это же надо так промазать...* На дисплее светилась надпись «30 секунд до определения», «29 секунд до определения». Он быстрым движением открыл заднюю крышку телефона, достал батарею и карту. *Успел. А может, и нет... Как он мог забыть? Идиот. Дебил. Лох. Надо было сразу выключить телефон.* Телефон Пушкарева был оборудован специальным устройством. Любые попытки определения места нахождения телефона блокировались устройством. Но в этот раз блокировка не сработала. *Зачем им этот участок? Зачем? А может, дело не в участке?* Олег Иванович резко оглянулся. Все, как обычно. Но... Метрах в пятидесяти от него стоял человек в джинсовом костюме. *Джинсовый костюм... Ах да, Маня говорила, что был посетитель...* Парень крепкого телосложения стоял в вполоборота к Олегу Ивановичу. Прохожих было не много и было хорошо видно, что парень что-то прячет под курткой. Как вдруг. Парень резко повернулся в сторону Олега Ивановича и поднял в направлении него две руки. *Что он делает? Что он... Да у него же в руках пистолет.* Чернеющий предмет в руке джинсового парня еле заметно дернулся, еще раз и еще... *Так он же стреляет в меня. Стреляет!* Олег Иванович рванул с места в сторону железнодорожного вокзала. Вся жизнь пробежала перед глазами, детство, школа, институт... *Как так может быть? За какой-то миг — вся жизнь...* Он ощутил удар в руку, но было совсем не больно, только жжение. *Попал, гад, попал, сволочь... Быстрее в толпу. На вокзал.* Он бежал без оглядки вперед к своей заветной цели — вокзалу. Людей становилось все больше и

больше. Но Олег Иванович не решался смотреть назад, он бежал, как бегут в последний раз, как бегут от смерти. *Где эти менты, мать их... Как надо, так их никогда нет... Это же надо, середь бела дня... Стреляют в человека... Вокзал, ну наконец-то. Толпа, спасительная толпа.*

— Извините, гражданин, вы куда это так торопитесь?

— Куда бежим?

— Э-э-э-э, да ты чего?

— Ми-ли-ци-я-я-я!

Олег Иванович не в силах был даже смотреть на кричащих ему в след, он бежал, бежал и бежал. *Куда? А вдруг джинсовый предупредил своих и меня уже ждут в метро и на стоянке такси? Нет, врешь, не возьмешь... Камеры хранения. Точно, вот где они меня точно не ждут.* В зале Северного вокзала он снизил скорость и перешел на быстрый шаг. Пройдя к выходу, он повернул направо и вошел в подвальное помещение, туда, где находились автоматические камеры хранения. Кровь стучала в виски, сердце высккивало наружу, ноги гудели, а правая рука онемела. Пройдя в конец помещения, он присел в углу между рядами серых стальных ящиков. *Жив, жив. Рука. Что с рукой?* Он аккуратно прикоснулся левой рукой к предплечью правой. *Больно, ах как больно. Кровь. А что еще там могло быть? Идиот, конечно, кровь. Кость вроде бы цела.*

— Гражданин, а что вы тут делаете? Здесь спать нельзя! Давайте-ка отсюда. Давайте, давайте, — женщина со шваброй в руках грозно смотрела на Олега Ивановича, — Чего смотришь? На мне цветы не растут.

— Меня ударили ножом, хулиганы. Помогите мне, пожалуйста. Я дам вам денег. Пожалуйста.

— Вот те на, сразу денег!

— Женщина, милая женщина, я не знаю, как вас убедить. Принесите бинты. Руку надо перевязать, — Олег Иванович посмотрел вниз.

Женщина тоже посмотрела. На полу блестели багровые капли крови.

— Я щас, я мигом. Гражданин, ты только держись... Я мигом... — женщина бросила швабру и исчезла в глубине помещения.

Он закрыл глаза. Ни фиги себе денек... Приехал в родной город... А что ты хотел? Все закономерно. Большие деньги, как провода высокого напряжения... Могут и убить. Убить? Он впервые в жизни подумал о том, как будут жить его близкие без него. *Они ведь совершенно не приспособлены к жизни... Совершенно не приспособлены... Так. Не расслабляться. Еще не все закончилось, скорее, только началось. Надо отсюда валить. Тетка эта...* Он поднялся. Голова кружилась, рука ныла. Он вдруг ощутил себя воином, гладиатором и камикадзе одновременно. Страх прошел. *А? Воевать надумали? Со мной? Ну ладно, воевать так воевать...* Он выглянул из-за ящиков. В коридоре было пусто. Уверенным шагом он прошел через весь коридор до входной двери. Открыл дверь. Никого. Метров десять отделяло его от входа в общественный туалет. *Точно, надо в туалет. Приведу себя в порядок, а там посмотрим... Ах да, меня же ждет в Макдональде Серега. Это очень хорошо.*

Олег Иванович проскочил в туалет. Посетители выходили и заходили, не обращая внимания на человека в черном. Он заметил молодого парня в белой ветровке.

— Привет, дружище! — Олег Иванович хлопнул парня по плечу.

— Здравствуйте... — парень недовольно осмотрел незнакомца.

— У меня к вашей персоне есть деловое предложение.

— Если вам нужны деньги, то у меня их нет, — нахмурился парень.

— Ну, что ты! Как раз наоборот! Я хочу сам дать тебе денег!

— Не понял? — парень отшатнулся от Олега Ивановича. — Я не тот, за кого вы меня принимаете, я не имею дел с мужиками...

— Как это не имеете? — Олег Иванович прищурился. — Правда, не имеете?

— Я приезжий.

— Это очевидно. Ладно, скажу прямо, я хочу купить твою куртку. И дам я тебе ни много ни мало, а ровно... — Олег Иванович открыл портмоне, — сто долларов. Ну? Согласен?

— А они настоящие?

— Более чем. Понимаешь, я тут немного упал, ударился, вымазался, а у меня свидание с девушкой. Ну, как я покажусь в таком виде?

— Ну, если так... Хорошо, я согласен, — улыбнулся парень.

— Как тебя зовут, дружище? — Олег Иванович прищурился. *Не иначе, как Вася или Федя.*

— Василий.

— Я так и знал.

— ... — Василий вопросительно посмотрел на Олега Ивановича.

— Ничего, это я так шучу, — Олег Иванович действительно часто угадывал имена людей, это было странно и одновременно удивительно. Он не мог это объяснить.

Василий взял деньги и отдал куртку.

— Она стоит гораздо дешевле... Может это не совсем честно? — Василий растерянно крутил купюру в руках и вопросительно смотрел на Олега Ивановича.

— Все в порядке, не бери дурного, — Олег Иванович снял пиджак, — все Вася, пока, иди по своим делам.

Василий молча скрылся в толпе туалетных прохожих. Олег Иванович не стал мыть рану. Он вырвал подкладку пиджака и, используя ее в качестве бинта, накрутил на окровавленную руку. Боли почти не было. Одев купленную ветровку, он присоединился к выходящей из туалета толпе. Площадь перед вокзалом, как всегда, была людной. Шел дождик и на улице было прохладно. Народ бежал, стоял, кашлял, нес, ехал и наслаждался прохладой. Макдональд на

привокзальной площади, к удивлению иностранцев, кишел посетителями. Олег Иванович поднялся на второй этаж.

— Ага, вот где зарабатывают деньги черкасские микроолигархи?

— Не с нашим фейсом быть вашим кейсом. Привет дружище Олежище! — отозвался крупный молодой мужчина в костюме и, поднявшись, протянул Олегу руку.

— Привет, Серый! Привет, дружище! Ты, как всегда, стихами... — Олег обнял друга левой рукой, — тихо, тихо!

— Что с рукой?

— Бандитская пуля, — попытался усмехнуться Олег.

— Не понял?

— Позже расскажу. А ну-ка дай мне свою мобилку, — Олег присел на свободный стул и залпом выпил стакан кока-колы.

— Ты же не пьешь колу?! — удивился Сергей.

— Не сейчас, — Олег взял мобилку и положил на стол. Затем снял куртку, размотал руку и полил рану кока-колой, — лучший в мире антисептик, убивает все известные микробы!

Несколько минут он колдовал над телефоном, нажимая кнопки: — Я выйду на свою электронную карточку, сам понимаешь, ни одного номера наизусть не помню, надо в базу зайти и скачать. Ты не против?

— Против, ну и что? Ты меня когда —нибудь спрашивал?

Олег скачал свою телефонную книгу через Интернет с электронной карточки, специально созданной на случай потери телефона.

— Я покупаю твой телефон.

— Тысяча баксов! Идет?

— Две тысячи с отсрочкой платежа. Идет?

— И на сколько отсрочка?

— В другой жизни отдам, идет?

— По рукам! Ладно, у меня второй с собой. Так что все-таки случилось? — Сергей серьезно посмотрел в лицо Олега.

— Не хочу тебя впутывать, сам еще не понимаю до конца. Скажу только, что все не просто, сам во многом виноват. Оказался не в то время не в том месте. Извини, не хочу фантазировать.

— Тебя подвезти?

— Меня уже подвели! А если серьезно, то... Не надо, я сам, — Олег оставил на электронной карточке команду на отправку информации в, только что открытый электронный почтовый ящик, после чего карточка должна включить программу самоуничтожения. *Не забыть включить систему наблюдения за квартирой и отправить кодовое сообщение жене.* Квартира Олега Ивановича была оборудована системой Интернет-наблюдения. Тщательно замаскированные камеры отслеживали и записывали все происходящее перед подъездом, в подъезде, лифте и во всех комнатах квартиры включая балкон и сейф. При этом трансляция происходила через специальный преобразователь, замурованный в перегородке, непосредственно в Интернет на удаленный сервер. Пройдя бандитские разборки девяностых, Олег Иванович приучил себя и свою семью к жесткой дисциплине на случай возможных проблем. Давно отрегулированный и неоднократно отрепетированный процесс «ухода» не должен был дать сбой. Жена, получив кодовое сообщение «Дорогая, я сегодня буду поздно, ложись без меня», должна была тут же поехать в школу, забрать дочь, взять такси и ехать в аэропорт. Там было обусловленное место, где они должны встретиться. Если в течение двух часов встреча не происходила, супруга улетала любым самолетом, на который можно было купить билеты. Схема примитивная, но надежная, проверенная.

Наскоро попрощавшись с Сергеем, Олег взял такси.

— В центр.

— Как скажете, — водитель такси лениво вырулил со стоянки и направил автомобиль в центр города.

— Так ты, дружище, и на хлеб не заработаешь. А ну-ка давай резвей, оплата вдвойне.

— Ну, так бы и сказали, — повеселел таксист. Он выключил радиостанцию и пристегнулся ремнем безопасности, — а вы? Думаю лучше пристегнуться.

Но Олег Иванович был на своей волне и не мог слышать пожелание водителя. Мысли набегали одна на другую. *Кто хочет его смерти? Кому он мешает? Что хотят от него получить? Где та кнопка, которую нужно выключить, и есть ли она? А может, уже ничего не изменишь? Цифры, семь цифр, бабушка продиктовала семь цифр. Что это? Номер телефона? Или... Надо пробовать.* Он достал мобилку и набрал номер. После нескольких гудков он услышал голос: «Нажмите клавишу, соответствующую первой букве вашего имени». Зная, где находится буква «О», он нажал кнопку с цифрой «5». После короткого гудка женский голос произнес: «Нажмите клавишу, соответствующую первой букве вашей фамилии». Он снова нажал «5». После гудка тот же голос попросил набрать год рождения. Олег Иванович нажал нужные цифры. *Супер, что это за финт? Потрясающая штуковина.* Голос в очередной раз сообщил: «Прослушайте сообщение». То, что Олег Иванович услышал, повергло его в шок. Он услышал голос покойной бабушки.

— Олега, слушай и не перебивай. Это я, твоя любимая бабушка, ты слышишь именно меня. Не спрашивай, как это возможно, со временем ты это узнаешь. У меня мало времени, запомни, ты должен ехать на Подол по следующему адресу... — она назвала улицу и дом, — ты должен быть там сегодня, это очень важно для тебя и для них. Помогим им и ты поможешь себе. Сообщение, которое ты получишь, передай им. Береги себя.

— Ба, не отключайся, я... Ты... — Олег услышал гудки. Он быстро набрал тот же номер в надежде услышать голос родного человека. Цифра, еще одна, последняя... Но после характерного зуммера он услышал: «Набранный вами номер не существует». Он снова и снова набирал тот же номер, но безуспешно. Алюминиевый голос

с явным безразличием повторял одно и то же: «Набранный вами номер не существует». *Как же это работает?* Мобильный телефон подал сигнал и замолк. Олег Иванович взглянул на дисплей. *Сообщение.* Он открыл сообщение и прочитал. Это было четверостишие. *Бессмыслица какая-то. Ладно. Разберемся.*

— На Подол. Теперь можно не спешить.

— Как скажете. На Подол так на Подол.

КЛИЕВ

Администрация Президента частично находится в доме, где в советское время жили высшие партийные руководители СССР. Здание внешне и внутренне выдержано в духе постсоветского реализма. Ковровые дорожки, лакированные двери и мебель, светильники и лифты — все осталось таким же, как и было тогда. Вот только компьютеры на столах и ароматизированная туалетная бумага напоминают о наступлении третьего тысячелетия. Огромные балконы, с замечательным видом на старый город, выполняют роль смотровых площадок и мест для курения одновременно. На одном из балконов — мужчина и женщина.

— Кроме первой причины, вызывающей увеличение расходов в государстве, существует другая, не менее повелительная — обязанность соглашаться на все расходы, представляющие чисто местный интерес. Депутат не может противиться этому, так как эти расходы служат опять-таки выражением требований избирателей, и притом он лишь в том случае может рассчитывать на удовлетворение требований своего округа, если сам уступит подобным же требованиям своих коллег, — красивая женщина средних лет, одетая в белый

костюм с ярко расшитыми бортами пиджака, говорила с солидным мужчиной лет пятидесяти пяти, с депутатским значком на лацкане.

— Вы знаете, Лидия Сергеевна, вторая из этих опасностей, представляемых парламентскими собраниями, вынужденное ограничение индивидуальной свободы, хотя и не так бросается в глаза, но, тем не менее, вполне реальна. Она является результатом бесчисленных и всегда ограничительных законов, считающими себя обязанными так поступать и не замечающими последствий этого из-за своей односторонности, — мужчина затянулся сигаретой, на мгновение задержал дыхание и выпустил густой серый дым.

— Очевидно, эта опасность действительно неизбежна, если даже Англия, представляющая, конечно, самый совершенный тип парламентского режима, такого, в котором представитель более независим от своего избирателя, чем где бы то ни было, не могла избавиться от этой опасности. Герберт Спенсер в одном из своих трудов указал, что увеличение кажущейся свободы всегда сопровождается уменьшением истинной свободы. Возвращаясь к этому в своей книге «Индивид и государство», Спенсер выражается следующим образом об английском парламенте. Минуту, — Лидия Сергеевна взяла книгу, открыла в месте закладки и прочитала, — «С этого времени законодательство пошло по тому пути, который я указал. Диктаторские меры, быстро увеличиваясь, постоянно стремились к тому, чтобы ограничить личную свободу, и притом двумя способами: ежегодно издавалось множество постановлений, налагающих стеснения на граждан там, где их действия прежде были совершенно свободны, и вынуждающих их совершать такие действия, которые они могли прежде совершать или не совершать по желанию. В то же время общественные повинности, все более и более тяжелые, особенно имеющие местный характер, ограничили еще более свободу граждан, сократив ту часть их прибыли, которую они могут тратить по своему усмотрению, и, увеличив ту часть, которая от них отнимается для нужд общественных деятелей». Ну? Как Вам? — Лидия Сергеевна закрыла книгу.

— Все правильно. Это прогрессивное ограничение свободы

выражается во всех странах в особой форме, на которую, однако, Спенсер не указывает. Введение целой серии бесчисленных мероприятий, имеющих обыкновенно ограничительный характер, необходимым образом ведет к увеличению числа чиновников, обязанных приводить их в исполнение, к усилению их власти и влияния; эти чиновники, следовательно, стремятся к тому, чтобы сделаться настоящими властелинами. Власть их тем более велика, что постоянные перемены правления нисколько не влияют на их положение, так как административная каста — единственная, ускользающая от этих перемен и обладающая безответственностью, безличностью и непрерывностью. Из всех же видов деспотизма самый тяжелый именно тот, который представляется в такой тройкой форме. И вы знаете, я думаю, что постоянное изобретение таких ограничительных законов и постановлений, окружающих византийскими формальностями все малейшие акты жизни, роковым образом ведет к сужению все в большей и большей степени сферы, в которой граждане могут двигаться свободно. Жертвы иллюзии, заставляющей их думать, что, умножая законы, они лучше обеспечат равенство и свободу, народы ежедневно налагают на себя самые тяжелые оковы. Достаточно сказать, до какого уродства дошли законодатели в вопросах языка и в вопросах культур национальных меньшинств. Наделали массу глупостей. Борьба с памятниками и война с умершими диктаторами — это путь в никуда. А теперь что с этим делать? Если дальнейшую судьбу этих глупостей не контролировать, то ситуация в стране выйдет из-под контроля. Терпение народа не безгранично. А помните, как у Киплинга? Послушай, человеческий детеныш, я учил тебя Закону Джунглей, но у бандарлогов нет Закона. У них нет собственного наречия, они пользуются украденными словами. У них не наши обычаи. Они живут без вожаков. У них нет памяти. Они уверяют, что они великий народ, но падает орех, и они все забывают об этом. Бандарлогов много, они злы, грязны, не имеют стыда и, если у них есть какое-либо желание, то именно стремление, чтобы в джунглях, то есть в Европе, их заметили. Они все собираются избрать себе вожака, составить собственные законы, придумать обычаи, но никогда не выполняют задуманного. Как Вам?

— Настолько характерно, что я даже не поняла, где слова Киплинга, а где ваши.

— Я вставил только лишь Европу, все остальное — Киплинг.

— Надо же как точно и актуально... Да, народ привык переносить всякое иго, но народ и сам его ищет. А затем становится пустой те- нью, пассивным автоматом, без воли, без сопротивляемости и без силы, — женщина нежно улыбнулась, — вы знаете, по моим личным наблюдениям, лишь один процент европейцев знает на самом деле, что происходит. Остальные — зомби. Они совершенно не представ- ляют, что происходит в их собственном Евросоюзе, не говоря уже об Украине и России. Так называемая свободная пресса — это не что иное, как огромный курятник. В одном углу начинают — в другом подхватывают. И что интересно, они истинно верят, что свободны в своих суждениях, они уверены, что знают, какой должна быть Украи- на. Вы представляете, они уверены, что точно знают! Даже на уровне высших чиновников Евросоюза нет людей, представляющих истин- ное состояние дел в Украине. Они — тупые снобы. Индифферентная шопинг-масса. Я им говорю, давайте проголосуем за отмену закона Ньютона, — Лидия Сергеевна улыбнулась.

— И что они?

— Они спрашивают, а кто это такой? Я говорю, это друг Эйнштей- на, — она громко рассмеялась, — они говорят, а-а-а вы, наверно, шу- тите? Эйнштейн — не политик, он — философ.

— Да. Грустно. Вы совершенно правы. Благодаря возрастающей ин- дифферентности и бессилию граждан роль правительств непременно должна еще больше увеличиться. Президент должен быть сильной фигурой. А вот Правительство должно обладать духом инициативы, предприимчивости и руководства, так как все это отсутствует у частных лиц. Правительство должно все предпринимать, всем ру- ководить, всему покровительствовать. Государство, в конце концов, должно стать всемогущим провидением. Опыт поколений учит, одна- ко, что власть таких богов никогда не бывает ни слишком прочной, ни

слишком сильной. И еще я должен сказать, что такое прогрессивное ограничение свободы, несмотря на внешние вольности, порождаю- щие лишь иллюзию свободы, по-видимому, является последствием не только существующего режима, но и старости этих народов. Оно представляет один из симптомов, предшествующих фазе упадка, ко- торую не могла избежать до сих пор еще ни одна цивилизация.

— Вы о теории Пассионарности?

— В каком — то смысле да. Если судить по наставлениям про- шлого и симптомам, появляющимся со всех сторон, то большинство наших современных цивилизаций, включая и Украину, уже достиг- ло этой фазы крайней старости, которая предшествует упадку. По- видимому, такие фазы имеют одинаково роковое значение для всех народов, так как в истории они повторяются часто. Все эти фазы об- щей эволюции цивилизации нетрудно изложить вкратце, и на этом мы можем закончить нашу полемику.

— Poleмика как раз и не получилась. Это, наверно, тот случай, ког- да и хочется в чем-либо возразить, а не получается. Мы с вами только лишь друг друга дополняли. Если мы проследим в общих чертах гене- зис величия и упадка европейских цивилизаций, предшествовавших нашей цивилизации, то, что же нам представится, прежде всего? На заре этих утилизаций мы видим толпу людей разнообразного проис- хождения, соединившихся вместе благодаря случайностям миграций, нашествий и побед. Общую связь между всеми этими людьми, отли- чавшимися друг от друга своим языком и религией, в жилах, которых текла разная кровь, составляла полупризнаваемая власть одного во- ждя. В таких смешанных скопищах людей в высшей степени развиты психологические черты толпы: временное сцепление частиц, героизм, слабости, импульсивность и бурные чувства. Прочного в таком ско- пище нет ничего, это — варвары. Народ, пролетариат, селянство. Что эти социальные массы могут без правильного морального и гармонич- ного управления? Затем время совершает свое дело. Тождественность среды, повторение скрещиваний, потребности общей жизни медлен- но действуют, и скопище разнородных единиц начинает сливаться и

образовывает расу, то есть агрегат, обладающий общими чертами и чувствами, которые все более и более фиксируются наследственностью.

— Это точно. И тогда толпа становится народом, и этот народ уже может выйти из состояния варварства...

— Однако он выйдет из него лишь тогда, когда, после долгих усилий, постоянной борьбы и бесчисленных начинаний приобретает идеал. Хотя природа этого идеала имеет мало значения — он может представлять собой культ Рима, Афин или поклонения Аллаху, все равно, но этого идеала будет достаточно, чтобы создать единство чувств и мыслей у всех индивидов расы, находящейся на пути своего образования. Тогда-то и может зародиться новая цивилизация со всеми своими учреждениями, верованиями и искусствами. Увлекаемая своей мечтой, раса последовательно приобретет все, что дает блеск, силу и величие. Она, без сомнения, будет толпою в известные часы, но тогда за изменчивыми и подвижными чертами, свойственными всякой толпе, всегда будет находиться прочный субстрат — душа расы, узко ограничивающая размах колебаний народа и управляющая случаем.

— Но. Совершив свое созидательное дело, время все же неизбежно переходит к делу разрушения, которого не избегают ни боги, ни люди.

— Естественно. Достигнув известной степени могущества и сложности, цивилизация перестает расти и обречена на упадок. Скоро должен пробить и для Украины час старости. Наступление его неизбежно отмечается ослаблением идеала, поддерживающего душу расы. По мере того, как бледнеет идеал, начинают колебаться здания политических, социальных и религиозных учреждений, опирающиеся на этот идеал. А нового нет. По мере прогрессивного исчезновения идеала раса все более и более теряет то, что составляло ее силу — единство и связность. Личность и ум индивида могут, однако, развиваться, но в то же время коллективный эгоизм расы заменяется чрезмерным развитием индивидуального эгоизма, сопровождающимся ослаблением силы характера и уменьшением способности к действию. То, что составляло прежде народ, известную единицу, общую массу, превращается в простую агломерацию индивидов без всякой связности, лишь временно

и искусственно удерживаемых вместе традициями и учреждениями. Тогда-то и наступает момент, когда люди, разъединяемые своими личными интересами и стремлениями, и, не умея собою управлять, требуют, чтобы другие руководили их действиями, и государство начинает оказывать свое поглощающее влияние. С окончательной потерей идеала раса окончательно теряет свою душу; она превращается в горсть изолированных индивидов, сидящих в своих железобетонных норах, и становится тем, чем была в самом начале — толпой. Круг замыкается.

— Я так боялась вас перебить. Мне всегда очень приятно вас слушать и особенно приятно вести с вами диалог. Спасибо. Должна сказать, что костюм и значок народного депутата вас совершенно не портит, даже наоборот. Нашему парламенту как раз не хватает таких ярких представителей, — Лидия Сергеевна смущенно улыбнулась и прикоснулась пальцами к руке мужчины, — Эммануил, вы меня всегда так поражаете. Если бы мы с вами были помоложе лет этак на... Я бы точно вас в себя влюбила.

— А вы меня и так влюбили в себя. А поразительного я вам ничего не сказал. Все о чем я говорю, у вас, Лидия Сергеевна, имеется.

— Не понимаю, о чем вы?

— Библиотека. Я говорю о вашей библиотеке. Если бы у вас хватало времени на собственные книги, то вы бы сами все это знали.

— Всего знать нельзя.

— Согласен. Всего знать и не надо. Надо знать нужное и вовремя этим пользоваться. А я, к счастью, никогда не смогу быть народным депутатом вашего парламента. Это я так для вас вырядился. Так легче было к вам пройти... К счастью, у вас столько много народных депутатов, что вряд ли найдется человек, знающий всех в лицо. Одну минуту, — Эммануил вышел в коридор и через минуту вернулся, перед Лидией Сергеевной предстал совершенно другой образ.

Большие мудрые с лукавинкой глаза, россыпи мелких морщинок. Высокий лоб и большой с горбинкой нос. Гладко выбритый подбородок и потрясаяще обаятельная улыбка. Велюровый пиджак

без воротника, жилетка с расстегнутой верхней пуговицей. Розовый платок, повязанный на шее, заправлен в жилетку.

— Вы просто очаровательны! Но белый платок был лучше.

— Согласен, белый мне тоже нравится гораздо больше. Лидия Сергеевна, а вы хотите увидеть то, что могло бы произойти с Украиной. Знаете, такой себе вариант будущего, возможный вариант будущего. А?

— Какой смысл видеть то, чего не будет?

— Я так не сказал. Многое зависит, в том числе, и от вас. А может, вы увидите и реализуете... То... Что увидите...

— А это не опасно?

— Что вы, что вы. Разве я могу подвергать вас опасности?

— Ну, если так, тогда... Почему нет? Я готова.

Эммануил шагнул к женщине и взял ее руку... То, что произошло дальше сложно назвать чудом, но... Небольшая вспышка, шум в ушах, ветер в лицо... Они перешагнули через невидимый барьер и...

Огромное просторное ультрасовременное помещение из стекла и металла. Сотни людей передвигаются по просторным холлам. В огромном стеклянном проеме видны самолеты, много самолетов. Магазины и бутики, экраны телевизоров и рекламные плакаты.

— Где это мы? — Лидия Сергеевна не узнала свой голос, он был звонким, как в юности.

— В Киеве. И как я понимаю в аэропорту, — Эммануил был одет в белый льняной костюм. В руках изящная трость, на кончике носа солнцезащитные очки.

— Аэропорт? — Лидия Сергеевна увидела свое отражение в одной из витрин, — Я себя не узнаю. Это я?

— Чему вы удивляетесь? Ах, да... Не узнаете свою фигуру? Ну, это ничего, привыкните. Понимаете ли. Мы с вами находимся в одном

из вариантов будущего. И сколько лет отделяет нас от объективной трехмерной реальности, мне пока не известно. Что произошло и что происходит? Сейчас разберемся.

Они прошли к прилавку с газетами.

— Девушка, дайте-ка нам свежую газетку, — Эммануил достал доллар и протянул девушке.

Девушка взяла купюру, покрутила ее в руках, улыбнулась и протянула ее назад: — Извините, но эти деньги я не возьму.

— Как так? Почему? — возмутился Эммануил.

— Я могу принять только гривны или кредитную карту. А эти... — девушка пристально посмотрела на купюру, — насколько я понимаю, доллары, давно уже не ходят.

— Не может быть! — показательно возмутился Эммануил.

— Не ходят. Вы что, с другой планеты? Или разыгрываете меня? — нахмурилась девушка.

— Ну, что вы, что вы... Как вы можете так думать? Ни в коем случае никто не хочет вас обидеть. Понимаете, мы с мадам были в далекой командировке. Э-э... в Латинской Америке. Много лет прожили в джунглях. Понимаете? Лес такой непроходимый. Джунгли. Ну и, естественно, отстали от жизни, — Эммануил извинительно поднял брови и пожал плечами.

— Убедительно. Я читала про джунгли и Маугли... Ну и что вы хотите узнать?

— Что произошло за последние годы в Украине? Что с долларом? Ну и все прочее, вы же торгуете газетами, а значит, должны все знать.

— Если вы не шутите...

— Какие шутки? Ну, помогите нам, ради Бога! — артистично склонил голову Эмм.

— Ладно. Понимаете, десять лет назад произошел дефолт.

— Дефолт? Интересно!

— Да, да. Дефолт, но Украина к тому времени успела избавиться от долларовой массы. Это произошло перед государственным переворотом...

— Стоп. Какой еще переворот? — Эммануил нахмурился.

— Самый настоящий переворот. Как в Чили когда-то. После того, как политики не смогли договориться, и страна была на грани раскола, военные генералы взяли власть в свои руки. Лидеры политических партий были арестованы и высланы из страны. Парламент был распущен. Была проведена люстрация...

— Что вы говорите? Неуже-е-ели? — Эммануил развел руками и покачал головой, — ай-й-я-й-яй.

Лидия Сергеевна осторожно наблюдала за происходящим. Сознание отказывалось фиксировать то, что было очевидней очевидного.

— Так, вы или слушайте, или... Я, между прочим, по образованию экономист.

— Извините, простите, больше не буду. Только слушаю...

— Так вот. Списки всех партий были объединены в один общий список. И все эти бывшие нардепы и оппозиционеры были высланы из страны без права въезда в течение десяти лет. А дальше все было быстро и весело. Было изменено государственное устройство. Двухпалатный парламент. Был выбран третий путь государственного развития, который не был ориентирован ни на Россию, ни на Европу. Украина стала Союзом Украинских Земель с политическим устройством, ориентированным на нейтралитет.

— Что-то вроде Швейцарии?

— Совершенно правильно. Был принят закон о трех языках. Это одно из главных достижений демократии! Сейчас в Украине три государственных языка: украинский, английский и русский, не считая региональных.

— Интересно... — Эммануил улыбался, как ребенок, и искоса поглядывал на Лидию Сергеевну. — Понимаю, конечно же, гораздо дешевле и легче научить двадцать тысяч госслужащих трем языкам, чем сорок восемь миллионов одному...

— Извините, но в Украине сейчас не сорок восемь, а пятьдесят шесть миллионов жителей. Двадцать пять областей Украины стали субъектами союза, и они сами определяют языковую и культурную политику у себя на местах. Бюджет формируется снизу вверх. Таким образом, ликвидирована гипотетическая возможность доминирования одного региона страны над другим. С коррупцией покончено.

— Ну, уж нет! В это я поверить не могу, — отозвалась Лидия Сергеевна.

— Да. Покончено. Понимаете, смысла в коррупции нет. Все решается само собой. Любые документы можно заказать и получить по электронной почте. В Украине внедрили Автоматизированную Систему Управления. Каждый житель страны имеет свою электронную карточку и электронную подпись. Никаких проблем с выборами и референдумами. Референдумы проводятся в электронном виде по различным вопросам каждый день. Но решение принимается не по мнению большинства, а по качеству аргументации и целесообразности. То есть Автоматизированная Система самостоятельно просчитывает варианты принятия решений и выдает результаты, после чего нетрудно оценить, что именно надо делать, а что нет. Нельзя просто голосовать «за» или «против». Нужны аргументы. Теперь нет необходимости общаться с чиновниками вообще. Правительство получает процент от чистого национального продукта страны. А это очень хорошие деньги. То есть процент от общей прибыли государства. Нет прибыли — нет зарплаты. Малый и средний бизнес не облагаются налогами.

— С чего же формируется бюджет? Откуда деньги?

— Да, вы действительно аборигены... Из джунглей... Умные люди пришли к власти. Провели индустриализацию...

— Вы ничего не путаете? Индустриализация была в начале двадцатого века...

— Совершенно правильно, примерно такую же индустриализацию провели и в Украине.

— Невероятно. А как с пробками в Киеве?

— Очень редко. Сейчас нет столько людей в Киеве, как раньше. Децентрализация государственного бюджета повлияла. Гораздо больше денег остается на местах. Людей «размазали» по территории страны, как масло на бутерброд. Цены на недвижимость выравнивались, конечно, в Киеве чуть дороже, чем в Луганске, но не на много. На пять-десять процентов, не больше. Ага, про доллар. Ни доллар, ни другая иностранная валюта в Украине не ходит. Только гривна. После переворота обнаружилось, что курс доллара держали искусственно за счет продажи золотого запаса. Вовремя избавились от доллара. Буквально через несколько месяцев доллар обрушился по всему миру. Америка ввела новую валюту Американо и объявила, что не принимает наличные деньги, а безналичные зачитывались по курсу 1 к 100. Что было. Ужас. Но нас эта проблема миновала.

— Все-таки я не пойму, что повлияло на рост экономики?

— Прежде всего, порядок в политике и здравый смысл в обществе. Когда в Украине изменилось государственное устройство, сюда вернулись из-за границы очень многие ведущие инженеры, программисты, деятели науки и культуры. Вот эти люди и взялись за строительство новой социально-экономической модели в государстве.

— Потрясающе, как все просто!

— Да, да. А вы знаете, что в наш Союз сейчас просятся европейские страны?

— Как это? У них же был свой союз, то бишь — Евросоюз.

— Был да сплыл. Развалился Евросоюз. И следа не осталось. Переругались все. Коррупция, знаете ли, вещь заразная и очень разрушительная...

Голос из громкоговорителя объявил: «Дорогие пассажиры Вас приветствует Союз Украинских Земель. Добро пожаловать! Dear passengers, you are welcomed by Union of the Ukrainian Earths. Welcome»

— Что это там говорят? — Лидия Сергеевна не поверила своим ушам, — Союз Украинских Земель? Эммануил, ущипните меня.

— Гм. То ли еще будет. Вы не забывайте, что мы с вами находимся не в будущем, а в одном из возможных вариантов будущего. В одном из лучших для Украины варианте.

— Не понимаю... Как это возможно? Ваши таланты меня шокируют. Как вам это удастся?

— Ничего сложного в этом нет, но учить вас не буду, не имею права. Да вам это и не нужно. Пора возвращаться.

Эммануил поблагодарил девушку и взял Лидию Сергеевну под руку. Снова яркая вспышка белого света, шум в ушах, ветер. Лидия Сергеевна хотела что-то сказать, но не успела. Через мгновение она очутилась в своем кабинете, а Эммануил спокойно наливал чай.

— Почему мы так быстро вернулись? — почти крикнула Лидия Сергеевна.

— Ага, понравилось? Вам там долго находиться нельзя. Еще стащите чего, а мне отвечать. Надо торопиться. Много дел. Итак, вернемся к нашим бандарлогам. Ситуация в Украине достаточно сложная. Раскол в Украине произошел не сейчас, он был всегда. Последние выборы показали то, что, собственно, существовало всегда: Украина, к сожалению, как единое государство не существует, и существовать не может. По крайней мере, при такой форме государственного устройства. Восточная Украина вообще не может существовать вне России и без России, потому, что является единым телом с Россией — культурно, политически, исторически, ментально, кровно. И есть западная Украина, которая является абсолютно чуждым для России телом и не хочет существовать вместе с Россией. Восточной и западной частям Украины жить в одном государстве вместе невозможно. Это не

государство. И это самый главный вопрос, который подняли выборы.

— Мы же с вами только что видели, как все может получиться! Там, в будущем!

— Возможно, возможно. Но сегодня любой политик, который открывает рот по поводу государственного устройства, может схлопотать лет десять тюрьмы...

— Да, это так, и что же делать?

— Согласитесь, ведь нельзя же все время заниматься выборами. Ваши демократы предлагают уменьшить президентский срок до трех лет. Это бред. Вы никогда не сможете создать концептуальную власть. Как этого не понять? Да и кто бы ни пришел — он всегда будет чужим для одной из сторон. Вне зависимости от того, победит ли восточная часть или западная, фальсифицированы результаты или нет, совершенно очевидно, что это не политический раскол, а геополитический. Когда говорят о политическом кризисе и политическом расколе — вам просто морочат голову. Украина так жить не может. Поэтому вопрос сегодня стоит не о том, как будет существовать Украина, а насколько она будет разделяться — до степени глубокой конфедерации или до степени разрыва государства. Главное, чтобы это происходило цивилизованным путем. Я могу устроить вам путешествие в вариант будущего, где Украина раскололась на несколько государств. Но скажу сразу — это далеко не лучший выбор.

— Нет, не надо. Наверно, вы правы, я много об этом думаю. Много раз я говорила с Президентом, но... Я не могу понять... Порой я не понимаю его... или он меня... Там, где надо действовать — он молчит, а где надо молчать — он действует. Иногда я просто не вижу логики...

— Поймите, я — особа не заинтересованная, я уже вам однажды говорил, что Системе все равно, как произойдет. Станет ли Украина федерацией, или Союзом Областей, или разделится на два государства. Системе это неважно. Систему беспокоит другое. Главное, чтобы народы, живущие на этой земле, не потеряли свой национальный архетип, свою веру и самобытность.

— Почему архетип беспокоит вас больше, чем целостность государства? — Лидия Сергеевна недоуменно посматривала на мобильный телефон. Странно, почему никто не звонит?

— У каждого своя задача. У вас — сохранить целостность государства, а у меня — сохранить духовное сознание и закрыть несанкционированный доступ к сознанию материальному. Я представитель Равновесных Сил. Для меня нет русских и украинцев, американцев и японцев. Для меня есть уровень сознания и баланс.

— Не понимаю. Какое значение для равновесных сил имеет Россия.

— Все опять-таки просто. Если России не будет, то не будет и западной цивилизации. Все закономерно. Это и есть моя работа, вечная задача. Равновесные Силы никогда не примут чью-то одну сторону. Только баланс сил. Ра-а-вно-о-ве-е-сие. Вот так, моя дорогая Лидия Сергеевна. А, кстати, мусульманский экстремизм — это на самом деле борьба духовного сознания с материальным. Духовность мусульман не вызывает сомнений и они защищают свой архетип, свой образ мышления и свою Идентность. И равновесные силы будут их поддерживать.

— Как все просто и сложно одновременно.

— Вы рассуждаете, как атеист. Как смертный человек, сожалеющий о скоротечности времени.

— А когда вы были человеком, разве вы не так же рассуждали?

— Иногда. Только иногда. Но я не врал людям, я говорил им правду...

— Вам верили?

— Нет, — задумчиво прошептал Эмм, — никто и никогда...

— Вот видите. Хорошо, как бы я ни рассуждала, государственные проблемы надо решать.

— Совершенно верно, и для этого я к вам пришел. Политические силы в Украине настроены крайне радикально и это меня пугает. Это тот случай, когда даже из космоса видно, что Украина — это не одна страна.

— А как же архетип, культурные корни и прочее...

— Безусловно, политические пристрастия, ориентации, даже предрассудки другого народа надо уважать. Потому что никто не имеет права судить, что есть культурный код, а что есть предрассудок. Насильно никого быть с Россией или с Западом заставить нельзя. Мечты об украинской унитарности и монокультуре так же глупы и наивны, как и мечты о татарине в рубашке-вышиванке, поющем украинские песни.

— Вы рассуждаете как настоящий украинофоб. Прямо-таки Леонтьев или Затулин. Они как раз об этом день и ночь трезвонят по российскому телевидению.

— А вы думаете, кто им подсказывает? — Эммануил улыбнулся и взглянул на часы, — скоро к вам приедут, а я так и не сказал главное. Вы — советник Президента, близкий к нему человек. Да, я знаю, что нынешнее окружение не хочет вас допускать к беседам тет-а-тет. Но я могу все устроить. Главное, чтобы вы сами были готовы. Дело в том, что его могут поменять...

— То есть? Как это поменять?

— Очень просто. Поменять на клона.

— Это не реально!

— Милая моя Лидия Сергеевна, Вы знаете, что такое реальность? — Эммануил громко рассмеялся.

— Ба-а-бу-у-ушка-а-а, ба, ну просыпайся скорей, я хочу в туалет...

Лидия Сергеевна открыла глаза. Розовый многоуровневый потолок весело смотрел на нее плафонами цветастого светильника. *Родной детский голосок. А все, как наяву... Проснись... Туалет... Да... Пора вставать... Опять эти странные сны...*

— Да, родной мой, бабушка уже встает. Пошли...

Не успели они пройти по коридору к туалету, как зазвонил телефон.

— Ничего, родненький, они подождут. Главное вовремя попасть в туалет.

— Бабушка, а ты сегодня идешь на работу?

— К сожалению, придется. Но я не надолго: туда и сразу же назад, — Лидия Сергеевна прислушалась. Телефон замолчал. Кто же это в такую рань? — Всё родной, дальше ты сам. Ты уже большой и все знаешь.

Она прикрыла дверь туалета и вернулась в спальню. На дисплее высвечивалась надпись:

непринятый звонок

Номер не известен. Странно. Кто это может быть? Она включила набор. На втором гудке взяли трубку.

— Алло! Лидия Сергеевна, это я.

— Олег? Почему не со своего телефона звоните?

— Вот это я и хочу вам рассказать, но давайте не по телефону.

— Сегодня очень плотный день... Но ... Я думаю... Где то в пятнадцать...

— Лидия Сергеевна, вчера взорвали мой офис, в меня стреляли...

— Боже мой... Что вы... Как это? Что же вы сразу не сказали? Тогда я жду вас прямо сейчас.

— Спасибо, но лучше мы встретимся с вами в конце дня, на старом месте, время уточним позже.

— Хорошо, я буду ждать звонка.

— Договорились.

Михаил Яковлевич давно потерял счет дням. Его жизнь была похожа на камень упавший с горы. И этот камень

катился вниз, срывая со склонов Пространства Вариантов все новые и новые потоки эмоций, знаний и озарений. Он наслаждался путешествиями во времени, а жизнь кипела где-то рядом, за окнами и за стенами, в узком черном коридоре выдуманной одноразовыми сапенсами трехмерной реальности.

Утром появился Грумберг и заявил, что в городе появилась нечистая сила. Странно, но Михаил Яковлевич отнесся к этой информации серьезно и даже поинтересовался: — Кто именно появился?

— Вельзевул¹, властитель всех демонов, источник всего зла, он таится в телах всех Сынов Человеческих. Он смерть, владыка всех несчастий и, обрядившись в благопристойное обличье, он вводит в искушение и соблазн Сынов Человеческих. Он сулит богатство и власть, роскошные дворцы и одежды из золота и серебра, множество слуг. Он сулит известность и славу, прелюбодеяние и вожделение, обжорство и пьянство, разгул, праздность и лень. И искушает он каждого тем, к чему душа человека лежит более всего. И в тот день, когда Сыны Человеческие уже становятся рабами всех этих отвратительных вещей и тщеславия, в качестве оплаты за них он отбирает у Сынов Человеческих все, чем щедро одарила их Мать Земная. Он отбирает их дыхание, их кровь, их кости, их плоть, их внутренности, их глаза и их уши. И дыхание Сына Человеческого становится затрудненным, болезненным и зловонным, подобно дыханию нечистых зверей. И кровь его становится густой и зловонной, как воды стоячего болота, она сворачивается и темнеет, как ночь смерти. Князь мира сего входит в каждый дом, и люди принимают его. И брат встанет на брата, отец на сына... И кости его становятся...

¹ В поздней каббале Вельзевул — второй из десяти архидемонов (элементалов зла), «князь тьмы и демонов»

— Борис Семенович, у него опять началось! Семенович! Вы меня слышите? — Михаил Яковлевич осторожно отошел от Грумберга.

А тот, не взирая ни на что, продолжал.

— И кости его становятся твердыми и узловатыми, они истощаются изнутри и разламываются на части, как камни, падающие в ущелье. И плоть его обрастает жиром и становится водянистой, она начинает гнить и разлагаться, покрывается отвратительными струпами и наростами. И внутренности его наполняются мерзкими отбросами, сочащимися струями разложения, и множество мерзких червей находит себе здесь приют. И глаза его мутнеют, пока темная ночь полностью не окружает их, и уши перестают слышать, и наступает гробовая тишина... Князь мира сего входит в каждый дом...

— Эй, ты чего заладил, мать твою... Давай лучше выпей! — Борис Семенович протянул Грумбергу стопку с водкой.

Тот не отказался, ловким движением он перекинул стопку, вылил содержимое в рот и дружественно улыбнулся. Его нечищенные желтые зубы радостно торчали наружу, наслаждаясь почти свежим воздухом.

— Фу ты, ну ты. А я даже испугался. Думал: опять началось, — Михаил налил себе половину рюмки и выпил. Поскольку закусывать было нечем, собутыльники молча наслаждались согревающей горечью спиртного и весело поглядывали друг на друга.

— Ты чего это заладил? Случилось что? — Борис Семенович наклонился и заглянул в глаза Грума. — Да ты, как я смотрю, не шутишь...

— Нет. Не шучу. Вельзевул, властитель всех демонов, пришел. И последний заблудший Сын теряет жизнь свою. Ибо не придерживался он законов Матери своей и совершал грех за грехом. И потому отбираются у него все дары Матери Земной: дыхание, кровь, кости, плоть, внутренности, глаза и уши, а после всего и сама жизнь, которой венчала Мать Земная его тело...

— Тс-с, не шуми, послушай, это не он говорит, это через него вещают. Он только передает, что слышит, — предупредил

Михаила Борис Семенович, — слушай внимательно, могут быть и цифры, и имена. Запоминай.

Грумберг откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и, качая головой из стороны в сторону, продолжал: — В Голосеевском лесу открыт портал параллельного мира, это волхвы оставили. Мы должны... Мы можем... Вельзевул — монарх ада: он высокого роста, он восседает на обширном троне; на лбу его красуется огненная повязка; грудь раздута, лицо опухшее; брови подняты, глаза мечут искры; у него огромные ноздри и два высоких рога на голове; черен, как мавр; за плечами у него виднеются широкие крылья летучей мыши, у него утиные лапы, львиный хвост и волосы до пят. Но будут и другие: Молох, Ваал, Адрамелех...

— Грум! Эй, дружище, по-моему, ты уже заговорился. Начитался сказок и чудишь тут... Давай серьезно, ну! Еще водки? — Борис Семенович выглядел обеспокоенным.

Грум открыл глаза. Минуту он молчал, пронизывая взглядом, пространство, между Михаилом и Борисом Семеновичем.

— Серьезно? — Грум перевел взгляд на Михаила. — А если серьезно, то дело очень серьезное. Дело, можно сказать, дрянь. У нас с вами большие проблемы. Я бы даже сказал, огромные проблемы. Просто колоссальные проблемы, я бы сказал...

— Ну, хватит юродствовать. Ты уже достал, говори серьезно, — Борис Семенович негодовал.

Таким он не видел Грумберга никогда. Беспокойство и страх пронизали все его существо. Холодный пот выступил на висках, а сердце колотилось так, будто хотело выскочить и убежать. *История, мать моя женщина... Ну попал... Что делать? Грум просто так не говорит... Что? Что происходит?* Он посмотрел на Михаила. Тот сидел ни живой, ни мертвый. Белое, как мел, лицо Михаила, не выражало никаких эмоций. Только на пятом звонке, сидящие в комнате, осознали, что звонит телефон. Борис Семенович, почти не глядя, машинально поднял трубку радиотелефона и нажал кнопку.

— Да. Что вы говорите? Номер? Это номер моего домашнего телефона. Как это вы не знаете куда звоните? А кто вам дал мой номер? Бабушка? Какая бабушка? Молодой человек, не парьте мои бедные сухие мозги, какая бабушка могла дать вам мой номер и зачем? Так. Ваша бабушка. Понятно. Дала вам мой номер. Не номер, а адрес? Хорошо. Вы по адресу узнали мой телефон. Понимаю. А почему она сама не позвонила? Что? Да вы что, сегодня все сговорились, что ли? Вы себе сами представляете, что говорите? Бабушка, которая давно умерла, дала вам мой адрес? Боже мой, да что же это делается? Молодой человек, давайте вы позвоните завтра после обеда, мы с вами протрезвеем и, возможно, разберемся, что к чему. Я не знаю, откуда она меня знала. Как моя фамилия? Ну, ё маё! Молодой человек, у меня просто нет сил с вами говорить. Давайте завтра, я обещаю вам, что мы обо всем договоримся. Может, вам камни нужны? Нет? А может, вы мусор? Ну, в смысле, мент. Тоже нет? Тогда я не понимаю, зачем я вам нужен. Что? И вы тоже не знаете, зачем я вам нужен? Ну, это уже слишком, — Борис Семенович выключил телефон и бросил трубку на стол, — что сегодня за день? Случайно, не пятница тринадцатое?

— Да нет, не пятница, — отозвался Михаил Яковлевич, — кто это звонил?

— Я и сам не понял. Чупачупс какой-то. Голос молодой. Бабушкой мудак прикрывался, ничего святого у этой молодежи.

— Да это менты позорные пробивают, подставу готовят, — Грумберг знал, что Борис Семенович приторговывал камушками и по возможности всякий раз с радостью его прикалывал, — готовь сухари зимой, а шерстяные носки летом. Посодуют, а ты не воруй...

— Началось. Не смешно, товарищ Грумберг, не смешно! — нахмурился Борис Семенович. — А чего это он звонил? Надо было спросить фамилию бабушки. А может...

— Может, это недостающее звено в нашей цепи? — Михаил пристально посмотрел на Владимирского. — Может это тот, кто нам нужен?

Телефон зазвонил снова. Борис Семенович поднял трубку и нажал кнопку.

— Алло. Это опять вы? Ну, хорошо. Давайте разберемся не спеша. Назовите фамилию вашей бабушки. Что? Вы ничего не путаете? Точно Пушкирева? Наталья Сергеевна? Ну, что же вы сразу не сказали? Эх, молодой человек... Кто только вас сейчас учит? Удивляться? Нет, дорогой мой, я уже ничему не удивляюсь, я только всего боюсь. Хорошо, хорошо, я вас жду у себя. Я уже наливаю вам чай, — Борис Семенович отключил телефон, — это внук моей замечательной знакомой. Это была потрясающая женщина, умница, красавица...

— Спортсменка, комсомолка... — съехидничал Грумберг.

— Если хотите, да. Комсомолка и спортсменка. Сколько мы с ней прошли километров, сколько раз на байдарках... Байкал, Амур, Урал, да... Как это было давно... А мне не довелось даже на ее похоронах побывать. Она разбилась на Домбае. И маршрут, говорят, не трудный был, а вот один сорвался и всех за собой... Нравилась она мне, очень нравилась.

— А вы ей? — не унимался Грумберг.

— Может быть. Если бы... Но не судьба... Я был, как говорится, красив душой, а не телом... Миша, а как-то странно, да? Наталья погибла много лет назад, а этот утверждает, что она ему вчера сообщила мой адрес.

— Что вам не нравится?

— Понимаешь, если мне не изменяет память, то она погибла тогда, когда мы жили еще в старом доме. Не здесь. Она знала старый адрес, но, ни в коем случае, не новый. Ладно, приседет внучок — разберемся, — успокоил сам себя Владимирский.

— А как его зовут?

— А фиг его знает, я не спросил, — Борис Семенович растеряно пожал плечами.

емцы — не англичане и не французы, но ближе к ним, чем, скажем, к китайцам или монголам. Русские и украинцы — внешне идентичны, и,

казалось бы, не изолированы друг от друга, но все же образуют, как говорил Лев Гумилев, этнические «галактики». Наверное, люди просто хотят «жить в мире, но порознь». Хотя не стоит забывать, что люди, принадлежащие к любой формации, остаются организмами, входящими в биосферу планеты Земля, телами, подверженными гравитации, электромагнитным полям и термодинамике.

Киев — город земляков. Одесситы дружат с одесситами, дончане с дончанами, луганчане с луганчанами и так далее. А что такое землячество? Объединение граждан по территориальному признаку? Ну, в смысле той территории, с которой произошла миграция в столицу. Или скажем так: земляки — это те, кто родился и какое-то время прожил на определенной территории. Не так важен север и юг, как восток и запад. В этом отношении граждане давно уже разобрались и безошибочно отличают «своего» от «чужого». Земляческое разделение иногда даже важнее разделения национального. Скажем, донецкие евреи, живущие в Киеве, гораздо ближе донецким грекам, живущим в Киеве, чем евреям из Львова, живущим в Луганске. Вот так как-то все само собой устроилось. Приехал в Киев — ищи земляков. Нашел — держись зубами, тогда выживешь. Черкасская область не так широко представлена в Киеве, как, скажем, Донецкая или Сумская. А тем более найти и подружиться с высокопоставленными земляками непосредственно из родного маленького городка Шпола — это удача, равная Джеку-поту. Но произошло то, что должно было произойти. Все, что уже случилось — неизбежно. Советник президента Украины и бизнесмен. Лидия Сергеевна и Олег Иванович. Да, кстати, возраст в землячестве большой роли не играет. Все дело в степени ответственности и работоспособности. Ну, наверно, еще и в удаче. Да, удача в столице — дело крайне важное. Никто не любит неудачников. Кому нужны чужие проблемы? Своих

хватает. Эти два, казалось бы, совершенно разных человека идеально соответствовали тем требованиям, которые являются определяющими в хаотическом распределении денежных потоков. Они оба были трудо-голиками, обладали гипертрофированным чувством ответственности и системностью. А главное, они являлись любимчиками Госпожи Уда-чи. Ну, по крайней мере, так все выглядело со стороны.

Вот и теперь, когда над Олегом Ивановичем нависла смертельная опасность, он, и это совершенно естественно, обратился к высокопо-ставленной землячке Лидии Сергеевне. Договорившись с ней о встре-че, Олег Иванович решил отправиться к неизвестному другу погибшей бабушки. Из соображений безопасности на Подол он поехал на ме-тро. На Контрактовой площади былолюдно, Олег Иванович прошел пешком пару кварталов по Межигорской улице и свернул в проходной двор. *Так. Где-то здесь. Да, точно здесь.* Он достал мобилку и набрал номер. После пятого гудка в трубке послышался сухой голос.

— Ну?

— Это я, я вам сегодня звонил. Мы договорились с вами и я вот... Подъехал... Стою возле дома. Первый подъезд, красная дверь, кодо-вый замок.

— Это вы, который от бабушки? Гм, — старческий голос недоволь-но хмыкнул и закашлялся.

— Ну, да, от бабушки, — обиженно гаркнул Олег Иванович. *Како-го хера? Что я тут делаю? На фиг мне этот маразматик?*

— Так, молодой человек, кстати, как вас величают?

— Олег. Э-э Олег Иванович.

— Ага, а меня Борис Семенович. Так вот, кодовый замок — это не есть проблема. Посмотрите на него внимательней и вы увидите те кнопки, которые надо нажать...

Олег Иванович посмотрел на замок. Действительно только две кнопки явно отличались от других. Это были тройка и восьмерка. *Самый распространенный номер кодовых замков Киева — 38,*

середина в двух рядах цифр... Какой смысл в замке, если коды вез-де одинаковые? Он нажал, замок щелкнул и открылся. В подъезде было темно и сыро. С трудом добравшись до лифта, Олег Ивано-вич отыскал на стене кнопку. Послышался скрежет и грохот. *Ниче-го себе лифт.* Через некоторое время перед ним открылась дверь. Буйный запах мочи сопровождался миганием лампочки. Кабина лифта судорожно вибрировала, а двери через секунду после откры-тия начали закрываться. *Европейская столица. Давайте быстрее, вас там ждут... Какой этаж? Восьмой? Мама дорогая... Нет, лучше плохо ехать, чем хорошо идти.* Он перешагнул порог лифта и нажал нужную кнопку. Лифт не ехал. Он снова нажал восьмерку, но лифт не сдвинулся с места, а дверь опять открылась. Перед две-рю стояла девочка с пакетом.

— Дядя, я еду с вами.

— Хорошо, заходи. А чего это лифт не едет?

— А вы, на какой этаж?

— На восьмой.

— Нет, лифт на восьмой не ездит. Надо ехать на девятый.

— А на седьмой лифт ездит?

— Не знаю.

— Ну, хорошо нажимаю девятку.

Лифт с грохотом закрылся и тронулся. С девятого этажа Олег Ива-нович спустился на восьмой. На площадке стоял худой старик с бо-родой.

— Олег Иванович?

— Да. А вы Борис Семенович?

— Именно.

Они прошли по длинному коридору и очутились в огромной комнате.

— Раздевайтесь. А что это у вас с рукой?

— Пуля.

— Серьезно? — усмехнулся Борис Семёнович. — Бандитская?

— Если у вас найдутся бинт и зеленка — я буду очень благодарен. А вообще-то действительно пуля. Сначала взорвали офис, а потом за мной гнались.

— Извините... Так это не о вашем ли офисе говорили сегодня в новостях? На Соломинке?

Олег Иванович утвердительно кивнул.

— Вы думает, что действительно хотели убить? — брови Бориса Семеновича образовали полукольцо над глазами, а губы вытянулись трубочкой.

— А вы думает, нет? Ничего себе шуточки... — Олег Иванович снял куртку. *Странные друзья у бабушки. Такой ночью приснится — не проснешься.*

— Есть такой американский писатель Курт Воннегут. Не слышали? Так вот он говорит, что прежде, чем убивать человека, следует обратить внимание, нет ли у него влиятельных родственников. Этому учит Библия. Если бы Иисус был простым человеком и не имел влиятельных родственников, то никто бы и не узнал о его смерти.

— Это значит, что есть те люди, которых можно убивать? Вы намекает на меня?

— Может быть, может быть... И, все же, вы хорошо все проанализируйте и не спешите с выводами. Если бы хотели убить — убили бы. Так. Бинты. Ага, бинты. Ну, чего же не найдутся. Найдутся, обязательно найдутся. Клара! Дорогая! Помоги нашему гостю. Нужны бинты и прочее...

Из соседней комнаты вышла худощавая женщина.

— Здравствуйте, Боря проводи гостя в ванную комнату, а я принесу все необходимое.

Вся процедура не заняла и десяти минут. Рана была обработана и

перевязана. Боли в руке практически не было. Клара принесла чистую футболку.

— Познакомьтесь, друзья, это Олег Иванович. Он же — внук моей подруги, которая, к сожалению, погибла... Он же — виновник торжества на Соломинке... А это...

— Да! Кого, кого, а вас, Михаил Яковлевич, я не ожидал увидеть. Невероятно. Но факт...

— Так вы знакомы? — Владимирский растеряно смотрел на Олега Ивановича.

— И очень даже хорошо знакомы, — Олег Иванович улыбнулся и протянул руку Михаилу Яковлевичу.

Михаил Яковлевич встал и попытался обнять Олега Ивановича.

— Осторожней, дружище, — Олег Иванович уклонился от объятий, — ранение, понимаешь ли...

— Ну, это действительно невероятно, — Михаил Яковлевич не верил своим глазам, — рад тебя видеть. Молодчина, а мы тут... Вот... Да, мир тесен... А что с рукой?

— Пуля. А я уже ничему не удивляюсь, — Олег Иванович сел в кресло и закрыл глаза, — дайте водки и селедки. Хочу напиться.

— Арфы нет — возьмите бубен. В смысле селедки нет, а водка имеется, — обрадовался Борис Семенович. — Господа, бойтесь трезвенников, они не пьют из-за жадности, а жадность — это путь к бедности.

Они выпили. Разговор не получался. Все вели себя настороженно. Олег Иванович пытался понять, почему покойная бабушка направила его к этому чудаковатому старику. А самое удивительное было то, что он встретил здесь Михаила Яковлевича, от которого ждал звонка. У них было общее дело. Олег Иванович купил, по случаю, земельный участок в Голосеевском лесу. Нельзя сказать, что он был ему нужен, но вот так у бизнесменов бывает, попался недорого — купил. Но на участке начали происходить странные вещи. Очевидцы утверждали,

что видели, будто из-под земли вылетают объекты и периодически туда возвращаются. Олег Иванович сам лично провел проверку, но ничего сверхъестественного не обнаружил. Вот только периодически на этом участке почему-то глохла машина и не работали электрические приборы. Тогда — то он и обратился к старому знакомому. Михаил Яковлевич с радостью взялся за исследования земельного участка.

Борис Семенович ломал голову над цифровой зависимостью имен президента, бывшего премьера и шириной стоцолларовой купюры. Михаил Яковлевич размышлял над тем, говорить ли Олегу о кубике или нет. А Грумберг сидел с закрытыми глазами. В новостях снова сообщили о взрыве в офисном центре на Соломинке. О жертвах не сообщалось, но, судя по визгу сирен скорой помощи — они все же были. Потом сообщили о диверсиях на железной дороге.

— Вот опять про взрыв. А вы знаете, господа, кто подложил бревно на рельсы? — Борис Семенович взял сигарету и закурил. — Дети. Просто школьники...

— Школьники? А вы знаете, что в той же Боярке произошло вчера? — откликнулся Грумберг. — Один вот такой высокорослый школьник взял дубину и, разъезжая по Боярке на мотоцикле, лупил дубиной все попадающиеся на пути автомобили. А в Днепропетровске старшеклассники, в общем, пацаны, убили больше двадцати человек. Так, ни за что, ни про что... Просто ходили и убивали.

— Что вы говорите? Это же надо... — Владимирский выпустил клуб дыма и посмотрел на часы. — Что происходит? Почему? Что их толкает?

— А что здесь непонятного? Политики своими интригами, руганью и показательной тупостью породили столько агрессии, что годы уйдут на то, чтобы очистить Киев и страну. А действия подростков это протест. Бунт. Выход этой агрессии. То ли еще будет...

— Ругаем советское время... Зачем? Тогда у молодежи и клубы, и спортивные секции были... И все бесплатно... — задумчиво пробормотал Владимирский. — А куда им сегодня деваться?

Борис Семенович встал и вышел в соседнюю комнату. Через минуту он вернулся с бумагой, карандашами и стопкой книг: — Так, господа хорошие, есть мысль. А ну-ка хватит спать, давайте поразмыслим вместе.

— Ты опять со своими формулами? — огрызнулся Грумберг.

— И не только, — покосился на книги Борис Семенович, — итак, молодой человек, рассказывайте, что там вам бабушка наговорила. Если, конечно, она вообще что-то говорила.

— Вы что, мне не верите? Я вам правду говорю. Она... Мне сказала идти к вам. Ах, да, еще сообщение пришло непонятно откуда, странное такое, бессмысленное...

— Сообщение? Надеюсь, вы его не стерли?

— Вроде бы нет, — Олег Иванович достал телефон и отыскал странное сообщение. — Вот. Читайте.

Михаил Яковлевич взял мобилку и прочитал:

**Когда Владычица Природы
В любви оденется наряд,
Младенца плач и стон народа
Сольются в скипетре царя.**

— Интересный стишок. Мда, — отозвался Михаил Яковлевич, — а что, собственно, мы хотим узнать? Что мы ищем?

— Ты что, Миша, не врубился еще? У вас с Олегом большие проблемы, очень большие... Да еще втянули в них и меня с Грумом. Так или иначе, надо разобраться, что происходит. Должна быть какая-то зависимость, логическая связь. Необходимо разобраться, откуда исходит опасность — это раз, тогда будет понятно, как эту опасность нейтрализовать — это два и почему нам помогают с Того Света — это три.

— А что, если дело в цифрах? — оживился Михаил.

— В любом случае, в цифрах. Сегодня все в цифрах.

— Так, может быть, это четверостишие — закодированное послание? Давайте его запишем, — Михаил Яковлевич взял лист бумаги и печатными буквами записал четыре строки странного сообщения, — пока ничего математического не вижу. Семеныч, может у вас есть идея?

— Идея? Может быть, может быть... — Борис Семенович взял в руки листок. — Ну, могу сказать, о ком первая строчка... Владычица Природы... Это... Это сестра Аполлона...

— Точно, Артемида. Богиня Артемида! — обрадовался Грумберг.

— Не перебивай старших, — нахмурился Борис Семенович.

— Это еще неизвестно, кто старше.

— Я имею в виду не возраст, а звание... Итак, возможно, Артемида. Какая это может быть цифра? — Владимирский прищурился и провёл взглядом по горизонту комнаты. — Господа, а цифра эта... Цифра — Двойка.

— Почему Двойка? — Михаил Яковлевич взял второй лист бумаги, записал четверостишие более крупным шрифтом и положил на середину стола.

— А потому, что у пифагорейцев Двойка — это женское начало, равновесие и дипломатичность. В Двойке мы находим свое идеальное дополнение, вторую половину, она, в символическом смысле, жена Первопроходца — Единицы. С двойкой ассоциируется сестра-близнец Аполлона. Артемида — она же Владычица Природы.

— Откуда такая уверенность? — недоверчиво заметил Михаил Яковлевич.

— Это, братец мой, нумерология, там все это задекларировано. Давайте не будем пока спорить. Анализируем дальше. Если рассуждать логически с позиции нумерологии, то видится следующее. Первая строчка — первая цифра. Вторая строчка — вторая цифра. А вторая цифра будет... Любовь, любовь... Это у нас будет цифра... Шестерка.

— Объясните.

— Слово Любовь относится к ключевым словам цифры Шесть. Шестерка сочетает в себе творчество и радость Тройки с акцентом на взаимоотношениях Двойки. Одна из разновидностей такого творчества — любовь, она не может быть полноценной, если это любовь к себе самому.

— Ну, хорошо, пусть будет Шестерка. Давайте дальше, посмотрим, что выйдет, — Михаилу Яковлевичу не терпелось узнать все цифры.

— Дальше. А дальше у нас... Младенец и народ. Народ отпадает как структура, не попадающая под анализ нумерологии, а вот Младенец... То есть Ребенок, Дитя... Это может быть... Ё маё, так это же Тройка. Ну конечно, Тройка. Тройка подобна ребенку — ей в мире все интересно, она искренне радуется каждому дню и искрится творчеством. Тройка — это харизма и самовыражение.

— Так, так. Ну а что у нас с последней строчкой? Скипетр, царь...

— Царь — это власть. А власти соответствует только одна цифра. Это цифра — Восемь. В мифологии Восемерка ставится в соответствие Посейдону, первому небесному супругу Земли и ее владыке...

— Впоследствии смещенному на роль бога морей и океанов, — добавил Михаил Яковлевич, — во многих культурах Восемерка рассматривается как символ удачи, везения и благословенности Богом.

— Удача — это хорошо, это я люблю, — оживился Олег Иванович, — только какой во всем этом смысл?

— Смысл? Как вы все хотите, чтобы во всем был смысл. Прагматисты-рационалисты. Птица пролетела — почему? Комар укусил — зачем, кто ему за это платит? Человек своими жалкими мозгами пытается понять смысл существования Вселенной! Пусть в себе разберется... — пробурчал Грумберг.

— Так, Грум, давай без лишней философии, не до нее, — Борис Семенович присел на край дивана и продолжал, — итак, у нас получились

некоторые цифры. Двойка, Шестерка, Тройка и Восьмерка. Теперь вопрос к вам, дорогой наш Миша. Вы математик, физик и вообще... Вам как говорится и карты в руки... То есть цифры...

— Я не уверен, но если порядок цифр не важен. То... Гм... То можно попробовать поставить их в несколько другом порядке. На первое место Шестерку, на второе — Двойку, на третье — Тройку, а на четвертое соответственно — Восьмерку. То... Получается...

— И что получается? 6238, ну и что? — Владимирский сделал гримасу, которая типична для школьника, получившего крайне сложную задачу. А я бы поставил так 2, 3, 6, 8.

— Почему?

— Как это почему? По порядку возрастания.

Михаил Яковлевич захохотал.

— Что тут смешного? — обиделся Владимирский.

— Нет, ну это слишком просто... Хотя... — Михаил снова громко рассмеялся.

— Хватит вам рвать кишки, с чего такое веселье? — отозвался Грумберг, записывая что-то на листе бумаги.

— Борис Семенович, это же 62 на 38! Ну, 38 на 62! Ну! Вам не знакомы эти пары цифр? А вы, Грумберг? Вы же все знаете.

Грумберг молча положил лист бумаги на стол. Там было написано:

ФИБОНАЧЧИ

— Ну, слава Богу! Есть хоть один образованный человек в нашей компании, кроме меня. Леонардо Фибоначчи! Совершенно верно! Золотое сечение! — Михаил вопросительно посмотрел на Владимирского и Олега Ивановича. — Итальянский купец Леонардо из Пизы, более известный под прозвищем Фибоначчи. Научная карьера Фибоначчи теснейшим образом связана с развитием европейской культуры и науки. Стыдно не знать...

— А мне не стыдно. На хрена мне этот Финабоч-ч-чи, — обиженно прошипел Борис Семенович, — мне своих пифагоров хватает...

— Не Финабо-о-оччи, а Фибона-а-аччи, — поправил Михаил Яковлевич.

— Не вижу разницы. Фи-ччи и Фи-ччи, — нахмурился Владимирский.

— Ладно, давайте серьезно.

— Чем он прославился, ваш Фи-ччи?

— Да многим. Только это было давно, в средние века...

— И все же?

— Прежде всего... В век Фибоначчи, который вполне можно было назвать репетицией надвигающейся эпохи Ренессанса. Этой репетицией руководил Фридрих II, император Священной Римской империи. Воспитанный в традициях южной Италии, он был внутренне глубоко далек от европейского христианского рыцарства. Вместо этого он культивировал математические соревнования, на которых противники обменивались задачами. На таких турнирах и заблистал талант Леонардо Фибоначчи. Этому способствовало хорошее образование, которое дал сыну купец Боначчи, взявший его с собой на Восток и приставивший к нему арабских учителей.

— Так, давайте фиксировать. Я записываю ключевые слова. Боначчи, купец, Восток, арабские учителя, математические соревнования, задачи... — Борис Семенович стал серьезным и собранным, — продолжайте.

— Вы думаете, я помню? Давайте нырнем в инет.

— Ну если вы настаиваете... Вперед.

Михаил Яковлевич расположился удобно возле компьютера. Несколько щелчков и на экране появилась информация:

Покровительство Фридриха стимулировало выпуск научных трактатов Фибоначчи:

«Книга абака»

«Практики геометрии»

«Книга квадратов»

— С чего начнем? — улыбнулся Михаил Яковлевич.

— Вы шутите? Осталось только книги по математике изучать. Пока мы тут того... Два плюс два, так нас, как курчат, переловят и зажарят.

— Это точно. Согласен, — Михаил Яковлевич щелкал мышкой и листал электронные страницы, — дайте мне немного времени. Я сам. Только не мешайте. Можете посидеть тихо?

— Не хватало еще в своей квартире на цыпочках ходить... Господа, давайте пулю¹... Распишем... Когда еще придется...

— Я не против, — откликнулся Олег Иванович, — доллар — вист!

— Ви, молодой челове-ек, хотите мою кварти-и-иру выиграть? — с явно выраженным подольским акцентом, прохрипел Владимирский. — А по копеечке слабо, господин, подстреленный капиталист?

— Согласен!

— Давай сдавай, — Грумберг пересел ближе к столу.

Михаил Яковлевич достал из коробки кубик и положил его перед собой. Он давно не воспринимал кубик как чудо. *Чудо не противоречит законам Природы, чудо противоречит нашим представлениям о законах Природы. Фибоначчи, золотое сечение... Шестдесят два, тридцать восемь...* Он закрыл глаза и сосредоточился. Если бы Михаилу пришлось писать инструкцию по пользованию кубиком, то он начал бы так: напрягите ваш ум и попробуйте вообразить, что вы подключены ко вселенской сети Разума, которая при помощи сложнейшей игры сознания исследует потенциальные возможности восприятия. А теперь закройте на минуту глаза, расслабьтесь и позвольте себе действительно ощутить всю глубину возможностей, связанных с подобным представлением о Вселенском Разуме. Затем откройте глаза и вновь сосредоточьтесь на «здесь и сейчас», на поставленной задаче, на кубике, стремясь сохранить в себе ваше переживание, и отметьте про себя, какие образы или символы всплыли в вашем воображении. Воображение — это важный инструмент распознавания исследования невидимых, нефизических областей, пересекающихся с физическим материальным миром. В каждый момент ваше сознание действует, как в физической, так и в нефизической реальности с совершенной легкостью и изяществом. Природа трехмерной реальности может показаться отделенной от всего остального Космоса, несмотря на то, что все аспекты бытия взаимно связаны посредством единой жизненной энергии. Различные реальности способны подключаться к сети интерактивного разума, что существует внутри и вне тех пределов пространства и времени, которые вы воспринимаете сегодня... И так далее и тому подобное...

Но сейчас он сам исполнял требования будущей инструкции. Через несколько секунд в темноте показался свет, похожий на свет в конце тоннеля. Свет приближался с нарастающим гулом и еще

¹ Жаргонное название карточной игры — преферанс.

через мгновение поглотил Михаила и унес в далекое Пространство. *Фибоначчи, золотое сечение... Шестьдесят два, тридцать восемь... Шестьдесят два, тридцать восемь... Шестьдесят два... Восемь...* Ему с трудом удавалось слышать свой голос. Скорость движения становилась все больше и больше. *Эх, спидометра не хватает.* Он с трудом мог заставить себя генерировать мысли. С увеличением скорости движения мышление, наоборот тормозилось и, в конце концов, застыло. Ни шума, ни звуков, ни мыслей. Тишина и огромная скорость... Сколько длился полет, он определить не мог. Может быть, час, а может, и гораздо дольше. Хотя время в Пространстве Вариантов — понятие очень и очень относительное. Скорость снизилась, и белый свет стал похож на туман. Сквозь туман начали проявляться отдельные здания, ограждения и люди... Много людей и машин... Он увидел. Красивейший город предстал перед ним. Небоскребы в сотни этажей, фантастически красивые мосты-дома. Многоуровневые железобетонные развязки. Еще мгновение и он остановился на одном из уровней автотрассы. Ворвавшиеся звуки чуть не оглушили его. Хотя это были обычные звуки движущегося автотранспорта. *Странно, автомобилей много, а вот запах бензина отсутствует. Электромобили, что ли?* Он осмотрелся. Бетонный желоб автострады. Он подошел к перилам и посмотрел вниз. Где-то далеко внизу в проеме между огромными мостами-домами виднелась река, по которой курсировали небольшие яхты. *Интересно, где это я? Без сомнений — это будущее. Но насколько далеко я залетел?* Михаил очень сожалел, что с собой нельзя было брать фотоаппарат или видеокамеру. Он, конечно, пробовал, но всякий раз попадая в Пространство Вариантов, электроника, взятая им с собой, оказывалась неисправной. *Но ведь можно же это как-то сфотографировать и после возвращения показать друзьям. Нарисовать, что ли?* Михаил посмотрел на соседний мост-дом и посчитал количество этажей. *Тридцать этажей. С ума сойти... Тридцать этажей на мосту.* Мост действительно выглядел потрясающе. Его нижняя часть была занята ветками метрополитена. На втором уровне находилась многополосная автострада. Над автострадой — огромная автостоянка. Выше шли этажи, скорее всего,

торговых и офисных центров. Выглядело это строение фантастично. Тридцатизэтажное здание, стоящее на реке, скрывалось за тонированным стеклом, отражающим в себе движение яхт, блеск воды и находящегося напротив такого же строения. На самом верху виднелась башня, уходящая в небо. *Не меньше двухсот метров.*

Михаил прошел дальше по прозрачному пластиковому тоннелю. Было совершенно непонятно, как этот тоннель закреплен. Казалось, что он просто висит в воздухе, лишь только касаясь бетонного желоба автострады. Пройдя метров пятьдесят, Михаил подошел к двери лифта. Он решил подняться на самый верх этого великолепного строения. Прозрачный лифт. *Ну этим нас уже не удивишь, видали...* Поднявшись на верх, Михаил обратил внимание на то, что верх строения был идентичен находящемуся напротив. Такая же вертолетная площадка, такая же башня, похожая чем-то на Эйфелеву. Людей было не много, но вид сверху потряс Михаила настолько, что он чуть не потерял дар речи. *Это же... Это... Не может быть... Это... Неужели это Киев?* Среди совершенно незнакомых строений, небоскребов, мостов-офисов, парящих в небе разноцветных воздушных шаров и прочего фантастического пейзажизма, он увидел то, что было знакомо с детства, то, что взволновало его до слез... Он увидел Печерскую Лавру. *Боже мой... Боже мой... Это же Киев! Какой сейчас год? Киев... Боже мой!* Мимо проходили две симпатичные девушки. Они говорили и смеялись, не обращая внимания на странного гражданина.

— Девчонки, это же Киев! — закричал Михаил. — Красотища-то какая! Это же Киев!

— Ну и что? Киев как Киев, — ответила одна из них и обе громко рассмеялись.

— А какой сейчас год? — начал успокаиваться Михаил. — Я немного выпал...

— Две тысячи тридцать первый год, — отозвалась вторая девушка.

— Да ты на него посмотри, он же нас прикалывает, — первая девушка нахмурилась и потащила подругу в сторону от Михаила.

— Ну, извините, девчонки, я пошутил, конечно, две тысячи тридцать первый. А город этот точно Киев? — крикнул вдогонку девчонкам Михаил.

— Да пошел ты... Козел.

— Время другое, а нравы те же... — грустно заметил Михаил Яковлевич, — ну, это уже что-то. Киев 2031 года. Колоссально.

Он опустил руку в карман пиджака и похолодел. Кубика в кармане не было. *Потерял. Где? Как?* Он побежал к лифту, спустился вниз, пробежал до того места, где он приземлился и... *Где же кубик? Как мне возвратиться?*

— Извините, вы что-то потеряли?

Михаил обернулся. Спिनной к нему стоял мужчина в белом льняном костюме. Белая шляпа прикрывала седой затылок.

— В общем-то да, потерял... Так, безделушка... Но подарок... — Михаил растерялся, он не умел и не любил врать но... Что делать? Как объясняться с людьми из будущего, он не знал.

— Подарок? — мужчина поправил шляпу и рассмеялся. — Безделушка говорите?

Михаил не мог сказать ни слова. Что-то очень знакомое было в этом человеке. Голос. Манеры. Движения.

— Нехорошо врать, уважаемый Михаил Яковлевич, — мужчина снял шляпу и повернулся к Михаилу.

— Эммануил! Эмма-а-ану-у-уил! — Михаил обрадовался, как мальчишка. — Ну, кого не ожидал увидеть, так это вас. Как же так? Куда вы пропали? А я вот тут...

— Вижу, не слепой, — Эммануил надел шляпу и солнцезащитные очки. Затем достал из кармана кубик, — это?

— Совершенно верно, — Михаил обрадовано протянул руку за кубиком.

Но Эммануил убрал руку и положил кубик в карман своего пиджака.

— Не понимаю. Вы мне его не отдаете? — растерялся Михаил.

— Будем надеяться, что он вам уже не нужен. Все, чему вам надо было научиться при помощи кубика, вы уже практически научились. Даже сюда вы попали без его помощи.

— Вы меня окончательно хотите запутать? Я определенно ничего не понимаю.

— Включайтесь, господин профессор, времени не так много. Понимаете, вы просто стали по-настоящему верующим человеком, — Эмм повернулся к Михаилу спинной и направился к лифту.

Михаил, как загипнотизированный, зашаркал следом.

— Но позвольте узнать... Что значит... — бурчал Михаил.

— Вера в Божественную Систему — это вера в вероятность невероятного. Помнишь про горчичное зернышко?

— Гм... Э-э-э... — Михаил пожал плечами.

— Иисус говорил своим ученикам. Не помнишь? Эх вы, ученые... Стыдно... Правильно говорил Пифагор. Нас погубит атеизм ученых. Некогда мне тебе лекции читать. Неважно, как это работает. Важно, что ты практически научился этим пользоваться, а это сейчас главное. — Эммануил вызвал лифт. Прозрачная дверь бесшумно открылась, и они вошли в хрустальную кабину.

— И все же... Вы можете мне объяснить все это проще...

— Не думал я, что ты, Миша, так туго соображаешь. Ну, хорошо. Посмотри вниз.

Михаил посмотрел вниз. Под прозрачным полом лифта с высоты птичьего полета красовался Днепр. Где-то внизу проплывал прогулочный теплоход.

— Ну и что?

— Что ты видишь?

— Поднимаемся вверх, река, корабль.

— Хорошо. Уже лучше. Выбрось из головы кубик. Просто представь себя за пределами лифта, переходи к многомерности жизни, где одновременно сосуществуют прошлые, будущие и настоящие жизни, ушедшие в мир иной родственники и друзья, гипотетически возможные реальности возникнут все разом, — вероятнее всего, ты не выдержишь нагрузки на нервную систему и разорвешь сдерживающие твоё мышление рамки. Ну! Давай! — Эммануил поправил очки. — Ну! Только не закрывай глаза. Ты — часть Пространства, а у него нет границ. Поверь в себя!

Михаил сосредоточился, он всеми своими мыслями провалился в трехмерный мир, знаки, символы и смыслы других реальностей слились воедино. *Я — это Оно — Пространство — Время — Движение, мои клетки — это их клетки! Я — это Они!* Он протянул руку к стеклянной стене лифта. Его поразило то, что он совершенно не почувствовал прикосновения к стеклу. Рука прошла сквозь стекло и та часть руки, которая оказалась за пределами лифта, совершенно определенно ощущала движение ветра. Михаил шагнул в стеклянную стену. Его тело прошло сквозь стену лифта и оказалось за пределами кабины. Ласковый летний ветер бил в лицо. Странно, но Михаил не ощущал страха. Появилось желание взлететь, и он был уверен, что у него это получится.

— Понял, — Эммануил удержал Михаила за руку, — не время сейчас развлекаться. Да и людей много вокруг. Не все можно делать, что хочется.

— Я понял, я все понял...

— Ничего удивительного, ты просто желание трансформировал в намерение. То же самое можно делать и со временем, и с пространством.

Лифт остановился. Михаил и Эмм вышли на верхний уровень.

— Куда мы направляемся? — Михаил с трудом успевал за Эммануилом.

— Башня. Нам нужна башня.

Четыре стальные лапы удерживали громадную конструкцию, уходящую ввысь. Они подошли к небольшому павильону, возле которого толпились несколько десятков человек.

— Мы что билеты будем покупать? — удивился Михаил. — Что, мы не можем так... По воздуху...

— Миша, мы не имеем права без особой необходимости использовать наши уникальные способности, иначе мы с тобой привлечем внимание, а нам этого делать нельзя. Нас тут же обнаружат. Мы с тобой, Миша, нарушители, незаконно проникшие в один из вариантов Будущего. При этом я хочу подчеркнуть, что это только лишь один из возможных вариантов. И чтобы этот вариант сбылся, необходимы определенные усилия.

— Скажите, Эмм, а эти люди или как их там... Они и тут могут нас преследовать?

— А я тебе про что? Малейшее проявление необъяснимого отражается в мыслях тех людей, которые это видят. У них возникают определенные колебания. Вот эти сигналы считываются и попадают в центр обработки. Так вот нас и вычислят. Так же и меня вычислили при первой нашей встрече. Человеческий мозг при обработке необъяснимого излучает торсионные поля определенной частоты. Для Равновесных Сил — это сигнал тревоги. Ну и не только для них. Прошрое, Настоящее и Будущее — все это Пространство Вариантов кишит разного рода специальными агентами, слугами Равновесных Сил, случайными путешественниками, наркоманами и алкоголиками, ясновидящими, колдунами и просто жуликами. А ты должен уметь меняться под окружающую среду и не выделяться. И знай, это не виртуальная реальность, не геймерские шутки, если здесь погибнешь, то умрешь на самом деле, — Эммануил достал из кармана бейджики, — вот возьми и закрепи на рубашку.

ИТАК, **ВОЙНЫ** НАЧИНАЮТСЯ, КОГДА ОДНА
НАЦИЯ ВТОРГАЕТСЯ НА ТЕРРИТОРИЮ ДРУГОЙ.

ТЫ ДОЛЖЕН УМЕТЬ
МЕНЯТЬСЯ ПОД
ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ
И НЕ ВЫДЕЛЯТЬСЯ.

И ЗНАЙ, ЭТО НЕ ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ, НЕ
ГЕЙМЕРСКИЕ ШУТКИ,

ЕСЛИ ЗДЕСЬ ПОГИБНЕШЬ, ТО
УМРЕШЬ НА САМОМ ДЕЛЕ

Михаил взял бейджик. На фотографии он узнал себя. А вот то, что было написано, его удивило:

СОЮЗ УКРАИНСКИХ ЗЕМЕЛЬ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ КАЧЕСТВА ИНФОРМАЦИИ

— Союз? Украинских Земель? Потрясающе! Ах да, мы же... А почему не моя фамилия?

— Миша, еще раз повторяю тебе, здесь находиться нельзя. Поэтому и фамилия не твоя. Ну, неужели не понятно?

Прикрепив бейджики, они прошли дальше и вскоре благополучно миновали контролера.

— И все-таки мне очень неприятно ходить в родном городе под чужой фамилией, — не мог успокоиться Михаил.

— Хорошо, я тебе расскажу, что тут происходит. Не знаю, зачем я это делаю... — Эмм прошел в лифт, который был похож на фуникулер. Лифт двигался не вертикально, а под углом примерно в шестьдесят градусов, — мой дорогой друг, а скажите, вы могли бы себе представить, что где-то в одном из миллиардов вариантов Будущего вы, да, да именно вы — очень даже известный человек? — Эмм лукаво прищурил глаза.

— Ну почему нет? Я и так почти известный... В определенных кругах...

— В определенных кругах? Я не об этом. Вы известны, как Майкл Джексон, как Нобель, как... Впрочем, сейчас вы сами все увидите.

Пока они разговаривали, лифт доставил пассажиров на первый уровень башни. Они вышли на смотровую площадку. Михаил обратил внимание, что все информационные надписи были сделаны на трех языках. На украинском, русском и английском. Эммануил подошел к декоративному ограждению и сел на стоящую рядом скамейку.

— Думаю, здесь, какое — то время можно посидеть и отдохнуть. Миша, присаживайся, не стесняйся. Конечно, я мог бы тебе все это рассказывать словами в твоём реальном времени, но думаю, что лучше один раз увидеть, чем десять раз услышать. Как ты думаешь? Почему начинаются войны? И вообще, что такое война?

— Сложный вопрос для меня как для физика, — смутился Михаил.

— Войны начинаются, когда одна нация вторгается на территорию другой...

— Может быть...

— Может быть, может быть... Ты послушай минутку, не перебивай. Итак, войны начинаются, когда одна нация вторгается на территорию другой. Депрессии имеют место, когда на рынке наступает неожиданный спад. Инфляции случаются, когда цены растут из-за нехватки товаров. А революции начинаются, когда народ при всех обстоятельствах самопроизвольно поднимается, чтобы свергнуть существующее правительство. Согласен?

— Ну, таковы традиционные объяснения исторических событий. События происходят сами собой. Самопроизвольно.

— Правильно и представляется, что каких-либо причин не существует. Но. Но подобное объяснение истории оставляет мучительные вопросы в умах серьезных исследователей. Возможно ли, чтобы руководители правительств и другие лица планировали эти события, а затем проводили их в жизнь до желаемых результатов? Возможно ли, чтобы величайшие исторические катастрофы являлись частью их планов? Существует ли объяснение исторических событий, которое отвечает на этот вопрос утвердительно? Это объяснение называется взглядом на историю как на преднамеренные, тщательно спланированные действия, в отличие от взгляда на историю как на случайность. Последняя точка зрения наиболее распространена. Случайность. И нет виновных. Стечение обстоятельств. Правители? Ну что вы, правители были просто бессильны что-либо изменить. Такая точка зрения устраивает почти всех. Ты со мной согласен? Это очень важно, чтобы ты понимал.

— Вы знаете, а я действительно часто об этом думал. Вот происходит какое-либо событие. И средства информации начинают муссировать, а если бы было так или не так. А вот если бы кто-то чего-то сделал или не сделал, то этого бы не произошло. И так далее. То есть мы годами разбираемся с прошлым, гадая на кофейной гуще, как могли бы развиваться события, а про будущее не думаем, не анализируем...

— Совершенно правильно. Так вот, это часть технологии. Чтобы люди не думали о прошлом, это не имеет большого значения для будущего. Если только это не манипуляции. Поэтому многие слабые правители, не способные созидательно трансформировать пространство закликиваются на прошлом. Идет смещение акцентов внимания на событиях столетней давности. Возникают споры, противоречия и всем хорошо. Процесс идет. Люди заняты задачей, почему Сталин устроил голодомор, политики разбираются в терминологии и спорят о том, как правильно назвать данное событие, а время идет, все заняты. К тому времени, когда этот вопрос будет уже не интересен, придумают другой и так далее. И всем кажется, что без прояснения данного вопроса просто нельзя жить. А процесс идет. Этаким всенародный гипноз-психоз. А что происходит в это время? — Эммануил достал сигару.

— Жизнь не стоит на месте, — философски заметил Михаил Яковлевич.

— Правильно, Миша, жизнь не стоит на месте. Посмотрим на развитие событий как на тщательно спланированные действия. И мы с тобой найдем единомышленников. Одним из них является бывший президент Америки Рузвельт, который, безусловно, видел много событий мировой значимости в течение своих президентств. Часто приводятся его слова: «В политике ничего не происходит случайно. Если что-то случилось, то так было задумано». Если планируются какие-то вредоносные события, то ясно, что люди, которые могут пострадать из-за этих намеченных событий, постараются не допустить этих событий, при условии, что они знают об этом заранее. Народ

ожидает от правительства, что оно защитит его от вредоносных событий, — Эмм закурил сигару, глубоко затянулся и выпустил клуб ароматного дыма, — замечательная сигара, кубинская...

— Так вы хотите сказать, что все так называемые катастрофы и террористические акты на самом деле... То есть они запланированы теми, против кого они и были направлены? Ну это же бред... Не укладывается в голове.

— Понимаешь, если события все же происходят, а от официальных лиц правительства ожидается их предотвращение, то официальные лица не справились со своими должностными обязанностями. Существуют только два объяснения их неудач. Либо события оказались сильнее и их нельзя было предотвратить. Либо событиям было позволено произойти потому, что официальные лица хотели, чтобы они произошли. Конечно, трудно поверить случайному наблюдателю, что эти невероятные события не могли быть предотвращены, так как гуманные сознательные люди не допускают вредоносных событий. Если позволяют произойти запланированному нежелательному событию, то планировавшим событие приходится действовать втайне, чтобы не допустить раскрытия планов теми, кому будет причинен вред. И здесь нет ничего противоречающего законам Природы. Закон микро и макро — мира. Когда хирург удаляет аппендикс, что происходит? Если мы заглянем в микромир удаляемой ткани... Не советую это делать. Мы поймем, что, делая хорошо человеческому организму, мы убиваем целый микро-космос. Так что по закону аналогий... Сам понимаешь... Кстати, об этом много писал Ральф Эпперсон. Да ты должен был слышать это имя. Мы с ним большие друзья. Он часто путешествовал со мной в Пространстве Вариантов. Я люблю его цитировать. И он меня...

— К чему вы мне все это говорите? Ну, хорошо, допустим, я вам верю, но как можно поверить в то, что 11 сентября 2001 года нападение террористов на Всемирный торговый центр было спланировано людьми, имеющими отношение к управлению Америкой?

— Верить или не верить — это выбор общественности. Наша с тобой задача — знать. А мы с тобой знаем, что это было спланировано.

И спланировано людьми далеко не арабской национальности. Конечно, арабы участвовали, но лишь только в части пушечного мяса, а те, кто это планировал и оплачивал...

— И все же... Трудно в это поверить.

— Ты опять за свое. Вера — это вопрос выбора. А знание — это факт. Если захочешь проверить, все в твоих руках. Ты имеешь сейчас такую способность и для этого не нужна моя помощь. Но стоит ли тратить на это драгоценное время? Ну, хорошо, ты проверишь и убедишься в моей правоте? Что дальше? Ты думаешь, тебе легко будет убедить в этом народ Америки? Глупость. Народ Америки трагедия 11 сентября сегодня уже не волнует. Она сыграла свою историческую роль и все. Жизнь идет дальше. Новые события, новые трагедии... Планировщики, работающие втайне с планированием события, осуществления которого народ не хочет, являются, по определению, членами заговора. Это объединение людей, работающих втайне. Заговорщики не только должны работать втайне, они должны приложить все усилия для того, чтобы их планы не стали общедоступными. В таком случае первой задачей заговора является убеждение народа в том, что заговора не существует. Это делает задачу вскрытия козней заговора еще более трудной.

— Но зачем и кому требуется заговор против своего же народа?

— Какой вы наивный, Михаил. Народ, к вашему сведению, состоит из людей. Согласны? — Эммануил затянулся сигарой.

— Не чудите, Эмм, ну конечно народ состоит из людей, я это понимаю и с этим согласен. Что дальше? — Михаила иногда раздражал учительский тон Эммануила.

— Так вот люди, составляющие народонаселение Земли, в основной своей массе, не имеют души...

— Как это так? Люди без душ? — нервно перебил Михаил.

— Именно так. Процентом семьдесят людей, живущих на Земле, являются настоящими людьми-землянами. А остальные тридцать... Не удивляйся. Остальные тридцать — это пришельцы, которые

научились жить в телах людей-землян. Душа — это и есть пришелец. Тело умирает, а душа переходит в другое тело. Душа может жить в нескольких телах одновременно. Может покинуть тело. Так что кому ты будешь доказывать? Кому нужны твои доказательства? Люди-земляне живут одну жизнь и все. Никакой реинкарнации. И они это очень хорошо чувствуют. Их интересует день сегодняшний. Что было вчера и что будет завтра, большого значения для них не имеет. Только сегодня.

— А эти пришельцы, что им надо?

— Их задача изначально состояла в том, чтобы подготовить людей Земли к духовному возрождению. Но они заигрались в земную жизнь. Им это так понравилось, что они утратили способность переноса и сохранения информации из одной жизни в другую. И большая часть пришельцев выродилась в людей-землян.

— А скажите, обратный процесс возможен?

— Конечно, возможен, но для этого требуются колоссальные усилия. Но я не об этом хотел тебе сказать. Давай все-таки разберемся с планированием Будущего. Существуют три пути разоблачения тайного планирования или попросту, можно сказать, заговора. Первый — когда один из участников заговора порывает с ним и раскрывает свое участие. Это требует от человека исключительного мужества и подобный тип разоблачений крайне редок. Вторая группа разоблачителей — это люди, которые неосознанно участвовали в заговорщическом планировании события, но осознали это впоследствии. Эти люди, а их не очень много в мировой истории, также обнажили внутренние механизмы заговора с большой опасностью для себя. Третий метод раскрытия заговора состоит в обнажении заговорщических замыслов в событиях прошлого.

— Пока не понимаю, к чему вы ведете? Хорошо, допустим, заговор существует. Что дальше? Какая моя роль в этом спектакле?

— Дело в том, что первые два пути раскрытия заговора очень опасны и, в общем-то, нам не доступны. А вот третий...

— Что толку разбираться с прошлым? Вы же сами сказали, что никому мы ничего не докажем. Тем более фактами из прошлого.

— А вот тут самое интересное. Ничего никому мы доказывать и не будем. Мы будем сами планировать Будущее, — выпустил клубы сигарного дыма Эммануил.

— То есть вы хотите создать свой заговор? Заговор на упреждение?

— Совершенно правильно. Молодец физик. Умница. Только не создавать, а пригласить тебя в нем участвовать. Он, Миша, давно существует.

— И чем я могу быть полезен? Надеюсь, это не опасно.

— Ты, Михаил, человек, имеющий душу, поэтому для тебя риск состоит лишь в том, что можно потерять данное тело. И не более. Но, к сожалению, будет потеряна и информационная связь с прошлой жизнью.

— Другими словами, я могу погибнуть?

— Для данного твоего состояния... да.

— Нет, я не согласен. Вы шутите?

— Какие шутки? Если бы не я, тебя бы уже не было. Так что ты — мой должник.

— А если я не соглашусь?

— Ничего страшного, мы с собой расстаемся, и ты свои проблемы будешь решать сам. Но поверь, тебя без моей защиты найдут очень и очень быстро, ты даже не успеешь разобраться, почему на тебя идет охота. Не успеешь и не узнаешь, что было тебе предназначено...

— Не интригуйте меня, Эммануил. Видите, я думаю. Надо же все взвесить. А если я соглашусь? Что будет?

— Борьба. И не просто борьба, а очень трудная и опасная, но невероятно интересная. Не могу ничего обещать. Одно могу сказать точно. Шансов выжить будет гораздо больше, — Эммануил нахмурил брови и затушил сигару.

— Умеете вы уговаривать. Хорошо, допустим, я согласен, что дальше?

— Нет, господин профессор, вы должны сначала сказать, согласны или нет, а уж потом дальнейший рассказ.

— Ну, хорошо, хорошо. Я согласен. А что у меня есть выбор?

— Нет, Михаил, выбора у тебя нет. Так вот, скажи, где мы с тобой находимся сейчас?

— Очевидно, в Киеве...

— Киев — это вторично, а первично то, что мы находимся в одном из возможных вариантов Будущего. Думаю, что в лучшем из возможных. Хотя всегда есть что-то еще более лучшее... Ну, думай дальше сам.

— Вы хотите сказать, что если мы из Будущего будем расследовать прошлое, которое является объективной реальностью сейчас на Земле, то...

— Извини, хочу поправить не объективная реальность, а субъективная трехмерная реальность. А, в общем, ты совершенно прав. Третий метод раскрытия заговора состоит в обнажении заговорщических замыслов в событиях прошлого. Ты обратил внимание на бейджик?

Михаил утвердительно кивнул головой. И перевел взгляд на бейджик Эммануила.

— Читай, — строго приказал Эмм и повернулся бейджиком к Михаилу.

— Со-о-ю-юз... —

— Ниже читай. —

— Государственный департамент качества информации...

— Так, здесь остановимся. Знаешь, кто возглавляет этот департамент прямо сейчас? — улыбнулся Эмм.

— Понятия не имею, — пожал плечами Михаил Яковлевич.

— А-а-а! То-то, а я тебе сейчас скажу. Этот департамент возглав-

ляет заслуженный деятель науки, доктор технических наук, лауреат Нобелевской премии... — Эмм сделал паузу и посмотрел в глаза Михаила, — Дерзин Михаил Яковлевич!

— Гм. Э-э-э... Что вы сказали? Кто?

— Вы! Вы возглавляете этот департамент. Как? А?

Михаил разволновался, как студент на экзамене.

— Я знал, что это случится, обязательно случится. Я знал... Почему вы мне сразу не сказали?

— А если я скажу, что пошутил?

— Нет! То есть как это? Разве с такими вещами шутят?

— Шутят, шутят и даже с более серьезными вещами, — прошептал Эмм.

— Но я все же думаю, что вы не шутили... — Михаил сделал паузу и пристально, с глубокой надеждой, заглянул в глаза Эммануила, — или...

— В этот раз я не шутил...

— То есть я действительно лауреат?

— Да, но только в этом варианте Будущего.

— Я знал, я верил, — Михаил закрыл глаза.

— Что вы запричитали, как монашка. Верил, верил. Это все еще в далеком будущем. Вы что, забыли, где мы с вами пребываем? — Эммануил рассмеялся. — Вы мне напоминаете одного человека. Внешнего сходства, конечно, мало, но поведение... Когда он узнал технологические секреты Эфира... Что было... Он бегал и кричал: Нобелевская премия, лауреат и прочие банальности... Был такой чудак — Николо Тесла.

— Тесла — великий человек. Великий изобретатель. Король Электричества.

— Успокойтесь. Вы-то теперь знаете, как ему удавалось изобретать. Что за люди? Король! Царь! Великий! Гениальный! Эмоции вас

погубят. Тесла был скучнейшим человеком. Он работал с наглядными образами и одним из самых важных образов у него был Мировой Эфир. Электричество, считал Тесла, это вибрации Эфира. Сейчас это знают даже школьники младших классов. Как он бредил Нобелевской премией... Ну Бог с ним, с Тесла. Давайте разбираться со своими проблемами. Михаил, главное, что вы должны уяснить, это то, что заговор существует в действительности, чрезвычайно велик по масштабам, глубоко защищен, и поэтому исключительно могущественен. Он направлен на то, чтобы достичь абсолютного и жестокого господства над всей человеческой расой, используя для достижения этой цели войны, депрессии, инфляции и революции. Неизменной целью Заговора является разрушение всех религий, всех существующих правительств, и всех традиционных человеческих учреждений, и построение на этих обломках, созданных им же, Нового Мирового Порядка. При этом заметим, что заговор будет делать все возможное, чтобы отрицать обвинения как тех людей, которые пытаются его раскрыть, так и тех лиц, которые утверждают, что они являются участниками заговора. То, что ты видишь, это — один из лучших вариантов Будущего для Украины. Но существуют и худшие. Поэтому для того, чтобы ты окончательно понял нашу задачу и свое предназначение, мы должны побывать и в одном из самых худших вариантов Будущего для Украины и для Мира в целом.

— Эмм, скажите, а какое значение имели цифры 62 и 38, которые мы нашли в стихотворении? Если, конечно, они вообще имеют какое-то значение.

— Миша, смотри. Все, что ты здесь видишь, подчинено этой цифровой пропорции, этому Золотому делению. Размеры зданий, мостов, башен и даже соотношение толщины подошвы с толщиной каблука на моих туфлях. Все. В этом варианте Будущего в Украине политическое устройство — Парламент, состоящий из двух палат, где 62% — нижняя и 38% — верхняя. В каждом из двадцати пяти субъектов Союза, выбираются по 15 мажоритарных депутатов, что соответствует пропорции 62 на 38. Следовательно, нижняя палата парламента имеет 375 депутатов это 62% от общего количества депутатов обеих палат.

— Нетрудно сосчитать, что верхняя палата состоит из 230 депутатов. Так?

— Я никогда не сомневался в твоих математических способностях. Ты, наверное, хочешь спросить, зачем такие заморочки со стихотворениями и нумерологией?

— Ну, если можно, объясните.

— Все очень просто. Опыт решения маленьких задачек открывает возможности решения больших. Если вы не научитесь читать знаки, размышлять логически и пользоваться информационным полем, то... Вы не сможете выполнить то, ради чего родились. Ни я, ни Равновесные Силы не будут вам постоянно открывать двери и вести вас за руку в Тонкий Мир и познавать за вас ваши же способности. Вы должны научиться делать это сами. Но учти, не все знаки — нужные и важные, много тупиковых. То есть тупиковыми мы называем то Пространство Вариантов, которое является технической зоной и находится на слишком удаленном от нас расстоянии.

— А если бы мы не догадались до Золотого Сечения?

— Наивный вопрос. Если бы не догадались, то вас бы уже давно не было в живых, а вместо вас были бы другие, те которые догадались... Но не было бы лауреата Нобелевской премии... И руководителя департамента качества информации вместе с департаментом...

— Эмм, скажите, если можете. В этом варианте Будущего, в котором мы с вами сейчас находимся, есть результаты того, над чем я работаю в настоящее время?

— Ну, конечно же, есть. «Синхротронное излучение», «белковая кристаллография», «наномембранный каталитический реактор», «рефракционные контрасты» и многое другое. Чего стоит один только «Сверхпроводящий виггер»!

— Боже мой, вы меня так интригуете, что я сойду с ума! — почти закричал Михаил Яковлевич, — это же темы, над которыми работает моя лаборатория.

— Совершенно правильно работает. И пусть себе работает. Но пока не поступит разрешение на открытие... Ничего не произойдет. Ни-че-го! В мире все взаимосвязано. Помните закон сообщающихся сосудов?

— Конечно.

— Так вот и в мире все связано.

— Эмм, хватит меня мучить. Давайте действовать.

— Вы готовы? — Эммануил встал и направился ко второму лифту. — Я вижу, что вы готовы. Тогда за мной.

Они зашли во второй лифт, над дверями которого красовалась надпись «FlyiliF». Голос в динамике предложил всем пассажирам занять специально подготовленные места и пристегнуться. Прозрачный скоростной лифт двигался быстро и совершенно бесшумно. Какое-то время мелькали балки и ребра жесткости башни, внешне напоминающие конструкцию высоковольтной мачты. Михаил Яковлевич заметил, что конструкция башни сужается, а скорость лифта увеличивается. Пассажиры лифта, а их было не менее двадцати, затаив дыхание, слушали голос в динамике: «Уважаемые гости, вы находитесь в уникальном сооружении «Летающий лифт», сохраняйте спокойствие, через несколько секунд лифт выйдет из шахты башни и взлетит в небо к «Небесной смотровой площадке». Эту же фразу голос повторил на украинском и английском языках.

— очередное чудо? — Михаил Яковлевич напряженно всматривался в мелькающие стальные балки и уходящий вниз город.

Не доверяя ремням безопасности, Михаил, на всякий случай, крепко схватился за поручни.

— Не переживай, стальная конструкция высотой 318,7 метра достаточно прочная, она, по сути, является стартовой площадкой, в которой кабина лифта разгоняется до скорости более трехсот километров в час...

В это время кабина вылетела из шахты башни. Михаил ожидал, что перепад давления повлияет на слух, но ничего подобного ощущениям полета в самолете не произошло. Михаил вопросительно посмотрел на Эммануила.

— Антигравитационная система. Поэтому уши не закладывает и нет ощущения перегрузок. Дальше кабина двигается по электромагнитному каналу, который связывает Небесную смотровую площадку с башней. Проще говоря, мы двигаемся в торсионном поле, где отсутствует гравитация.

— А на чем же держится смотровая площадка?

— Я не знаю всех тонкостей, но существуют электромагнитные канаты или что-то вроде того.

Пассажиры лифта оживленно разговаривали, смеялись, ели попкорн и мороженое. Прозвучал знакомый голос из динамика: «Добро пожаловать на Небесную смотровую площадку высота над уровнем моря составляет одну тысячу триста пятьдесят метров» и снова повторил то же самое на украинском и английском языках. Лифт снизил скорость и, казалось, завис в воздухе. Затем медленно вошел в нижнюю часть смотровой площадки.

— Потрясающие ощущения. Это просто колоссально. Какой уровень технологии! Поразительно! — Михаил взволнованно размахивал руками.

— Потише, дорогой друг, — прошипел Эммануил, — не шумите, ведите себя адекватно.

— Меня переполняют эмоции и чувство гордости за Украину. Это же надо иметь соответствующий технологический уровень, чтобы такое создать!

— Тут вы совершенно правы. Украина долго не могла определиться в вопросах международного разделения труда и транснациональной интеграции. И не определилась бы никогда, если бы не выгнала всех старых политиков и олигархов из страны.

— То есть, как это «выгнала»? — Михаил недоверчиво покосился на Эммануила.

— За первые десять — пятнадцать лет так называемой независимости Украина стала зависеть не только от энергоресурсов, а и от всего, что можно было только представить. Война политических кланов довела страну до вымирания. Каждый год население Украины уменьшалось на полмиллиона жителей. Население жило в постоянной депрессии и панике за завтрашний день. К 2007 году политический и экономический кризис достиг своего апогея. Украину раздирали противоречия геополитического уровня. А чуть позже произошел финансовый кризис и военный переворот. Но это развитие событий касается лишь данного варианта Пространства.

— Ничего себе! Какой еще военный переворот? Вы не шутите?

— К счастью, нет. Здравомыслящие военные генералы взяли всю ответственность на себя. Они мобилизовали внутренние войска и отряды специального назначения, заняли помещения Верховной Рады, Кабинета Министров и Администрации Президента. Объявили чрезвычайное положение. Закрыли аэропорты, железнодорожные вокзалы и границы. А затем выслали за пределы страны всех политиков в соответствии с их же партийными списками, — Эммануил отстегнул ремень безопасности, встал и направился к выходу из кабины.

Михаил сделал то же самое. *Летающий лифт. Переворот. Военные. Депортация политиков. Слишком много для одного дня.* Михаил ловил себя на странной мысли, что та реальность, где остались Борис Семенович и Грумберг, то прошлое, где осталась его семья и любимая работа, вовсе и не реальность, а далекий сон. А настоящая реальность это та, в которой он находится сейчас с Эммануилом. Небесная смотровая площадка являла собой летающую тарелку величиной с футбольное поле. Внутри она была похожа на здание небольшого аэропорта. Три яруса Небесной площадки напоминали старый добрый Глобус на Майдане в центре Киева, но только в десятки раз больше. Когда Михаил глянул под ноги, то едва не потерял сознание. Пол был прозрачным, а под ногами

у него проплывали обрывки облаков с парящими внизу птицами. Киев был, как на ладони. У Михаила закружилась голова и он поспешил к краю площадки.

— Куда вы? Ми-ш-а! — закричал ему вслед Эммануил, но тот ничего не видел и никого не слышал.

Эммануил развел руками и пошел вслед за Михаилом. Вокруг шумели иностранные туристы и местные зеваки. Играла музыка, а по залу шныряли рекламные агенты на роликах. Они зазывали посетителей в кафе, кинотеатр и казино. Людей на площадке было очень много. Некоторые из них жили в Небесном отеле, другие посещали площадку, чтобы покупаться в прозрачном бассейне, созерцая город с километровой высоты, а большинство посетителей находились на краю площадки и в специальные стационарные электронные бинокли смотрели на город.

Эммануил нашел Михаила среди японских туристов. Он стоял, закрыв глаза, схватившись за металлический поручень.

— Миша, ты меня огорчаешь. Я что, должен за тобой бегать по всему этому аквариуму? Это просто неуважение к старшим.

— У меня кружится голова, я не могу ходить по такому полу... Я боюсь... Я... — Михаил бормотал, не открывая глаз, — сделайте, что-нибудь. Эммануил, я вас очень прошу.

— Ну, хорошо, сейчас, — Эммануил осмотрелся и нашел взглядом красочные коробочки. Они находились на специальных столиках среди бутылок с кока-колой и минеральной водой «Бонаква». — я совсем забыл, здесь же есть специальное средство против головокружения.

Через минуту Эммануил протянул Михаилу желатиновую капсулу красного цвета и открытую бутылку Бонаквы. Михаил проглотил красную пилюлю и запил минералкой.

— Фу! Что это за фигня? Терпкая такая. — Михаил скривился, будто укусил лимон.

— Фигня не фигня, а помогает. Надо было не жевать, а просто глотать, — дружелюбно улыбнулся Эммануил.

Михаил понемногу приходил в себя. Он уже гораздо спокойней смотрел на прозрачный пол, на посетителей, на воздушные шары и облака.

— Какого хрена мы сюда забрались? Что, нельзя было внизу поговорить?

— Раз забрались, значит так было надо. Это единственное место в Киеве, где сигналы не считываются. Здесь столько эмоций у посетителей, что нет смысла в постоянном контроле и невозможно определить источник. А нам с тобой необходимо пройти дальше. То есть нам надо попасть в один из самых худших вариантов Будущего. И чтобы не привлекать внимание Равновесных Сил и прочих неприятных для нас элементов, пройти из этого варианта в другой лучше отсюда, — Эммануил взял Михаила за руку и посмотрел в глаза, — держись крепче.

Михаил посмотрел в глаза Эммануила и провалился в них, как проваливается альпинист в горную расщелину. Его несло сквозь время и энергетические слои в далекую неизвестность, на окраину Пространства Вариантов, в его «северную» таежную часть. Туда где агрессия доминирует над любовью, а духовная нищета и отсутствие морали считаются нормой. Туда, где почти умерли Флора и Фауна, туда где...

етро. Транспорт нищих. Запах чеснока изо рта рядом толкающегося пассажира.

Ненавистные касания тел совершенно чужих людей.

Нервная реакция на вторжение в интимную зону. Обмен энергиями. Селедки в двигающейся по бетонному подземному желобу «консервной» банке. Судьбы, души, чувства. Все смешалось в хаосе каждодневного вынужденного нахождения в эскалаторнокафельном унитазе. Люди. Мусор. Мусор и люди. Подземный мусоропровод. Душевная грязь и грязь под ногтями. Шифоньерное мышление и возвышенные мечты о прекрасном, виртуальные «Билы Гейтсы» и «Пушкины», мужеподобные женщины и женоподобные мужчины, преобладание силы над слабостью и женской слабости над мужскими инстинктами. Здесь кашляют и чихают, смеются и плачут. Здесь рождаются и умирают. Подземный город или навозная куча? Что движет эту чудовищную массу? Что внутри нее? Почему каждый в отдельности — прекрасен, умен и добр, а вместе — безобразны, глупы и агрессивны? Почему каждый в отдельности — человек, а вместе — народ, толпа, электорат? Кто такой этот электорат? Какой он? Что ему нужно? Что им движет? Кто им правит? Почему электорату — все, а человеку — стресс и депрессию? Свободу электорату! Свободу передвижения в рамках железобетонного пространства! Свободу выбора товаров в пределах определенного корпоратократией ассортимента! Свободу выбора в замкнутом пространстве общества потребителей! Мораль на свалку истории! Даешь демократию! Да, конечно, она ваша... Берите... Не жалко...

— И где мы с вами очутились? — Михаил разжал руку и посмотрел вокруг. — Похоже, что мы возле входа в метро. Куда это они так торопятся?

Из подземного перехода вытекала человеческая черно-коричневая биомасса, радуясь свежему воздуху, сигаретному дыму и бутылке пива...

Биомасса, не разговаривая, но, курия и булькая, торопливо разбегалась по сторонам, растворяясь в проемах домов и темных закоулках.

— Минуту, сейчас разберусь, — Эммануил закрыл глаза и поднял руки ладонями вверх. Несколько минут он что-то шептал и качал головой, — да, это вход в метро.

— Это Киев или... — Михаил запнулся на полуслове. На рекламном щите красовалась надпись:

z 21-00 do 6-00

U MISTI KOMENDANTSKA GODINA

— Что это за херня? — Михаил посмотрел на Эммануила и кивнул в сторону щита.

— Что вы имеете в виду? Щит, надпись или смысл надписи?

— Не валяйте дурака, Эмм. Конечно, смысл, — раздраженно прошипел Михаил.

— Ничего, просто в городе Киеве — комендантский час, день, неделя, месяцы и годы. И еще, насколько я понимаю, русский язык запрещен, так же, как и русские имена, а украинский язык с кириллицы перевели на латиницу. Пора привыкнуть ко всяким неожиданностям. Твоя проблема, Миша, состоит в том, что ты все меряешь мерками субъективной реальности, а это все равно, что взвешивать сахар на дне океана. Научись меняться, древние говорили: не меняются только дураки и мудрецы, дураки — не могут, а мудрецам это не нужно. И поскольку ты не относишься ни к одной из этих двух категорий — обязан меняться.

— Хочу вас спросить, Эмм, почему вы меня называете то на «ты», то на «вы»?

— Хороший вопрос. Ничего удивительного, просто я постоянно меняюсь и, естественно, меняется мое отношение к тебе, то есть к вам,

Михаил. А если серьезно, то в английском языке нет такого понятия — «вы» в единственном числе. Сила привычки. Тебе это неприятно?

— Нет, но вы же учите отслеживать знаки...

Они взглянули друг на друга и улыбнулись.

— И куда дальше? Я вообще-то проголодался. Перехватить бы чего, — Михаил осмотрел окрестности, — похоже, мы находимся в каком-то проходном дворе. Эх, жаль, нет GPS навигатора...

— Зачем навигатор? Сейчас все проясним, — Эммануил уверенной походкой направился в арку жилого дома.

Улица, на которую они вышли, напоминала улицы Нью-Йорка времен холодной войны. Рекламные щиты, биг-борды, мега-биг-борды, летающие плакаты и рекламные шары... Все, на чем только можно было разместить рекламу — имело рекламу. Стены домов и двери подъездов, проезжая часть дороги и пешеходный тротуар, бордюры и столбы, нижняя часть балконов и окна квартир.

— Во дают, это же надо так улицу загадить! — Михаил, с удивлением, осматривал дивную картину из возможного Будущего. — Безвкусно и гадко!

— Тс-с-с. Не шумите, я же вам сказал, что здесь запрещен русский язык, — и вообще, который сейчас час? — Эммануил оглянулся.

— Не знаю, мои электронные часы не работают. А вы посмотрите, ни одного человека на улице. Может быть, уже наступил комендантский час?

— Не может, а точно наступил, ты же видел, как они разбегались... как тараканы...

— Если это Киев, то куда подевались деревья? Странно, ни одного дерева, одни кусты и трава. А может, это не Киев?

Они прошли дальше по улице. Бледные фонари с трудом охватывали небольшую часть улицы.

— Миша, вон там, видишь, перед перекрестком человек вышел из

дома. Давай быстрее, поговорим с ним, — Эммануил ускорил шаг.

Лишь только тогда, когда человек был уже совсем близко, Михаил увидел в его руке радиостанцию. Человек поднес ее ко рту и что-то сказал. Затем свободная рука скользнула в карман.

— Стояти, ви арештовані, ви можете зберігати мовчання, все, що вами буде сказане, буде використане проти вас!¹ — человек с радиостанцией держал направленный в их сторону, пистолет.

— Приехали... — прошептал Михаил и поднял руки. Эммануил тоже поднял руки.

— We from America, we Americans, excuse us we were late in hotel ².

— До стіни³ — человек толкнул Михаила в спину.

Через мгновение оба путешественника стояли, раздвинув ноги, с руками на затылке и лицом к стене. Человек отошел в сторону и разговаривал с кем-то по рации.

— Эммануил, сделайте, что-нибудь, — взмолил Михаил, он никогда в жизни не стоял в такой неудобной позе, — я так долго не смогу.

— Тише, если он услышит, что мы говорим на русском, будет хуже. Что я могу сделать? Если мы сейчас исчезнем, то вызовем ненужную реакцию этого служаки. Я же вам объяснял, нас тут же обнаружат. Давайте подождем, может, все обойдется. Мы же с вами ничего преступного не сделали.

Подъехала полицейская машина. Из нее выскочили несколько полисменов. На головы путешественников надели черные мешки и, ничего не объясняя, затолкали в машину...

¹Стоять, вы арестованы, вы можете сохранять молчание, все, что вами будет сказано будет использовано против вас. (укр.)

²Мы из Америки, мы американцы, извините нас мы опоздали в гостиницу (англ.)

³К стене (укр.)

Американское посольство в Киеве, по сути, давно стало штаб-квартирой Центрального Разведывательного Управления. Более того, в Украине действовали несколько сотен западных общественных организаций, которые в действительности являлись частью общей стратегии и тактики «тихого» завоевания. Одни занимались поставками поддержанных товаров народного потребления и назывались «гуманитарщиками», другие — собирали социологические данные об интенсивности вымирания коренного населения и назывались «социологами», третьи — организовывали пункты по выдаче наличных денег, следовательно, назывались «финансистами», четвертые — «помогали» бюрократам из министерства здравоохранения в борьбе со СПИДом, в результате чего у последних появлялись дорогие дома с машинами и назывались они — «распределителями». Распределители также организовывали подставные сделки.

Как это все работало? Социологи вычисляли радикально настроенных псевдоинтеллектуалов, нежно называя их — RPI¹. Гуманитарщики — разрабатывают операции по постановке RPI на финансовый учет. А финансисты, в свою очередь, непосредственно реализовывают задуманное. И в результате этаким вот радикально настроенным интеллектуалом, живущим с фанатичной идеей «Украина без...!» не важно без чего, лишь бы фанатично, или «Бей жидов и москалей — спасай Украину!» — получает выгоднейшую, внешне случайную, сделку и становится внезапно богатым человеком. К примеру, одному из ныне занимающих должность советника президента RPI «удалось» продать западному бизнесмену двести пятьдесят столетних кирпичей по цене двадцать пять тысяч долларов за штуку. Получив более шести миллионов долларов наличными, и не без помощи все

тех же «добрых» дядей из общественных организаций, фанатик собственной идеи создал свою политическую партию. Теперь эта партия, под заказ и далеко не бесплатно, выступает на стороне американских интересов, а RPI ездит по Украине на дорогом автомобиле с охраной и призывает к всеобщему равенству. Антикварные кирпичи упаковали, затаможили, благополучно вывезли в море и выбросили...

Продвижение маленькой, но гордой Украины в огромную красивую страну Демократию происходило демонстративно и с пафосом. Масмедиа взахлеб рассказывали о молочных реках с кисельными берегами, которые с нетерпением ждут украинские желудки, о том, что в этой сказочной стране за украинский народ уже все давно решено и думать совершенно не требуется. Проповедуя потребление как высшую жизненную цель, радио Свободная Свобода, например, назвала освобождение города Киева от немецко-фашистских захватчиков — вторым вторжением советских войск в Украину, а постоянный ведущий этой рубрики Алекс Гриб открыто призывал к войне с москалями.

Когда западные идеологи боролись с коммунизмом — это было понятно, а сейчас? С кем боремся? Гавкать на Россию — все равно, что пилить сук, на котором сидишь. Погавкал — потерял рынок сбыта сыра и мяса. Еще — получил новую цену на газ. Неужели живущие в Пенсильвании негры ближе украинцам, чем россияне? Конечно же, нет. Но технология работает... Зачем это все Америке, Анатолий Михайлович точно определить не мог. *Может быть, этот процесс связан с экспортом собственной инфляции... Может быть, с долларовой экспансией... А, может быть, и то, и другое вместе... Похоже, что ни народ Америки ни народ Украины к этим процессам не имеют никакого отношения... Тогда кто же имеет? Кому это все надо? Зачем?*

Отставной генерал КГБ Анатолий Михайлович не любил Америку. И это чувство жило в нем с детства. Отмечая профессиональный праздник, он и его друзья пили за Советский Союз, пели песни тех лет и жаловались на непрофессионализм новых работников Службы Безопасности. Работа в КГБ приучила его играть в несколько игр

¹ *Radical pseudo the intellectual* (радикальный псевдо интеллектual)

одновременно и он играл... Будучи пенсионером, он занимал невысокую должность в общественной организации ветеранов спецслужб и успешно сотрудничал с крутыми бизнесменами и политиками. Он мог все. Или почти все. От специальной проверки и идентификации объекта до наружного наблюдения и организации прослушки. В наше смутное время способности Анатолия Михайловича были нарасхват. Единственное за что он не брался, так это за «мокрые» дела. Хотя... Как говорится, все может быть, все может стать... Однако ненависть Анатолия Михайловича к Америке не распространялась на зеленые денежные знаки, ружья западного производства, одежду и предметы роскоши... К сопутствующим достижениям цивилизации он относился благосклонно и с уважением.

С Олегом Ивановичем Пушкарёвым он познакомился несколько лет назад. Тот обратился к нему с просьбой, хорошо заплатил и очень понравился отставному генералу простотой в общении и щедростью. Невзирая на огромную разницу в возрасте они подружились.

Михалыч понимал, что Олег Иванович вляпался в какое-то очень «вонючее дерьмо». Впервые в жизни он почувствовал реальную смертельную опасность. Люди, которые искали его подопечного, не были дилетантами. Они не были похожи ни на работников службы безопасности, ни на западных контрразведчиков. От них исходил зловеющий дух нечеловеческой агрессии. При виде этих людей отставной генерал испугался так, что пришел в себя только на следующий день к вечеру. Он с ужасом вспоминал разговор с непрошенными гостями...

Когда двери его кабинета открылись и на пороге появились люди в черных костюмах, он сразу понял, что дело серьезно. Очень серьезно. Они положили ему на стол папку с документами. Это было его собственное досье. Документы, фотографии, видеоролики... Там было все. Все, к чему касалась рука Анатолия Михайловича...

— Мы даем вам десять минут времени. Или вы с нами, или все это попадает в прокуратуру. Только не обольщайтесь, не в вашу прокуратуру, а в Швейцарскую. Вас будут судить как международного преступника и ваши связи вам не помогут...

Что оставалось делать? Десять минут прошли быстро. Михалыч просмотрел папку с документами.

— Лет двадцать пять вам обеспечено. Ну, как? Будем сотрудничать?

— Что я должен сделать? — в ушах Анатолия Михайловича гудел ветер, он с трудом слышал то, что ему говорили.

— Олег Иванович Пушкарев. Вам известно это имя? — голос спрашивающего был монотонный и отдавал железным скрежетом.

— Да, я знаю его.

— Где он сейчас?

— Не могу знать. Он мне недавно звонил... Но где он, я не знаю. Может быть, дома? А вы, я извиняюсь, вообще-то кто?

Удар в грудь невероятной силы был настолько быстрым и неожиданным, что Анатолий Михайлович даже не успел увидеть, кто из присутствующих бил. Он упал на пол вместе с креслом. Расстояние от непрошенных гостей до него было не менее двух метров. Сколько он был без сознания, трудно сказать, но когда он очнулся, то увидел, что непрошенные гости роются в его шкафах. *Как он смог ударить? Через письменный стол. На таком расстоянии... Это какая-то мистика...*

— Вставайте, что вы там разлеглись. Мы хотим услышать ваш ответ. Вы работаете на нас или нет? — металлический голос чеканил каждую букву, как монету.

— А что мне остается делать? — Михалыч с трудом встал на ноги, поднял кресло и сел. — Вы умеете убеждать...

— Это хороший ответ. Знаете, что это? — говорящий положил на стол небольшую коробочку. — Знаете, как с этим обращаться?

— ...- Михалыч утвердительно кивнул головой.

— Он к вам придет, обязательно. Надо, чтобы это попало ему в карман. Сможете?

— Нет проблем.

— Хороший ответ. Мы с вами сами свяжемся, — люди в черном, как по команде, развернулись и направились к выходу, — привет семье, у вас красивая дочь и внучка, берегите их...

Анатолий Михайлович сидел в кресле, как каменный. *Да, Олег Иванович, в какую ты меня историю втянул? Это тебе даром не пройдет, это стоит денег...* Михалыч умел превращать проблемы в деньги и наоборот. Все зависело от заказчика... Но в этот раз было все не так, как обычно. *Ну ничего, чем необычней проблема, тем больше денег...* Однако что-то подсказывало ему, что денег может и не быть, а проблемы только начинаются... Он пытался прогнать эту зловещую мысль, но она настойчиво пробивала его сознание и сверлила его мозг, как штопор. *Как бы хуже не было... Погонишься за деньгами — жизнь потеряешь...* Он сел за компьютер и набрал текст. Затем сбросил его на маленькую карту памяти. В коробочке лежало электронное устройство американского производства. Это был маяк, показывающий местонахождение объекта. Михалыч осторожно открыл заднюю крышку. Он знал, что там есть немного места для тонкой безкорпусной карточки. Михалыч вставил карточку в крышку и закрыл устройство. *Ничего, догадается. Не дурак же...* Страх прошел и Анатолий Михайлович обрел прежнее хладнокровие и спокойствие. *Ничего, не таким головы откручивали, а этих-то и недавно раздавим... Главное, чтобы Олег догадался...*

лло, Лидия Сергеевна? Это я...

— Не могу говорить. Я на совещании. Смогу встретиться через час, на старом месте.

— Хорошо, — Олег Иванович выключил мобилку и зашагал в сторону станции метро.

Надо бы позвонить Михалычу. Может чего нарыл. Что же с женой и дочерью? Успели или нет? Вопросы, одни вопросы. Он снова достал телефон и набрал номер.

— Серый, привет. Как дела?

— Где пасы, где распасы...

— Друже, нет времени на шутки, скажи, ты еще в Киеве?

— Пока да, а что, надо чего?

— Я тебе все объясню позже, а сейчас, очень прошу, съезди в аэропорт. Дело срочное...

— Что надо сделать?

— Приедешь туда, звякни, я всё объясню. Договорились?

— Буду там, но не раньше, чем через час. Подходит?

— Пойдет. Жду звонка. Пока, — Олег Иванович подошел к станции метро.

На всякий случай, для конспирации, он взял у Владимирского старый пиджак, шляпу и трость. Борис Семенович приклеил ему усы и бороду, а также отдал старые очки с простыми стеклами. Такого рода причиндалов у Бориса Семеновича было огромное количество. Их ему натаскали друзья — театралы еще с советских времен. Старческий декор настолько изменил Олега Ивановича, что узнать его было совершенно невозможно.

Он спустился в метро и сел в поезд, идущий в центр города. Висящий

под потолком вагона монитор вещал политические рекламные ролики очередных выборов и названия станций.

— Прослушайте экстренное объявление, — монитор сделал паузу и продолжил, — разыскивается опасный государственный преступник Пушкарев Олег Иванович, на вид 32 — 35 лет, рост примерно один метр семьдесят шесть сантиметров, волосы черные с проседью...

Олег Иванович поднял голову и увидел на мониторе свою фотографию. *Ничего себе! За что?* Он почувствовал, как ноги и руки становятся ватными. *Как разыскивается? Кем?* Он не мог прийти в себя. Шум в ушах. Кровь в лицо. Глаза налились слезами. *Они что там, с ума сошли? Мало того, что бандиты гоняются, так еще и менты?*

— Этот гад убил свою семью. Убийца, — оживился сосед напротив, показывая пальцем в монитор, — как только таких земля носит...

— То есть, как это убил? — сердце Олега Ивановича забилося с такой силой, что он с трудом слышал окружающие его звуки. — Я не...

— Как? Вы что, новости не смотрели?

— Почему такая уверенность, что именно он убил свою семью?

— Так утверждает милиция.

— Милиция?

— Это их предположение... У него в квартире все в крови. Но. Трупов пока не нашли.

В душе Олега Ивановича все перевернулось. *Не успели. Как же так? Почему? Я же просил...*

Уже на эскалаторе он набрал Сергея.

— Да еду, еду я. Скоро буду...

— Сразу же меня набери, — Олег Иванович не мог прийти в себя. Руки дрожали, из глаз текли слезы, а ноги и руки почти не слушались.

Выйдя из метро, он прошел несколько метров и присел на

мраморный парапет подземного перехода. *Так, спокойно, еще ничего не известно и не понятно. Надо взять себя в руки. Молитва... Только молитва...* Он закрыл глаза и начал молиться. Минут через тридцать тело и душа были успокоены. Он взял телефон и набрал номер.

— Алло, Михалыч...

— А это ты, проклятый! Когда же ты, наконец, нам кондиционер отремонтируешь? Мы умираем от жары. Сколько тебя, сволочь, ждать прикажешь? Я делаю только одно предупреждение, затем расстрел на месте! У тебя уже предупреждение было! Все! Терпению пришел конец! Или сегодня, или никогда! Решай!

Что за бред? Какой кондиционер? Какой расстрел? Что за глупость? Хотя... Михалыч — бывший сотрудник внешней разведки, попусту не треплется... Значит... Он меня просто предупреждает?

— Виноват, товарищ генерал, извините! Сегодня буду, все сделаю. Понимаете, не мог достать запчасти...

— Это другое дело, извинения принимаются. Жду.

— А может быть, лучше завтра?

— Никаких завтра, я буду допоздна.

— Хорошо, буду сегодня, — Олег выключил телефон. *Значит, дело серьезное.* Он посмотрел на часы. *Через пятнадцать минут встреча с Лидией Сергеевной. А после... С Михалычем надо встретиться обязательно.* Он взял телефон и набрал сообщение:

Подземный на Печерске буду в гриме

Через несколько минут он получил ответное сообщение:

Ок со стороны обладм

Молодец Лидия Сергеевна, все быстро понимает. Ну, конечно, она уж точно знает, что меня ищут. Значит, со стороны обладминистрации? Понял. Он перешел на другую сторону и расположился так,

чтобы было хорошо видно и выход из здания администрации, и вход в подземный переход. Долго ждать не пришлось. Из здания администрации вышла Лидия Сергеевна. Она была в скромной, не типичной для нее, кофточке. Темные очки и легкий платок скрывали миловидное лицо почти полностью. Но он сразу же ее узнал. Он дождался, когда она подойдет ближе к подземному переходу, и подошел сзади.

— Здравствуйте, Лидия Сергеевна.

— Привет, дорогой, — не оборачиваясь в сторону Олега, процедила сквозь зубы Лидия Сергеевна, — у тебя проблемы?

— Есть немного.

— Я так и поняла. Что с семьей?

— Пока не знаю... Надеюсь...

— Надеешься? Да ты знаешь, против кого ты играешь? Знаешь?

— Не совсем... Поэтому и к вам...

Они смешались с толпой и спустились в переход.

— Тебя ищут эсбэушники¹, менты и еще кое-кто...

— А можно узнать, кто этот «кое-кто»?

— Пока не знаю, но на тебя в СБУ пришел запрос из американского посольства. На спецпроверку. А это уже серьезно. Что ты натворил?

— Никаких преступлений я не совершал, тем более против Америки. Может быть, ошибка...

— Ошибка? Ошибка хуже, чем преступление, Ваше Величество...

— Не понял? — Олег Иванович придвинулся еще ближе к Лидии Сергеевне. — Что вы сказали?

— Это когда-то сказал Талейран².

¹СБУ — служба безопасности Украины, эсбэушник — работник СБУ (жаргон)

²Талейран, Шарль Морис (Talleyrand, Charles Maurice) (1754–1838), премьер-министр Франции.

— Кто такой Талейран? Это фамилия или кличка?

— Это цитата. Ошибка? Думаю, нет, это не ошибка. Ты мне что-то не договариваешь?

— Не знаю, имеет ли это отношение к тому, что происходит, но... У меня есть участок в Голосеевском лесу. Один иностранец хотел его купить...

— Ну и?

— Я сначала согласился, а потом... Передумал. А он... Настырный такой, три раза сам цену поднимал...

— И что?

— А я думаю, если ему так хочется, то что-то тут не так. Думал, сам во всем разобраться... Начал оформлять документы...

— Так ты еще и не оформился? — раздраженно покосилась Лидия Степановна. — Ну у тебя и наряд...

— У меня договор аренды. Я начал процедуру выкупа.

— Дурак. Сказал «А» — говори и «Б». Ну что теперь? Ты сейчас преступник, убивший свою семью. Пока ты будешь бегать, договор расторгнут и отдадут землю тому, кому надо.

— Да фиг с ней, с землей, мне бы живым остаться. Офис взорвали, в меня стреляли...

— Не знаю... Я подумаю... У тебя есть место, где можно отсидеться денек — другой?

— Есть. Я буду...

— Не надо, я не хочу знать... Увидимся через пару дней, я попытаюсь разобраться. А сейчас расходимся, — Лидия Сергеевна ускорила шаг и скрылась в толпе.

Олег Иванович взял левой и вышел из подземного перехода. Только сейчас он услышал вызов мобилки. Он посмотрел на дисплей. Серега, ну наконец-то.

— Да, друже, ты на месте?

— Ты что там, оглох? Я второй раз звоню, приехал, что дальше?

— Извини, брат, в переходе шумно, не слышал. Итак, ты должен подойти к стойке кафе в центре зала.

— Вижу кафе, что дальше?

— Садись за первый справа от стойки столик, возьми кофе или чай. Не привлекая внимания, урони что-либо на пол. А когда будешь поднимать, посмотри под стол. На обратной стороне крышки стола должна быть метка.

— Что за метка?

— Губной помадой должен быть нарисован круг. Если круг есть, пошли сообщение, если нет...

— А как лучше?

— Даже не знаю...

— Хорошо, брат, все проверю и доложу.

Следующие десять минут Олег Иванович нервничал так, как будто ему надо было прыгать с парашютом. Круг на обратной стороне крышки стола — это сигнал о том, что все в порядке, это означало, что жена забрала дочь и взяла билеты на самолет.

Сигнал пришедшего сообщения прогремел, как гром среди ясного неба. Олег Иванович не решался... *Что же там? Есть круг или нет? Господи, помоги...* Он открыл сообщение:

Есть

Олег почувствовал такое облегчение, какое чувствует оставшийся в живых после авиакатастрофы. *Все нормально, слава тебе Господи, слава! Теперь будет легче.* Он быстро набрал обратное сообщение:

СПС¹

¹ Спасибо (сокр.)

Сколько времени? Он посмотрел на часы. *Надо успеть к Михалычу. Он что-то знает.* Олег Иванович подошел к обочине дороги. *С такси в Киеве полный порядок. Махнул рукой и вперед... Перед ним остановилась красная Мазда.*

— На Щорса, двадцать гривен.

— Садитесь.

Офис Анатолия Михайловича находился на улице Щорса в здании проектного института. Генерал в отставке, бывший сотрудник Главного Разведывательного Управления СССР, а ныне пенсионер, был подвижным и влиятельным человеком. Обширные связи в политических кругах позволяли ему решать дела самого разнообразного значения и уровня. От места под гараж в центре столицы и организации внешнего наблюдения за супругами известных политиков до участия в политических интригах и избирательных кампаниях. На Олега Ивановича он работал давно и с удовольствием. Он обожал этого молодого энергичного человека.

Мазда остановилась недалеко от института, Олег Иванович расплатился с водителем и вышел. Сквер перед институтом был практически пуст. Запах лип сводил с ума прохожих, а прохладный ветерок возвращал их к жизни после жаркого дня. Он прошел через сквер и присел на лавочку. Если что-то не так, если чрезвычайная ситуация, то общение с Михалычем переходило в конспиративную форму. Олег Иванович приобрел заранее небольшой портативный радиоприемник с наушниками и несколько примитивных «жучков». Цивилизация! Спустился в переход за батарейками к часам, а тут тебе и приемники, и наушники, и «жучки»... Простота надежнее всего.

Он прошел через фойе в конец коридора. Все, что надо было сделать, это провести палкой по ребрам отопительной батареи. Так он и сделал при помощи трости. Получился набор характерных звуков. Через минуту из помещения офиса вышел Анатолий Михайлович и, не обращая на него внимания, пошел в сторону лестничной клетки. Олег Иванович — следом. Они молча поднялись на четвертый этаж.

— Молодец, хорошо замаскировался. Привет! — Михалыч протянул

руку старику с бородой. — Встретил бы на улице — не узнал.

Они обнялись, как старые добрые друзья. Олег Иванович незаметно опустил в карман пиджака Михалыча «жучок».

— Привет, Михалыч, ты уже, наверно, все знаешь?

— Не думаю, что все, но кое-что знаю.

— Не тани, рассказывай...

— Ко мне в офис сегодня ввалились очень странные парни. Тебя спрашивали. Мол, видели тебя здесь. Ну с меня-то, как с гуся вода... Потрепались и разошлись, как в море корабли. А я потом встретился со своим человеком из службы. Ты знаешь, паника у них. Настоящая паника. Ты телевизор смотрел?

— Какой, к черту, телевизор, Михалыч? Я в бегах!

— Ну и что? Телевизор смотреть надо все равно. Тем более в бегах. Все к одному. Политический кризис, который длится уже больше двух лет, перерастает в силовое противостояние, инвесторы уходят, рынок сыпется, деловая активность на нуле, а тут еще информация о дефолте, о мировом финансовом кризисе...

— А ну-ка с этого места подробней.

— Началось с того, что остановился рынок недвижимости, а он, как ты знаешь, один из самых крупных. Денег по ипотеке выдали море. Пирамида построена, можно рушить. Ты же сам знаешь, если рынок встал, то инвестор уходит. Государство слабое и неконтролируемое. Кризис власти! Самое время.

— Чему время?

— Ты где? О чем думаешь? Обвал будет. Гривна рухнет, как сухой тополь. Банкиры уже начали изымать свои деньги. В кулуарах шепот. Ты что, не понимаешь? А тут еще и президент наш выступил. Мол, так и так, не волнуйтесь граждане, кризис исчерпан, стороны договорились, но возможен побочный эффект в виде небольшого дефолтика. Представляешь? Во дал! Это же прямое указание к действию.

Коммерческие банки в панике. Западные банки пересматривают договорные отношения с заемщиками. Ну, в общем уже началось...

— И что может быть в самом худшем случае?

— Передел собственности, вот что. Вкладчики побегут за своими деньгами в банки. Банки потребуют возврата денег от заемщиков. Заемщики будут вынуждены продавать имущество по низким ценам, чтобы выкупить залоговые. Цены на недвижимость упадут до уровня реальной покупательной способности населения, то есть раза в два — три. И всё. Те, кто купил недвижимость в кредит, будет вынужден отказаться от нее. Кому захочется быть в пирамиде последним? Цены на газ уже пошли вверх. Ну, я же говорю, все к одному.

— Не понимаю только, при чем тут я? Кому я нужен? Кто стоит против меня?

— На счет тебя все молчат. Тобой занимается специальная группа. Мои люди ничего не знают. Я, конечно, не верю этим говорунам, ну насчет того... Что, мол, ты семью... Или?

— Никаких или! Михалыч, меня подставляют, и я не могу понять, кто и за что. Включитесь, дорогой мой товарищ. Постарайтесь выяснить. Без вас не обойдусь.

— Не знаю, как и быть. Обещать ничего не могу. А твоя землячка?

— Уже виделись. Она тоже в панике. Ничего не понимает.

— Ну, если она ничего, то я тем более ничего не выясню...

— Не причитайте, Михалыч, работайте. Вот вам кредитная карточка. Пользуйтесь. Я хочу знать всё. Вы меня понимаете? Всё!

— Понял я, понял. Не шуми. Подключу всех, кого только смогу. А ты где остановился?

— В гостинице. Ладно, если это всё, я сваливаю. Как лучше выйти?

— Через двор лучше. Знаешь, как?

— Знаю, не провожай. Пока, — Олег Иванович обернулся и пошел

вниз по лестнице. Он был крайне разочарован встречей. *Ничего. Ни на шаг не продвинулся. Не нравится мне все это. Зачем он меня звал? Тут что-то не так.* Олег Иванович достал портативный радиоприемник, включил в него наушник. Покрутив ручку настройки, он услышал звуки... *Так. Анатолий Михайлович вернулся в офис. Закрыв за собой, дверь. Так, работает нормально.* Зазвонил телефон. Он услышал голос Михалыча: «Алло.... Да, он был.... Я не знаю, где он живет, сказал, что в гостинице. Он всегда был сам себе на уме.... Все прошло нормально.... Пчелка в улике.... ».

Пчелка? Улик? Олег Иванович вспомнил, что Михалычу не нравилось слово «жучок» и в разговорах он заменял его на «пчелку». Олег Иванович опустил руку в правый карман и достал маленькую пластиковую таблетку черного цвета. *Прям — таки черная метка. Ну, Михалыч, на два фронта работаем? Хорошо. Поиграем... Вот так и обнимайся с друзьями. Задушат в объятиях...* Раскрыв таблетку, на обратной стороне верхней крышки он обнаружил приклеенную мини флеш-карту. *А вот это уже интересно! Вот и послание. Зря деда ругал, извини, Михалыч, ошибся... Звонок, сразу же позвонили... Видели... Значит, меня наверняка уже видели в гриме. Метка — не подслушивающее устройство, а только лишь маяк, определяющий место нахождения. Это уже лучше.* Олег Иванович перешел на другую сторону улицы и остановил такси. Аккуратно отделив флеш-карту от устройства, он закрыл крышку и засунул устройство между сиденьями. *Ищите ветра в поле.* Через несколько минут такси остановилось на площади перед обладминистрацией. Он вышел из машины, хорошо понимая, что за ним следят. Быстро спустился в подземный переход, смешался с толпой и в несколько движений избавился от шляпы, пиджака и бороды. Затем резко развернулся и пошел в обратном направлении, вышел из перехода и быстрым шагом пошел в сторону кинотеатра «Звездный». Понимая, что среди машин, идущих в его направлении, может быть машина слежения, Олег Иванович перешел на другую сторону дороги и остановил такси.

— Плачу вдвойне... — он ввалился в машину, не дожидаясь ответа водителя. — На Подол, как можно быстрее.

ПОСОЛЬСТВО США, КИЕВ

коридор второго этажа...
Помещение политического отдела посольства...

За окнами лето, шум улицы не слышно. По коридору идут три элегантных джентльмена, в руках одного из них — черный портфель. Скрип новых туфель, шуршание пиджаков, легкий фон работающего кондиционера. Три загадочных человека... Джеймс Робертсон, Мартин Шоур и Дэвид Бауэр. В иерархической системе посольства Дэвид Бауэр занимал официально пятое место, но влияние, которое он оказывал на процессы внутри посольства, было практически безграничным. Все важные документы, так же, как и спецпочта, перед тем, как попасть в руки посла, сначала попадали на стол Дэвида.

— Прошу вас, господа, — Дэвид открыл дверь кабинета и движением руки пригласил идущих следом за ним мужчин, — здесь нам никто не помешает.

— Спасибо вам за обед, прекрасная кухня.

— Не за что, Джеймс, это украинская кухня, одна из самых замечательных в мире.

— И экологически чистая... — хитро улыбнулся Мартин.

— На что вы намекаете, дружище? — Дэвид зашел в помещение последним и закрыл дверь. — На Чернобыль?

— Гм... А вы со мной не согласны? — Мартин прошел вглубь комнаты и сел в кресло.

— Ну что вы, конечно же, согласен. Вы у нас главный специалист по атомным станциям, — Дэвид открыл бар и достал начальную бутылку виски.

— Вы не перестаете меня удивлять, Дэвид, такой напиток и в штатах не просто найти. Это же Glen Moray 1962 Celtic Heartland¹, самый редкий сингл молт, созданный владельцем винокурни Бруклады — Джимом Макюаном. Секрет этого напитка заключается в том, что собираются спирты из разных регионов Шотландии и выдерживаются на острове Айла. Настоящая живая вода, — Джеймс осторожно взял хрустальную бутылку из рук Дэвида.

— Живая вода? — переспросил Мартин. — Скорее огненная...

— Название «виски» имеет гельские корни: на языке шотландских и ирландских кельтов uisgue beatha означало «живая вода». Или, как нам более привычно, по-латыни: «аква вита», — Джеймс поставил бутылку на небольшой столик. — Потрясающий сюрприз.

— Дэвид любит потрясать, а особенно с ног сшибать. Кого виски, а кого... — не договорил Мартин.

— Ты имеешь в виду Виктора Антоновича? Это мы по старой дружбе, — Дэвид налил виски в рюмки.

— О чем это вы, господа? — Джеймс растерянно улынулся и вопросительно кивнул в сторону Дэвида. — Кто такой Ант-о-н-о-вич?

— Чаще надо бывать в колониях, дорогой мой Джеймс, знали бы своих генерал-губернаторов, — Дэвид взял рюмку и выпил содержимое.

— Виктор Антонович — это президент Украины! — засмеялся Мартин. — У них с Дэвидом недавно был спарринг...

— Да ладно вам, Шоур, не будем о грустном, — Дэвид достал из деревянной коробки сигару, — угощайтесь, кубинские...

— Дэвид, я с вами не согласен, — Оживился после виски Робертсон.

— С чем это вы не согласны? С виски или сигарами?

— С колонией...

— А-а-а. Понимаю. Это я так образно выразился. А впрочем,

почему бы и нет? Хорошее слово, лаконичное и понятное. Так или иначе, дело идет к тому, что большинство стран есть или будут колониями. И заметьте, совершенно добровольно, — Дэвид затянулся сигарой и закрыл глаза.

— Чьими колониями? — не мог успокоиться Робертсон.

— Колониями Глобализации, господа, Глобализации, — утвердительно подытожил Дэвид, — а для того, чтобы это произошло, как можно раньше, мы с вами и трудимся. И не бесплатно. Очень даже не бесплатно... Итак господа, я пригласил вас сюда для того чтобы сообщить приятную новость. Уже совсем скоро, буквально через несколько дней, в Киев прибывает помощник госсекретаря и еще несколько влиятельных джентльменов из России. Наша задача — организация встречи. Встреча не официальная, инкогнито. И я думаю, что ее лучше всего провести в бане...

— В бане? Это шутка? — Джеймс не мог оторваться от рюмки с виски.

— Никаких шуток. В лучших славянских традициях. Фитнес-центр «Софийский», банный зал, после девяти вечера. Зал заказан до утра. Операция категории «F» со всеми вытекающими последствиями.

— А посол будет? — поинтересовался Джеймс Робертсон.

— Посол в курсе дела, но его не будет. Нельзя привлекать внимание. Будут представители оппозиции из России, помощник госсекретаря, вы, Джеймс и я. Мартин — прикрытие, — Дэвид посмотрел на Мартина, — готов?

— Да, подготовка началась несколько дней назад. Помещение проверено и контролируется нами. Всё чисто. В персонал внедрен наш человек. Установлено оборудование видеоконтроля. Весь квартал, начиная от Андреевского Спуска и кончая территорией Софиевского Собора, под нашим контролем, — сухо отрапортовал Мартин.

— Все должно быть, прежде всего, тихо и незаметно, — Дэвид

¹ Виски «Глен Мюрай» 1962 года, Кельтик Хартленд

достал из ящика письменного стола карту города и разложил ее перед собой, — господа, давайте детально всё пройдем, начиная от аэропорта...

— Фитнес-центр «Sofiyskiy» находится по соседству с Софийским Собором. Совершенно потрясающее строение. Красивейшее, под старину, здание. Великолепный интерьер, отделка и удобное расположение помещений. Изысканная кухня и вышколенный персонал. Лучшее заведение в Украине и одно из лучших фитнес-заведений на территории Европы, очень удобное место для тайных встреч, — Мартин прервался на минуту и перевел взгляд на Дэвида.

— Продолжай, не обращай внимания на меня, — Дэвид затаился сигарой и закрыл глаза. Ему хотелось домой в штаты. *Надоело все. К черту эту страну, к черту эту работу...*

— Стоит ли так подробно? Вы же... — Мартин не мог уловить настроение босса.

— Это не для меня, я очень хорошо знаю это заведение. Это для мистера Робертсона. Продолжайте. Называйте помощника госсекретаря — «гостем», а россияна... Ну скажем «шахматистами». Привыкайте, с этого момента никаких имен, — Дэвид сидел с закрытыми глазами и представлял яхту, океан и любимую женщину. *Надо взять себя в руки. Еще немного и...*

— Гм... Его посещают народные депутаты и высокопоставленные чиновники Администрации Президента, дети олигархов и их жены. Владелец — человек вне политики. Когда-то был народным депутатом, а сейчас — просто богатый человек. Машина с помощником, э-э-э, извините с гостем, прибудет первой, машина с украинскими номерами, она заедет на парковку и водитель проводит гостя в банный зал. Через пятнадцать минут прибывают шахматисты. Затем прибывает... Прибываете вы, сер?

— Я приду пешком через час после прибытия гостя. За это время вы должны все тщательно проверить. Гость будет принимать водные процедуры, а мы будем работать. Если все будет тихо, вы снимаете

наших людей, за исключением центрального кольца, и ждете моих указаний. Телефонные номера должны быть новые у всех, ни одной старой карточки и старого телефона, — Дэвиду нравилось планировать тайные операции. В такие моменты он ощущал прилив адреналина и внутренней душевной радости.

— А когда прибуду я? — задумчиво промямлил Джеймс Робертсон.

— К приезду гостя вы будете уже там. Вы приедете за час до приезда гостя и начнете заниматься. Сначала велотрек, потом гимнастика, а затем бассейн. После бассейна вы пройдете в банный зал, двери будут открыты. Таким образом, все будет выглядеть, как обычно. Сколько продлится встреча, я не могу знать. Может, час, а может, и того меньше. Расходиться будем в обратном порядке. Первые уходят последними. Понятно?

— Так точно, сэр, — Мартин по-военному щелкнул каблуками и вытянулся в стойку «смирно».

— Я так не умею, — растерялся Робертсон, — давно это было...

— Будешь паясничать — отправлю в Палестину, — не открывая глаз, процедил Дэвид.

— О, Палестина! Там у меня есть одна знакомая особа... — Мартин был в приподнятом настроении.

Он знал, что Дэвиду тоже нравится, когда в работе присутствует юмор. Но все хорошо в меру. Мартин показательно убрал улыбку и сел в кресло.

— После того, как я встречу гостя, мы поедем вдоль набережной на Жуков остров. Там наши люди обеспечат отрыв возможного «хвоста». И если все будет нормально, мы пересаживаемся на катер. На катере мы выходим на большую воду и идем в сторону речного порта. Не доходя до порта, мы швартуемся к плавающему ресторану «Колесо». На стоянке ресторана будет ждать автомобиль, садимся и едем в центр города. В это время обычно час пик. Поэтому, если нас и засекут, то за катером на автомобиле не успеют. На Кловском

Спуске напротив «Приватбанка» мы сворачиваем в арку жилого дома. Там пересаживаемся в другую машину и едем в «Sofyyskiy».

— Хорошо, но ещё одна деталь. В аэропорт поедете на тонированном микроавтобусе с комплектом одежды для гостя. Во время передвижения до Жукова острова гость должен переодеться. Его одежду направите на экспертизу. Есть информация, что его одежда нафарширована «жучками», как колбаса специями. Вам, Джеймс, поручено быть референтом гостя в переговорном процессе. Все это время с вами будет представитель российской оппозиции, отвечающий за конспиративную работу. У меня своя задача. Все понятно? — Дэвид окинул взглядом собеседников. *Кто они? Хранители структуры? Ее войны или рабы? Неважно, кто обладает властью, если иерархическая структура остается.* — Тогда с Богом, господа.

Так же, как и без Крещатика, Киев совершенно невозможен без Софийского собора, старейшего киевского храма. Дэвид шел по Владимирской улице в сторону Софийской площади, через пять минут он оказался у входа в собор. *Fine structure. Superb. Grandiosely*¹. Он часто останавливался возле православных церквей. Они привлекали и одновременно пугали его. Он всегда ощущал их силу. Комплекс зданий и церквей, образующих собор святой Софии, влиял на Дэвида как-то особенно глубоко, может быть, потому, что величественный купольный храм состоял из тринадцати куполов? А может, потому, что был назван в честь знаменитого собора святой Софии в Константинополе? А может причина всему — Ярослав Мудрый, который в нем похоронен? Этот храм являлся не только культовым сооружением, но также и средоточием в свое время культурной и политической

жизни Киевской Руси. Столпом православной веры. Той веры, которую разделили... И не без помощи его, Дэвида... Рядом с собором возвышается выкрашенная в голубой и белый цвета каменная колокольня. Колокольня — чудесный образец украинского барокко. Он поднял голову и вздрогнул. *What is it? As such can be?*² Над собором высоко в небе висел громадный крест. А за крестом. *There is no it improbably*². Он увидел... Да, он отчетливо увидел огромное лицо бородатого старика с нахмуренными бровями. Оно смотрело на него немигающими глазами. Легкий морозец пробежал по спине Дэвида. Такого еще с ним никогда не было. Он не мог понять природу такого явления. Лицо зашевелило губами, и он услышал раскатистый звук похожий, на гром.

— По плодам твоим оценят тебя...

Дэвид с трудом оторвал взгляд от небывалого зрелища, сел на корточки и закрыл уши руками. Лицо что-то еще говорило, но он больше ничего не слышал. *It is a Mirage, this all only seems. It is hypnosis*³.

— Вам плохо? Эй, господин! Скорую вызвать?

Дэвид почувствовал, что кто-то дергает его за плечо. Он открыл глаза и освободил уши.

— Что с вами? Вам плохо?

Перед ним стояла женщина в черном одеянии.

— А что на небе? Крест еще есть? Посмотрите, пожалуйста, — Дэвид не решался смотреть на небо.

— Да вроде нет ничего. Дождик будет, это точно. Потому и гром гремел. Так, что? Может, скорую вызвать? — женщина присела и посмотрела в глаза Дэвида. — Ты что так испугался, сынок, не бойся...

— Да так, что-то привиделось... — Дэвид поднялся, но в небо смотреть так и не решался, — спасибо вам. Не надо никого вызывать, всё хорошо...

¹ *Что это? Как такое может быть? (англ.)*

² *Нет, это невероятно (англ.)*

³ *Это мираж, это все только кажется. Это гипноз (англ.)*

¹ *Прекрасное строение. Великолепно. Грандиозно (англ.)*

— Ну как знаешь... Иди с миром... По плодам твоим оценят тебя...

— Что вы сказали?

— Это из Библии...

— Я знаю, но почему вы это сказали именно сейчас?

— Не знаю, это не я. Это он... Это через меня сказано...

— Кем сказано? Кем? — Дэвид схватил женщину за рукав.

Женщина ловким движением освободила руку и резко повернувшись к Дэвиду спиной зашагала в сторону собора. Через мгновение она исчезла в арке под колокольной.

*It is a sign*¹. Не глядя в небо, Дэвид зашагал в сторону памятника Хмельницкому, а затем свернул в переулок к фитнес-центру Sofiyskiy. Он достал телефон и набрал номер.

— Алло, Мартин, как у тебя?

— Все окей, гостя встретили. Все по плану. Через час будем на месте.

— Хорошо. У нас тоже все нормально. Ждем.

Дэвид не мог взять себя в руки. Такого еще с ним никогда не было. *And can cancel all? It can a sign from above?*²

Вокруг было все спокойно, все, как всегда. У фитнес-центра были припаркованы несколько дорогих автомобилей. Дэвид достал мобильный телефон, набрал сообщение:

Check of the satellite In a square 2378³

Затем отправил его дежурному в посольство. Секретная система проверок никогда не подводила. Все сотрудники и автомобили службы безопасности были «помечены» специальным изотопом,

¹ Это знак. (англ.)

² А может, все отменить? Может, это знак свыше? (англ.)

³ Проверка спутника в квадрате 2378

излучение которого сканировалось и результат передавался на спутник. По специальному запросу устройство делало снимок и оператор отчетливо видел, присутствует ли в проверяемом квадрате служба безопасности Украины или нет. Через несколько минут Дэвид получил сообщение:

Ок

Значит всё хорошо... Он решил сделать ещё один круг вокруг квартала. Так, на всякий случай. Тихий летний вечер напомнил ему студенческие годы, первую вечеринку и первую девушку... Инструкции гласили о том, что агент обязан сообщать о всех странностях, которые с ним происходят, невзирая на их видимую абсурдность и невероятность. Но Дэвид также понимал, что после такого сообщения, может закончиться и его карьера... Конечно, принадлежность к семье Ротшильдов многое нивелировала и значение, как денег, так и карьеры, было больше делом условным, но для него его работа была, прежде всего, делом чести... Он не мог допустить бесславную отставку по причине каких-то галлюцинаций. *It's OK. Has a little become worn out. All will pass well.*¹ Он посмотрел на часы. Судя по времени, он понимал, что Джеймс уже сорок минут, как в фитнес-центре, через пятнадцать-двадцать минут прибудет гость, а затем придет и его очередь. Он перешел на другую сторону улицы и спустился в ресторан. Судя по интерьеру, ресторан был ориентирован на джазовую музыку. На стенах висели портреты великих черных джазменов, а на сцене стоял рояль и контрабас. Он присел за ближайший столик.

— Добрый вечер. Будете кушать? — официант, зажег настольную лампу и, улыбаясь, протянул Дэвиду меню.

— Кофе, пожалуйста, «американо» со сливками и стакан воды без газа.

¹ Все нормально. Немного перетрудился.
Все пройдет хорошо. (англ.)

В БАНЕ

ила государства определяется не количеством природных ресурсов, а силой политиков, их способностью противостоять материальным искушениям, их уровнем духовного сознания. Как сила цепи определяется силой самого слабого звена этой цепи, так и сила цепи политиков определяется силой самих же политиков.

-Господа, мы с вами делаем одно общее дело. Мы должны сверить наши планы и утвердиться в наших благих намерениях. Мы и только мы сможем отстоять демократию и свободу в регионах СНГ. Наша миссия, господа, велика, по сути, и исторична по значимости. К счастью, ни в России, ни в Украине еще не сформировалась политическая элита, способная встать над личными интересами в пользу государственных. И это, господа, очень даже неплохо. Поэтому в переходной период, мы должны не только взять на себя роль проводников идей демократии и свободы, но и сформировать удобное для нашей страны правительство, — помощник госсекретаря выглядел торжественно и величественно. Белая простынь была похожа на римскую тогу, а высокий срывающийся и эмоциональный тон, напоминал выступления Геббельса времен Второй Мировой.

Прошло немногим более часа, как все действующие лица тайной встречи собрались в банном зале фитнес-центра. Гость взял слово первым и выступал уже почти сорок минут. Три человека, приехавшие из России, среди которых был известный гроссмейстер, являлись представителями новой оппозиции и речь гостя должна была поднять их боевой дух на более высокий деструктивно-анархический уровень. Джеймс и Дэвид делали вид внимательных слушателей, а «шахматисты» делали пометки в блокнотах, с трудом успевая за мыслью гостя. Гость же, по — видимому, действительно вошел в роль римского сенатора, а может быть даже императора и периоди-

чески делая характерные жесты руками, продолжал: — Господа, кризис — это естественный переходной момент от одной системы государственного устройства к другой. Мы понимаем, что будут потери. Народонаселение настолько проникается этим хаосом, что уже не может без него жить. Их жизнь превращается в непрекращающийся политический сериал, в футбольное сражение между западом и востоком, между коммунистами и демократами, между правительством и оппозицией. И это вполне естественный процесс. Зрители этого сериала — народные массы. И представьте себе, что происходит с простыми людьми, когда они видят, что во время матча игроки одной команды перебегают в другую и наоборот. В лучшем случае, они теряют интерес к такому футболу, а в худшем — это приводит к психическим расстройствам, к инфарктам и даже к преждевременной смерти. Это, конечно, плохо, но что делать? Это борьба. А в борьбе нельзя обойтись без потерь. Построение монокультурного государства в многонациональном, многоконфессионном сообществе — всегда катастрофа. Но, как мы видим, в Украине процесс идет нормально. В России будет сложнее. Вы должны быть готовы к тому, чтобы склонить сегодняшнее правительство к принятию нужных нам решений. Деньги — не проблема. Вы получите их столько, сколько будет надо. За решение правительства по переводу русских имен граждан Украины на украинские были потрачены сотни миллионов долларов, а за нужные демократические законы в России мы готовы платить в десятки раз больше. Не волнуйтесь, когда вы придете к власти, всё это можно отменить, вы придете как освободители, как настоящие демократы, как Прометеи, несущие огонь свободы...

Дэвид сидел в кресле и смотрел на падающий в бассейн лед. *Интересная конструкция, никогда раньше такой не видел. Бассейн со льдом... Интересно...* Он посмотрел на гостя и ему стало грустно и гадко. Кризис, затем банкротство банков, затем банкротство заводов и фабрик, затем... Как трудно знать, что будет... Какие они все счастливые в своем неведении...

— Нам нужен хаос и кризис, — продолжал гость, — только так мы сможем окончательно победить тех, кто стоит против демократии

и свободы. Помните у коммунистов: «... мы старый мир разрушим до основания, а затем мы... новый мир построим...». Конечно, будет больно, это естественная боль человека, которому делают хирургическую операцию по удалению раковой опухоли... А вот когда человек будет здоров, вот тогда он поймет, ради чего он терпел и страдал. Это все ради свободы и демократии! Вы должны сплотить в своих рядах тех, кому не удастся в условиях диктатуры, то есть я хотел сказать в антидемократических условиях, зарабатывать на хлеб насущный. Люди, которые не могут устроиться на работу, люди которые недовольны существующим порядком — это наши волонтеры, наша опора и надежда... Бывшие заключенные, безработные, все, кому не нравится нынешнее правительство России — это наши люди...

Представители российской оппозиции смотрели на гостя, как замороженные. Они даже ничего не ели и не пили. Дэвид не мог дожидаться окончания риторического опуса, его мучили мысли. *О мысли... Это единственное, что принадлежит только мне. Хаос... Революции... Как все надоело... Послать бы это все к чертям...* Он посмотрел на лица российских оппозиционеров. *Кто они? Откуда их выкапывают? Неужели они не видят, куда их ведут? А этот... Гроссмейстер... Такой не остановится ни перед чем... С кем приходится работать... Бывшие заключенные, коммунисты, извращенцы, профессиональные преступники, религиозные фанатики, лица, лишенные гражданства, бродяги, бездельники... Отбросы общества... Пятая колонна. А мы из них делаем святых... Почему бы просто не пригласить всех этих святош, радателей демократии в Америку и не обеспечить им государственные должности?* Он улыбнулся. *Через несколько месяцев большинство из них отправится обратно, а нам придется произвести дезинфекцию в их кабинетах. Огромный поток такого рода ничтожеств хлынул в Америку сразу же после мировой войны, используя свое заключение в лагере как своего рода моральную визу. Вот тогда и наступил крах, все эти твари выбрались из своих нор и начали расползаться по улицам. Во всяком обществе есть люди, которые могут созидать и созидают, и пока нация стабильна, остальные тоже стремятся им соответство-*

вать — хорошо зарабатывать и кормить семью или поступать в университет и получать хорошее образование. Недовольные в большинстве своем являются неудавшимися интеллектуалами или, вернее, псевдоинтеллектуалами. В глубине души они знают или догадываются, что они ничего собою не представляют. Они ничего не могут создать... они не умеют ни рисовать, ни писать стихи, ничего такого, что было бы замечено. То, что они делают, низкого качества и не имеет спроса на свободном рынке. А я им помогаю... И, на смену тирании рынка, которая более или менее естественна, приходит тирания интеллектуалов-неудачников, которые убеждены, что они одни правы, и хотят заставить всякого, кто не столь блестящ, поклоняться им, как глиняным божкам. Господи... Что мы делаем? А потом видится всякое...

— Дэвид, вы меня совершенно не слушали.

Дэвид открыл глаза и увидел гостя, который сидел рядом с ним: — Простите, я устал. Были трудные дни. Извините меня. А где наши русские друзья?

— Они ушли. Вы всё проспали.

— Я не спал, я думал...

— А скажите, Дэвид, говорят, что вы держите у себя на столе портреты нацистов?

— Вы собираете на меня досье?

— Это не мой профиль.

— Да, но разумеется не всех. Только двух людей, Мюллера и Шелленберга, — не смутившись, ответил Дэвид, — это были настоящие профессионалы разведки.

— Да, да, конечно. Кем бы они ни были — это пособники Гитлера.

— Весь немецкий народ был пособником Гитлера, и что? А я считаю, что именно теория гуманизма привела к фашизму. Ведь европейское сообщество осудило Гитлера не за то, что он делал, а за то,

что он говорил. Европейцы веками эксплуатировали индусов и негров, но называли это просветительской миссией и освобождением угнетенных. Гитлер хотел заняться тем же самым, и если бы обставил свое желание красивыми словами, его причислили бы к великим завоевателям и просветителям. Но он обозначил свои намерения открытым текстом, и «просвещенные» его осудили.

— Наверно, вы правы. Да. А ведь я работал с Мюллером, когда он был уже в штатах. Какие были времена... Эй, молодость... Да. Он тогда меня просто потряс. Мы пытались разобраться с бегством Гитлера. Он нам очень помог...

— Мюллер сообщил вам, куда сбежал Гитлер?

— Нет... Хотя, может быть, так и лучше. Никто не знает, что бы Гитлер наговорил в суде... Так лучше всем. Русские остались довольны и нам неплохо... А вы сегодня хорошо поработали. Я отмечу вас в отчете...

— Скажите, зачем столько мер безопасности? Зачем был этот спектакль? Мы же в Украине, а не в России? У нас под контролем практически всё.

— Дэвид, я хорошо знаю вашего отца. Он замечательный человек. Настоящий патриот! Он никогда бы не задал такого вопроса.

— Понимаете, я думаю, что это было необязательно. Всё можно было сделать гораздо проще...

— Проще? Да, я вас понимаю. Возможно, это не ваш уровень. Но это надо было сделать для наших российских коллег. Они только начинают. Мы просто показали, как это надо делать правильно. Ничего страшного не случилось. Их люди работали с нашими людьми. Теперь им будет немного легче в России. А там уже дело не шуточное. Там не СБУ там ФСБ.

— Вы могли это сделать и без меня.

— Без вас? Нет. Тогда бы не получилось так натурально.

— Понимаю, жучки в одежде помощника госсекретаря... Они что, совсем идиоты?

— Не будьте таким категоричным. Вы думаете, это была шутка? — гость улыбнулся.

— А разве нет?

— Вы знаете, что из себя представляет RFID-система?

— Система радиочастотной идентификации, — недовольно огрызнулся Дэвид.

— Правильно, она была изобретена в середине прошлого века. Принцип действия системы основан на считывании данных, записанных на специальных метках. Метки — миниатюрные энергонезависимые микросхемы с антенной...

— Технология в сфере безопасности, разработанная компанией ZKsoftware RFID-система контроля доступа — SC102, — не глядя на собеседника, перебил Дэвид, — и что?

— Все правильно. Но. Наши инженеры пошли чуть дальше. Теперь мы располагаем приборами слежения нового поколения. RFID-метки могут находиться в ткани, нитках, вышивках и лейблах. Так что одежда действительно была начинена метками, как колбаса специями, и в этом смогли убедиться наши российские коллеги. Так что они не идиоты, они простые русские шахматисты!

Дэвид улыбнулся и налил себе виски.

— Где вы их находите? Клоуны...

— Эти клоуны стоят своего веса в бриллиантах! Мы работали с ними несколько лет. Таких убежденных анархистов-разрушителей еще поискать. В наше-то время все заняты своими делами, а тем более в России. Там антиамериканские настроения в рейтинге на первом месте. Этого гроссмейстера мы обрабатывали долго.

— Деньги?

— Такого деньгами не возьмешь.

— Он не пользуется деньгами? — презрительно прищурился Дэвид.

— В нашем случае это было не главное.

— И как вам это удалось?

— О, это было непросто. Гроссмейстер очень амбициозен и презирает всех, кто хуже него играет в шахматы...

— А тех, кто лучше него играет?

— О, тех он просто ненавидит!

— И всё же, как вам это удалось?

— Гроссмейстер всё время искал понимающую его женщину... И... Нашел... С нашей помощью, разумеется... О, какая у них была любовь! Вы себе не представляете.

— Она тоже шахматистка?

— Ну что вы. Конечно, нет. Она модель. Очень образованная и смышленная. А дальше все, как по нотам. Семья, любовь, трагедия...

— Она погибла?

— Нет, ее арестовали за хранение наркотиков. Легких наркотиков.

— Тоже не без вашей помощи?

— А вы думаете, у нас бывают случайности?

— Ну и?

— Гроссмейстер был в панике. Для него это была трагедия. Идеалист. Он пошел по инстанциям, искал влиятельных людей, чтобы помочь любимой. Но тщетно. Ему никто не хотел помогать.

— Вы постарались?

— Дэвид, не будьте таким предсказуемым. А что нам оставалось делать? Конечно, через год он уже был совсем другим человеком. Бегая по высоким кабинетам, общаясь с ненавидимыми бюрократами и милицейскими взяточниками, он выдохся и так устал, что мы его взяли просто голыми руками.

— Если не деньги, то что?

— Деньги — это только средство, которое лишь приводит в движение социум, деньги — это не все. Ненависть! Мсть! Вот это энергия!

— И что дальше? Вы вытащили бедную женщину из тюрьмы?

— Если так можно сказать.

— Гм. Не понял.

— Мы вытащили из тюрьмы то, что от нее осталось... Жалкое, измученное существо, сидящее уже на ЛСД¹. Предвижу ваш вопрос, но тут обошлось без нас. Он снабжал ее деньгами, а в русской тюрьме таких сажают на иглу.

— Это мерзко...

— Это наша работа. Мы с вами очищаем поверхность Земли от слабых и недоразвитых народов с помощью их самих. С помощью выбранного ими правительства и образа жизни...

— Очищаем? — Дэвид отрицательно покачал головой. — Мы с вами хуже нацистов...

— Мне не нравится ваше настроение.

— Представьте, и мне тоже.

— Вы же сами начинали карьеру с ЭУ?²

— Да, ну и что?

— В Эквадоре?

— Вы хорошо осведомлены, — Дэвид нервничал. *Что ему надо?*

¹ Психоактивное средство, вызывающее галлюцинации, искажение восприятия времени и пространства, а также эмоциональные расстройства и переживания, по интенсивности приближающиеся к психозу.

² Экономический убийца, жаргонное сокращение работников секретной структуры, связанной с Управлением национальной безопасности США.

Зачем этот разговор?

— Из-за проектов ЭУ, точнее, благодаря вашим усилиям Эквадор погряз в долгах и вынужден тратить на их выплату огромную часть своего бюджета вместо того, чтобы тратить деньги на нужды своих граждан, официально находящихся за чертой бедности. Вас не мучит совесть? И на сегодня единственная возможность Эквадора отдать долги — это продать ливневые леса нефтяным компаниям. Глобальная империя требует «фунта живой плоти» в виде нефтяных концессий. Вы провалились в Ираке и Венесуэле, но зато преуспели в Эквадоре, теперь штаты будут доить их до последней капли.

— Я делал свою работу...

— А! Работу? Довольны результатом?

— Не знаю... Все эти люди, а их миллионы в Эквадоре и миллиарды во всем мире — потенциальные террористы. Не потому, что они верят в коммунизм, анархизм или являются воплощением зла, а просто потому, что их охватило отчаяние...

— Отчаяние? Для того, чтобы отчаяние не было таким уж трагичным, мы даем им продукты цивилизации. Продукцию Голливуда, товары потребления, компьютеры, автомобили. Всё! Они имеют возможность получить всё, что пожелают.

— Желание и возможность, несколько разные понятия. Они не имеют денег, чтобы купить в достаточном количестве продуктов питания, а вы про автомобили.

— Это не наша проблема, мы обеспечиваем цивилизацию, а не доступ к ней.

— Вы знаете, в Эквадоре, глядя на плотину, я однажды подумал — и подобное часто случалось со мной во многих других местах мира: когда же эти люди проснутся и перейдут к действиям, как американцы выступили против англичан в 1770-х или латиноамериканцы — против Испании в начале 1800-х? Когда-нибудь и в Украине поймут...

— Да, вы во многом правы. И я не идеализирую нашу полити-

ческую роль в мире. Но процессы глобализации — не остановить. Будем ли мы с вами против или нет — это не имеет значения. Поток сильнее нас. Я скажу вам больше. Изошренность современной глобальной империи заставила бы устыдиться даже римских центурионов, испанских конкистадоров и европейских колониалистов.

— Да, мы с вами действуем умело: мы выучили уроки истории. Сегодня мы не держим в руках меч. Мы не носим латы или одежду, которая выделяла бы нас в таких странах как Эквадор, Нигерия, Индонезия или, скажем, Украина. Мы одеваемся, как местные учителя или владельцы магазинов. Мы говорим об альтруизме, через местные газеты рассказываем о том, какие чудесные гуманитарные проекты мы осуществляем. Но... Кто мы такие и чем занимаемся на самом деле, знают не многие. И даже в нашей среде. Внешне мы просто работаем, не покладая рук, — Дэвид закрыл глаза. *Как я устал...*

— Мы трудоголики, жаждущие американской мечты. Ах да, это вас не касается. Вы же у нас из... — насмешливо пробормотал гость.

— Что вы хотите сказать?

— Я не хочу вас обидеть Дэвид, но иногда мне совершенно непонятно, как такой, как вы, попали в наши ряды. Вы же родились уже миллиардером...

— Вы же знаете моего отца, а если так, то вы должны сами все понять.

— Ваш отец — загадка. И вы тоже...

— Вы не можете понять, почему Бил Гейтс ходит на работу? — Дэвид рассмеялся.

— А хоть бы и так... Что тут такого? Я действительно не могу этого понять...

— У вас психология бедного человека. Если бы вы на самом деле были помощником госсекретаря, а не заурядным экономическим убийцей, вы бы понимали.

— А вы умеете обидеть.

— А разве вас можно обидеть? — понизил голос Дэвид.

— М-да, — гость на минуту задумался и покачал головой, — может вы и правы... И в чем же разница?

— Богатый человек живет работой, а бедный работает, для того чтобы выжить. Библия говорит: бедный продает жизнь, а богатый — покупает. И чем больше денег — тем интересней работать, то есть играть жизнью...

— Ну, вам-то что до всего этого? Вы же богатый человек. Что вас заставляет жить в чужой стране, заниматься тем, о чем даже внукам рассказывать нельзя.

— Страх...

— Вы шутите? Какой еще страх? Вы — яркий представитель высшего общества у вас весь мир в кармане...

— Страх стать бесполезным. В вашем понимании богатство — это праздник жизни. Так ведь? А, по-моему, праздность — это такая же зависимость, как алкоголь или наркотики. Праздность — это пустота... Вакуум... Я боюсь душевной пустоты, я не люблю магазинов. Я ненавижу что-либо покупать... И вообще. Чтобы удержаться в высшем обществе таким, как вы, недостаточно быть просто своим, «первосортным». Расслабишься — и тебя съедят твои же «первосортные» друзья. Чтобы этого не произошло, вы вынуждены никому не верить, не иметь никаких принципов и всю жизнь служить одному богу — деньгам.

— Служить? Интересно... А какому Богу служите вы?

— Именно служить, потому что в определенный момент деньги перестают влиять на благосостояние. Уровень жизни очень богатых людей не зависит от того, продолжают они работать или нет. Но они работают, потому что, если остановятся, то не просто выпадут из элиты, а будут уничтожены. Своими же.

— В ваших словах звучит ненависть к деньгам. Вы действительно

не любите шоппинг?

— Нет.

— Тогда вы не американец...

— Может быть, может быть... Стремление соответствовать собственной самооценке направляет энергию наиболее амбициозных людей в потребительское русло. Хочешь увеличить социальный статус? Тогда увеличь свои потребительские возможности. Смысл жизни понимается в том, чтобы любым путем приобрести как можно больше денег, чтобы потом их потратить. Здесь и кроется подвох. Природа человека такова, что после определенной цифры деньги превращаются для него в талоны на игру, то есть в инструмент для достижения не личных, а иных, очень крупных целей. Если крупных целей нет, человек «осваивает» огромные суммы, пропуская через себя горы товаров и услуг, и тем самым разрушает себя. На первых порах это незаметно, но по мере нарастания потока порочность такого подхода обнажается. Кто «прокачивает» через себя огромные суммы, тот неминуемо превращается в физическую и моральную развалину. Потребительство счастья никому не добавляет, за исключением простолюдинов и моральных уродов. Материальный достаток может быть только приложением к счастью, но самого счастья он никогда не заменит. Ложь современной демократии в том, что она культивирует мысль, будто деньги и вседозволенность есть квинтэссенция счастья.

— Вы действительно странный тип. Вы что, меня проверяете? Или, еще чего хуже, записываете? Что вы хотите от меня услышать? Эй, где вы там? Где ваши микрофоны? Где камеры? — гость встал и, указывая то в один, то в другой угол, прошелся по комнате.

— В каждой шутке есть доля шутки... — Дэвид встал с кресла и подошел вплотную к гостю, — когда прибудет клон? Я хочу как можно скорей заменить этого... То, что он делает, меня бесит...

— Фу, наконец-то вы стали самим собой. А я было, подумал...

— А вы не думайте. Ваше дело делать дело, а не думать. Как говорил один очень неглупый человек: «Не верьте своим глазам — они спят,

не верьте своим друзьям — они врут, не верьте своим мыслям — они не ваши», — Дэвид сделал паузу.

— Ну и кому же тогда верить?

— Верить? Не знаю. А вот правду о нас знают только наши враги!

— Это Ницше?

Дэвид отрицательно покачал головой.

— Это Генрих Мюллер. Собирайтесь, машина вас ждет. Завтра утром я вас заберу сам на своей машине.

— Главное, завтра не проспать, то есть уже сегодня. Если я не ошибаюсь, в посольстве мы должны быть ровно в девять.

— Совершенно верно.

— Окей, домой и спать. А, кстати, где сегодня мой дом?

— Водитель вас отвезет на одну из наших квартир. Это в центре города. Недалеко отсюда, — Дэвид простился с гостем и направился в душ. *Почему он спросил о фотографиях? Хитрый лис.*

Автомобиль, в котором везли путешественников во времени, с грохотом летел на всех парах. То ли полиция куда-то опаздывала, то ли так было заведено. Руки Михаила Яковлевича за всю жизнь никогда не испытывали такой боли. Пластиковые наручники, а верней элементарный капроновый зажим для электропроводки, врезался глубоко в кожу и причинял арестованному невероятную боль. Черный мешок на голове имел отвратительный запах. Жесткая лавка, на которой сидел Михаил, злобно била его по пятой точке. Такого оборота событий он никак не ожидал. Отчаяние и страх вползали в душу, а единственная надежда на Эммануила таяла с каждым ударом лавки.

— Misha, how are you? ¹

— Where us carry? ²

— I do not know, can be in police. And can be on execution. ³

— You joke? It is necessary to something to make. Эммануил, make that be. I cannot at me any more all hurts. ⁴

— Well, well, too this all is not pleasant to me. ⁵

— Эмм, сделайте, что-нибудь, я сейчас умру. Снимите с меня этот мешок, — прохрипел открытым текстом Михаил.

В тот же миг вонючий мешок слетел с головы Михаила. Открыв глаза, он увидел потрясающую картину. Эммануил сидел без мешка

¹ Миша, как вы? (англ.)

² Куда нас везут? (англ.)

³ Не знаю, может быть, в полицию. А может быть, на расстрел.

⁴ Вы шутите? Надо что-то делать. Эммануил, сделайте, что-нибудь. Я уже не могу, у меня все болит.

⁵ Ну, хорошо, хорошо, мне тоже это все не нравится.

на голове и со свободными руками. В отделении автомобиля, где они находились, было мрачно и сыро. От кабины с полицейскими их отделяла металлическая перегородка с маленьким круглым окошком.

— Вы что, раньше не могли снять с меня этот скверный мешок?

— Раньше вы меня об этом не просили.

— Издеваетесь? Я же говорил, что мне плохо.

— Ну, вы же не просили снять мешок, так же как и не просите снять наручники.

— Снимите с меня наручники. Немедленно, — прошипел сквозь зубы Михаил.

— Хорошо, они уже сняты.

Михаил с недоверием пошевелил руками. Ничего не сдерживало его движения. Наручников не было.

— Как вы это сделали? — Михаил постепенно приходил в себя.

— Очень просто. Силой намерения и верой.

— И давно вы освободились от мешка и наручников?

— Сразу же.

Машина снизила скорость и резко развернулась в обратную сторону.

— Я все-таки не понимаю, вы же видели, что я мучаюсь...

— Видел, ну и что? Вы же не сказали конкретно, что вам нужно. Оказание услуг, о которых не просят, начинается благими намерениями, а заканчиваются дорогой в ад. Да ты и сам мог бы освободиться, если бы захотел.

— Ладно, может вы и правы. Действительно я чего-то растерялся. Испугался, что ли?

— Вера в Бога — это вера в вероятность невероятного!

— Что будем делать?

— Похоже, нам так просто не выкрутиться. Без шума не уйдем. Хотя давай посмотрим устройство замка двери. Вы же у нас физик, что для вас простой замок?

Они пробрались к двери.

— Так, что мы имеем? Дверь металлическая. Обшивка пластиковая, — Эммануил ощупал руками дверь, — герметичность не на высоте.

— А может, силой веры пройдем сквозь дверь?

— Можем, но тем самым вызовем пристальное внимание уже не полицейских, а кое-кого повыше, а это нежелательно. Надо открывать дверь.

— Хорошо. Давайте снимем обшивку и доберемся до замка, — Михаил не раз видел, как в мастерской снимают обшивку дверей. Ему не терпелось вырваться наружу.

— Как знаете, я поддерживаю любую вашу идею. Дерзайте, мой юный друг!

— Вы мне не поможете?

— Что может старик? Мир у ваших ног, а я...

— Ладно, отойдите от дверей...

Михаил, в несколько действий, оторвал обшивку двери, нащупал рычаги, удерживающие защелки замка и дернул. Дверь с шумом распахнулась.

— Будем прыгать? — Михаил посмотрел внутрь. — Эмм! Вы где?

— Да здесь я!

Голос Эммануила звучал со стороны открытой двери. Михаил повернулся и увидел, что Эммануил стоит перед открытой дверью снаружи машины. Стоит прямо перед ним на земле. Михаил не мог понять, как могут одновременно существовать две вещи: движение автомобиля и стоящий снаружи Эммануил.

— И долго вы будете там сидеть? — улыбаясь, прохрипел Эммануил, перекрикивая шум ветра.

Михаил закрыл глаза и вышел из машины. Он открыл глаза лишь после того, как ощутил под ногами твердь. Полицейская машина с грохотом удалялась, а рядом стоящий Эммануил раскатисто хохотал и хлопал в ладоши.

— Браво, мой друг, браво! Вы сделали это! Не ожидал, не ожидал. Браво!

— Да пошли вы... Я чуть не умер от страха...

— Я тут ни при чем. Ты, Миша, сам это сделал.

— Что сделал?

— Вышел из машины при скорости шестьдесят пять миль в час.

— Как это произошло? Я не могу понять.

— А не надо понимать. Вера в Бога — это не вопрос философии, а тем более физики. Это вопрос выбора. Вы либо верите, либо нет. В данном случае вы просто поверили. А как это работает, не имеет значения. Так же точно, как клетки вашего организма верят вам и работают на вас, так и вы должны верить в Божественную Систему, верить Создателю.

— У всего этого должно быть научное обоснование...

— Научное обоснование — не что иное, как детализация процесса. Но если процесс существует, а обоснование еще нет?

— Тогда это чудо.

— Возможно... — Эммануил задумчиво посмотрел на небо и улыбнулся.

Затем резко перевел взгляд на Михаила.

— Итак, мы с вами, не успев разобраться, где мы, уже вляпались в неприятную историю. И, кстати, у нас не так много времени. Эти полицейские обязательно поднимут тревогу и нас будут искать. А учитывая комендантский час...

— В любом случае надо убираться с этой улицы. И вообще я не могу понять, почему не ходит общественный транспорт, почему нет на улице людей, почему, в конце концов, нет ни одного дерева?

— Если есть вопросы, то обязательно где-то существуют и ответы. Ведь мы с вами находимся в одном из вариантов Будущего. И, видимо, не в самом лучшем...

— Смотря с чем сравнивать... — Михаил проголодался, ему было все равно, где они и что с ними, — мы сегодня будем ужинать или нет?

— Все в ваших руках, — Эммануил лукаво прищурился, и в свете уличных фонарей Михаил увидел магический блеск в его глазах и симметричные россыпи морщинок.

— Я же не Моисей, чтобы вот так... Ни с того ни с сего...

— Миша, Миша... Моисей кормил тысячи, а вам то надо накормить лишь себя.

Они шли по переулку, то и дело попадая в темную зону, куда не доставал свет фонарей. Михаил еле волочил ноги. Все его мысли от пяток до кончиков волос занимал голод. Он вдруг подумал, что никогда в жизни не испытывал такого зверского чувства. *Еще этот достает, все поучает... Что мне вот так прямо и попросить у Создателя? Дай... Мне... Нет это неправильно, я же ученый, физик, лауреат Нобелевской пре... Стоп, я лауреат где? В одном из вариантов Будущего? Тогда с позиции чего я лауреат, а с позиции чего нет? Поразительно. Все перепуталось: прошлое, настоящее и будущее... Бред. Господи как хочется есть. Боририка бы... С чесночком... Да с перчиком... Господи, буди мне грешному... Дай мне хлеб твой... Господи...*

— Вы поосторожней, господин. А то все ноги оттопчите да и вступить можно, куда не нужно...

Михаил остановился. В темноте он с трудом рассмотрел человека, сидящего на корточках.

— Извините, я вас не увидел, — Михаил обрадовался незнакомцу.

— Это понятное дело. Я поэтому и предупредил, — человек встал, поднял штаны, заправил ремень и застегнул молнию, — вы извините, что при таких обстоятельствах... Простите меня. Немного до дома не успел... Я тут недалеко...

— Ничего, бывает.

— Да если бы не эти патрули, долбанные, я бы уже давно дома был. Меня зовут Глеб, а вас? — незнакомец протянул руку.

— Меня Михаил, а это мой друг Эмм, — Михаил брезгливо повернулся в сторону. Туда, где минуту назад находился Эммануил, но его там не было. — Эмм! Вы где?

— Насколько я мог видеть, вы шли один, — незнакомец недовольно убрал руку в карман брюк и осмотрелся, — я никого не вижу.

— Да, странно... — Михаил игнорировал рукопожатие. Он не любил здороваться за руку вообще, а тем более с незнакомыми людьми.

— Михаил, я приглашаю вас к себе в гости. Добро пожаловать! Здесь недалеко.

— Понимаете, мой друг, он...

— Хорошо, пусть и друг идет с нами. Вам нельзя здесь оставаться. Да вы, наверно, и поужинать не против...

Слово «ужин» было таким теплым и ласковым, таким пахнущим и вкусным, что Михаил тут же согласился. *Чего переживать, Эммануил не мальчик, не потеряется. Разберемся. Ужин — это сейчас главное.*

— Скажите, Глеб, а что, действительно запрещено на русском языке говорить?

— А вы что, не знаете? Ну да, запрещено. И имена русские запрещены.

— И что, есть соответствующий закон?

— А как же! Конечно, есть, указ Президента! Первый раз поймают — на принудительные работы, второй — тюрьма...

— А в третий?

— Таких не бывает. Если попал в тюрьму по политической причине, то оттуда уже не выйдешь.

— Далеко еще? — Михаил проглотил слюну,

— Пришли, — Глеб свернул к подъезду. Несколько секунд он колдовал над кодовым замком, и дверь распахнулась, — прошу вас. Второй этаж, квартира налево.

В квартире Глеба было не убрано. Пустые бутылки и пепельницы с окурками дополняли и без того бардачный интерьер помещения.

— Простите, вы один живете?

— Сейчас да. Но это временно. Жена в отпуске, уехала отдыхать. Вот и не убрано в квартире. Вы извините. А мне совершенно некогда. Я занят своей книгой. Пишу, понимаете ли... Роман. Фантастический.

— И куда уехала ваша супруга? В Крым?

— Вы что, с Луны свалились? Какой Крым?

— Почему с Луны? Я точно знаю, что граждане Украины во все времена любили отдыхать на полуострове. Вот и спросил, — растерялся Михаил.

— Крым давным-давно не полуостров, а остров, он давно отсоединился от Украины и сейчас процветает, в отличие от нас...

— То есть, как отсоединился?

— Просто. Сначала политический кризис, потом финансовый, потом повышение цен на газ, затем вторая революция, третья революция. Майданы, забастовки, блокировки... Выборы, перевыборы... Людям надоело. Сначала Закарпатье поднялось, потребовало автономию, следом восточные области. А Крым. Все произошло в один месяц. Прокопали поперечный канал и Крым стал островом. Изменили, так сказать, назначение земли и все... Был полуостров, а стал остров, следовательно, и договоренности всякие, так сказать, того... И страны, как не бывало. Конечно, у всего есть свои причины, я понимаю.

А сейчас все кто остался в Украине — на контракте с правительством.

— Как же это могло случиться?

— А что тут понимать? Начали менять депутатов, потом Конституцию, потом реформа судебной власти, потом новые депутаты опять начали менять Конституцию. Дебатировали, дискутировали... Инфляция, внешний долг, безработица... Финансовый кризис привел украинских олигархов к банкротству, рынок сбыта продукции их предприятий просто взял и рухнул. Потом государство забрало у них предприятия за долги, а государство-то само в долгах было, вот и рассчиталось с кредиторами обанкротившимися предприятиями.

— Ужас! — Михаил покачал головой и развел руками. — Кошмар!

— Э-э-э, да вы, я вижу, ничего не знаете, это был еще не ужас!

— То есть?

— К тому времени эскалация конфликта между Израилем и Палестиной только начиналась, а через несколько месяцев Пакистан продал террористам из Ирана атомную бомбу...

— Что вы говорите?

— М-да. Вот так и было.

— И что бомба?

— Террористы взорвали бомбу в Америке... Сотни тысяч погибших...

— ... — Михаил закрыл глаза, — кошма-а-ар.

— Потом Америка ударила атомным оружием по Ирану и Пакистану, миллионы погибших, зараженная территория, вода, воздух... болезни... в общем...

— А в Украине?

— А в Украине обрушился саркофаг на ЧАЭС...

— Саркофаг на ЧАЭС? Обрушился?

— Ну, конечно, обрушился. Он же не вечный. Вы что, меня разыгрываете? Вы не шпион?

— К сожалению, нет. А вы не шутите, случаем, Глеб? Вы такого наговорили... можно сериал ужасов снять... скажите, что вы пошутили.

— Извините, не до шуток.

— Я вас прошу в двух словах, что было дальше?

— Дальше? Не знаю, кто вы, но почему-то я вам верю...

— Что было дальше?

— А что было? Я же говорю. Революция одна, революция другая, голод, холод... Турки предъявили права на Крым, Венгрия и Чехия — на Закарпатье. Восточные области провели референдум и отделились сначала в автономию, а затем провозгласили независимое государство.

— Невероя-я-ятно... — В голове Михаила шла настоящая революция, правое полушарие возмущалось и отказывалось верить левому, левое притаилось и выжидательно смотрело на подсознание, а подсознание — на сознание... Не найдя ответа в своей голове, Михаил злобно ударил по столу рукой. — Это все сволочи капиталистические!

— Факт!

— А что это за контракт, с правительством?

— Я не имею права об этом говорить, это тоже условия контракта, — Глеб перешел на шепот, — скажу только одно: контракт гарантирует жизнь, без него нельзя, такой закон...

— Понимаю... — в тон собеседнику прошептал Михаил и оглянулся в сторону входной двери.

— Жаль. Не успел свалить. Хотел квартиру продать, не успел. Закрыли границы. Да и цены на квартиры упали...

— И что теперь из себя представляет Украина?

— Украина? Все вернулось на круги своя. То же, что и в древние времена. Территория уменьшилась в пять раз.

— Жаль.

— Почему жаль? Кого жаль? Все закономерно. Сколько же можно было терпеть?

— Ну и что теперь, лучше, чем было?

— По крайней мере, никто ни с кем не спорит. Просто не о чем спорить... Языковая проблема, понятное дело, отпала. Земля заложена под кредиты международных банков. Промышленность осталась на востоке. А после того, как прорвала плотина...

— Плотина? Прорвала? Наводнение?

— К сожалению, да. Но вода что? Вот ил... Понимаете, ил киевского водохранилища радиоактивный. Миллионы тонн радиоактивного ила... По течению... Вниз...

— Катастрофа...

— До сих пор вода в Днепре не пригодна для употребления. Так что Украина сегодня это зона экологического бедствия. Все продукты, производимые здесь, запрещены к экспорту, промышленная продукция — не конкурентоспособна... Единственная надежда — гуманитарная помощь...

— Да-а-а...

— Так, давайте все же чего-нибудь слопаем, а? — Глеб открыл холодильник. — Есть сало, есть борщ.

— А горький перец?

— А как же, на самом видном месте, вот, пожалуйста, — Глеб достал из холодильника красную перчину и протянул Михаилу.

Михаил взял перец и понюхал.

— Чудесный запах, — *Господи, я же этого и хотел...*

— Собрано на собственном огороде. Там, где сейчас жена отдыхает... Не переживайте, все проверено, там радиация ниже нормы...

— Это хорошо. Ах, да, так что же с Крымом? Ну, хорошо, раскололись, а что нельзя съездить?

— Почему нельзя? Можно. Но это очень дорого. Я же вам сказал. Украина — зона экологического бедствия. Доход на душу населения — двадцать пять долларов в месяц. А тем более, если имеешь непогашенный кредит — вообще не выпускают...

— И много вы заняли? То есть большой кредит взяли?

— Десять тысяч долларов на тридцать лет. Так что нам с женой за границу дорога заказана. Украина — это уже не Украина. Это СПРЭй.

— Что значит СПРЭй?

— Свободно-принудительная резервация. Никто никого не держит, но уехать нельзя. Хотя вы знаете, многим даже нравится. А что? Восемьдесят процентов населения не работает — на пособия. С голоду никто не умирает. Хочешь кредит — бери. Работал, не работал — кусок хлеба получишь. А если стены твоей квартиры выходят на фасад улицы, так вообще заживешь, как король, и на водку, и на коньяк с шампанским хватит... Реклама — двигатель торговли!

— Я заметил. На стенах и окнах домов...

— Ну да, каждый сантиметр дает прибыль. Я же говорю, реклама двигатель тор...

— Слушайте, Глеб, я сейчас умру от голода. Давайте свой борщ и сало.

Михаил никогда раньше так не наслаждался ужином, как в этот раз. К борщу, салу и перцу Глеб добавил черный хлеб, свежие помидоры и зеленый лук. Лишь после двух мисок борща желудок Михаила успокоился, и с трудом сдерживая икоту, Михаил прилег на диван возле телевизора. *Нобелевский лауреат... Борщ... Крым... Сало... Физика... Эммануил... Прошлое...* Мысли бегали в голове, пытались найти логическую постановку или хотя бы алгоритмическую последовательность, но им это не удавалось. Революция продолжалась. Глеб

еще что-то долго рассказывал о политическом устройстве и врагах народа, российских шпионах и американских филантропах. Но Михаил был не в состоянии что-либо воспринимать. Он закрыл глаза и провалился в глубокий детский сон... *Саркофаг... Плотина... Этого нельзя допустить... Это не должно произойти...*

— Миша, вставайте, завтрак на столе.

Михаил открыл глаза. Солнечный свет с трудом пробивался сквозь заклеенное рекламными плакатами окно. *Так, где я? Запах сигаретного дыма. Так. Пустые бутылки и пепельницы... Знакомая картина...* — встаю...

С почти закрытыми глазами Михаил пробрался к ванной комнате и, к своему удивлению, обнаружил, что двери в ванную комнату отсутствуют. Он тут же окончательно проснулся.

— Глеб! А где двери?

— Да вы, видно, окончательно отстали от жизни! Двери в ванную комнату так же, как и в туалет, запрещены законом, — прокричал Глеб из глубины квартиры.

Михаил широко раскрыл глаза, еще раз убедился, что дверей действительно нет, и прочесал вялыми пальцами слипшиеся за ночь волосы.

— Это что же такое происходит? Как такое вообще возможно?

— Что вы тут раскричались? — Глеб подошел к Михаилу, он вытирал полотенцем руки и улыбался. — У вас нет ничего такого, чего бы я не видел...

— Послушайте, молодой человек, вы что из-вра-ще-нец? — По слогам отчеканил Михаил.

— Нет, это вы больны, у меня в квартире все по закону, а закон запрещает двери в ванной и туалете...

— Вы это серьезно?

— Вполне. Двери в ванную и туалет объявлены пережитками прошлого, сдерживающими демократические процессы. Сейчас в ходу лозунги: «Не труд — но удовольствия! Демократия разрешает всё!». Совесть, мораль и нравственность объявлены социалистическими предрассудками. «Свободу крылатому Эросу!». Нормальные рабочие парни превратились в безмозглых существ, одержимых лишь постельными утехами, пивом и рок-концертами. Молодежь приучили открыто бравировать бесстыдством. Наглость и отсутствие совести выдается за демократическое сознание, нельзя закрываться от ответственности. На уровне государства принят закон, запрещающий запоры на дверях спален. То, что совершается интимно, наедине, выставляется напоказ. Что естественно, то не безобразно...

— И-и-и-д-и-о-тизм! — тонко пропел голос Михаила.

— Да уж...

Завтрак состоял из яичницы, двух кусков поджаренного хлеба и бутылки кефира.

— Вы крепко спали... А вот мне так не удастся. Всё думаю...

— О чем можно думать в резервации? О свободе?

— Свобода — понятие растяжимое. Я, например, очень даже свободен. Делаю, что хочу, хожу, куда хочу, пишу книгу. Я свободен.

— Ты свободен?

— Конечно.

— Да ты даже в Крым съездить не можешь, свободен он... Ты хоть знаешь, что такое свобода? И вообще, какой сейчас год? — Михаил провел взглядом по стенам в поисках календаря.

— Две тысячи тридцать первый год, а что? Вы определенно меня пугаете, Михаил. Вы откуда взялись? Вы шпион или пришелец?

— Скорее всего, второе, хотя и первое не промах... Я из ... — Михаил закашлялся. *Ну и как этому свободному от свободы гражданину обновленной Украины сказать, что я из Прошлого? Прибыл, мол, посмотреть как тут у вас... Да... История...* Михаил ничего не мог придумать, — я... Я из больницы...

— Психиатрической? — мгновенно отреагировал Глеб.

— Ну не совсем... Травма головы, частичная потеря памяти...

— Из сумасшедшего дома, значит. Ну, это неудивительно. Я, конечно, мог предположить... Но чтобы из... И как вы?

— Вылечили. Вот шел вчера домой и заблудился...

— Не до конца вылечили.

— Возможно, — Михаилу вдруг стало весело. Он пытался представить себя юродивым, но у него ничего не получалось.

— Вы не буйный?

— Ну что вы... Сущий ангел. Мухи не обижу. А о чем ваша книга?

— О религии и власти. Так вы действительно ничего не помните?

— Считайте, что я долгое время пребывал в коме. Расскажите о книге.

— В коме? Верится с трудом. Ну ладно, пусть будет так. Книга? Ага. Если коротко. Так вот религия — единственное оправдание власти монарха. Вы согласны?

— Думаю, вы правы.

— Религия — источник власти монарха. Это власть от Бога. Если общество теряет веру, монарх в глазах народной массы превращается в диктатора. Мир разделился на два типа. Один тип разрушил свои традиции и веру, получив взамен экономическую и военную мощь. Другой тип сохраняет веру и традиции, за что лишается светской мощи. Этот мир делится между западными и восточными странами. Образовались две системы жизни.

Великая река человечества разделилась на два потока, текущие каждый в своем направлении.

— Вы хотите сказать, что демократия, в конце концов, приводит к разрушению общества?

— К сожалению, да. Это, как перекаленное железо. За чрезмерной крепостью следует хрупкость.

— Но ведь европейские монархи первыми сочли меньшим злом утрату религии. Вера была принесена в жертву прогрессу. Взамен получена военная мощь. Мир оказался во власти Европы. Страны, сохранившие свою веру, культуру и традиции, попали в зависимость. Разве лучше быть зависимым?

— Древний сюжет: продай душу и получи мир. В том-то и дело. Новая реальность породила вопрос: на каком основании монархи являются правителями, если Бога нет? Получается, они узурпировали власть. Осознание, что живешь под властью насильника, рождает соответствующие тенденции. Возникает новое мировоззрение, которое начинает борьбу за справедливость, понимаемую в логике атеизма.

— Хорошо. Пусть так. Но ведь действительно. Рано или поздно возникает новый вопрос: откуда должна браться власть?

— Совершенно правильно. Все прекрасно понимают, что теория анархизма, отрицавшая власть, равно как и утопии Кампанеллы, Мора и их последователей, на практике невозможны, потому что ведут к ослаблению конструкции в целом.

— Естественно. Любое общество нуждается в легитимной власти, связывающей его в единый организм.

— Но откуда она возьмется в новых условиях? Чем новые правители оправдают свое право на власть?

— Вопрос серьезный. Если раньше власть происходила от Бога и оправдывалась Богом, то монарх считался представителем Бога на земле, в атеистическом обществе такое объяснение было неприемлемым.

Диктатура, то есть власть насильника над жертвой, тоже не годится. В атеистическом обществе диктатура особенно неустойчива. Если раньше новоиспеченная диктатура в поисках оправдания обретенной власти стремилась превратиться в монархию, то в атеистическом обществе подобное превращение оказывалось невозможным. Потому что «Бога нет» и «все можно».

— В лучшем случае агония конструкции начнется со смертью диктатора, в худшем — во время его правления.

— Это точно. Так вот, ничего не оставалось, как позаимствовать у древних институт демократии. Согласно этим догматам, источником власти должен быть непосредственно народ. Он же является ее оправданием и основанием. Основатели либеральной демократии стремились создать идеальное общество. Они думали, что учли, насколько возможно, все слабые места прошлых демократий. В частности, реализовали теорию разделения властей, чтобы рассредоточить власть и избежать ее узурпации. Далее, ограничили срок правления выборной власти, потому что бессрочное правление автоматически ведет к диктатуре. Чтобы предусмотреть и нейтрализовать все опасности, целая плеяда умнейших людей честно трудилась над теорией либеральной демократии. И все же творцы новой государственной конструкции не смогли преодолеть главного препятствия, — Глеб хитро улыбнулся и налил себе воды, — а вы не хотите?

— Нет, спасибо. И какое же это препятствие? — Михаилу нравился этот молодой человек. И он с огромным вниманием ловил каждое его слово.

— Выборы.

— Выборы? Не понимаю.

— Краеугольным камнем всякой демократии являются выборы. Народ должен выбирать власть. Сознательно выбирать, а не угадывать или выполнять чужую волю. Выбирать — значит, из множества определять лучшее. Демократия из красивой теории могла стать реальностью только при условии, что народ делает

осознанный выбор. И вот на этом, казалось бы, понятном и простом пункте демократы свернули себе шею.

— Почему на выборах? — недоумевал Михаил. — Проблема честных выборов?

— Не совсем так. В демократической теории утверждается, что власть не захватывается силой. И не дается от Бога. Власть выбирается самим народом. Народ, понимаемый как источник и оправдание власти, выбирает самых достойных, которым доверяет власть. Чтобы демократия не переросла в диктатуру, власть доверяется на фиксированное время, по истечении которого передается следующему избраннику. Если избранник не справляется, народ избирает другого. В этом суть демократии.

— На мой взгляд, все разумно.

— Я тоже так раньше думал. Но есть одно большое «НО». Дело в том, что для совершения сознательного выбора нужны знания. Не поверхностные, а глубокие знания. Без знаний выбор невозможен. Нельзя выбрать лекарство, если нет соответствующих знаний. По красоте упаковки можно выбрать только упаковку, но не содержание. Так же невозможно «сердцем» определить лучший научный труд из двух представленных, если нет соответствующих знаний. Солдаты не могут выбирать военачальников именно из-за нехватки знаний.

— Почему же? Ведь наши с вами предки выбирали атаманов...

— Выбирали. Согласен. Но это разные вещи. Все солдатские выборы приводят к власти демагогов и пустотрепов, умеющих манипулировать солдатскими желаниями. Всенародные выборы сводятся к откровенной глупости, потому что народ, как ребенок, всегда отдает предпочтение фантику, а не содержимому. С таким же успехом можно организовать всенародные выборы нобелевских лауреатов в номинации «ядерная физика». Самое ужасное в том, что, если правильно организовать выборную кампанию, народ пойдет выбирать лучшего физика. Помните? Ах да, у вас же... После первой демократической революции народные избранники в прямом эфире

определяли великих украинцев. Нет, вы только представьте себе! Самоназначенцы определяют, кто великий, а кто нет! Победит на таких выборах кто угодно, кроме настоящих, достойных людей.

— Театр абсурда, я видел эти передачи. Их организатор Мумик Шустрый...

— Я слышал о нем, после того, как развалилась Украина, он получил правительственную награду от президента Америки и стал очень богатым человеком.

— Мавр сделал свое дело...

— Да, а затем Мавр свалил в штаты. Ловко же он наших политиков разводил. Они к нему, как кролики к удаву, ходили. В демократический детский садик играли...

— В крупных коллективах демократия в принципе невозможна. Несоответствие между демократией в теории и демократией на практике замечено давно. По этому поводу написаны тысячи книг, неизвестных избирателям.

— Вы очень хорошо разбираетесь в, такого рода, вопросах. Удивительно. Я раньше об этом не задумывался... А вы так доказательно... С вами трудно спорить. А вот скажите. Если бы вы могли переделать ход истории, что бы вы изменили в прошлом?

— Я не знаю... Хотя... Ели теоретически.

— Да, теоретически, в качестве размышления.

— Я, право, не знаю, стоит ли размышлять на тему: «если бы, да кабы».

— А вы попробуйте.

— Что можно изменить, если у народа нет знаний? Без знаний нет выбора, без выбора нет и не может быть демократии. Вы вольны выбирать, какой рукой стрелять, правой или левой, а вот куда стрелять, определяете не вы, и даже не президент. Всё определяет система власти. Кандидаты всех партий ничем не отличаются друг от

друга. Все отличия, во-первых, второстепенны, а во-вторых, смешотворны, — Глеб грустно улыбнулся, — хорошо давайте рассуждать логически. Всё началось с доступности власти. Власть, доступная всем, начала привлекать самые разные силы. И капитал в первую очередь, потому что власть — кратчайший путь к прибыли. Если в начале девяностых прошлого века в украинском парламенте бизнесменов практически не было, то в начале третьего тысячелетия каждый из депутатов — это уже миллионер. Если на этом этапе можно было что-то изменить, то дальше вряд ли.

— Давайте представим, что мы с вами находимся в начале третьего тысячелетия, ну скажем, так в две тысячи втором. Даже в периоде до две тысячи восьмого включительно.

— Интересная задача. Что у нас было в эти годы? Ага. Борьба за власть. Жесткая борьба. Кровавая. Кого бы избиратели тогда ни выбрали, коридоры власти, в любом случае, могли заполниться только представителями капитала. Уже тогда демократия превращается в ширму, за которой прячется олигархия или разновидность плутократии, завернутая в лозунги «свободы и равенства». Попытка разорвать заколдованный круг через систему выбора выборщиков. То есть сначала народ выбирает самых достойных, а они, в свою очередь, выбирают власть. Но эта попытка тоже ни к чему не привела. На практике всё свелось к возникновению группировок и их борьбе за кормушку, портфели и прочие лакомства власти. Образовалась одна «шайка-лейка-неразлейка». Этакий, бомонд-истеблишмент, которого вполне устраивало положение и развитие дел в стране. Ах да, как же я забыл. Они к тому же изменили систему выборов. Заменяли мажоритарных депутатов на партийных. Ловко придумано. Нет персональной ответственности. К тому же еще императивный мандат, — Глеб засмеялся, — электоральное поле — темное царство. Все, что красиво подали — вкусно съели...

— Ну, так что вы можете предложить?

— Предложить? Предложить... — Глеб задумался. — А что можно предложить? К тому времени общество уже прошло точку невозврата...

— То есть, как это прошло?

— А вот так.

— Это, как в шахматах?

— Вроде того. Чтобы что-то предпринять, надо возвращаться еще дальше.

— Дальше нельзя. Не получится.

— Михаил, вы что-то от меня явно скрываете. Почему мы с вами не можем вернуться в начало девяностых прошлого века?

— Теоретически можем, но практически... *Понимаете...* — *Михаил на минуту задумался. Говорить или не говорить? Поймёт ли? Поверит?* — Глеб, понимаете ли. Если мы с вами будем спускаться ниже — это будет не интересно. То есть слишком просто. Так можно дойти и до Великой Октябрьской... Давайте, как условились.

— Ну, хорошо. Размышляем дальше. Мыслители эпохи Просвещения тоже искали выход, но, увы, не нашли. Основатели демократии надеялись обойти эту ловушку посредством образования, полагая, что если народу дать знания, он сможет сам, без манипулирования, выбрать лучших. Прошли века, но мир ни на йоту не приблизился к осуществлению этой мечты. Практика показала: дать народу знания, достаточные для выбора, невозможно в принципе. Во-первых, не все одинаково способны к обучению. Во-вторых, невозможно всех посадить за ученическую скамью. В-третьих, многие просто не захотят учиться. В-четвертых, помимо теоретических знаний, нужны практические. Сложно даже представить, как народ может получить такую практику. Тем более, что многие из этих знаний составляют государственную тайну. Людей можно научить считать и писать, научить химии и земледелию, медицине и строительству, музыке и спорту. Но невежество в том смысле, в каком оно понимается при выборах, эти знания не устраняет. Образованные точно так же идут «выбирать», как и необразованные, даже не задумываясь, что они выбирают. Следовательно, образование проблемы не снимает и в этом смысле ничего не дает. Но если даже допустить фантастическое, допустить,

что всему народу каким-то чудом дали знания, это тоже ничего не изменит. Выбор всё равно невозможен. Каждый будет трактовать ситуацию с личных позиций, на его выбор будут влиять тысячи обстоятельств, не имеющих к выбору власти никакого отношения.

— Не слишком ли вы пессимистичны? По-вашему, демократия оказалась ловушкой, а демократы превратились в демагогов, спекулирующих на эмоциях и непонимании простых людей?

— Да, это так. При этом демократы прекрасно сознают, что никакого выбора люди сделать не могут. Тем не менее, они всё равно побуждают их выбирать. Общее у всех выбранных одно. Все они кормятся от «священной коровы» демократии. Таким образом, к власти попадают циничные жулики, не способные верить ни во что, кроме денег. Именно в то время деньги становятся показателем ума и красоты, таланта и высшего права на лучшее. Тот, кто больше всех кричит «за демократию» — или полный идиот, или полный жулик. Кто тогда разбирался с возможными последствиями? Кто знал, что демократия, уже несколько веков разъедающая западное общество, по сути, такое же чуждое явление для Украины и всех традиционных стран, как канныализм. Она была навязана нам против нашей воли, через серию обманов, манипуляций сознанием и подтасовок. Под видом прав и свобод демократия создает благоприятные условия для всех видов порока. Ее способ разрушения основ социальной жизни точно повторяет действия раковых клеток, пожирающих организм. Мало того, что в нашем доме уже половина жителей живет однополыми браками, так парламент ещё хочет принять закон, разрешающий многомужество!

— Ничего не понимаю, кто там у вас сидит?

— Кто? Демократы и сидят!

— Какое гадкое слово... Демократия... Но что же может противостоять разрушению национального государства? Что мы должны были сделать в те годы, чтобы не получилось, так как получилось? Как же так получилось, что Украина разделилась? — Михаил внимательно

посмотрел в глаза Глеба. *Как он похож на Владимирского, а если представить бороду, будет точно Борис Семенович, только еще смешней.* Михаил улыбнулся.

— Верней сказать, раскололась, — Глеб как будто прочитал мысли Михаила, — что-то не так? Я, наверно, плохо выгляжу.

— Ну что вы, просто не очень хорошее слово, — смутился Михаил. *Надо быть осторожней со своими мыслями.*

— Согласен. Понимаете, как рассказывал мой отец, это произошло практически сразу же после посещения Украины американским президентом. Надо сказать, что день для такой встречи был выбран очень странный. Первое апреля. Дело в том, что у президента Америки не настолько плотный график, чтобы он не мог приехать в другое время.

— Вы имеете в виду приезд Буша?

— Э-э-э, да, кажется, его звали Буш, — Глеб хлебнул кофе и посмотрел на часы.

— Я вас задерживаю?

— Нет, нет. Это я по привычке. Жена должна позвонить, извините, так что же Буш?

— У него и так специфическая репутация... Репутация дурака...

— Не люблю это слово. Дурак — это грубо и слишком абстрактно. А почему вы говорите о нём в настоящем времени? Он же давно умер.

— М-да. Он умер, а репутация осталась... — Михаил засмеялся. *Хорошая фраза, надо запомнить.*

— Да, приехать на Украину в день дураков... Это не самое лучшее решение. Хотя если думать так, как думают все, а вот, если наоборот.

— Как это наоборот?

— Все думают, что если Буш приехал в день дураков — значит он дурак. Так?

— Наверно.

— Наверно? Это же не его праздник. Это праздник нашего народа, а не его. Ну, думай.

— То есть ты предполагаешь, что Буш специально приехал в день дураков к дуракам?

— А что, нет? Ему оставалось лишь поздравить, но это было бы слишком.

— Возможно. В ваших словах есть логика. Согласен, — Михаил улыбнулся, — тогда, если я не ошибаюсь, были большие споры в Грузии и в Украине по поводу членства в НАТО.

— Вот, вот... НАТО во всем и виновато, — Глеб поставил на стол кружку с кофе, — приехал этот «первоапрелец» и началось.

— Но сначала решение о присоединении Украины и Грузии к плану действий по членству в НАТО не было принято, или я ошибаюсь?

— Да, решение перенесли. Но в стране такое началось.

— В Грузии или в Украине?

— А что в Грузии? Вступление Грузии в НАТО поставило крест на ее территориальной целостности. Процесс вступления Грузии в НАТО ставил под угрозу ненасильственный характер урегулирования. Также он угрожал способности России гарантировать выполнение своих обязательств в том случае, если начнут действовать юридические механизмы НАТО. Поэтому, насколько я понимаю, Россия должна была вести процесс легитимации настолько динамично, чтобы не опоздать ни на один шаг, чтобы не оказаться в шаге позади, когда мандат НАТО начнет действовать на территории «единой и неделимой Грузии». Россия не собиралась выполнять свои обязательства путем начала мировой войны.

— Войны? Неужели...

— А как вы думали? Исходя из самых гуманных соображений по отношению к себе и миру, Россия должна была создать такую

ситуацию, при которой её гарантии населению этих республик были бы легальны. И Россия могла бы оказывать им необходимую легальную помощь, в том числе военную, не дожидаясь того момента, когда эта территория будет входить в сферу ответственности подписантов Североатлантического договора...

— Да со всеми вытекающими отсюда последствиями.

— Был и еще один практический аспект решения начала процедуры вступления в НАТО. Де-факто это означало отказ Грузии от своей территориальной целостности. И только идиот мог этого не понимать.

— Отказ от вступления в НАТО?

— Отказ от начала процедуры вступления в НАТО как раз означал бы шанс сохранить территориальную целостность Грузии. В силу известных всем обстоятельств, это достаточно эфемерный шанс, но он все-таки существовал. Причем президент Грузии, как любая другая марионетка, всё это прекрасно осознавал. Но поскольку он был причастен к распродаже собственной страны...

— Он даже национальную гордость «Боржоми» продал казахам, — эмоционально перебил Михаил.

— Если бы только «Боржоми». Теперь об Украине. Здесь, конечно, всё менее жестко и формально, но при этом гораздо хуже. Потому что для Киева вступление в НАТО означало такую активизацию «антиоранжевой» оппозиции, которая ставила под угрозу территориальную целостность страны. Политологи предупреждали, что если Украину будут втаскивать в НАТО насильно, она с большой долей вероятности просто расколется. Так и случилось.

— Логично...

— Это уже в прошлом.

— И всё же я не пойму, почему не рассматривали вопрос о федерализации? Федерализация могла бы спасти ситуацию... Или...

— Если в Грузии значительная часть общества была зомбирована на тему НАТО, а другая его часть по этому вопросу была просто нейтрализована и поэтому президент Грузии смог получить убедительное формально-юридическое большинство по вопросу о вступлении в НАТО, то на Украине такое технически было невозможно. Соотношение противников и сторонников этого шага колебалось в пределах 70% на 30%.

— Мнение народа... А...

— А кто его спрашивал? Сначала «подпольно» подписали письмо трех, а потом подделали результаты референдума.

— Так все-таки референдум был?

— Был-то он был, но...

— Что значит но?

— В отличие от Грузии Украина была разделена географически по принципу вступления в НАТО. Вопрос о вступлении в НАТО был поставлен ребром, а противники этого шага начали активно действовать еще до референдума. Поэтому марионеточные лидеры Украины и Грузии на самом деле проводили антинациональную политику. В том смысле, что они даже не являлись украинскими и грузинскими националистами. Националист должен всегда стремиться выстроить тактический рисунок своей политики так, чтобы не «угробить» собственную страну. Президенты же Грузии и Украины были связаны обязательствами с хозяином, а не с национальной идеей.

— Это всё равно, как если бы Гитлер вдруг начал торговать Судетами и Австрией вместо того, чтобы осуществлять их «аншлюс», будучи американской марионеткой. Как бы мы к нему ни относились, конечно, это редкая сволочь, но всё-таки можно сказать, что он был бесноватый, последовательный и искренний шовинист. Президенты Украины и Грузии тех лет не являлись шовинистами. Они были на 100% продажными марионетками. Причем в самом прямом смысле этого слова. Потому что находились на прямом финансовом содержании правительства Соединенных штатов.

— Аме-е-ерика, Аме-е-е-ерика, — пропел Михаил, — там, где война, там всегда явно или тайно стоит Америка.

— К слову говоря, — Глеб перешел на шепот, — а знаете ли вы, кто финансировал Гитлера?

— Неужели... — Михаил тоже понизил голос и посмотрел по сторонам.

— Да, она самая.

— Невероятно.

— Закономерно, — Глеб поднял правую руку с вытянутым указательным пальцем и тихо повторил, — закономе-е-рно. В 20-е годы прошлого столетия, как раз перед приходом Гитлера к власти, Аверелл Харриман¹ был одним из основных сторонников поддержки Советской России финансовой и дипломатической помощью, когда такого рода помощь противоречила директивам Госдепартамента. Харриман участвовал в Рускомбанке, первом советском коммерческом банке. Макс Мэй², вице-президент Гарантии Треста, представляющего интересы Харримана и Моргана, стал первым вице-президентом Рускомбанка по надзору за его иностранными операциями. Вкратце, американский банкир под руководством Ордена занимал ключевой пост в советском банке! И что самое интересное, тот же Аверелл Харриман, его брат Роланд Харриман и члены Ордена Джеймс и Найт Вулли через «Юнион Банк», в котором они обладали решающим влиянием, и были главными финансовыми кредиторами Гитлера.

— Это звучит невероятно...

— Может быть. Но это именно так и было. Советские учебники

¹ *William Averell Harriman 1891 — 1986, американский политический деятель, бизнесмен и дипломат.*

² *Max May родился 3 июля 1861. В 1922 г. Стал управляющим директором и членом правления российского Коммерческого банка Москвы «Рускомбанк», первого частного банка, организованного при советском правительстве*

истории говорили, что нацистская Германия и Советский Союз были заклятыми врагами и их системы являются взаимоисключающими противоположностями. Действительно. Как может рациональный человек поддерживать Советы и нацистов одновременно?

— Вы хотите спросить: иррационален ли Харриман?

— Или эти несовместимости объяснимы?

— Не знаю, не знаю... Вы упоминали Орден.

— Орден? Ах да, я имел ввиду Орден «Череп и кости».

— Масонская структура мирового масштаба?

— Совершенно верно, «латентные структуры», как называл их украинский исследователь Сенченко.

— А что Россия?

— Россия, Россия. Вечная загадка мировой цивилизации. Это отдельный разговор. Давайте оставим хоть что-нибудь на потом. А то придете ко мне в гости, а поговорить будет не о чем.

— Да, конечно. Как скажете. На потом так на потом. Вот только, что это такое «потом»?

— Вы начинаете новую тему?

— Нет, хватит на сегодня.

— Я всё же договорю о демократии, если позволите.

— Безусловно.

— Так вот. Что нужно было сделать в то время? Прежде всего, не приспособливаться под проблему. Опириуя привитыми шаблонами, демократы всегда упорно твердят, что все беды из-за плохих «деталей» государственного механизма, то есть из-за плохих чиновников и казнокрадов. Они говорят, если плохих чиновников поменять на хороших, ситуация исправится. Народ с радостью подхватывает эти «ценные советы» и вновь идет выбирать «честных». Но с каждыми выборами ситуация не только не улучшалась, а напротив. После каждых выборов

вырастает коррупция и безнравственность. На государственные украинские учреждения до раскола можно было вешать преискуронт на взятки. Но люди к тому времени уже так поглупели, что не могли связать зависимость выборов и своих несчастий в одну цепочку и сделать вывод. Кстати, в то время была издана очень интересная книжка, — Глеб понизил голос и продолжил почти шепотом, — в ней есть всё, о чем я говорю. В те времена она была сразу же запрещена. Вот если бы...

— Что если бы? Что это за книга?

— Эта книга даже сейчас запрещена.

— Вы можете ее достать?

— У меня она есть, — Глеб встал и прошёл в соседнюю комнату. Через несколько минут он вернулся с книгой в руках, — вот.

Михаил взял в руки книгу. Это была толстая черная книга с шершавой обложкой. Он перевернул её. Блеснули золотые буквы.

— Ги-по-та-ла-мус. Странное название, — он открыл книгу.

Пожелтевшие страницы были исписаны разноцветными чернилами. Масса пометок, дат и цифр, подчеркиваний и дополнений мелким почерком.

— Ого! — засмеялся Михаил, — настоящее произведение искусства!

— Очень серьезное произведение, — Глеб выхватил книгу у Михаила и положил себе на колени.

— Извините, я не хотел вас обидеть. Я просто давно не видел книг с пометками. Да и вообще в наше время... — Михаил закашлялся. *Что я несу? Идиот. Какое наше время?* — Извините, я в электронном виде книги читаю. А у вас... Простите ради Бога. Дадите почитать?

— Не могу. У меня по отношению к этой книге... — Глеб запнулся, посмотрел по сторонам и перешел на шепот, — это последний экземпляр и я его должен отдать, так что извините.

— Жаль. Не обижайтесь на меня.

— Ничего. Я на вас не обижаюсь. Вы же из больницы.

— М-да. Из больницы... Так что, продолжим?

— А вы не устали?

— Ну что вы? Мне с вами очень интересно.

— Так вот, история многократно доказывала: при попытке выбрать самых лучших народ непременно выберет самых худших. На демократических выборах неизменно побеждают самые отъявленные жулики. Демократические выборы в больших коллективах — это всегда выборы больших жуликов. Вокруг этих действий всегда интрига, с провокациями друг против друга. У простых людей создается впечатление, что плохие кандидаты не дают выбраться хорошим. Лидеры всех партий заявляют, мол, народ потому живет плохо, что выборы нечестные. В итоге интеллектуальная и эмоциональная энергия народа направляется по ложному пути. Охота на ведьм отвлекает внимание от принципиального порока демократической конструкции.

— Поразительно точно. Ну, просто в десятку! — Михаил громко засмеялся, артистично подыгрывая Глебу. — Потрясающе точно! Но как же выбрать тех, кто самый лучший?

— Реальные выборы невозможны.

— Невозможны? И что же делать?

— По крайней мере, в больших коллективах. Платон считал, что в обществе, превышающем пять тысяч человек, демократия неизбежно превращается в плутократию. Самая большая ошибка в том, что люди видят главное зло не в системе, генерирующей жуликов и казнокрадов, а в самих жуликах и казнокрадах, то есть в продуктах системы. Мало кто способен задуматься, что это творения системы. Если убрать одних казнокрадов, система породит других, точно таких же. Вечная борьба с лужей на полу, а не с дыркой в крыше...

— Если конструкция дефектна, по сути, бессмысленно менять детали. Даже если все детали ущербной системы заменить золотыми, механизм всё равно работать не будет. Это я как физик очень

хорошо понимаю. Но я не думал, что это правило может распространяться на социальные процессы. Люди — это же не детали...

— Увы. Люди — не детали, они просто ослепли. В те годы, когда можно было ещё что-то изменить, никто не хотел замечать, что во всех демократиях проблемы похожи друг на друга, как близнецы. Во всех «свободных» странах падают рождаемость и нравственность, растет смертность, наркомания и прочие пороки. Очевидно, что причину надо искать не в качестве чиновников, а в качестве конструкции, но люди, как заколдованные, ходят по кругу пустых лозунгов. Обществу положили под компас топор и оно поплыло в опасном направлении. Не могу понять, какой прок в нашей полемике.

— Как же. Вы — ученый, я тоже... В любом случае это важно. Для потомков.

— Если бы наши деды знали к чему приведет слепое стремление к демократии...

— Скажите, а сейчас в Украине что? Демократия?

— Они называют ее социальной демократией. Она, как и раньше, облеплена, словно театральная тумба, афишами. Сорвите с нее яркие плакаты, и вам откроется неприглядная истина. Вы увидите, что «избиратели» играют роль китайских болванчиков, которых надо ткнуть пальцем, чтобы они дружно закивали в нужную сторону, выполняя чужую волю. Как и в те годы, сейчас выборы власти по факту являлись выборами рекламных роликов, — Глеб нахмурился и прошептал, — ибо будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху.

— Библия?

— Обличение. Тимофею.

— М-да. Которые льстили бы слуху... — автоматически повторил Михаил, — Так и было.

— Так есть. Традиционная власть управляет народом через

принуждение и убеждение. Власть, именующая себя демократической — через манипуляцию сознанием и соблазнение. А манипуляция — это и реклама, и всевозможные PR-технологии.

— И что же надо было делать? Запрещать рекламу?

— Вы так говорите, будто вам это сейчас под силу.

— Почему нет? Мы же с вами рассуждаем теоретически...

— Ну, если только теоретически. Технологии, обеспечивающие манипуляцию, эффективно работают, когда народные массы приведены в аморфное и беспринципное состояние. Демократические правительства вынуждены формировать людям потребительское и эгоистичное сознание, чтобы поддерживать систему манипуляций.

— Так значит, всё же кто-то влияет на ход событий?

— Какой вы наивный... Естественно, а как иначе? Власть в таком обществе получает не тот, кому Бог дал ум понимать ситуацию и сердце, способное любить весь народ, а тот, кто организовал наиболее яркое, интересное и соблазнительное шоу.

— Мы с вами уходим в монологическую полемику, а мне хотелось бы всё-таки узнать ваше мнение, что же можно изменить... Есть ли другой вариант?

— Варианты всегда есть. Но, к сожалению, мы не можем с вами менять прошлое. Разве только...

— Что?

— Чисто теоретически.

Они оба громко рассмеялись.

— Вы знаете, мне всегда казалось, что кандидаты во власть похожи на ловеласа, соблазняющего девушку. Он обещает жениться, изначально и не помышляя о свадьбе. Ну а второй раз, как известно, проще соблазнить и терять нечего, — Михаил посмотрел на часы. *Время тикает. Где же Эмм?*

— Хорошее сравнение. Я, с вашего разрешения, возьму его на вооружение.

— Буду только рад. А зачем вам? У вас же, то есть я хотел сказать, что сейчас не приветствуется такого рода мысли...

— Я же вам говорил, что пишу книгу.

— А вы не думали о том, что если бы в те далекие девяностые или хотя бы в начале тысячелетия нашелся настоящий лидер... И... — Михаил замялся.

— И сделал бы переворот?

— Я этого не говорил.

— Но вы это хотели сказать?

— Не совсем так, хотя... может быть...

— Михаил, я склонен думать, что вы читали «Гипоталамус».

— Ну что вы? Я бы вам сказал. Я не читал.

— А откуда вы тогда знаете про переворот?

— Я не знаю... Я предполагаю...

— Удивительная проницательность, — Глеб недоверчиво блеснул черными глазами и сел на свой стул, — и всё же я вам не верю.

— Уверяю вас, я не читал эту, — Михаил кивнул в сторону книги, — литературу. А что вас, собственно, возмутило? Ну, если бы и читал, что с того?

— Если читали, то вы не из этого времени...

— Я вас не понимаю.

— После издания все книги были изъяты и уничтожены. Кроме одной. Эту книгу с риском для жизни сохранил мой дед. Она была передана ему как образец до выпуска основного тиража. Теперь понимаете?

— Понимаю. И что с того?

— В «Гипоталамусе» есть ответ, который вы хотите получить от меня.

— Может, вы дадите мне книгу я прочитаю и верну.

— Не могу. Её передал мне дед с точными указаниями, — Глеб встал и прошёл в соседнюю комнату. Через минуту он вернулся без книги.

— Понимаю. Факир был пьян и фокус не удался, — Михаил посмотрел на часы. *Стоят. Где же Эмм?*

— Какой фокус? — удивился Глеб.

— Это такая присказка. Я думал, что мы с вами путем логических рассуждений найдем выход из создавшегося в те годы положения... Но...

— А зачем вам это нужно?

— Чисто теоретически...

— Ну да, понимаю... Любопытство ученого...

— Может, и так.

— Я не привык останавливаться на полпути, — Глеб оживился, в его глазах снова зажглись огоньки, — продолжим?

— Я готов.

— Для того, чтобы изменить исторический ход событий, необходимо атомизированную массу эгоистов снова превратить в членов общества — единый народ. Необходимо остановить падение нравственности, возродить понятие чести, преодолеть эгоизм и равнодушие. Достичь такого результата возможно только через возврат религии в качестве главного ориентира.

— Но как это сделать в «гуманном» обществе, где утверждается, что педерастия — невинная шалость и неотъемлемое право просвещенного человека?

— В «Откровении» сказано, что «если кто ляжет с женщиной, как с женщиной, то оба они сделали мерзость; да будут преданы смерти, кровь их на них». Никакой компромисс между гуманизмом

и «Откровением» невозможен. Вирусы вышли на свободу, и добровольно в клетку не пойдут.

— Если не добровольно, то... Насилие?

— Государство, если это государство, а не сборище педерастов и лесбиянок, всегда аппарат насилия. И это нормально. Как насилие над ребенком в изучении алфавита... Как насилие отца над сыном в освоении жизни... Радость сквозь боль... Руссо в «Общественном договоре» пишет, что демократия возможна лишь в обществе, состоящем из богов. Обратите внимание, даже не из святых, а именно из богов. Но человечеству до состояния святости далеко. Помимо святости, требуется ещё способность выбирать власть. Не гадать или выполнять чужую волю, а именно выбирать. На практике демократия превратилась в фарс и утопию. Иллюзия растаяла в реальности, как снежная баба весной. Столкнувшись с невозможностью построить свободное общество, демократы стали создавать общество иллюзии. Вспомните, ведь на протяжении первых двадцати лет Украина все время собирала чемоданы в Евросоюз, угождая его прихотям, играя по его правилам. Вы только вдумайтесь. Ради этого жертвовали религией, традициями и культурой. А в итоге?

— Развал страны...

— Вот именно. Да на фига мне этот Евросоюз, если я дальше своего района выйти не могу? Тотальная слежка, контроль мыслей и действий. Борьба с терроризмом? Бред. Борьба с лишними людьми на планете... Вот что!

— ... — Михаил растерянно развел руками.

— Не согласны? А зря. Статистика — вещь упрямая. Сколько сейчас в Украине коренных жителей?

— М-м-м. Думаю, не более...

— Не более двенадцати миллионов.

— Не может быть.

— Не может — но факт! Одиннадцать с копейками...

— А где же остальные?

— С момента цветных революций планомерное ежегодное вымирание под радостные лозунги свободы слова и демократии...

— Невероятно...

— Да, невероятно. Зато это позволило сохранить видимость демократии и контроль над массами. В ключевые точки нашего общества буквально заколочены гвозди. В одну руку вбит Рынок. В другую руку — временная власть. Одна нога прибита Атеизмом. Другая нога пригвождена Похотями. Свободное действие при таких условиях невозможно. Если бы власть была постоянной, имелась бы теоретическая возможность вернуться «на круги своя». Но при системе, провозглашающей постоянную смену власти обязательным условием, власть всегда будет принадлежать Рынку.

— Уже ближе. Значит, преемственность власти... Это уже что-то...

— Ну, конечно. Если каждые четыре дня менять хозяина машины, фабрики или кафе, ни от автомобиля, ни от фабрики, ни от кафе ничего не останется. В советское время говорили: «вещь, которая пошла по рукам, это уже не вещь».

— Вы хорошо осведомлены о прошлом...

— Я — историк. Это моя работа. Чтобы воспитать человека, нужно минимум 20 лет. Воспитание урывками будет означать отсутствие воспитания. Проводя параллели и соблюдая пропорции, мы видим, что для любой страны четыре года — то же самое, что для кафе четыре дня. Воспитание человека, равно, как и воспитание народа, это почти поколение. В мире нет ни одного примера успешного ведения хозяйства без хозяина, воспитания без воспитателя. США просуществовали более двух веков только потому, что никогда не имели той демократии, о которой говорят. У них всегда была постоянная власть. Менялась только крошечная верхушка айсберга. Подводная часть оставалась неизменной. СССР просуществовал 70 лет благодаря потешной демократии. Реально это была постоянная власть, диктатура КПСС. Начни Советы устраивать выборы, России

не стало бы уже к 1930 году. Поэтому и сейчас Россия процветает, в отличие от Украины. Они сумели сохранить преемственность власти, открыто не нарушая принципы так называемой демократии. Они нашли свой путь. Как бы он ни назывался. Суверенная демократия или особенности национальной диктатуры. Это не имеет значения. Главное не в фантике, а в содержании.

— Значит, пагубность ситуации объясняется временным характером власти?

— При демократии власть, прежде всего, стремится сохранить не общество, а себя.

— И охватывать масштаб происходящих процессов при демократии всегда некогда и некому. Так как сохранение власти на практике означает манипуляцию сознанием, демократии всего мира не занимают ни чем иным, кроме как манипуляцией.

— Правильно. Все светские правительства представляют собой запутавшихся и ничего не понимающих людей. Только так можно объяснить, почему правители позволяют так называемым «свободным» СМИ разрушать сознание их народа.

— Вы знаете, Глеб, мне всегда не давало покоя это идиотское сочетание слов: «свободная пресса». Что это значит? Это значит, что журналист, выходя утром на работу, самостоятельно или при содействии жены определяет, что ему говорить с экрана телевизора, а что не говорить? — Михаил нахмурился и вопросительно посмотрел на Глеба.

— Ну что вы! Он проводит голосование среди жителей своего подъезда, — рассмеялся Глеб, — какая свободная пресса? За красивыми словами о четвертой власти они превратились в администраторов процесса, сути которого не понимают и не желают понимать. На смену железным цепям пришли кандалы сознания. Новая разновидность тоталитаризма превращает современных людей в загипнотизированных рабов. Разорвать такие цепи самостоятельно народ не может даже теоретически. Но он может равняться на потенциальную элиту, которая поступает сообразно высоким целям и тем самым

заслуживает народное доверие. В демократии изначально заложено два механизма самоуничтожения. Первый — во власть приходят не ради устроительства блага общества, а ради возможности это самое общество грабить. Второй — фиксированный срок правления возводит человеческий эгоизм в квадрат. Система культивирует беспощадного хищника, методично уничтожающего жизненно важные узлы общества, в действиях раковых клеток не следует искать логики.

— Да, и пожирая систему жизнеобеспечения, они не думают о смысле своих действий.

— А чтобы заглянуть в будущее и увидеть, к чему всё идет, нужно думать в масштабе планеты. На это было способно очень ограниченное число людей, которых демократическая система всячески уничтожала. Улучшить демократию нельзя в принципе.

— А непонимание ситуации, в свою очередь, всегда ускоряет разрушение. Судя по слаженности и последовательности действий, можно заключить, что есть силы, прекрасно понимающие характер происходящего.

— В начале века эти процессы набирали обороты и что-то можно было изменить. Но. Но во Франции, Испании, России и других странах никто им не противился. Корни бездействия правительств всех стран кроются в непонимании. Корни античеловеческих процессов — в метафизике. Нельзя осмыслить метафизические процессы через сиюминутное материальное мышление. Реально над процессами стоят совсем другие силы. И они античеловеческие.

— Что вы имеете в виду? Что значит античеловеческие?

— А то и значит. Вы что не видите? Демократия на практике превратилась в большее зло даже по сравнению с фашизмом. Ее особая опасность в том, что страшный хищник носит добрую личину. Честных борцов за демократию оправдывает их неведение, «ибо не ведают, что творят». Они упорно закрывают глаза на действительность, существуя как во сне. Фашизм хотя бы открыто заявлял о своих намерениях, и у людей была возможность защищаться. Демократия

скрывает свою сущность за нагромождением красивых и пустых слов с оттенком научности. Демократия не говорит открыто: «Или ешь ты, или съедят тебя», не говорит: «Грабь слабого»! Вместо этого она вещает о равных правах и о конкуренции. Демократия не говорит в лоб, что «человек человеку волк», она говорит о неотъемлемых правах личности. Не откровенничает о запланированном растлении молодежи, как о средстве снижения рождаемости в рамках борьбы с перенаселением. Вместо этого ратует за сексуальную грамотность и права ребенка. Демократия — это самый настоящий волк в овечьей шкуре, питающийся беззащитными младенцами.

— Если бы вас услышали в далеких девяностых...

— Не слышали бы... Вы думаете, никто об этом не говорил? Не кричал? Не писал? Кричали и говорили. Но кому это было надо? Новоиспеченные миллионеры спешили купить системно дорожающую недвижимость на Козинке¹ и в Конча-Заспе². Скупали за бешеные деньги квартиры на Парковой алее. И где всё это сейчас?

— Где?

— Вы что, не знаете? Ах да... Вы же... Конча-Заспа затоплена радиационным илом из Киевского моря, дом на Парковой превратился в Пизанскую башню... Где эти миллионеры? Где их имущество?

— Я вас понимаю, нужны другие методы... Общество ничего не видит, потому что его держат в состоянии глубокого гипноза...

— Никогда еще народ не был таким темным, как в годы становления демократии. Человеку не давали шанса остановиться и осмыслить происходящее. Нескончаемые сериалы, один тупее другого, пошлая эстрада, похотливые или агрессивные фильмы, аккуратно воздействуя на подсознание, культивировали дух эгоизма и насилия. Нормальный человек за короткий промежуток времени превращался в беспринципное животное, ведущее абсолютно бессмысленную жизнь. Он бездумно брал кредиты, бежал

за новым домом, за новой машиной, а потом, видя, что у соседа машина лучше — снова бежал... Он смотрел из окна своего нового жилища на окружающий мир глазами хищника... Зло вышло наружу и получило государственную регистрацию. И виноваты в этом не люди. Человек подобен бутылке, он носит в себе то, что в него «налили». Никто не в состоянии противостоять профессионально организованному напору. Большинство интуитивно чувствует зло, но не осмысливает ситуацию. Демократия прячется от серьезных вопросов за социальным наркотиком — массовой культурой. Оболваненной массе всё кажется понятным и приятным. Если воздействие наркотика остановить, обнажится страшная реальность. И демократия тут же рухнет. Чтобы этого не произошло, шумовой поток ни на минуту не оставляет человека. Реклама, эстрада и телевидение внедряли в подсознание бесконечные брэнды и слоганы, несущие определенную установку. Ненавязчиво, но круглосуточно, так называемая, массовая культура держала людей в состоянии прострации. Всегда, как минимум, была слышна незатейливая мелодия, а перед глазами маячила реклама. Информации, рассчитанной на сознательное восприятие, там ноль, всё бьет на подсознание, на активацию и поддержание животного начала. Любопытно отметить, что Гитлер предписывал создание именно такой ситуации на оккупированных территориях. Он писал: «Рабы Рейха должны быть лишены всякого образования и высокого искусства. С них достаточно знать алфавит, чтобы читать наши указы, простенькой мелодии и удовлетворения физиологических потребностей». Сегодня мы с вами видим, что все мечты самого кровавого тирана сбылись в полном объеме. Самое опасное и неприятное здесь то, что мы сами оплачиваем своё оболванивание, покупая музыкальный диск или билет на фильм. Нам кажется, что никто не заставляет нас включать ту или иную передачу. Но это только кажется. Ещё как заставляют.

— Кто заставляет?

— Сатана.

¹ Речка в предместье Киева, впадающая в Днепр

² Под Киевом, место жительства политического бомонда.

— Да, неутешительные выводы, — Михаил снова посмотрел на часы, он вдруг вспомнил песню Олега Митяева. *Неутешительные выводы приходят в голову по осени*, — хороший разговор. Очень полезный. Спасибо.

— Не за что. Вы куда-то спешите?

— Беспокоюсь... За друга...

— Какой я подлец. Он же приходил.

— Кто приходил?

— Друг ваш приходил. Сразу, после того, как вы заснули. Хотел вас разбудить. Я не дал.

— Эммануил?

— Да, так он представился. Оставил для вас коробку, — Глеб протянул Михаилу завернутую в газету коробку.

Михаил развернул газету и открыл коробку.

— Кубик! — Обрадовано вскрикнул Михаил. — Спасибо Эмм!

Михаил достал кубик и положил в карман. На дне коробки лежал белый лист бумаги. Он достал его и развернул.

— Записка? — Глеб явно не хотел расставаться с новым знакомым.

— Да, мне пора. Я должен идти... Домой... Меня ждут. Спасибо вам за всё...

— Ничего, вы заходите.

— Как-нибудь найду, спасибо. Ну, пока, — Михаил быстро обулся и посмотрел на Глеба.

— Не заблудитесь? — На лице Глеба было написано: «*Возьмите меня с собой*»

— Ну что вы?! В родном — то городе... — Михаил глубоко вздохнул. *Никуда я тебя не возьму. Извини, брат, не могу...* — Ещё раз большое спасибо, вы мне очень помогли.

Михаил крепко пожал руку Глебу и вышел из квартиры. В записке было несколько слов:

will suffice to stir, I wait in the street Leave.¹

На улице было много света и людей. *Почему столько света? Ах, да, нет деревьев. Что же я не спросил у Глеба: куда делись деревья. Где же Эмм?* Всё было как-то необычно, никто никуда не бежал, не спешил. Люди стояли, сидели и даже лежали на траве. Лишь некоторые вальяжно и деловито передвигались вдоль улицы.

— Я вас заждался. Вы слишком много времени уделяете пролетариату, — прошептал Эммануил и, взяв Михаила под руку, повёл через улицу.

— Глеб не пролетарий — он ученый и писатель,- так же шепотом ответил Михаил.

Он помнил о запрете русского языка. Ему определенно не хотелось повторно попадать в полицейскую машину.

— А при чем тут пролетарии?

— Ха, пролетарием он называет себя сам.

— Не понял?!

— Фамилия у него пролетарская. Самая что ни на есть пролетарская, — Эммануил хихикнул. Было такое впечатление, что он вот-вот взорвется от смеха.

— Пролетарская? Ну и что это за фамилия? Иванов? Степанов?

— Рабинович, — Эммануил громко засмеялся. Он хохотал, как мальчишка в цирке.

Михаил остановился посреди улицы и растерянно мигал глазами. Его переполняла обида и злость к этому пришельцу из прошлого. Он был готов даже сказать очень плохое слово в адрес обидчика. Но, перебрав в памяти ругательные слова, не нашел ничего подходящего.

¹ Хватит болтать, я жду вас на улице

— Вы, вы Эммануил — хулиган!

От этих слов Эммануил рассмеялся ещё громче.

— Миша, друг мой, извините, простите, но больше ничего не говорите, а то я умру от смеха... И, я прошу, ради Бога, тише. Иначе нам не миновать проблем. И вообще-то я пошутил...

Михаил был человеком отходчивым. *Чудак человек. Ну, пусть даже и Рабинович, пусть так. Чего тут такого уж смешного? Ладно, пусть посмеется. Жалко, что ли?*

Некоторое время они шли молча. Михаил рассматривал людей и пытался поймать суть их разговоров, а Эммануил вытирал платком слезы и косился на Михаила.

— И всё же надо выяснить: почему практически нет деревьев. Куда они их дели?

— Я вас прошу, говорите тише. Думаю, нас наверняка ищут. Зачем вам деревья? Надо покидать это славное место, — прошипел Эмм.

— Эмм, посмотрите, там. Вон там на перекрестке.

— Вижу, дорогой мой, вижу. Это за нами. Ну что ж, будем делать ноги.

Полицейские плотным кольцом прочесывали улицу. Они заглядывали в лица прохожих, некоторых останавливали и проверяли более тщательно с помощью электронных устройств. Михаил обернулся назад и вздрогнул: аналогичная цепь двигалась им вслед.

— Как они нас обнаружили? Может, Глеб помог?

— Не думаю, скорее всего, власти прочесывают весь город. А как вы думали? Побег от полиции в полицейской стране...

— Что будем делать?

— А как вы думаете?

— Я хотел бы ещё кое — что выяснить, но вижу не выйдет... Надо уходить... Да, кстати, а почему вы вернули мне кубик?

— Боюсь за вас, вы ещё не всё правильно понимаете... И вам ещё рано расставаться с помощником...

В этот момент чья-то рука крепко ухватила плечо Михаила.

— Господа, вы попались!

По телу Михаила Яковлевича побежали мурашки, он не сразу решился оглянуться. А когда оглянулся...

— Глеб? Что вы тут делаете?

— Спасая вас. Давайте за мной, — Глеб резко повернул влево и скрылся в подъезде небольшого дома.

— Эмм, что будем делать? — Михаил обернулся назад, но Эммануила нигде не было видно. Ничего не оставалось делать, и Михаил рванул в подъезд следом за Глебом.

В подъезде было темно, сыро и грязно. Мусор валялся под ногами, как на свалке. Михаил бежал, попадая ногами на банки и пластиковые бутылки. Пробежав метров двадцать, он выскочил во внутренний двор.

— Сюда, Миша, сюда! Давай быстрее! — Глеб сидел на кирпичной стене.

Михаил пробежал ещё метров двадцать и с разгона, как когда-то в детстве, запрыгнул на стену. Ему удалось схватиться за верхнюю часть старинного сооружения. Глеб подхватил его за руку и втащил наверх.

— Спа-аси-и-бо, дру-у-уг. А почему ты ре-е-шил, что нам нужна помощь? — Михаил задышался, к такой физической нагрузке он явно не был готов. А когда он посмотрел вниз на то, что было по другую сторону стены... Ему стало ещё хуже. На него зияющим взглядом смотрела самая настоящая пропасть.

— О вас по телевизору говорили. Государственными преступниками называли, я сразу понял, что это вы.

— Преступниками? Что же мы сделали?

— Об этом ничего не говорили. Ну, давайте быстрее, у нас не так много времени.

— Я... Не... Я не смогу... Глеб... Как мы? Нет... Это невозможно... Господи, за что мне это...

— Зачем тревожить Создателя по пустякам? — Глеб посмотрел на Михаила. — Ну что вы боитесь? Я тут сто раз спускался. В детстве... Где-то тут должны быть выбоины. Кстати, Михаил вы атеист?

— Сложный вопрос, — Михаил смотрел вниз, привыкая к мысли о спуске.

— Понимаю. Важнейшим свидетельством Божественной справедливости является тот факт, что в судьбе каждого человека не заложено ни одного испытания, которое было бы ему не по силам. Не потому, что в каждом из нас есть скрытые резервы, а потому, что Бог справедлив. Когда человек говорит: «Господи, за что мне это?» — его вопрос свидетельствует о духовной слепоте, но, главное, о недоверии к Богу...

— Да, наверно, вы правы. Действительно, не знаю, что это на меня нашло? — Михаил вспомнил про кубик. Рука автоматически нащупала в правом кармане куртки знакомые сердцу формы. *Ну, кубик, выручай. Я хочу... Чтобы... Нет. Я хочу вернуться...* Михаил закрыл глаза, но ничего не произошло. *А как же Глеб? Что будет с ним?* Он достал кубик и крепко сжал его двумя руками. *Кубик, я тебя очень прошу. Спаси меня. Я хочу вернуться. Я тебя прошу...*

— Что вы там шепчете? Давайте лучше быстрее опускайтесь вниз, чтобы вас не было видно со двора, — Глеб ловкими движениями опускался всё ниже и ниже по наружной поверхности стены.

— Как тебе удастся так ловко спускаться? Ты что занимался альпинизмом?

— Немного, отец занимался и дед. Известный был человек в Киеве, специалист по неформальной лексике. Академик. Он объездил практически весь мир. Имел потрясающую коллекцию камней...

— А как его звали? — сердце Михаила затаилось в ожидании. *Нет, не может быть...*

— Отца или деда?

— Деда.

— Борис Семенович... — уголки его губ улыбнулись и тут же застыли в строгости. Михаил чуть не сорвался со стены.

— Случайно не Владимирский?

— Да, а вы что, его знали?

— И даже очень хорошо знаю... — Михаил с сочувствием посмотрел на Глеба. *Значит, книга у Владимирского.*

— Но он же давно умер, — прервал размышления Михаила Глеб.

— Да. Я знаю. Хороший был человек... — Михаил вдруг почувствовал, что его как бы кто-то придерживает. Он оторвал одну ногу от стены... Ничего... Затем другую... Лишь кончики пальцев рук касались стены. *Кубик. Спасибо тебе.*

— Ничего себе, ты даешь! — Глеб «квадратными» глазами смотрел снизу на висящего вдоль стены Михаила, — как ты это делаешь?

— Я? Ну понимаешь... Есть такая технология... — Михаил не умел врать. Его уши тут же загорелись ярким «пламенем», а голос повысился в тоне, — ну, это...

— Кубик? Ну, конечно, кубик — материализатор мыслей! Как я сам сразу не догадался?

— М-да, ты прав... — Михаил оторвал от стены руки и почувствовал невесомость. Он оттолкнулся от стены...

— Михаил, куда вы? А я? Возьмите меня с собой, у меня для вас посылка от деда!

— Посылка? Почему же ты раньше ничего не говорил?

— Дед передал, просил сохранить и отдать прямо в руки...

— Мне?

— Не знаю. Он сказал: придет человек, мой друг, и ты сразу же поймешь, что это тот человек. Он ещё сказал, что тот, кто придёт, меня удивит...

— Теперь понятно. И что это за посылка?

— Книга — пророчество.

— Книга?

— Да. «Гипоталамус».

— «Гипоталамус»? Что же вы мне сразу её не отдали?

— Вы же меня не удивили, а больше напугали...

— Ладно, хорошо, что всё выяснилось...

Через некоторое время Михаил и Глеб спустились к основанию стены. Сквозь непроходимые кусты терна, дикой малины и шиповника они пробрались к дороге.

— Удивительный город Киев, столица, а есть такие места, куда очень редко ступает нога человека, — Михаил поправлял одежду и растирал поцарапанные колючками руки.

— Что правда, то правда. Настоящие джунгли. Это нам ещё повезло, хотя... — Глеб поднёс указательный палец правой руки к губам и прошептал, — вон там посмотрите.

Михаил посмотрел в сторону, куда указал Глеб. На дороге, которая находилась внизу, остановились несколько военных грузовиков. Из них выпрыгивали люди в форме.

— Ты думаешь, это за нами?

— А как вы думаете? Шиповник собирать? — испуганно прошепел Глеб.

— А чего ты шипишь? Они же ещё далеко.

— Ага, а прослушка?

— Что значит прослушка?

— Специальное оборудование, позволяющее подслушивать на расстоянии. Очень сильная штука. Таким образом, они подслушивают и квартиры. Они контролируют всё. У вас есть чип? — Глеб показал взглядом на правую руку.

— Чип? Может быть... А зачем?

— Зачем? Чтобы в магазине рассчитываться, чтобы... Вы что с Луны свалились? Разве вы не знаете, что мировая экономика движется к безналичным расчетам?

— Почему не знаю? Знаю, конечно, у меня даже была кредитная карточка.

— Кредитка... Преимущества её использования по сравнению с наличными деньгами — бесспорны. Но все эти преимущества безналичных расчетов привели человечество к поддержке главного, губительного для душ людей события, описанного в Библии: к принятию «начертания зверя», — это финал, последний «штрих» процесса искоренения наличных денег из оборота.

— У вас нет наличных?

— Конечно, нет. У нас номера, цифры, штрих-коды. Всё, что угодно, кроме денег. Помните пророчество: «И дано ему было вложить дух в образ зверя, чтобы образ зверя, и говорил, и действовал так, чтобы убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя. И он сделает то, что всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их или на чело их», — Глеб тяжело вздохнул.

— Как же так? Ведь это... — Михаил недоверчиво посмотрел в глаза собеседника.

— Не верите? — Глеб резко задрал рукав футболки и протянул к лицу Михаила руку. — Смотрите!

На внутренней стороне руки, чуть выше запястья, красовался штрих-код-наколка. У Михаила перехватило дыхание.

— Это же чудовищно, это неправильно, этого не может быть...

— Станный вы какой-то, у вас тоже должен быть.

— У меня? Ах да, но понимаете, я ... Мне... — Михаил не знал, что сказать, он растерялся и, мигая глазами, молча развел руками, — у меня нет.

— У вас, как я понимаю, нет не только штрих-кода, у вас, следовательно, нет и чипа.

— Чип? Что ещё за чип?

— Штрих-код — это было в начале, а потом всем гражданам независимой демократической Украины вшили чипы. Сначала все даже радовались. А что? Расчеты в магазине, на заправках, в кино. Без проблем, просто идёшь мимо сканера, и оплата автоматически снимается с твоего счёта, но потом... Да. Но это было уже потом. «И никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет начертание, или имя зверя, или число его».

— Это же библейское пророчество!

— Пророчество, конечно, пророчество. Ну и что? От этого не легче.

— Но зачем вшивать? Почему не использовать идентификаторы внешнего исполнения?

— А потому, что кредитка, мобильный телефон с SIM-картой, RFID-метка и прочие идентификаторы во внешнем исполнении, которые можно использовать для финансовых операций, пользователем могут быть утеряны, но не это главное. Главное то, что эти идентификаторы могут быть переданы другим лицам, как и любой другой внешний предмет, что сводит на нет «борьбу» с терроризмом, наркотрафиком и другими нелегальными делами, сокрытием доходов от налогообложения. А вот единое целое с телом человека, например, тот же вживляемый чип RFID потерять, не заметив потерю, практически невозможно — да и выцарапывание этого «паспорта» его владельцу будет не выгодно, ведь, согласитесь, лучше быть живым и пронумерованным рабом сатаны, чем свободным, но

умерщвленным по плоти чадом Бога. Согласно Библии, все "блага начертания", обернутся вечной погибелью для поставившего его себе человека, а произойдёт это вскоре после решения внедрить такую безналичную систему расчетов повсеместно в мировом масштабе.

— Ужас! И что, удалось внедрить эту систему в мировом масштабе?

— Пока не удалось. Россия сопротивляется, а вокруг неё Китай, Индия и ещё несколько мусульманских стран. Но сколько они продержатся — неизвестно.

— Кто бы мог подумать... — Михаил на миг задумался. *Где же Эмм? У меня столько к нему вопросов. А он...* — Они превратили страну в технотронный концлагерь.

— А я что говорю? Так и есть технотронный концлагерь. Полный социальный и политический контроль над личностью, — прошептал Глеб, продираясь сквозь чащу.

— Ну и дела... — Михаил нахмурился и сочувственно посмотрел на собеседника. *Эмм предупреждал не удивлять никого, чтобы не быть обнаруженным, а тут еще и чип,* — это я виноват... Не надо было...

— Что не надо?

— Уже неважно. Надо уходить. Итак, они тебя не тронут, ты же местный. Ищут меня и Эммануила, следовательно, ты будешь изображать... — Михаил осмотрел местность. В нескольких метрах лежал старый полиэтиленовый пакет. — Ага, вот бери этот пакет и собирай шиповник, терн, бутылки, наконец. Что-нибудь собирай. Понял?

— Понял, что тут непонятного. А ты?

— За меня не бойсь. Выкручусь, — прошептал Михаил, — встретимся вечером у тебя дома. Окей?

— Ес, оф коз!¹

¹ Да, конечно (сленг с англ.)

Михаил кивнул Глебу и пошёл по еле видной тропинке вдоль одичавшей посадки. *Ну, кубик, выручай.* Легкий электрический ток пробежал по его телу. Он посмотрел на руку. Его не удивило то, что он увидел. Рука на глазах растворялась в воздухе, становясь все прозрачней и невидимей. С ногами происходило то же самое. Через мгновение Михаил вновь ощутил невесомость. Сила мысли подняла его над деревьями. Военные окружали то место, где мину-ту назад Михаил расстался с Глебом. Он оторвал взгляд от военных и вздрогнул невидимым телом. Окружающее его пространство, от земли до облаков, было пронизано яркими разноцветными нитями и лентами, они разливались, как морские волны, и их было так много... При этом движение волн было хаотично. Одни шли навстречу друг другу, другие двигались параллельно. *Это магнитные волны. Точно. А я? Кто я? Куда девается моё настоящее тело? Элементарные частицы...* Глеб. «Гипоталамус»... Мысли набегали одна на другую и, не дожидаясь ответа, словно морские волны, растворялись в тёмной неизвестности собственного сознания. Глеб. *Владимирский. Будущее...* Он плыл... Плыл по течению времени в безграничном Пространстве Вариантов, принимая каждое мгновение своей виртуальной жизни как нечто само собой разумеющееся обстоятельство, как данность, как реальность, как...

Олег Иванович вышел из метро. Уличные фонари начинали свою ночную работу, а свет в окнах домов манил домашним теплом и уютом. Он тяжело вздохнул и направился в сторону интернет-кафе. Ему не терпелось взглянуть на содержимое флешки.

Посетителей было не много, несколько геймеров и молодая парочка. Олег Иванович занял свободное место и попросил картридер.

Несколько минут ожидания и в мониторе появился интерфейс флешки. Ещё несколько щелчков мышью и он увидел страницы странного текста:

Ываодтьбнетмзчтнтдччбнпидвжфжтеьтосн...

Закодировано. Естественно, всё правильно. Олег Иванович набрал в поисковой строке:

download PGP¹

Некоторое время заняла установка программы. Скопировав зашифрованный текст в буфер PGP, он набрал ключ дешифрации и файл открылся:

На ваш запрос, согласно проведенной против вас акции, сообщаю. Из верных мне источников стало известно, что к акции имеют отношение люди из американского посольства. Мне удалось достать некоторые сведения по одному из них, этот человек может иметь отношение к руководству секретными операциями на территории Украины и стран СНГ. Это Дэвид Дж. Бауэр.

¹ Скачать PGP(программа для шифрования текстовых документов)

В различные периоды времени он принимал участие в работе ФБР Филадельфии, Бостона и Нью-Йорка. Доктор философии, макроэкономист, специальный агент Федеральной Резервной Системы США. Он и его люди являются специалистами высшего класса по обоснованию огромных иностранных займов. Этот человек и его люди в данный момент времени заканчивают обоснование и прогнозирование последствий инвестирования десятков миллиардов долларов в нашу страну. Это очень опасные люди. Я пока не знаю, где ты им перешёл дорогу, но будь очень осторожен. Они называют себя ЭУ, то есть «экономические убийцы». Такие грабят целые народы, а через тебя и меня переступят не глядя. В этих делах замешано и Агентство США по международному развитию (USAID) и международные банки. Эти люди предсказывают будущее. Их прогнозы определяют масштабы систем, которые они разрабатывают, и величину займов.

И кстати, очень интересная информация. В 1951 году, когда Иран восстал против британской нефтяной компании, эксплуатировавшей и природные ресурсы Ирана, и его народ. Эта компания была предшественницей «Бритиш петролеум», сегодняшней «Би-пи». Тогда очень популярный, демократически избранный иранский премьер-министр Мохаммед Моссадык национализировал всю нефтяную промышленность страны. Разъяренные англичане обратились за помощью к америкасам. Однако оба государства опасались, что военные репрессии спровоцируют СССР на действия от имени Ирана. Наша контрразведка тогда плотно это отслеживала. Так вот вместо морских пехотинцев Вашингтон послал агента ЦРУ Кермита Рузвельта, внука Теодора Рузвельта. Наши не придали этому факту должного внимания, а зря. Он великолепно выполнил задачу, расположив к себе людей — как взятками, так и угрозами. Затем с его подачи они организовали уличные беспорядки и демонстрации, которые создавали впечатление, что Моссадык был непопулярным и неподходящим лидером. В конечном итоге Моссадык был побежден. Проамерикански настроенный шах Мохаммед Реза

стал единовластным диктатором. А Кермит Рузвельт положил начало новой профессии — ЭУ. Гамбит, разыгранный Рузвельтом, изменил ближневосточную историю и при этом вывел из употребления все старые стратегии построения империй. Он так же совпал с началом экспериментов в «ограниченных ядерных военных действиях», которые в конечном итоге закончились унижением США в Корее и Вьетнаме. К 1968 году стало ясно, что для осуществления своей мечты о глобальной империи (как это виделось таким людям, как президенты Джонсон и Никсон) США придется взять на вооружение стратегии, основанные на опыте Рузвельта в Иране. Это был единственный путь победить Советы без ядерной угрозы. Однако существовала одна проблема. Кермит Рузвельт был сотрудником ЦРУ. Если бы его поймали, последствия были бы ужасны. Он организовал первую операцию США по смене правительства другой страны. Было ясно, что за ней последуют другие. Важно было найти подход, при котором Вашингтон не был бы задействован напрямую. К счастью, 1960-е годы стали свидетелем и других революционных изменений: усиление многонациональных корпораций и таких международных организаций, как Всемирный банк и Международный валютный фонд. Последние финансировались преимущественно Соединенными Штатами и нашими братскими строителями империи в Европе. Между правительствами, корпорациями и многонациональными организациями возник симбиоз. Американские разведывательные организации подбирали потенциальных ЭУ, которые потом входили в штат международных корпораций. Они никогда не состояли на содержании у правительства, получая деньги в частном секторе. Поэтому, если бы их поймали, их грязные делишки списали бы на корпоративную жадность, но никак не на политику правительства. Кроме того, нанимавшие их корпорации, хотя и получали деньги налогоплательщиков от правительственных организаций и их многонациональных банковских партнеров, находились вне зоны контроля конгресса и пристального внимания общественности.

Их защищает все возрастающее количество правовых инициатив, включая законодательство о торговой марке, международной торговле и свободе информации. Вот почему они так ревностно относятся к этим инструментам. Это часть их технологии. Так вот, ты не поверишь, но учителем Дэвида Бауэра был не кто иной, как Кермит Рузвельт, внук Теодора. Теперь, ты понимаешь, зачем я тебе так подробно все рассказываю, понимаешь, кто против тебя играет? Меня подозревают в связи с тобой, поэтому какое-то время я не смогу тебе помогать, извини. Так или иначе, это дело коснулось и меня, поэтому я буду им заниматься в любом случае.

Олег Иванович оглянулся. Никто из присутствующих в зале не вызывал подозрений. Всё было спокойно. Он закрыл приложение. Регистрация нового почтового адреса на mail.ru не заняла много времени. Он зашифровал текст, отправил файл на свой новый электронный адрес и делетировал флешку.

Его охватило чувство страха. Чем я мог привлечь внимание столь высоко летающих господ? Непонятно. Земельный участок? Мартин? Может быть, может быть... Если да, то этот земельный участок не обычный, он имеет для них большое значение...

Он шёл по пустым улицам города, и тёплый летний ветерок ласково трепал его волосы. Вечерний Киев... Нежный, добрый... Таинственный город... Многие называют его провинциальной столицей. Провинциальная столица! Несовместимое, казалось бы, сочетание слов... А может, так оно и есть? Маленький аэропорт. Всего лишь один железнодорожный вокзальчик, условно разделенный на два... Несколько микроскопических постсоветских автобусных станций. Ни одного автомобильного кольца вокруг города. А, может быть, именно это и делает его тем, чем он является? Может быть... А чем он является? Городом на Днепре... Городом с многовековой историей, или чем-то большим? Вторым Иерусалимом? Может быть, и так... Дэвид Бауэр... Мартин... Земля... Что им всем от меня надо? Лидия Сергеевна... Только она сможет помочь. Хорошо, что не сунулся в аэропорт.

Он подошел к телефону-автомату. Звонить или не звонить? Звонить! Звон монеты, щелканье кнопок... Гудок в трубке... Ничего, сейчас узнаем, что происходит. Ну, сволочь буржуйская, бери трубку! Возьми трубку! Ты что, издеваешься? Бери трубку! Десятый гудок...

— To you listen¹

— ... — Олег Иванович молчал. Что со мной? Он впервые в жизни молчал в телефон. Он ненавидел людей, которые молчат в телефон. И вот теперь сам попал в такое же положение. Что ты молчишь? Говори! Эй, ты чего?

— Hallo, I listen to you, speak²

— Это я, Олег...

— Олег Иванович?

— Да. Извините, что поздно беспокою...

— Ну, что вы. Мы же с вами друзья.

— Гм-м, — Олег Иванович добавил в голос уверенности и низкого тона, — Мартин, у меня проблемы...

— Проблемы?

— Да, понимаете...

— Деньги?

— Не совсем. Взорвали офис, в меня стреляли...

— Что вы говори-и-ить? Это... как сказать... что я могу для вас...

— Дело в том, что я знаю, с кем у меня проблемы, но не могу понять, почему... Это очень серьезные люди из штатов.

— Я вас не понимаю, говорите прямо, что вас беспокоит.

— Я же вам и говорю, офис взорвали, в меня стреляли. Что ещё рассказать?

¹ Вас слушают (англ.)

² Алло, я вас слушаю, говорите (англ.)

— Вы меня пугаете, Олег Иванович, я не могу понимать ваши слова.

— У меня есть информация, что к этому делу причастен некий Дэвид Бауэр... — Олег Иванович обратил внимание на то, что Мартин начал говорить с акцентом. *Это хороший знак. Значит, переживает. Думает быстрее, чем говорит.* Он решил блефовать до конца и уверенным голосом прошептал, — и мне кажется это ваш очень хороший знакомый...

— ... — теперь минута молчания наступила со стороны Мартина.

— Мартин, алло! Вы меня слышите?

— Я не знаю человека с этим именем... Хотя... А почему вы думать, что именно он имеет отношение к вашим проблемам?

— Я не думаю, я точно знаю. У меня есть доказательства, — соврал Олег Иванович. Две страницы анонимного текста не могли быть доказательством в таком серьезном деле.

— Нам надо встречаться и говорить. Вы в Киеве?

— В пригороде. Но я могу подъехать.

— Хорошо, давайте завтра. Во второй половине дня, смо-ожете?

— Надеюсь. Я позвоню завтра, и мы уточним.

— Окей.

Олег Иванович чувствовал, что попал в десятку. *Конечно же, Мартин имеет к этому непосредственное отношение, кроме всего прочего, ещё этот звонок перед взрывом... Диаретики капитализма... Я вас выведу на чистую воду... Выведу на... Куда я их выведу? Хорошо, что никто не слышит мои мысли. Не до жиру... Остаться бы живым... Хотя в этой мысли что-то есть. Пусть думают, что существуют доказательства причастности этого типа к взрыву. Пусть. Это моя страховка. Теперь можно и встречаться. Они не посмеют. Слишком большие ставки в этой игре. Слишком большие.*

Михаил посмотрел вниз. Люди в военной форме двигались цепью с оружием наготове. Он опустил голову ниже. Лица военных были напряжены и серьезные. Они двигались молча в двух-трех метрах друг от друга. Когда до старой стены оставалось около ста метров, в небо взлетела красная ракета. В тот же миг военные открыли огонь из автоматического оружия. Михаил вздрогнул невидимым телом и крикнул что было сил.

— Не стреляйте! Там люди! Не стреляйте! Что вы делаете?

Но военные продолжали стрелять.

Сволочи, там же Глеб! Михаил рванулся в сторону зарослей. Он видел, как летят пули, как они бьются о замшелые камни старой стены и рикошетом уходят в стороны. Окровавленное тело Глеба лежало на земле. Его открытые глаза ласково смотрели в небо, а губы застыли в улыбке...

— Ну, как вам нравится развитая демократия? — голос Эммануила прозвучал прямо возле левого уха Михаила. — Ты ему уже ничем не поможешь.

— Так не должно было случиться... За что они его? Это я во всем виноват...

— Ни в чём ты не виноват. Что произошло — неизбежно.

Эммануил крепко обнял невидимое тело Михаила, и они взлетели высоко в небо. Где-то там, внизу ещё были слышны крики военных и выстрелы...

Михаил не открывал глаз до тех пор, пока не почувствовал под ногами твердь. Они приземлились в глухой части Мариинского парка.

— Немного отдохнем, успокоимся и в обратный путь. Миша,

ты меня слышишь? — Эммануил осторожно толкнул Михаила в плечо. — Вижу, не нравится вам развитая демократия.

— Глобализация, демократия, свобода слова... Как это все достало... — Михаил открыл глаза, — вранье враньем погоняет, а потом воняет...

— Как сказал Уильям Барроуз: «Идти больше некуда. Театр стал глобальным». Хотя это я ему сказал, а он повторил. Ну, это не столь важно. Что же вы хотите? — Эммануил посмотрел на часы. — Стоят. Ну и славно.

— Как вы можете быть таким безучастным? Ведь человек погиб! Глеб погиб! А вы о часах...

— Вы ещё слишком молоды, чтобы понять...

— На кой чёрт вам часы, которые стоят? Прикол? — Михаил махнул рукой, злобно покосился на Эммануила и чуть мягче добавил. — Подарок?

— И не то и не другое. И вообще, какое вам дело до моих часов? — артистично возмутился Эммануил.

— Ваши часы-ы-ы? — протяжно завопил Михаил. — Мне плевать на ваши часы, стоят, ну и пусть себе стоят, давайте лучше выбиратья отсюда. Мне этот вариант Будущего не нравится.

— А что же вы хотели? Это то, что получилось вследствие процессов глобализации и демократии.

— Может, я что-то не понимаю, но... Вы обещали рассказать...

— Ах да, итак. Я вам расскажу словами Дэниела Паузнера.

— А это ещё кто такой? Тоже ваш дружок?

— Совершенно верно, это мой большой друг. Замечательный человек. Смелый и решительный, умный и невероятно талантливый...

— Ну, хорошо, пусть будет Дэниел, как его там? Познер...

— Паузнер. Михаил, на вас дурно влияет Будущее...

— Среда, знаете ли, формирует человека... А что? Разве это я вас сюда притащил?

— Хорошо, это я виноват, окей. Но это только ради вас, Михаил. Так вы будете слушать или нет?

— ... — Михаил утвердительно кивнул головой.

— Дэниел Паузнер написал замечательнейшее произведение «Структура современной политической власти. Новый феодализм», чудесное произведение. Признаюсь, не без моей помощи. Простите за нескромность. Так вот, там он предлагает вариант контракта с владельцами мира. Практически тот, который действует в данном варианте Будущего между гражданами Украины и Правительством...

— Контракт? Мне о нем говорил Глеб.

— Уделив достаточно терпения и внимания, любой разумный человек может получить полное понимание того, что происходит. Если захочет, конечно. Моя цель — дать подсказку разумным людям, которые уже знают, что что-то не так, и хотели бы это исправить, но которые не имеют достаточного знания деталей и структуры того, что следует исправить. Поэтому мы здесь. И ты сам всё видишь. Контракт. В нём записаны базовые условия, регулирующие отношения между Правительством Украины в этом Варианте Будущего и отдельным гражданином. Конституция — это само собой, это для всех, это совершенно абстрактный и формальный документ, это ширма для мировой общественности. А вот контракт — это уже серьезно. Контракт гарантирует условно красивый дом или квартиру, наличие в ней самой современной, среди имеющихся в стране, развлекательной системы, из которой нескончаемым потоком будут литься приятная музыка, кинофильмы и телешоу. Он позволяет иметь отличную, условно отличную, пищу и напитки самых разных видов — столько, сколько тебе угодно. Ты можешь водить самый лучший автомобиль с самой лучшей звуковой системой. Ты можешь иметь супругу, которая будет тебя понимать и приносить радость.

У тебя всегда будет доступ к эйфорическим лекарствам, у которых нет никаких отрицательных побочных эффектов. Все медицинские потребности твоей семьи будут немедленно удовлетворяться, причем с использованием самых последних технологий. У тебя не будет реальных причин бояться нападения или грабежа, поскольку число таких преступников будет близко к нулю. Твои дети получат образование, чтобы они также могли быть счастливы и содержать свои семьи. Чувство уверенности в завтрашнем дне будет незаметно сопровождать тебя и твою семью от рождения до погребения...

— Интересный контракт, что же тут плохого?

— Не спеши с выводами. Плохое или хорошее — это определять человеку. Я же тебе говорил, что Божественной Системе неважно, кто и чем владеет, для неё в принципе чуждо извращённое человеческое понятие справедливости. Дослушай. Всё это ты получишь. Плюс право на получение этих благ будет гарантировано законом. Ты будешь работать на работе, которая тебе нравится, с людьми, которые тебе нравятся, в течение всего лишь тридцати двух часов в неделю. Но. В обмен на всё вышеуказанное, ты должен отказаться от свободы...

— То есть, как отказаться от свободы?

— А вот так, взять и отказаться. У тебя не будет ни свободы слова, ни свободы печати, ни права мирных собраний. Телешоу о свободе слова будут точно определять, что есть свобода, а что нет. У тебя не будет права хранить или носить оружие. В своем доме или на улице ты не будешь застрахован от sporadических обысков, осуществляемых государством ради твоей безопасности. Ты сможешь путешествовать только туда и тогда, куда и когда тебе будет позволено государством. У тебя не будет права организовать или вести собственный бизнес, или работать на самого себя. Тебе будет запрещено изобретать или заниматься творчеством, если государство посчитает это вредным, и тебе будет запрещено иметь больше или меньше детей, чем позволяет государство. Тебе будет запрещено читать, смотреть или слушать то, что не разрешается государством...

— Эммануил, неужели всё это может случиться?

— В твоей условно реальной жизни уже внедряются некоторые элементы контракта. Требования президента в определенный день зажечь свечу... Запрещение отрицания тех или иных исторических фактов... Процесс пошёл... В данном варианте Будущего это уже случилось. А что особенно интересно, если половина твоих соотечественников согласятся на этот контракт раньше тебя, ты автоматически также будешь считаться согласившимся. Демократический принцип большинства! И твоя электронная подпись автоматически зафиксирует твоё согласие с условиями контракта. Ты уверен, что референдумы проводятся честно? Естественно, нет. Так вот референдумы проводят именно для того, чтобы законно подчинить одну половину населения другой и не более. А результат референдума преподносится как великое благо. И неважно, что третья часть населения категорически против. Если блага, предоставленные государством, не сделают тебя счастливым, ты будешь заключен в специальное учреждение, чтобы насильно сделать тебя и твою семью более счастливыми, а если это не поможет, ты будешь милостиво подвергнут эвтаназии. Если ты будешь использовать свою собственность для осуществления прав и свобод, от которых ты отказался, или твои соотечественники отказались от твоего имени, ты будешь лишен этой собственности. Если ты будешь настаивать на осуществлении своих прав и свобод, от которых ты отказался, то это значит, что ты и твоя семья всё ещё несчастны. Поэтому вы будете снова заключены в специальное учреждение, чтобы сделать тебя и твою семью более счастливыми, а если и это не поможет, вы будете милостиво подвергнуты эвтаназии. Джон Рокфеллер как-то сказал: «Я не хочу ничем владеть, но я хочу всем управлять». Ты владелец автомобиля, квартиры, бизнеса... а Рокфеллер — владеет тобой! Понимаешь?

— Какой ужас. Это не должно случиться. Эммануил, если от меня что-либо зависит... Я...

— Если бы не зависело, я бы тебя не таскал по Пространству Вариантов. Конечно, зависит и очень многое...

— Кто же эти люди, которые могут привести к такому положению дел?

— Те, кто фактически правит государством Украина...

— Не понимаю.

— Они получают сигналы и указания не от избирательного корпуса как органа, а от небольшой группы мужчин и женщин. Эта группа называется Истэблишментом. Она существует, даже если её существование упорно отрицается. Это — один из секретов американского социального порядка. Второй секрет — это тот факт, что существование Истэблишмента — правящего класса — не предполагается обсуждать. У него отсутствует генеральная схема действий. Его отдельные части периодически пытаются обнародовать такие планы, но это достаточно неэффективно. Опять же информационная свалка фактически не даёт возможности отделить правду от лжи. Это часть технологии. Завалить народы информацией подобно лавине в горах. Мыльные оперы, сериалы, боевики, реалтишоу, страшные новости о трагедиях и катастрофах, псевдоискусство, псевдочеловек, псевдополитики и так далее и тому подобное. Тысячи телевизионных и радио каналов. Как можно нормальному человеку разобраться в этой информационной лавине?

— Всё-таки кто-то же должен за этим следить. Служба национальной безопасности, или институт стратегических исследований. Ну, я не знаю...

— Не смейся меня. В институте стратегических исследований люди заняты продажей земельных участков, а на своих допотопных компьютерах они раскладывают пасьянсы. Это всё, на что они способны. Верховная заповедь Истэблишмента состоит в том, что категорически не позволено подтверждать или выдавать обширную структуру Истэблишмента, его методы и цели. Его члены действуют по мере информированности и обладания скрытым знанием о методах и целях. Истэблишмент способствует должностному продвижению тех, в ком они распознают обладание скрытым знанием

и способности к использованию соответствующих методов работы, вознаграждая их растущим социальным капиталом, по крайней мере, до тех пор, пока они его не предадут. Это возвращает и стимулирует атмосферу преданности. Это, прежде всего, касается псевдополитиков и деструктивных болтунов-демагогов. Чем выше положение человека в иерархии, тем шире диапазон методов и целей, которые ему позволяют и даже вменяются в обязанность узнать. Однако никому в Истэблишменте не позволено знать все цели и методы, как и их действительные и окончательные последствия. В любом случае, было бы странно, если бы кто-то, зная об окончательных планах Истэблишмента, продолжал ему служить.

— Это просто невероятно, и вы так спокойно об этом говорите?

— Не будьте таким наивным, за этими людьми стоят очень серьезные силы. И не только в реальной жизни, то есть в Субъективной Реальности. У них невероятные возможности и в Тонком Мире... Со временем Истэблишмент стал сборищем людей и идей, которые препятствуют возможности мыслящего осознания методов Истэблишмента, его целей и последствий. Короче говоря, секретность широких программ Истэблишмента основана на лишении его самого возможности самостоятельного их осознания. Именно на Истэблишмент работает идеология потребления и американская мечта, если хочешь...

— И э-э-это их технологии?

— Бесспорно. К слову говоря, этот метод имеет один любопытный побочный эффект. Со временем члены Истэблишмента теряют способность различить, что является или не является допустимым и позволительным для разглашения. Они делают заявления, которые открывают большие секреты Истэблишмента. Эти заявления могут быть собраны и скомпилированы, чтобы описать природу Истэблишмента словами его собственных членов. И вот тут будут нужны люди, подобные вам, Михаил. То есть те, кто не потерял чувство реальности и совести... А главное, нравственности.

— Мне очень радостно, что вы относите меня к числу таких людей. Теперь я понимаю... Меня тоже вели...

— Ещё немного и вы бы тоже присоединились к числу «избранных».

— Теперь понимаю. Наверное, за все время общения с вами я впервые начал понимать никчемность и ущербность своей прошлой жизни. И если я хоть чем-то могу помочь... Я... Я готов... — Михаил расчувствовался. В его глазах блеснули слезы.

— Спасибо, Михаил, я верил в вас. Я рад, что не ошибся. Выбор сделали вы сами. Это ваш путь. И не стоит сожалеть о прожитом, это была подготовка... Теперь вы готовы. А из этого кошмара действительно пора, как вы выражаетесь, сваливать. А за Глеба не беспокойтесь, он ещё жив...

— Вы это се-е-ерьёзно? — почему-то заикаясь, промямлил Михаил. — Вы это...

— Да, он жив.

Пока они говорили, на улице совершенно стемнело.

— Полнолуние, — Михаил посмотрел в небо, — звёзды. Такие же, как и у нас. Хотя, может быть, чуть ярче...

— Думаю, такие же. Миша, а вы любите стихи?

— В детстве любил, а сейчас... Не знаю...

— Ну что же вы так? Поэзия — это прямая творческая энергия, её нельзя не любить.

— Посмотрите, Эмм, что это за клетки? — Михаил указал рукой в небо.

— А это уже серьёзней. Нас обнаружили. Это энергетический экран. Это за нами. Сто процентов, за нами.

— И что? Что будем делать? — Михаил всмотрелся в глубь парка. Множество ярких точек двигались в их сторону. — Окружают.

— Как же они нас вычислили? Миша, вы ничего такого не делали? Никого не удивляли?

— Ну не так, чтобы очень... Когда с Глебом со стены спускались... Но я не думаю, что... Они... Хотя я не знаю...

— Всё понятно, они нашли Глеба, подключили к сетчатке глаз сканер и всё, что он видел последние несколько часов — переписали. Теперь они знают, как мы с вами выглядим. Всё. Теперь нам не уйти.

— Как это не уйти? — голос Михаила дрожал. — А если они начнут стрелять?

— Будем сдаваться. Это наш единственный шанс умереть организованно и с документальным оформлением! — Эммануил поднял вверх голову и засунул правую руку в проем жилетки. — Я готов, а вы?

— Вы что, издеваетесь? Эмм? Я не хочу умирать...

— Что же вы сразу не сказали? Не хотите умирать?

— Не хочу...

— М-да... А со мной это уже случалось... Нет, так нет. Тогда держитесь, будем уходить.

Эммануил направил открытую ладонь на Михаила и через мгновение они взлетели вверх.

— Так не уйдем, экран уже сомкнулся. Главное, не бойся и верь в то, что происходит, — голос Эммануила звенел как эхо в горах. Михаил сжался невидимым телом и закрыл глаза.

— А вот этого делать нельзя, немедленно открой глаза. Ты что, так и на машине ездешь?

— Вы меня видите? — удивился Михаил.

— Насквозь! — Эмм засмеялся. — Держитесь, мой наивный друг, падаем!

Михаил ощутил чью-то невероятную силу, она перевернула его невидимое тело вверх ногами и швырнула вниз к земле. Он чувствовал,

как его фантомное тело с каждой секундой набирает скорость. *Я падаю... Глаза... Я не могу закрыть глаза...* — Э-э-э-м-м! Михаил видел, как образовался цветной коридор, уходящий в черную точку. С невероятной скоростью он пролетел сквозь вековые деревья и вошел в землю. Гул в ушах сменился на рев. А затем все звуки начали отставать и, в конце концов, остались где-то далеко позади. Полет продолжался в полной тишине. Скорость становилась всё больше и больше. Ощущения, которые испытывал Михаил невозможно передать словами. Он ощущал каждую свою невидимую клетку, каждую молекулу своего организма и каждый атом. Сквозь цветной коридор Михаил влетел в тоннель метрополитена. Пролетев некоторое время, он увидел хвост уходящего поезда. *В вагон! Вперед! Усилие мысли, он в последнем вагоне. Материализация! Торможение! Усилие мысли, и...* Михаил закрыл глаза.

Лишь немногие пассажиры успели обратить внимание на пролетающего через весь вагон странного человека, который, брякнувшись о пол, прошуршал на спине вдоль прохода и врезался в торцевую часть.

— Не ушиблись?

Михаил открыл глаза. Расплывчатая картинка постепенно набирала резкость. Перед ним сидел старик в белом льняном костюме и махал перед его лицом белой шляпой.

— Э-э-э-э?

— Я вас заждался. Вы что, изучали жизнь дождевых червей?

— ... — Михаил отрицательно покачал головой. У него болело всё тело сразу. Он чувствовал себя одновременно отбивной на столе повара, ковром, который только что выбили, и мухой, которую лупанули мухобойкой.

— Держитесь, мой друг, это только тренировка.

— ...- Михаил вопросительно посмотрел на Эммануила, он попытался что-то сказать, но получался лишь один звук, — у-у-у-у-у...

— Вы что, онемели? Покажите язык и скажите «а-а-а».

— ... — Михаил показал язык.

— Совершенно нормальный язык нобелевского лауреата...

— Гм, — Михаил закашлялся, — ка-а-акой ещё-ё-ё лауреа-а-ат? У-у-у-у меня всё... бо-о-о-олит....

— Мы с вами, мой друг, вернулись в другое измерение. То есть в другой вариант Будущего. В тот, где мы с вами уже были. Вставайте же, наконец, с пола, простудитесь...

Михаил встал и сел рядом с Эммануилом.

— А вы не теряли времени зря, успели переодеться... — недовольно буркнул Михаил.

— А вам кто мешает. Я же вам говорил, все материальное — это всего лишь упакованные энергия и информация. С верой у вас налаживается. Но не хватает свободы духа. Одной веры мало. Вера — фундамент, а дух — двигатель. Станьте свободным. Никто не может вам это запретить. Если мешают обстоятельства, которых вы боитесь, преодолите их. Если не можете, значит, делаете не то, что вам хочется, а то, что приказывает страх. Тогда вы — раб, а не свободный, потому, что свободному духом приказать нельзя. Что город, разрушенный, без стен, то человек, не владеющий духом своим. У вас и то и другое есть. Вы просто не умеете этим пользоваться.

— Так научите.

— Вы уже знаете все буквы. Пора самому составлять слова.

Михаил осмотрелся. Вагон метро был необычным. Во-первых, не взирая на большую скорость, вагон шел мягко и не было слышно стыков рельс. Сиденья мягкие и очень удобные. В подлокотник вмонтирован пульт управления климатической установкой, а под потолком висел плоский телевизионный экран. Михаил нажал ближайшую кнопку, экран вспыхнул ярким синим цветом, предлагая меню выбора программ. Позади головы

послышался щелчок, и приятный голос предложил выбрать язык общения. Звук шёл направленным потоком прямо в ухо Михаилу.

— Ничего себе сервис.

— Нравится? Это классная система, безкорпусные наушники со следящим датчиком. Звук направленным потоком попадает прямо вам в уши. Это очень удобно. Вы слышите, а сидящий рядом человек — нет. Никаких проводов и никаких наушников. А сама электронная система просто чудо. Вы можете посмотреть самые разнообразные фильмы, посетить Интернет, поучаствовать с помощью WEB-канала в международной видеоконференции, позвонить другу или заказать пиццу. В общем, всё что пожелаете.

В это время поезд выехал из тоннеля на мост. Путешественникам предстала уже знакомая картина. Великолепные светящиеся мосты-дома, подсвеченные тысячами лазерных лучей. Днепр с огоньками яхт. Небоскребы на левом берегу.

— Жаль, что нельзя здесь остаться, — Михаил тяжело вздохнул.

— Нельзя остаться в Будущем. Но можно это Будущее получить... Главное, точно знать, чего хочешь, и понимать, что мешает... Ведь будущее строится на тех или иных решениях властепредержащих, которые принимаются в атмосфере молчаливого рабского согласия толпы.

— И кто эти властепредержащие? Чего они добиваются?

— Смотря, кто. Каждый идет к своей цели своим путем. Но Система устроена так, что абсолютную власть не имеет никто. По крайней мере, на сегодняшний день. Все эти люди разделены на группы, — Эмм посмотрел на часы, — о, твоё время истекло, пора возвращаться.

— Ваши часы пошли?

— У меня с ними особые отношения... Они мне сообщают нужную информацию. Вот и теперь, — Эмм снова внимательно посмотрел на часы, как будто боялся что-то пропустить, — тебе пора, тебя уже ждут...

— Кто? — Михаил криво улыбнулся и попытался заглянуть в часы Эмма. — Где меня ждут?

— Вот тут, — Эмм протянул руку, и часы оказались в нескольких сантиметрах от глаз Михаила.

Михаил Яковлевич так ничего и не понял. Всё произошло так быстро, что даже пытаться понять происходящее было бессмысленно. Черный циферблат с огромной скоростью втянул Михаила в себя и швырнул в цветную трубу.

— Э-э-э-м-м-м! — Михаил летел в цветной трубе со скоростью, явно превышающей скорость звука. Вестибулярный аппарат с трудом отслеживал положение тела. Его кидало то вниз, то вверх. Иногда затяжное падение сменялось левыми и правыми поворотами, — Э-э-э-м-м-м!

МОСКВА

трогое консервативное здание серого цвета во все времена внушало гражданам России страх и вызывало уважение к сотрудникам, работающим в нём. В этом здании знали обо всем, что уже произошло, происходит сейчас, и будет происходить в мире. Невзирая на выходной день, на десять часов утра было назначено заседание специальной государственной комиссии по делам СНГ. Комиссия собралась вовремя, однако заседание не начиналось. Присутствующие разбились на группы по два — три человека и, разговаривая вполголоса, пили кофе и зеленый чай.

— Кого ждем?

— Президент должен прибыть, лично...

— А он разве не в Брюсселе?

— Нет, он не полетел. Там будет достаточно уровня премьеры.

— Буржуи обидятся.

— Перед отопительным сезоном? Такая обида им может дорого стоить.

— У них денег хватит.

Мужчины засмеялись.

— Сегодня обсуждения по Украине.

— Что-то важное?

— Не знаю, может быть. Возможно, обсуждение перехода платежей за газ на рубли.

— Политическая ситуация в Украине напряженная... Это однозначно приведет к падению доллара.

— Согласен. Я не понимаю, как они этого не видят? Такое впечатление, что они свою же страну испытывают на прочность, как в известном анекдоте лесорубы испытывали японскую бензопилу.

— Пусть испытывают. Это их право. Национальная особенность...

— Демократия по-украински... Россия долго запрягает, но потом всё же куда-то едет, а Украина скоростна в принятии решений, но никогда их не выполняет...

— Национальная особенность... Ну, это их дело.

— Если бы... Только их...

В помещение вошёл президент России.

— Господа офицеры!

Присутствующие развернулись к центру комнаты и встали по стойке «смирно».

— Здравствуйте господа, я рад всех вас видеть, — Президент поздоровался за руку с каждым из одиннадцати человек и прошёл в зал

заседаний. Все последовали за ним и быстро расселись по местам.

— Господа, слово для доклада предоставляется нашему эксперту, профессору Гришину.

Вперед вышел необъятных размеров мужчина в сером костюме, с папкой в руке. Он с трудом расположился за кафедрой.

— В последнее время нашим отделом зафиксирована активность западных спецслужб на территории Украины. В поле нашего внимания попадают данные, говорящие о применении против населения Украины нового вида оружия. Согласно даже официальной статистике население Украины подвергается значительной ежедневной стрессовой нагрузке. Это проявляется, в частности, в том, что более 20 миллионов человек — почти каждый второй — в той или иной степени страдает нарушениями сердечно-сосудистой системы. Процесс стремительной информатизации общества, таким образом, оказывается тесно связанным с проблемой биоэнергоинформационной безопасности. Исследование связи биоэнергоинформационных состояний является проблемой более сложной, поскольку, с одной стороны, эти состояния не могут быть описаны в квантовомеханической трактовке Эйнштейна, а с другой, в настоящее время отсутствуют достаточно объективные физические методы их регистрации.

— Насколько мне известно, описание биоэнергоинформационных состояний может быть дано и в рамках теории Эверетта¹?

— Верно, господин Президент. Теория Эверетта в настоящее время приобрела характер общепризнанной аксиомы. В рамках этой теории взаимодействие состояний сопровождается образованием цепочки вероятностных информационных причинно-следственных связей — «ветвей Вселенной». Это означает, что физическое время заменяется вероятностным — «духовным» — временем для каждого состояния.

— Помнится, эту мысль высказывал еще Вернадский. Он говорил:

¹ <http://main.izvestia.ru/science/article27934>

«Начиная интенсивно мыслить, мы останавливаем время», — Президент налил стакан воды и поставил перед собой.

— У вас потрясающая память, господин Президент. Но дословно фраза звучит так: «Мы фактически останавливаем для себя время, начиная интенсивно мыслить, анализируя, и выбирая цели». Понятие «цели», таким образом, является чрезвычайно продуктивным при характеристике биоэнергoinформационного состояния. При этом взаимодействие состояний может рассматриваться как их объединение общей целью, поскольку исследование никогда не оставляет наблюдателя беспристрастным. Теория Эверетта, таким образом, является целевым обобщением мира физических состояний, в котором моменты изменения «духовного» времени соответствуют моментам вероятностного выбора целей. Самостоятельный выбор цели биоэнергoinформационной системой невозможен без наличия некоторого адаптационного запаса «духовной» энергии — система должна хотя бы располагать информацией о самой цели и способе ее достижения. В формальной алгебраической постановке «духовную» энергетику удобно характеризовать скаляром «духовной» энергии покоя — разумом, сознанием. То есть совокупностью способностей, знаний, опыта, — и вектором потока «духовной» энергии¹ — информацией. Духовная энергетика биоэнергoinформационной системы «человек» проявляется в физиологических процессах — особенно ярко в условиях стрессового воздействия. Духовная энергетика — важнейшая характеристика организма, определяющая его жизненные силы, тонус, настроение, иммунитет, творческое начало и экстрасенсорность. Термин «душа» соответствует — в пространстве состояний — способности самостоятельного выбора цели. Не секрет, что существуют гипотезы о том, что не все люди наделены душой. И что душа может одновременно находиться в двух и более человеческих телах.

— Не углубляйтесь, это отдельная тема...

— Да, конечно, господин Президент. Так вот душа. Да, этим термином обозначают и совокупность внутренних связей системы,

сообщающих ей указанную способность. «Дух» — в пространстве энергий — есть творческая информационно модулированная энергия. В пространстве состояний «дух» есть способность к осознанному выбору цели, то есть к творчеству. Термином «дух» можно обозначить также совокупность связей системы, сообщающую ей способность создавать качественно новую цель.

— Скажите, а может ли Божественная система хранить данные в биоэнергoinформационном поле человека?

— Конечно же, да. К этому я и подвожу. Поток информации, таким образом, определяет целевое многообразие и способствует концентрации «духовной» энергии. А единицей измерения биоэнергoinформационного воздействия может быть выбрана единица некоторого универсального «торсионного» — вращательного поля. Проведенные нами опыты показали, что выступления одних политиков приводит к положительному торсионному вращению, в результате которого практически не нарушаются жизненно важные функции человеческого организма, а выступления других — наоборот, деструктивно влияют на биоэнергoinформационную среду человеческого организма. В Украине смертность среди политически активного населения в десятки раз выше, чем среди тех, кто не следит за политикой...

— Это характерно только для Украины?

— К сожалению, нет. Это характерно для любого современного сообщества, с той только лишь разницей, что в Украине этот показатель в десятки раз превышает показатели России и Европы. Там население просто вымирает. И что поразительно, построенные нами графики показывают, что пик смертности наступает на следующий день после публичного выступления радикально настроенных и деструктивных политиков.

— Говорите конкретней.

— В эту категорию попадают практически все украинские политики... А уж если они вместе... Программа Мумика Шустрова «Свободное слово» — эта на первом месте. Настоящая газовая камера...

¹ Козырев Н.А. *Избранные труды*. — Л.: ЛГУ. — 1991

— Как это все политики?

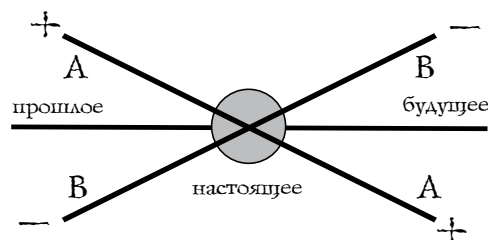
— С небольшим отрывом, если можно так сказать, лидируют революционно настроенные демократы... Однако от них не отстают и те, кто в своих выступлениях акцентирует внимание электората на вопросах прошлого.

— Извините, господин Президент, разрешите мне добавить, — отозвался мужчина, сидящий во втором ряду.

— Да, пожалуйста, — Президент нервничал. *Как они все медленно мыслят...* — я вас прошу, не делайте из меня себя, говорите о своих выводах, а не о методах их получения.

Мужчина со второго ряда вышел к закрепленной на стене школьной доске, взял мел и нарисовал схему:

— Посмотрите на схему. Настоящее движется навстречу будущему, удаляясь от прошлого. Простая геометрия:

Если рассмотреть зависимость отношения общественного мнения о прошлом через настоящее к будущему, то получается очень интересная картина.

Прямая «А», характеризующая отношение украинского народа к российскому, выходит из положительного сектора «прошлого» и, проходя через точку «настоящего», обязательно будет уходить в положительный сектор «будущего», но если путем манипуляций и откровенного вранья сместить исходную точку выхода прямой «А» в отрицательный сектор, заявив, к примеру, что русские дружили с фашистами и воевали с ними вместе против Англии и США, то

общественное мнение автоматически поменяет парадигму отношения к русским и прямая «А» превратится в прямую «В». Этот простой мультипликатор ясно доказывает, как важно для России не допускать такого рода манипуляций. Вот почему в информационной войне между США и Россией, а верней сказать, между Мировым правительством и национальными государствами как наиболее важный технологический прием используется манипуляция фактами прошлого.

— Кто контролирует прошлое, тот контролирует будущее, — Президент России задумчиво всматривался в схему на доске. — А кто контролирует настоящее — тот должен контролировать прошлое. Нам тоже надо использовать этот прием, клин, как говорится, клином...

— И еще один аспект манипуляции прошлым — это смещение временной точки в подсознании. В общественном подсознании. То есть концентрация общественного внимания перемещается в прошлое: голодомор, Сталин, Ленин, Мазепа — люди выключаются из реальной жизни и начинают жить прошлым. А поскольку информация — это отражение реальности в сознании человека, информация, обработанная интеллектом, есть знание, а знание, обработанное верой, есть мудрость, то совершенно очевидно, что, контролируя качество первичной информации и перекрывая канал интеллектуального роста, руководство Украины осознанно или нет профанирует нацию, что сказывается на всех сферах жизнедеятельности общества в целом и приведет, в конечном счете, к развалу страны.

— Бедный народ. Но они разве не видят реально происходящего?

— Почему? Видят, но в обществе начинаются споры о прошлом, а это понижает человека по шкале тонов, ведет его не к энтузиазму, а к апатии. Вот ведь в чем дело. В обычном состоянии в Украине разница между родившимися и умершими составляет минус 400 человек в день, а после выступлений известных политиков эта цифра достигает 1800 и даже 2500 человек в день. Мы изучили статистику смертности и нашли закономерность, пиковые показатели смертности возникают в ночь следующую за пятницей. Мы долго не могли понять такую зависимость. Мы искали слишком глубоко, а на самом деле все очень

просто. Все эти люди связаны одним — телевизором! Почти все умершие накануне смерти смотрели телевизор и конкретно передачу Мумика Шустрова «Свободное слово». Мы обратились к медикам. И что мы услышали? На сегодняшний день установлено, что именно супрахиазматическое ядро посылает сигналы в центры мозга, ответственные за циклическую выработку гормонов-регуляторов суточной активности организма. Одним из таких регуляторных центров служит гипоталамус, откуда сигнал о "запуске" синтеза гормона роста передается в гипофиз. Так что супрахиазматическое ядро можно назвать "дирижером" циркадной активности организма. Но и другие клетки подчиняются своим циркадным ритмам. Известно, что в клетках сердца, печени, легких, поджелудочной железы, почек, мышечной и соединительной тканей работают часовые гены. Деятельность этих периферических систем подчинена своим собственным суточным ритмам, которые в целом совпадают с циклическостью супрахиазматического ядра, но сдвинуты во времени. Вопрос о том, каким образом "дирижер циркадного оркестра" управляет функционированием "оркестрантов", остается ключевой проблемой современной хронобиологии. Но известно и другое. Циклично функционирующие органы довольно легко вывести из-под контроля супрахиазматического ядра. В 2000-2004 годах вышла серия сенсационных работ швейцарской и американской исследовательских групп, руководимых Юли Шиблером и Майклом Менакером. В экспериментах, проведенных учеными, ночных грызунов кормили только в светлое время суток. Для мышей это так же противоестественно, как для человека, которому давали бы возможность есть только ночью. В результате циркадная активность часовых генов во внутренних органах животных постепенно перестраивалась полностью и переставала совпадать с циркадной ритмикой супрахиазматического ядра, что приводило к резкому ухудшению здоровья и смерти. Механизмы этого феномена пока неизвестны. Но одно ясно точно: вывести все тело из-под контроля супрахиазматического ядра просто — надо лишь кардинально изменить: режим питания, начав обедать по ночам, и состояния, деструктивно влияя на психику человека. А что происходит

при просмотрах ночных передач? — докладчик провел взглядом по залу и вопросительно развел руками. — А то, что люди накрывают перед телевизором столы, пьют пиво, водку, закусывают, а главное что? Главное — они нервничают! Вот в чем ключ. Если бы человек нервничал этак часов в 6-7 вечера, он бы к моменту сна успокоился и все, а если нервный процесс да еще со сбоем циркадной ритмики происходит за час до активности сердца... Тут не каждый выдержит.

— Это точные данные? Вы не ошибаетесь?

— Все данные многократно проверялись. При этом, что особенно важно, негативное влияние могут оказывать даже фотографии...

— Хорошая работа. Всех ученых представить к правительственным наградам! А что с моими выступлениями? Какой эффект? Меня тоже исследовали?

— Гм, — мужчина со второго ряда растерянно смотрел на президента, — ну, если вы... В общем-то...

— Говорите начистоту. Анализировали мои выступления или нет?

— Это было неофициально... — профессор перевел взгляд на сидящих впереди мужчин.

— Началось, неофициально. Я вас прямо спрашиваю: да или нет? — повысил голос Президент.

— Да, такие исследования проводились...

— И что вы можете сказать?

— Ваши выступления не влияют на смертность... — профессор вытер пот на лбу.

— Это уже лучше, а на что влияют? — Президент улыбнулся.

— Это еще до конца не проверено, но если вы скажете... — профессор недоуменно мигал глазами и поправлял галстук.

— Что вы мямлите, говорите конкретно.

— Ваши выступления, господин президент, влияют на потенцию...

— Что? При чем тут потенция? — Президент нахмурился и перевел взгляд на второго выступавшего.

— Понимаете, мы еще не уверены, надо провести кое-какие расчеты... Мы долго искали зависимость и нашли... После ваших публичных выступлений многократно вырастают продажи презервативов...

Президент громко рассмеялся. Его поддержали смехом все присутствующие в зале.

— Ну, вы меня рассмешили. Это просто... Невероятно...

— Извините, мы... Может...

— Никаких извинений, я прошу вас заняться этими исследованиями более тщательно. И на следующем заседании комиссии доложите, — Президент улыбнулся, — а у вас как?

— Простите, не понял?

— Как с потенцией после моих выступлений?

— ... — профессор мигал глазами и пожимал плечами, — я... Не...

Присутствующие не выдержали напряжения и снова грохнули дружным смехом.

— Господа офицеры, все свободны, а вот профессора я попрошу остаться.

Президент подошел к профессору.

— Если вы не против, конечно.

— Ну, что вы, что вы? Я с радостью.

Они прошли в отдельную комнату. У стены стоял кожаный диван и прозрачный стол, а напротив кресло. Президент расположился в кресле.

— В вашем распоряжении будет диван, устраивайтесь поудобней.

— Давно мечтал с вами познакомиться. Э-э-э. Я... — профессор попытался присесть за стол, но расстояние между диваном и столом было меньше, чем было необходимо для его нестандартного тела.

— Что вы мучаетесь? Просто отодвиньте стол, — Президент, не дожидаясь действий профессора, отодвинул от дивана стол и движением руки пригласил его сесть рядом, — присаживайтесь, не стесняйтесь.

— Спасибо, да уж... С моими размерами, знаете, не всегда и присядешь...

— Ничего, это не главное, хорошего человека должно быть много, — Президент улыбнулся, — я тоже давно хотел с вами познакомиться поближе. Но все как-то не получалось. Меня интересуют ваши исследования.

— Спасибо, не думал, что президента России может заинтересовать моя скромная работа. Хотя... Времена меняются... Так что именно вы хотите знать?

— Территория веры.

— Вот как? Удивительно!

— Почему? Вы считаете меня не достаточно образованным, чтобы интересоваться такими вещами?

— Ну что вы? Конечно же, нет. Я о другом... Хотя очень рад. Очень.

— Времени у нас не много, поэтому я попрошу бы вас лаконично объяснить суть вашей работы. Если можно, без лишних научных терминов. Ведь вы один из немногих последователей великого философа советского времени Эвальда Ильенкова. Меня правильно информировали?

— Не совсем так, но... Да, Эвальд Васильевич был великим философом. В принципе... Моя работа — это синтез философии, социологии, астрологии и метафизики.

— Очень интересно.

— Моя работа ближе всего к сакральной астрологии.

— О, а у меня даже есть учебник сакральной астрологии. Кажется, Мишнёва.

— Ну, конечно, Виктор Александрович настоящий ученый, авторитетный астролог. Мы с ним знакомы и даже дружим... Но и спорим частенько.

— Понимаю, в спорах рождается истина.

— Не всегда, знаете... Вон по телевизору одни споры, а где истина?

— Наверно, вы правы. Так что же все-таки с вашей работой?

— Ах, да. Конечно. Э-э. То, что знание — это большая сила, вы согласны?

— ...- Президент утвердительно кивнул головой и налил в стакан минеральной воды.

— В то же время полная интеллектуальная мобилизация рано или поздно подводит к рубежу, за которым интеллект исчерпывает свои возможности. Дальше — Территория веры. Открывая человеку высшую божественную реальность, вера снова отдает инициативу интеллекту, дабы он имел возможность, проанализировав результаты, подтвердить, что вера в Бога не подвела и не обманула. Это и есть сакральный подход к познанию реальности. Человек верующий не растеряется в ситуации любой сложности, так как причину возникающих тупиков он всегда ищет в себе, в собственных несовершенствах, и главное — в недостатке веры. Согласитесь со мной, без веры не может быть нормального государства.

— Совершенно с вами согласен, — Президент перевел мобильный телефон в режим «без звука».

— Так вот, в отличие от человека верующего, жизнь атеиста полна случайностей и нелепых, с точки зрения логики, ситуаций. Он пытается понять происходящее, рассматривая собственную судьбу как фрагмент в отрыве от целого. Атеист считает свой интеллект и возможности познания безграничными, а потому все высокое, сверхъестественное, невыразимое стремится не осознать, а вставить в рамки собственного понимания, ограниченного привычными терминами и формулировками. Атеизм и профанация неразделимы.

— Что вы вкладываете в понятие «профанация»?

— Э-э-э. Профанация — это от позднелатинского profanatio — осквернение святыни. То есть искажение, извращение например, идеи, учения, произведения искусства и так далее. Непочтительное отношение к достойному...

— Много спорных моментов. Что есть святыня, идея или учение? Какое именно произведение искусства имеется в виду и что есть достойное или недостойное? Например, мы можем считать поведение американского правительства по отношению к Ирану — недостойным, а они могут считать недостойным наше отношение к Ираку. Вы меня понимаете?

— Совершенно верно. Все определяется целью. Только цель определяет критерии и градиентную шкалу оцениваемых действий.

— Это я и хотел от вас услышать. То есть все, как и прежде, относительно.

— К сожалению, это так.

— Почему к сожалению? А я думаю, это правильно. Хорошо, извините, что перебил. Итак, что у нас с профанами?

— Профаны, ну да. Профан говорит много и убедительно, в качестве аргументов приводит цифры и статистические данные, активно использует научную терминологию. Профан самоуверен и напыщен, поскольку непрерывно самоутверждается. Доказывает окружающим, что он лучше других, умнее, грамотней. Он знает все обо всем. При этом он понимает, что ни любовь, ни счастье, ни гармонию в терминах материальной реальности исчерпывающе объяснить невозможно. Мысль об этом приводит профана в воинственное состояние. Он стремится во что бы то ни стало сохранить убежденность в собственной правоте, а потому навязывает свои представления реальным и возможным оппонентам. Несогласных с его точкой зрения он называет мракобесами, отвергает их и отталкивает. Там же, где появляются фанатизм и нетерпимость, начинается борьба и, естественно, не с собственным невежеством, а с инакомыслием любого рода. Дальше — тупик.

— Вот на этом принципе и строится технология запада по развалу стран СНГ. Утверждая целесообразность тех или иных человеческих поступков, они пытаются регулировать общественную мотивацию и личные побуждения. Таким образом они пытаются управлять социальными последствиями и целесообразностью общественного результата, — Президент сделал паузу.

— Так вот для того, чтобы превратить индивидуальный целесообразный поступок в общественно-целесообразный результат, необходим целый ряд условий, осуществляющихся вполне только на высших ступенях общественной жизни. Только там, где в ряде поколений существует одинаковое понимание цели, передаваемое из поколения в поколение традицией и воспитанием, только там, где существует общественная организация, приспособленная к вполне сознательным и целесообразным общественным поступкам массы, только в таких случаях можно говорить о целесообразном ходе исторического процесса, то есть о соответствии его результатов сознательно поставленным общественным задачам и целям. Одно дело, когда цель — реформация общества, а другое — когда речь идет о революции.

— В данном случае мы с вами рассуждаем о причинах развития «реформации» или о причинах неудачи «революции». Как будто бы реформация и революция это осязаемые предметы, а не являются бесконечным количеством процессов, объединяемых в одно целое исключительно в нашем сознании. При этих условиях мы легко принимаем за исторический закон такие сочетания явлений, которые, собственно говоря, требуют еще дальнейшего более глубокого анализа. Возьмем для примера преемственность различных форм государственного устройства. Известно наблюдение, выведенное преимущественно из античной жизни, по которому за патриархальной монархией следует господство аристократии, затем идет демократизация государственного строя, кончающаяся господством черни и возвращением к новой форме монархии. Допустим, что это наблюдение подтвердилось бы во всех странах и во все времена. Спрашивается: имели ли бы мы даже и в этом случае дело с историческим законом?

— Очевидно, нет, так как каждую из этих форм мы никоим образом не могли бы считать причиной последующей формы. Дело не в переходных формах общественного бытия, а в том, что объединяет или, если хотите, измеряет эти переходы. Так вот таким объединительным фактором и является вера. Ведь для человека верующего, в отличие от профана, путь к Истине открыт, но далеко не прост. Для вас наверняка путь к вере тоже был не простым?

—... — Президент утвердительно кивнул головой, — очень непростым...

— Так вот для того, чтобы составить хотя бы общее представление о пути к вере, сформулируем несколько важных предварительных вопросов. Первый. Какова главная цель познания человеком реальности? Второй. Как нужно познавать мир, чтобы приблизиться к Истине? Третий. На каком языке Бог обращается к человеку? Ответ на первый вопрос, с сакральной точки зрения, достаточно прост. Цель познания — определить место человека в Божьем замысле и соответствовать Его воле в максимально возможной степени. Причем вне веры задача эта неразрешима. Для того, чтобы ответить на второй вопрос, необходимо вспомнить фразу, которая в Новом Завете повторяется чаще других: «Имеющий уши, да услышит». Вся информация, необходимая человеку для понимания Истины, находится в нем самом.

— Петров... — Президент усмехнулся.

— Не понял. Что Петров?

— Извините. Вы разве не знакомы с концепцией общественной безопасности?

— Э-э... Нет. А что, это важно? — профессор поправил очки и взял стакан с минеральной водой. — Разрешите?

— Да, да, пожалуйста. Извините, что перебил. Итак.

— М-да. Так вот, вся информация, необходимая человеку, находится в нем самом. Но открывается она тогда, когда мы начинаем искать

Бога в каждом явлении окружающего мира от человека до пылинки. Без Его помощи Истина не откроется ибо: «Ухо, слышащее и глаз видящий — и то, и другое создал Господь». К сожалению, чаще всего в окружающем мире мы ищем не Истину, а отражение собственных вкусов, взглядов и предпочтений...

— Извините, вот это как раз важно. То есть, если управлять предпочтениями, взглядами и вкусами каждого индивидуума в отдельности, что и пытаются делать наши идеологические враги, то в результате можно получить и нужный общественно-целесообразный результат?

— Ну, конечно! Пока мы обращаемся к абстрактному мышлению народа, посредством лозунгов и политических заявлений, наши враги, совершенно конкретно обращаются к каждому в отдельности и предлагают свою идеологию. Идеологию потребления. И остановить их можно только посредством усиления веры и определением пути к Истине.

— То есть к Истине как пути к цели? Потрясающе. Как все просто.

— Все гениальное просто. Ведь Истина находится в нашем сердце и открывается Богом по вере каждого. Ограниченность интеллекта, в конечном счете, должна стимулировать человека не к расширению, а к углублению сознания, к поиску сути и смысла происходящего. И если Бог есть Любовь, то наверняка Он сотворил нас таким образом, что нашего ограниченного интеллекта должно быть вполне достаточно, чтобы осознать Его план и наше место в нем. Но без веры интеллект бессилен, только благодаря вере человек получает доступ к Богу как к безграничному источнику Истины. Следовательно, именно вера в Бога расширяет возможности познания до максимально доступных человеку границ и может остановить бессмысленное стремление к потреблению. Только вера может спасти русский народ, а вместе с ним и более слабые народы бывшего Союза, став естественным ограничителем безмерного потребления. Здесь многому нужно учиться у мусульман. Они спасают себя верой. И здесь неважно, о какой именно вере идет речь. Христианство

или ислам, буддизм или иудаизм. Это неважно. Основа национального государства — вера.

— Да, есть над, чем подумать. А что у нас по третьему вопросу, — Президент взял карандаш и перевел взгляд на лист бумаги, лежащий на столе.

— Ответ на третий вопрос содержится в ответе на второй. Мир есть не только среда обитания человека, но и язык, при помощи которого Бог рассказывает о Себе. Но услышать и понять этот язык человек сможет только тогда, когда его духовность и восприятие будут в достаточной мере чистыми и высокими. А для этого нужно избавиться от искажений порождаемых нашим субъективизмом и духовным невежеством. Это язык символов.

— Символы... — Президент сделал запись и посмотрел на профессора.

— Мир как язык Бога есть, прежде всего, язык символов, а потому, чтобы понять его, мы должны подготовиться к восприятию именно символической информации. К сожалению, нет учебника этого языка и нет словаря.

— А может быть, и к счастью. Вы же говорили, что учебники заложены в каждом из нас, — Президент посмотрел на часы. *Жаль прерывать такой разговор.* Телефон показывал сообщение:

7 не принятых вызовов

Профессор растеряно смотрел на Президента.

— Уже пора?

— К сожалению, да. Время неумолимо.

— Я понимаю. Что ж... Может, в другой раз?

— Обязательно. С вами свяжется мой референт. Я вас прошу подготовить письменный отчет о нашей беседе. Вам будут выделены дополнительные средства на дальнейшие исследования.

— Я вам очень благодарен, господин Президент. Очень... Благодарен...

Президент встал, подошел к профессору и крепко пожал руку.

— Вы делаете большое и очень важное дело. В любое время можете обращаться прямо ко мне.

— Спасибо, я очень вам признателен.

Виктор Антонович, вы будете ужинать? — гувернантка в вышитой национальной одежде растерянно смотрела на президента Украины. — Ужинать... Будете?

Президент сидел возле камина, охватив руками голову, и молчал.

— Я извиняюсь, Виктор Антонович... Вы... Может, позвать кого? — Женщина обошла сидящего в кресле президента с левой стороны и заглянула в лицо.

Виктор Антонович открыл глаза.

— Да, накрывай на стол. А где все?

— Ваша супруга и дети в Крыму, вы забыли? Будете ужинать сами, — Виктор Антонович встал и прошелся по комнате. Предчувствие опасности не давало ему покоя, — а что, в самом деле, никого нет?

— Приехал министр иностранных дел... Ждет.

— Ах да, он звонил. Мы договаривались. Долго я спал?

— Часа два, не больше.

— Позови его.

— Хорошо.

Президент прошел в ванную, умылся. *Надо выпить воды. Хочу воды. Простой родниковой воды... Что же происходит? Либо я чего-то не понимаю, либо уже все решено без меня...*

— Добрый вечер, — Виктор Антонович уверенным шагом зашел в бильярдную.

— Добрый, господин Президент, — молодой мужчина в черном костюме стоял по стойке «смирно».

— Расслабьтесь, вы же не на параде. Что у нас хорошего? — Президент с осторожностью относился к этим молодым вундеркиндам, вышколенным в Американских колледжах. *Красивый, умный, образованный, но такой бесполезный... Истинный траффарет американского абсолюта... И улыбка такая же, идиотская...*

— Извините, Виктор Антонович, но дело не терпит отлагательств. Вам надо подписать некоторые документы.

— К чему такая спешка? Что это за документы? — Президент присел на край кожаного дивана перед журнальным столиком и надел очки. — Ну, давай показывай, что ты напыжился, как индюк?

— Сейчас, — министр нервно открыл портфель и достал папку. Затем аккуратно положил её перед Президентом и сел в кресло.

— Вас что, не учили подавать документы на подпись? — Виктор Антонович посмотрел на министра. — Вам плохо?

Белое лицо министра было покрыто капельками пота. Сквозь овальные очки были видны расширенные зрачки карих глаз.

Президент открыл папку и достал документ.

— А мельче шрифта у вас нет? Я что, должен с лупой документ читать? — он поднес лист ближе и... *Странный запах... Похоже на хлор, но не хлор...* Он посмотрел на свои пальцы. На них была серая пыльца.

— Что это вы мне принесли? Что... Вы... Мне...

Далее вместо слов были слышны только странные сиплые звуки.

— Ч-ч-ч-ш-ш-ш, — Президент пытался вдохнуть воздух, но что-то мешало это сделать. Голова закружилась, а видимые предметы сначала раздвоились, а затем превратились в черно-белые пятна.

Президент рухнул на диван, не выпуская из рук странный документ. *Опять потолок. Безразличный немой потолок...*

Министр надел резиновые перчатки, аккуратно вынул пыльный документ из руки лежащего без сознания Президента и положил его в пластиковый пакет.

— О-хр-ан-а-а! Срочно все сюда! Быстрее! Президенту плохо!

На крик вбежали люди.

— Скорую, срочно.

— Звоните начальнику охраны.

— Какой начальник? Скорую давайте, срочно!

Министр отошел в сторону и наблюдал за бегущими людьми с наслаждением сделанного дела. Он даже не сразу ощутил виброзвонок мобильного телефона.

— Да. Я у него. Ему плохо, ему очень плохо, срочно нужна помощь. Окей.

Толпа сузилась, но толку было мало. Президент не приходил в сознание.

— Скорая выехала, — министр забрал портфель и вышел во двор, — где начальник охраны?

— Он в отпуске, за него Иван Петрович, — молодой парень в камуфляжной форме растерянно развел руками.

— А где Иван Петрович? — повысил голос министр.

— У-у-е-е-х-ал на рыбалку, — заикаясь, промямлил парень.

— Охранники, мать вашу. Открывай ворота, быстрее. Скорая помощь едет.

Белый микроавтобус с ревом сирены и включенными мигалками влетела во двор и остановилась у входа в дом.

Погрузка Президента не заняла и десяти минут.

— Вас к телефону, — парень в камуфляжной форме протянул министру мобильный телефон, — это супруга...

— Да. Министр иностранных дел. Я лично буду сопровождать Президента в больницу. Не волнуйтесь, небольшое недомогание. Всё будет хорошо...

Олег Иванович снял двухкомнатную квартиру на улице Олеса Гончара. В квартире был огромный плазменный телевизор, стиральная машина, а главное — компьютер с выходом в Интернет. *Любой ценой встретиться с Михалычем, любой ценой. Но как? За ним наверняка следят, а может, я зря паникую? Паранойя... И все же. Как?* Олег Иванович включил компьютер, несколько щелчков мыши и на экране монитора появилась заставка икт. пет. *Создать новый адрес, так, логин, пароль... Ну вот и готово.* Он решил отправить Михалычу письмо по электронке. *Конечно, не самый лучший способ, но все же надо пробовать. Аось и сработает.* Он набрал текст:

Привет, дружище, сто лет не виделись. Случайно узнал твой адрес. Я проездом в Москву, так что времени мало. Остановился у тети Лёли.
Заходи в гости.

Потап.

Тетей Лелей Михалыч называл свою соседку, а Потап — это прозвище погибшего друга, о котором он очень много рассказывал.

Олег Иванович заказал такси, налил в чашку кофе и посмотрел в окно. Пора выходить.

Он поехал к дому Михалыча на Печерск. Поездка заняла тридцать минут. Рассчитавшись с водителем, он прошел в проем между домами и, прикрывая лицо газетой, юркнул в первый подъезд. Тётя Лёля жила на втором этаже. Он поднялся и позвонил.

— Мину-у-уточку, — за дверью послышался приятный женский голос, — кто та-а-ам?

— Я друг Анатолия Михайловича, Олег. Мы как-то заходили к вам.

— Ах да, ну, конечно, Олег. Я вас помню. Да, конечно. А что вам надо, господин Олег? — тётя Лёля рассматривала Олега Ивановича в дверной глазок.

— Михалыча нет дома, хочу оставить ему записку.

— Как романтично, молодой человек, а что у вас нет мобильного теле-е-хвона? Разве вы не можете послать ему «сосимэску»?

— Увы, дорогая тётя Лёля, записка исключительно конфиденциальна и я могу её доверить только вам.

— Ну, так бы и сказали, — щёлкнул замок и дверь открылась.

Олег Иванович зашёл. Перед ним стояла красивая женщина уже далеко не бальзаковского возраста. В руках у нее была колода карт, которую она не прекращала тасовать.

— Проходите, мой юный рыцарь, чем могу быть бесполезной? Или скажем по другому, в чем я не смогу-у-у оказать вам помощь?

Олег Иванович улыбнулся.

— Вы меня уже запутали.

— Ах, молодой человек, если бы вы меня знали лет так ...надцать назад...

— Могу себе представить.

— У меня были такие поклонники, такие поклонники... Я бы вас так запутала...

Олег Иванович прошёл в прихожую и сел на диван. Тётя Лёля плавающей походкой переместилась в кухню.

— Одну секу-у-у-ундопку, у меня есть потрясающий кофе, прямо из Бразилии. Шедеврический напиток, божественный вкус. Просто чудо!

Зазвонил телефон. Тётя Лёля сняла трубку.

— Ал-л-ло-о-о! Кто? Ага, ну наконец-то. Проказник вы этакий. Что? Я вас всегда жду, мой генерал. Кто? Ол-с-е-ег? Ну, конечно, он у меня. Мину-у-у-уточку. Олег Иванович это вас.

Быстро сработало, молодец Михалыч. Олег Иванович взял трубку.

— Привет, Михалыч!

— Привет, преступный элемент! Ну, ты молодец, Потап. Буду тебя теперь так называть. Не против?

— Быть бы живым...

— Будешь, если ссудишь!

— И я о том же.

— Подожди, я скоро буду.

— Окей.

Олег Иванович положил трубку.

— Ну, поговорили? — тётя Лёля поставила на столик кофе и леденцы.

— Приказ ждать у вас.

— И сколько у нас времени? — она лукаво улыбнулась.

— Думаю, часа два есть, — подмигнул Олег Иванович.

— Что такое два часа-а-а? Оставайтесь навсегда, я буду кормить

вас французским рыбным супом с семгой и креветками. Вы будете моим рыцарем...

— Я согласен.

Они засмеялись.

Тётя Лёля оказалась достойным собеседником и великолепным рассказчиком. Они пересмотрели все фотографические альбомы, перечитали старинную переписку её бабушки с её бабушкой, прослушали десятки виниловых пластинок и выпили огромное количество замечательного бразильского кофе.

Михалыч появился через четыре с половиной часа.

— Лёля, у тебя есть чего-то покрепче?

— Коньяк, водка, виски?

— Текила!

— Найдём, мой генерал!

Анатолий Михайлович был взволнован, но по-военному собран и строг. Он взял Олега Ивановича за локоть и провел в отдельную комнату.

— Михалыч, я вас таким никогда не видел.

— Вот теперь увидел. Что с того?

— Так всё серьезно?

— Думаю, да. Садись, поговорим. Рассказывай всё, что с тобой случилось, только подробно.

Олег Иванович присел на небольшой диванчик, перед которым стоял журнальный столик. Тётя Лёля быстро сервировала стол: открытая бутылка текилы, рюмочки с солью на крайчиках, дольки лимона и сухая колбаска. Олег Иванович рассказывал не спеша, стараясь не упустить важных мелочей. Михалыч ходил по комнате курил и слушал.

— Да, история. Ничего в твоём рассказе интересного пока не вижу.

А вот мои казаки за это время кое-что нарыли. Слушай внимательно, память у тебя хорошая, запомнишь, — Михалыч закрыл дверь, налил рюмку текилы, выпил и сел на стул напротив Олега Ивановича.

Зная, насколько плотные тексты может выдавать Михалыч, Олег Иванович незаметно включил диктофон в мобильном телефоне и положил трубку на середину стола.

— Ты слышал про вакуумную бомбу?

— Скорее нет, чем да.

— Так вот в России прошли испытания вакуумной бомбы. Если в Америке такую бомбу называли матерью всех бомб, то в России называли отцом всех бомб.

— Неслабое начало... Но я то тут при чем?

— Все мы чем-то при чём-то, пока живы. Ладно, начну с начала. Что ты знаешь о масонах?

— Ну, так, вольные каменщики, тайное общество...

— Нельзя отставать от реальности, это опасно. В 1993 году мне было поручено провести разработку темы масонов и их влияния на Украину. Этим заданием занимался целый отдел в нашем управлении в тесном контакте с внешней разведкой. Одним словом, высшему руководству страны захотелось узнать всю правду о масонах. Тем более, к нам поступали сигналы о том, что масонские организации готовят как почву для активизации в Украине, так и выходят на первых лиц государства с целью превратить их в агентов влияния. В 1993 году в Украине появился международный аферист высокого класса, масон, один из высших иерархов масонского движения, профессор Джулиано ди Бернардо. В то время он являлся специальным уполномоченным принца Майкла Кентского, двоюродного брата королевы Великобритании Елизаветы Второй и Великого Магистра британских масонов, а также неформального лидера мирового масонского движения. И Ди Бернардо, и Майкл Кентский являются очень интересными людьми. Небольшое отступление. Бабушкой принца Майкла Кентского являлась великая княгиня

Ольга Константиновна, внучка российского императора Николая Первого, двоюродная тетя последнего русского царя. По этому поводу принц Кентский считает себя одним из претендентов на российскую корону и рассматривает масонство как возможный мощный объединительный фактор для своей будущей империи, в которую он не прочь вернуться. В 1999 году принц побывал в России — ему оказали такую честь, которой не был удостоен ни один американский президент! Масонство для принца — средство для возрождения Великой Империи. Он ведёт большую благотворительную работу в России, к примеру: был основан госпиталь имени Сперанского в Москве, где лечат детей, получивших серьезные ожоги, проект «Друзья детей России», приют для бездомных в Санкт-Петербурге, проект под названием «Ночлежка», а в Санкт-Петербурге бездомные продают журнал «Дно», который специально для них издают благотворительные организации в Глазго. Всё это, конечно, хорошо, но до определенной степени. А теперь подумай. Даже твоей дочери чего-то да не хватает, не говоря уже о соседских детях. Согласен?

— Думаю, да...

— А если появится добрый дядя из Лондона, который будет им давать то, чего им не хватает, кому мороженое, кому велосипед, кому билет в кино? Скажи, тебе это понравится?

— Что за вопрос? Моя дочь никогда от чужого человека ничего не возьмет.

— Вот тут то и собака зарыта! Никогда! Ни от кого! И это правильно! Наши - то политики заняты другими делами, что им народ? Да и пророком в своем отечестве стать трудно. А вот дяде из Лондона, да ещё и принцу... Кому мороженое, кому велосипед, кому денег за статью... И в итоге. Государство, которое тратит миллиарды на нужды народа, выглядит моськой против слона из Лондона, который тратит всего лишь сотни тысяч. Всё зависит от того, как это подадут масмедиа. Рассуждаем дальше. Добрый дядя из Лондона, не без влияния и денег, получает гражданство России! — Михалыч посмотрел на потолок и многозначительно поднял руки ладонями вверх. — Казалось бы все правильно. Человек много лет «бескорыстно» помо-

гает бедным, немощным, убогим... А тут раз тебе и выборы. И вот такой красивый, умный и очень богатый дядя уже баллотируется на пост президента России! А? Вот тебе и вернувшийся монарх.

— Но это же не реально! Россия — республика, и вряд ли есть возможность возрождения монархии.

— Не всё так просто. У принца Кентского — далеко идущие планы. Ему уже за семьдесят. Он понимает, что его планы на сегодняшний день — иллюзорны. Он бездетен, но у него есть пять племянников, которых он также посвятил в масонское движение и воспитывал в духе трепетного отношения к наследию Романовых. Кроме всего прочего, принц Кентский просто помешан на православии и православной традиции — по другой линии его род восходит к греческой царской династии. Кентский считает, что если не он, то его племянники обязательно взойдут на престол Романовых. С этой целью его привлекает развитие масонского движения на всей территории бывшего Союза и тесная координация действий между масонскими организациями.

— Скажите, а руководители украинских евреев — тоже масоны?

— Нет, — Анатолий Михайлович засмеялся, — это только русские беллетристы типа Платонова считают, что все масонство контролируется евреями. На самом деле масоны неохотно принимают в свои ряды евреев. Постоянно апеллируют к тому, что в свое время приняли в свои ряды еврея Робеспьера, и это ни к чему хорошему не привело.

— А как же жидо-масоны?

— Да никак. В начале XX века царская охранка дала указание установить наблюдение за жидами и масонами. Жандармы на местах, по простоте душевной и недостатку образованности, начали выискивать всюду «жидо-масонов». А потом этот термин подхватили черносотенцы. И пошло-поехало.

— Но ведь большевики были масонами? Я сам читал...

— В руководстве партии большевиков были только два масона —

Луначарский и Скворцов-Степанов. То, что Ленин и Троцкий были масонами — ложь. Так вот в это самое время в Украине появляются другие масонские структуры. Масоны сегодня разделены на несколько конкурирующих групп. Наиболее активными в Европе являются Великая Французская Национальная Ложь и Великий Восток Франции. Обе признают единый шотландский обряд, единую символику. Обе считают арбитром в своих спорах Майкла Кентского. Но Великий Восток Франции в свое время разрешил принимать в масонское движение женщин, что категорически запрещено уставом Великой Французской Национальной Ложы. К середине 90-х в Украине уже работали ответвления как минимум пяти ложь!

— Ты же говорил двух?

— Некоторые национальные ложы являются представительствами двух крупных, но они вели свою работу на территории Украины. Например, австрийцы, создавшие свое отделение во Львове, являются подразделением Великой Французской Национальной Ложы, а итальянцы, вышедшие через Ди Бернардо на Одессу, отпочковались от Великого Востока Франции. Плюс эти самые ложы решили создать свои легальные и прямые представительства в Украине.

— Путаница получается.

— Еще какая! И так, в 1993 году в Париже несколько львовян и киевлян становятся членами Великой Французской Национальной Ложы. Они принимают посвящение в масоны. За ними следом едут два известных украинских журналиста. Потом — дипломат, писатель, депутат и так далее. Одним словом, к концу 90-х у Великой Французской Национальной Ложы в Украине уже было около ста пятидесяти человек в Киеве, Одессе, Львове и Харькове. Итальянцы же обосновались в Киеве, Одессе и Днепропетровске. Великий Восток Франции — в Киеве и Львове. Австрийцы — во Львове. Плюс ко всему добавь тамплиеров, которые создали свои структуры, отдельные от масонов.

— Какое-то средневековье...

— О нет, тамплиеры, которых пытались уничтожить и инквизи-

ция, и французский король, успешно выжили, пройдя сквозь многовековую подпольную деятельность. Масоны стали лишь «светскими тамплиерами». Сами же рыцари Храма действуют до сих пор — в том числе в Украине.

— Послушай, Михалыч, а в России — тот же бардак, что и у нас?

— О, в России намного интереснее. У них есть Великая Французская Национальная Ложь, возглавляемая неким Майским, ранее работавшим руководителем Госплана Украины, а позже ставшим соратником Егора Гайдара. Кстати, у Майского — близкие родственные связи с совладельцами одной из самых влиятельных украинских газет.

— Я правильно понимаю? Это там, где отец и дочь, да ещё американские партнеры в придачу?

— Да. Но кроме этой — видимой — части масонского движения, в России существует некая ложь «Юпитер», деятельность которой является сверхтайной. Члены Великой Французской Национальной Ложы не имеют — кроме высших «офицеров» — доступа к тайнам «Юпитера». Поговаривают, что в «Юпитере» можно встретить многих очень и очень известных российских политиков. Но вернемся к Украине. Причем, события только-только начинают разворачиваться.

— Слушай, у меня уже в голове всё перепуталось. Мне, конечно, очень интересно тебя слушать, но это так сложно... Нельзя ли перейти сразу к моей персоне?

— Думаю, нет. Хотя... Если ты просишь... Ладно. Ближе к делу.

— Ох, и долго вы, Анатолий Михайлович, мудрствуете, левой рукой правое ухо чешете. Конкретное что-то есть?

— Олег Иванович, твой сперматозоид, наверное, был самый быстрый. Ты куда-то спешишь? А вот я тебя немножко поинтригую... — Анатолий Михайлович открыл дверь и громко крикнул, — Лёля! Еще два кофе, пожалуйста. Эспрессо... Сливки не надо... Наш президент, Виктор Великий, появился как продукт глобальных технологий.

Глобализм лежит в основе масонской деятельности — в мировом масштабе. Все события связаны между собой. Закон сообщающихся сосудов помнишь? Это примерно так же. Политика масонов предвидит стирание границ и создание интернационального государства с универсальной религией и уважением к бизнес-деятельности. В большинстве своем наши политики не осознают угрозы глобализации.

— Но в чем выгода масонов? Зачем все эти ритуальные танцы вокруг Виктора Великого?

— Знаешь, ещё в шестнадцатом веке Мишель Нострадамус пророчествовал, что на берегах Борисфена, то есть Днепра, будет установлен новый порядок. На однодолларовой купюре что нарисовано?

— Не помню. Пирамида, какая-то?

— Молодец, правильно, пирамида. Только не простая, а усеченная. А что изображено в отсеченной части? А?

— ...- Олег Иванович отрицательно покачал головой.

— А изображен там открытый глаз. Знак масонов. И по кругу надпись «Novus ordo seclorum» то есть Новый Мировой Порядок. А картинка символизирует организацию жизнеустройства людей на планете Земля. Толпо-элитарную модель общества. Масоны с тех пор очень пристально смотрят на Украину. Уже через сто лет после Нострадамуса Украина была наводнена масонами и антитринитариями. Кстати, немногим ранее оставили на территории Украины свой глубокий след и тамплиеры — на Закарпатье есть тамплиерский замок. Да и Богдан Хмельницкий, собирая под свои знамена всех желающих бороться с католичеством, стал привлекательным моментом для масонов. Немирич¹, братья Выговские и прочие деятели эпохи Хмельницкого были масонами. При Петре Первом масонство стало входить в моду. Потом масонство развивали поляки — и тоже на украинских землях. В разное время и задачи масонства были разными.

¹ «Самуэль/Самийло Немирич, который проживал на Галицком предместье Львова в начале 17 века, прославился постоянными бурдами, хулиганством и ограблениями.

Съезди в парк «Софиевка» в Умани — это наиболее сохранившаяся площадка для масонских ритуалов. Потом пошла эпоха масонов Грушевского, Петлюры, Винниченко и прочих... То есть, масоны всегда интересовались Украиной. Но они не интересовались Украиной как независимым государством. После Первой мировой войны мир и Европу делили именно масоны. По принципу: у Польши есть своя национальная ложа — будет и национальное государство. У чехов и словаков одна ложа на двоих — и государство будет общим — Чехословакией. У балканских народов — боснийцев, сербов, хорватов, македонцев, черногорцев и прочих — одна ложа — значит, будет и одно государство — Югославия. И ничего, что боснийцы — мусульмане, сербы — православные, хорваты — католики, а черногорцы до войны имели свою государственность. О македонцах вообще говорить не приходится — они плоть от плоти родные братья болгар. Но вот так уж сложилось, что масоны их были в общей ложе — получите общее государство и распишитесь!

— А Украина?

— А вот на Украину это правило не распространялось. Украина должна была стать лакомым куском для масонов всего мира. Какие тут только планы не вынашивались! И план создания еврейской автономии в Таврических степях, и план превращения Украины в образцово-показательный заповедник свободы и просвещения.

— Споры о геноциде и голодоморе имеют какое-то отношение ко всему этому движению?

— А как же. Кстати, признание голодомора геноцидом — социальная бомба замедленного действия, заложенная на будущее. Придет время и вдруг кто-то вспомнит, что геноцид — это насилие одного народа над другим по двум возможным причинам. Либо по причине национальной, либо религиозной. Религиозная отпадает — у русских и украинцев одна религия была. Остается национальная, а кто, извините меня, руководил в то время страной? А? Не грузин ли? Вот тут и начнется. Так вот теперь приходит время возрождать старые планы и старые концепции. Майкла Кентского убедили, что

возрождение Великой Руси должно начаться из Киева. И не только Великой Руси — сейчас очень актуальна тема «Единой Европы от Атлантики до Владивостока» — масонская тема. Кроме того, путем своих геометрических и математических исследований масоны решили, что Чернобыль — это не зло, а величайшее благо для человечества. Мол, на этих землях должна появиться новая раса белых людей — более стойкая, более способная к продолжению человеческого рода, неподверженная острым болезням современности, не испорченная морально и духовно. Нынешняя европейская цивилизация больна — духовно и физически. Однополые браки, нетрадиционные культы, смешение рас, неизлечимые болезни, малоподвижность, изнеженность и избалованность современных европейцев — тупиковая ветвь развития цивилизации. Масоны именно здесь, у нас, хотят создать некую фабрику по воспроизводству расы. А ещё масонов очень интересуют наша энергетика и наши плодородные земли.

— Глубоко берете, Михалыч. Я — то тут при чём?

— Подожди, поймешь. Смотрю, диктофон включил? Молодец. Пиши, пиши. Так вот, это только видимая часть. На самом деле процессы гораздо глубже. Потомки Майкла Кентского мечтают развернуть новый поход — как на Восток, так и на Запад. Неся с собой свет — иллюминацию. Не случайно Ди Бернардо хочет основать в Киеве свою Академию Иллюминати. Он даже подал заявку на земельный участок. Хочет построить что-то фантастическое. Этаким небоскреби́к, из стекла и металла. Но они привыкли действовать чужими руками. Так вот масонам удастся влиять даже на политику Америки. Вернее, направлять её действия в нужное русло. Ты что-нибудь слышал о Гарвардском проекте? Хотя куда тебе, тебе это не интересно. Так вот, основными идеями Аллена Даллеса¹...

— Михалыч, мы так с вами и до Октябрьской революции дойдем... — не скрывал раздражения Олег Иванович. Он очень хо-

рошо знал генерала. Если его понесет, то это надолго...

— Слушай и мотай на ус. Твоя спешка уже привела тебя к тому, что есть...

— Хорошо, слушаю и повинуюсь.

— Так вот, Даллес на закрытых совещаниях докладывал, что в 21 веке человечеству грозит страшный кризис из-за нехватки энергетических ресурсов. И что преодолеть его можно только после уничтожения СССР с плановым сокращением населения в 10 раз. Как ты сам знаешь, СССР распался даже ещё быстрее, чем предполагали в ЦРУ. Но вскоре, по информации журналистов, вместо Гарвардского появляется так называемый Хьюстонский проект. Его главная цель — подчинить себе Россию. Поэтому вести кровопролитные войны не обязательно. Порой лучше задушить противника в своих «дружеских» объятиях. Бил Клинтон на закрытом совещании говорил, что, расшатав идеологические основы СССР, США бескровно сумели вывести из борьбы за мировое господство государство, составляющее основную конкуренцию Америке. Это заявлял не какой-нибудь балабол, это заявлял президент США. Так же, как и в России, в Украине в начале девяностых начинаются процессы приватизации. Чиновники заявляют, что скоро украинцы станут собственниками крупных предприятий, а государство, наконец, рассчитается с долгами. Начинается распродажа предприятий за копейки. В России в это время происходит то же самое.

— И что, все такие дураки? Никто не понимал, что происходит и к чему это всё приведет?

— Похоже, что нет. Конечно, далее выяснится, что идея такой приватизации родилась не в правительстве. Её привезли иностранные советники. В одном только Госкомимуществе Украины таких советников было более тридцати человек. И все, по удивительному совпадению, из одного и того же Гарвардского университета, где родился план по развалу СССР. Вот тебе и скромные вольные каменщики. Всех на рельсы поставили.

— А как же сказки о Европейском Союзе, публичные драки между

¹ Аллен Уэлш Даллес (англ. Allen Welsh Dulles), — директор ЦРУ (1953—1961) и руководитель американских секретных служб в Европе во время Второй Мировой войны.

Кабмином и Президентом, ослабление основ государства, коррупция, которая должна разьесть основы общества? — Олег Иванович подумал о своей семье. *Где они, что с ними. Что с Маней? Бедная девочка, первый день пришла на работу, а тут...* — И всё же я не могу понять, при чём тут я?

— Ты? Это, конечно, ещё вопрос. Масоны знают, когда сказать «стоп» и когда запустить новый отсчет истории. Точнее, машина уже запущена и, боюсь, её уже не остановить... А началом может послужить искусственно организованный кризис или международный конфликт, либо экологическая катастрофа.

— Как это искусственно организованный? На пустом месте, что ли?

— Такое часто случается. Стреляют, взрывают, преследуют, угрожают, а на самом деле мотива нет. Спецслужбы отвлекаются на разработку того, что произошло, отвлекают силы, время, а мотива просто нет. А в это время происходит что-то намного важнее. Но это не в твоём случае, у тебя мотив такой, что...

— Что за мотив?

— Бомба, вакуумная бомба. Вернее, сырьё для её производства.

— Ты уверен?

— Нет сомнений. На твоём участке как раз такое сырьё и есть. Это, конечно, невероятно, но факт. Кто-то проводил исследования недр на твоём участке. При этом метод очень даже интересный. С небольшого расстояния выпускается управляемая ракета, которая летит вертикально вверх, а затем разворачивается к земле, набирает огромную скорость и так называемое «резьбовое вращение». А затем врежется в землю. Вернее сказать, вкручивается в землю, как шуруп в дерево. Так она попадает на глубину до пятнадцати метров.

— А вы ничего не путаете?

— К сожалению, нет. На поверхности остается лишь тонкий провод, он же — антенна. Такая подземная лаборатория исследует недра до пяти километров в глубину. Так вот, на твоём участке таких ракет

работает более двадцати.

— Михалыч. А ведь похоже на правду. Я не мог понять, почему на этом участке глохла машина. Я физика одного привлек для изучения. Предполагали, что там находится портал для входа в Тонкий Мир.

— Излучение. Во всем виновато излучение.

— А ты знаешь, Михалыч, кто меня предупредил перед взрывом в офисе?

— Ну и кто?

— Моя бабушка... Которой уже много лет нет в живых.

— И ты туда же. Не могу в это поверить. Как такое может быть?

— А вот так, мой генерал. Может.

Михалыч отрицательно покачал головой и развел руками.

— А ты знаешь, ведь к нам поступало очень много разного рода фантастической информации. Кто-то видел летающего человека, то якобы по Киеву разгуливают представители темных сил и наказывают взяточников и ростовщиков. Но была дана команда не обращать на это никакого внимания. Да и свидетели такого рода событий, как правило, выглядели достаточно странно.

— Послушай, Михалыч, ты говоришь, были свидетели странных событий... Ваши сотрудники это как-то фиксировали?

— А как же. Протокол, подпись и в архив... Хотя я как-то хотел что-то пересмотреть, пошёл в архив, а там ничего нет. Все изъято. Внимания тогда этому не придал. Изъяли, так изъяли. Хотя этот факт долго не давал мне покоя. Я так и не смог выяснить, кто изымал документы и куда их передали.

— Вот видишь, кому-то это было нужно. Возможно, там могут находиться ответы на многие вопросы. И всё же я не могу понять, с чего ты взял, что к моей истории имеют отношения все эти масоны и тамплиеры?

— А потому, что земелька твоя в Голосеевском лесу уже тю-тю.

— Как это тю-тю?

— А так, её уже прибрали к рукам. Ты же документы не оформил до конца? Нет. А наша городская власть только этого и ждёт. Цап-царап и на аукцион. Аукцион проходил именно в то время когда ты бегал от джинсового киллера. Вот так. А на аукционе три участника. И какие участники! Все, как на подбор! Участников три, а хозяин один! Во как! Нам удалось проследить учредителей. Дочерние предприятия, общественные организации, компании по управлению активами. В общем, наверчено столько, что не сразу разберешься. Но благодаря старым проверенным связям удалось кое-что выяснить, — Михалыч лукаво подмигнул и прикурил сигарету, — россияне помогли. Они молодцы, быстро вкурили достоинства цивилизации, они и помогли разобраться. За этими тремя претендентами на твою землю в Голосеевском лесу стоит американская компания Мэйн Корпорэйшн с полномочным представителем в Киеве господином Дэвидом Бауэром, я тебе о нем уже сообщал.

— Я не мог понять, почему у них такой интерес к этой земле. Они три раза поднимали цену, а я не соглашался. Меня интриговал процесс переговоров. Всё не мог понять...

— Ну и дурак, надо было продавать. Сейчас не бегал бы от них, а лежал бы себе на Канарах или Гавайях. Ду-у-ура-а-ак.

— Что же это вы у дурака-то зарплату получаете?

— Обиделся? Это я так по-стариковски...

— Старик нашелся, на тебе еще пахать и пахать можно.

— Может, и не старик, но силы уже нете. Так вот о бомбе. В этой бомбе взрывчатка необычная, гораздо сильнее тротила. А сырье для производства такой взрывчатки находится на пятикилометровой глубине в расщелинах земной коры, вблизи крупных рек. А что самое интересное на твоем участке, как раз такое сырье. Ещё в советское время там велись геологоразведочные работы. Искали хорошую воду, а нашли...

— Но это же невозможно в столичном парке... Добывать? Кто разрешит?

— А ничего разрешения и не требуется. Строится офисное здание с пятнадцатиметровым проемом внутри. И пока идет строительство здания, сверлится скважина всего лишь пять-шесть сантиметров в диаметре. В результате получается обычное здание, а внутри происходит добыча всего, чего хочешь: урана, алмазов, сырья для вакуумных бомб и так далее и тому подобное. Главное, чтобы скважина была. Обычно ее располагают в шахте лифта. Способ добычи называется выщелачивание.

— Выщелачивание?

— Так точно. В скважину закачивают раствор соляной кислоты, которая растворяет находящиеся в недрах флюиды, а затем выкачивают рассол и отправляют на завод где, путем выпаривания получают то, что было растворено...

— Неужели...

— Это факт. Выщелачивание — это извлечение одного или нескольких компонентов из твердых тел: руд, концентратов, промежуточных продуктов, иногда отходов производства водным раствором, содержащим щёлочь, кислоту или другой реагент, а также с использованием определенных видов бактерий; частный случай экстрагирования из твердой фазы. Обычно выщелачивание сопровождается химической реакцией, в результате которой извлекаемый компонент переходит из формы, не растворимой в воде в растворимую.

— Да, Анатолий Михайлович, вы не перестаете меня удивлять. Откуда вы всё это знаете?

— Работа такая. Я в свое время имел отношение к организации безопасности на урановых рудниках, а нас в советское время хорошо готовили. Ду-у-ураков не было.

— Вы на кого намекаете? — Олег Иванович нахмурился.

— На тебя, на кого же. Ты со своими деньгами совсем крышей

съехал. Когда собой займешься? Спортом не занимаешься, языки не учишь, компьютер почти не знаешь... Так себе — кошелек с деньгами, — Михалыч засмеялся.

— Если ты такой умный, то почему у тебя нет денег?

— Нашел мерило. У меня есть ты. Так или иначе, твои деньги зависят и от меня...

— Ну, ты даешь, Михалыч. Ловкая у тебя философия.

— Я бы сказал, правильная.

— Ладно, пока всё понятно, что ничего не понятно. Будем разбираться дальше.

— Денег дашь?

— Денег? — Олег Иванович искоса посмотрел на Анатолия Михайловича. — Де-е-енег?

— Обиделся? Прости дурака старого...

— Ты не дурак. Ты жук, Михалыч. Навозный жук. А на фигу ты мне про масонов и тамплиеров полчаса голову морочил? Не мог сразу перейти к делу?

— Это для общего развития.

— Понял, нашел свободные уши?

— Ну и простак же ты. А ведь простота хуже воровства. Неужели сам не догадался?

— ... — Олег Иванович недоуменно посмотрел на Михалыча и пожал плечами.

— Э-эх, молодежь, молодежь... Учишь вас, учишь, а вы... У тебя забрали землю, а для чего? Знаешь, какое назначение записано в новом договоре аренды?

— Не представляю...

— Под строительство Академии Иллюминати. Вот так, мой друг...

Олег Иванович был настолько поражен и взволнован, что ничего не мог сказать. Он встал и обнял отставного генерала.

— Спасибо тебе. Я понимаю, как ты рискуешь. Береги себя. Выкрутимся...

...корая помощь с надписью «Борис» влетела на территорию клинической больницы «Феофания».

В окнах операционной горел свет. Лучшие врачи ожидали самого важного пациента страны. В фойе была настоящая паника. Несколько народных депутатов, заместитель главы СБУ, представители СНБО Украины, журналисты и ещё Бог знает кто. Всё это уважающее себя собрание бегало, кричало, суеилось и изрядно мешало медикам делать свою работу.

Президента в бессознательном состоянии переместили в реанимационное отделение. Консилиум врачей в панике бился над результатами анализов в поисках правильного диагноза. Самое странное было то, что анализы были прекрасными. Кардиограмма — в норме, давление — как у космонавта. Все органы работали, как часы, но Президент Украины не приходил в сознание.

— Самолет готов, через тридцать минут — в любую точку земного шара.

— Спасибо, президента уже готовят к отправке, — министр иностранных дел поправил галстук и достал мобильный телефон.

— Куда? — мужчина в строгом черном костюме, атлетического телосложения, больше похожий на Бетмана, чем на пресс-секретаря СНБО.

— Австрия. Вена. Клиника «Рудольфинерхаус». Оттуда уже звонили. Ждут.

— Вы доверяете австрийцам?

— Это прекрасно оборудованная клиника. Высокий уровень! Не больница, а сказка.

— Вам решать. Будем надеяться, что всё обойдется. Что делать с журналистами?

— А что с ними делать? Надеюсь, вы пригласили тех, кого нужно?

— Естественно.

— Вот и чудесно, дадите пресс-конференцию, вы же знаете свое дело.

— А диагноз?

— Отравление.

— Президента отравили?

— Без сомнения. Отравили политические оппоненты примерно сорок восемь часов назад.

— А что говорят медики?

— А что они могут сказать? Они в растерянности, даже не могут поставить диагноз. Медики — педики, им бы только что-нибудь отрезать...

Звонок мобильного телефона перебил разговор.

— Да. Это я. Президента загрузили? Хорошо. Выезжайте в аэропорт, я — следом, — министр выключил телефон, — вот и всё. Едем дальше.

— Странно звучит: «Загрузили Президента». Он же не компьютер. Как-то не по-человечески.

— Как ни говори — суть одна. А человека можно не только загрузить, но и перегрузить, — министр ехидно улыбнулся и, не оборачиваясь, пошел к выходу.

— Согласен, — пресс-секретарь поправил прическу и скрылся в масмедийной гуще продавцов хаоса, состоящей из людских тел, фотоаппаратов, видеокамер, лжи и жадности...

наше время трудно себе представить квартиру без телевизора. Гениальное изобретение двадцатого века, извращенное демонстративной агрессией и

патологической профанацией, одухотворенное сереальностью, из невинного развлечения давно превратилось в непобедимого Монстра. Захватывая умы и души живущих на планете людей, это чудовище перестраивает детей Создателя в гомосапиентических виртуалов, уводя их далеко за пределы объективной реальности, лишая их элементарной природной радости под названием Человеческая Жизнь.

Борис Семенович лежал на диване и щелкал телевизионным пультом. Задерживаясь на каждом канале не более минуты, он был совершенно безразличен к тому, что происходит в ненавистном ящике. Он прекрасно осознавал свою зависимость от телевизора, однако избавляться от пагубной привычки не торопился. В реальной жизни многим людям не хватает ярких ощущений. Но вместо того, чтобы сделать собственную жизнь интересной и захватывающей, люди следят за чужой, сетуя на то, что их судьба не удалась. Телевизор запирает зрителя в четырех стенах. Причем «затворниками» люди становятся вполне добровольно и осознанно. Борис Семенович иногда даже отключал телефон, чтобы «пообщаться» с телевизором тет-а-тет. Ни один наркотик, ни одно заболевание не способно так быстро и так прочно изолировать человека от общества, как телевизор. Перед экраном люди расслабляются и становятся пассивными. Чувство восприятия времени нарушается. Реальность искажается. Поток данных с экрана, обработанный специальным образом, на бессознательном уровне навязывает людям определенные ценности. Телеиндустрия сама определяет перечень вопросов и сама декларирует варианты ответов. Надо только лишь включить телек и вы тут же узнаете, что вам нужно и где это можно купить. Если спросить Бориса Семеновича, для чего он ежедневно смотрит новости, он ответит, что хочет быть в курсе того, что происходит в мире. Но о каком мире можно говорить? По телевизору постоянно

рассказывают о войне, смерти, катастрофах, несчастьях, стихийных бедствиях.... На одну положительную новость приходится семь отрицательных. Такой поток негатива вреден для здоровья. И для чего нужно знать о том, что происходит в Африке, если не видишь, что происходит в собственном доме?

Язык телевидения — это «картинка» и звук. Они воспринимаются правым полушарием, которое заведует подсознанием. Телевизионная реальность изменяет его, вызывая зависимость, навязывая стереотипы поведения и мышления.

Телевизор в квартире Владимирских попросту не выключался. При этом Борис Семёнович и его супруга Клара вели достаточно активный образ жизни. У них постоянно были какие-то гости, родственники, знакомые или знакомые знакомых. Если представить линию фронта между Телемонстром и Человеческой Жизнью, то лучшего образа, чем квартира Владимирских — не придумать. Встречи талантливых поэтов с голодными бардами, пятничный преферанс в компании отвратительных друзей, пьянки с бомжующим Грумбергом и его друзьями — всё это жизнеподобное действо, названное Борисом Семеновичем одним словом «бл....во», происходило на фоне постоянно работающего черного ящика по прозвищу «хренотень».

— Клара, в новостях сказали, что нашего президента отравили, но как бы не совсем. Чуть-чуть отравили.

— Я слышала. И что тут удивительного?

— Удивительно, что «чуть-чуть»...

— Сообщили, что рицином отравили. Это высокотоксичный альбумин. Странно...

— Почему странно?

— Для большинства организмов попадание даже небольшого количества рицина внутрь может привести к смертельному исходу, а он остался жив.

— Сильный организм, наверно.

— Может быть, но после отравления рицин в организме невозможно найти.

— А это хорошо или плохо?

— Не знаю, но зря в австрийскую клинику не повезли бы.

— Жаль человека, зачем было идти в политику, если собственный желудок защитить не может. Вон даже артисты и те со своими поварами по миру ездят. Теперь на Россию валить будут.

— Боря, ты лекарства свои выпил?

— А как же, конечно, выпил.

— Утром Грумберг приходил, я не стала тебя будить.

— Рано приходил?

— В восемь часов. Говорил, что очень надо, дело говорит есть. Я ему говорю, у вас дело — это всегда водка. Боря, зачем тебе такие знакомые?

— Клара, мои друзья хоть не в болоньи, зато не тащат из семьи, а гадость пьют из экономии хоть по утрам да на свои, — пропел Борис Семенович.

— Вот, запел на старости лет.

Борис Семенович вышел на балкон:— Грум! Эй, Грум!

— Чего орешь, тут я, —Грумберг сидел на скамейке у подъезда.

— Ты чего хотел?

— Дело есть.

— Заходи.

Грумберг выглядел как никогда помпезно: новый джинсовый костюм и кроссовки, фирменная футболка и темные очки. А пахло от него не помойкой, а замечательным импортным одеколоном.

— Ну, ты просто франт! Ален Делон! Клара, Клара, ты посмотри, кто к нам пришёл!

- Чего ты разошелся? Не видел бомжа в чистой одежде?
- Удивил ты меня, просто поразил. И где это ты прибарахлился?
- Есть места.
- Проходи в мою комнату, а я сейчас чайку соображу.

Несколько минут заняла подготовка к разговору. Когда всё было готово, Борис Семенович прикрыл дверь и сел напротив Грумберга.

- Валяй, что у тебя?
- Президента поменяли.
- Какого президента? Кто поменял?
- Президента Украины поменяли.
- Его же отравили...

— Правильно, сначала отравили, а во время перевозки в больницу поменяли на другого человека. На двойника. Так что в больнице уже обследовали не Виктора Антоновича, а двойника. И в Австрию повезли двойника.

- Слушай, зачем и кому могло понадобиться менять президента?
- Этого я не знаю.
- А откуда знаешь, что поменяли?
- Я все видел...
- Как это видел?
- Во сне...
- Ну, ты даешь, Грум! Ты чудишь или как? Что значит во сне?
- Понимаешь, Семеныч, я ведь по ночам иногда летаю...
- Ты говорил, я тебе верю, ну и летай себе... Кстати, как ты это делаешь?
- Не знаю. Я не могу этот процесс контролировать. Тело покидаю

и вперед. Я могу куда угодно проникнуть и что угодно увидеть. Такое впечатление, что меня кто-то ведет. Вот только не могу воздействовать физически, а только лишь вижу...

— Ну и что ты видел?

— Лечу я над Киевом и вижу, несется эскорт из нескольких машин. Скорая помощь с мигалками, сирены, менты впереди... Я думаю, кого это с такой помпой по ночам возят? Шмыг и залетел в скорую, а там... — Грумберг сделал паузу, глотнул чая и закурил сигарету.

— И что там?

— А там два президента. Один — без сознания лежит, а другой — рядом сидит и ещё два человека, на английском говорили. Я офигел, представляешь? Два совершенно одинаковых и оба президенты. Смотрю, что будет дальше?

— И что было дальше?

— Того, который лежал без сознания, сняли и запаковали в черный мешок, а тот, который сидел, лег на носилки. А когда машина прибыла в больницу, носилки со вторым президентом потащили в здание, а скорая выехала за пределы больничного городка и там мешок с первым президентом перегрузили в другую скорую помощь. Представляешь?

— И что дальше?

— Его повезли в частную клинику и положили на операционный стол.

— Во дела... Мистика...

— Я подождал, пока не закончилась операция, и...

— А что за операцию ему делали?

— Пластическую операцию...

— Ему изменили внешность?

— Не только. Его мозг обработали специальным прибором.

Чтобы ничего не помнил. Они так и сказали: «After such processing he will not recollect even native mum»¹.

— Ну и что с этим делать? Кто поверит?

— В том — то и вопрос. Никто не поверит.

— Слушай, Грум, надо дождаться Михаила Яковлевича, вместе подумаем, что делать. Я и так подозревал, что в Украине неладное твориться... А после того, что ты рассказал...

— Я сам офигел. Даже решил временно изменить свой образ жизни.

— Готовишься к встрече с Гарантом?

— А чем черт не шутит? Всё возможно, у меня есть, что сказать... Только вот...

— Что?

— Боюсь, что мы его после операции не узнаем.

— М-да. Ну, так ты снова слетай и всё выясни.

— О, если бы я мог...

— Не понял?

— Я, к счастью, не могу контролировать этот процесс.

— Что ты мне голову морочишь, как это не можешь?

— Все это происходит вне моего желания... Как будто кто-то меня ведет...

— Чушь, полная чушь. То он летает, то он не может. Ну и что же нам делать?

— Если бы я знал.

— Может, выпьем? — Борис Семенович кивнул на бутылку водки. — А?

— А что делать? Давай!

Они устроились за журнальным столиком, разлили в два стакана остаток водки и молча выпили.

— Да, чуть не забыл. Книгу отдай.

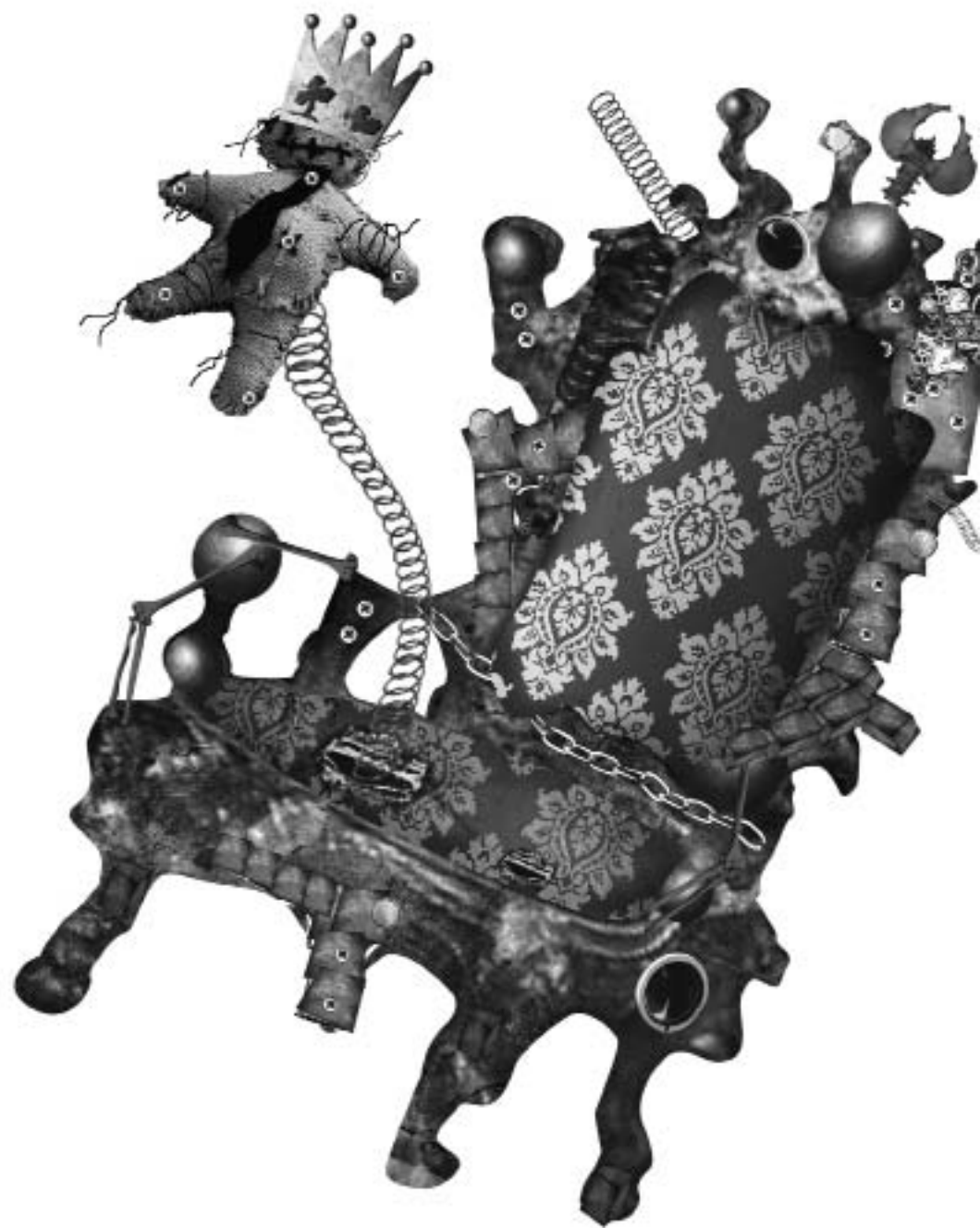
— Тебя не поймешь, то сохрани, то отдай...

— Ищут ее... Серьезные люди ищут...

¹ После такой обработки он не вспомнит даже родную маму (англ.)

Олег Иванович шел по утреннему Киеву. Вторник. Десять часов утра, а пробки, как в пятницу вечером. Вот так когда-нибудь всё в Киеве и остановится. Образуется такая глобальная пробка. И всё. Ему хотелось крикнуть во весь голос. Но он крикнул молча: *Эй, обыватели! Что будете делать, когда проехать не сможете?* Со стороны он выглядел, как иностранный турист. Он шёл, улыбаясь, не спеша, рассматривая чёрный асфальт. *Асфальт, а ты живой? Что молчишь? Топчут тебя эти толпары... Все куда-то бегут, спешат, боятся опоздать... А вдруг без них борцы съедят... Крысы... Так. Сколько ни тяни, а дело делать нужно.* Он подошёл к телефону-автомату и снял трубку. Несколько привычных движений и в трубке послышались гудки.

— Алло! Мартин? — Олег Иванович понизил тон. — Это я.

— Да, я вас слушаю.

— Это Олег.

— Я вас узнал, господин Пушкарев.

— Мы сможем сегодня увидеться?

— Без проблем. Во второй половине дня. Как вам будет угодно.

— В пятнадцать часов... Э-э-э... В ка-а-а-фе... В подземном переходе на станции метро Театральная. Там есть стекляшка...

— Я знаю это кафе, но там не всегда хорошая связь. Хотя, как скажете...

— Вот и договорились.

Олег Иванович повесил трубку и направился к ближайшему кафе. Будем играть роль до конца.

Мартин улыбнулся. *Хорошее начало дня. Это знак.* Он взял мобилку и набрал номер.

— Доброе утро, сэр.

— Привет, Мартин, рановато звонишь. Что-то случилось?

— Клиент вышел на связь. Назначил встречу.

— Ну, наконец-то. Где?

— На станции метро Театральная. В три часа.

— Три часа. Что у меня? Так. Хорошо, я успею. Итак, идешь на встречу, берешь клиента и едете ко мне в офис.

— Есть, сэр. Как скажете, сэр.

— Ты что, не выспался?

— Всё в порядке. Просто рад, что все получается...

— Ещё ничего не решилось.

Дэвид положил трубку. *Хочет встретиться, очень хорошо. Очень... Хорошо...*

Олег Иванович купил свежую газету, зашёл в кафе, осмотрелся и выбрал ближайший к выходу столик. *Времени хоть отбавляй. Бродить по городу опасно, а вот тут можно часик — другой пересидеть.*

— Здравствуйте, вот меню, — официантка положила на стол кожаную папку.

— Спасибо, меню не потребуется. Я жду друга, так что мне зелёный чай, мед и блинчики с маком, — он присел на жесткий холодный стул. *Жду друга. А кто мой друг? Вот так бегаешь по жизни, знакомых море, а настоящих друзей...*

— С маком нет, есть с творогом и клубничным джемом.

— А вам какие нравятся?

— Не знаю, может быть, с джемом...

— Вот и хорошо, несите с джемом, — Олег Иванович взял газету. *Итак, что у нас новенького?* На первой странице была размещена статья «Антиглобалисты — кто они?».

— Процессы глобализации? Это вас беспокоит? — голос из-за спины прогремел, словно выстрел.

— А вас нет? — Олег Иванович обернулся. Он не любил, когда подходят сзади да ещё громяют на ухо. — Извините, чем обязан?

— Э-э-э. Гм. Да, в общем-то, ничем. Вы меня извините, у меня сегодня праздник. Знаете, как бывает... — мужчина выглядел солидно и достаточно интеллигентно.

— Бывает и корова летает... — раздраженно прошипел Олег Иванович.

— Можно? — мужчина, не дожидаясь разрешения, уселся напротив. — Ещё раз простите, ради Бога.

— Да ладно, чего уж. И что у вас за праздник?

— Сын родился. Представляете? Сын!

— Поздравляю, и как назвали? — Олег Иванович с удивлением посмотрел на пожилого мужчину. *Лет шестьдесят с гаком. Сын. Ну, молодец...*

— Есть варианты... — мужчина загадочно улыбнулся.

Олег Иванович обратил внимание на золотые швейцарские часы и перстень с огромным бриллиантом. А через минуту мужчина положил на стол мобильный телефон.

— Сын — это хорошо. От сына и я бы не отказался, — Олег Иванович посмотрел на телефон. Vertu Yellow Gold — *настоящее произведение технического искусства. Да. Серьезный пассажир...*

— Меня зовут... Гм. Сейчас... Я... — мужчина опустил руку во внутренний карман пиджака и достал визитную карточку, — вот. Это я.

Олег Иванович взял визитку.

— Андрей Архипович... Генерал-лейтенант... Серьезный вы человек, Андрей Архипович. Генерал! — Олег Иванович успокоился. *Нормальный мужик. Будет с кем время скоротать.*

— В отс-с-ставке. Можно просто Архипович. Простите, я уже немного выпил. Сами понимаете... А вас как величать? Стоп! А можно я угадаю?

— ...- Олег Иванович поднял брови и утвердительно кивнул головой. — Валяйте. Угадывайте.

— Вопрос. Ваше имя начинается на гласную или согласную? — Андрей Архипович достал листок бумаги и ручку.

— На гласную.

— Хорошо. Если на гласную, то... А какая цифра вам больше всего нравится?

— Семерка.

— Хорошо, значит семерка. Это ваша цифра?

— В смысле?

— В смысле нумерологии. Ну, сумма даты рождения. Год, месяц, день.

— М-да. Угадали.

— Тогда ваше имя... Ваше имя... Владимир! — лукаво блеснул глазами Андрей Архипович и положил на стол лист бумаги.

— К сожалению, не угадали... — Олег Иванович перевел взгляд на стол.

На листе бумаги печатными буквами было написано:

О Л Е Г

Олег Иванович потерял дар речи. Бежать? Или... Минута молчания затянулась. Они смотрели друг другу в глаза и каждый думал о своем. Первым нарушил молчание Андрей Архипович.

— Вы знаете, Олег Иванович, я человек не злопамятный, но у меня хорошая память. И поскольку ваш портрет с утра до вечера показывают все телевизионные каналы, то угадать ваше имя было нетрудно, — Архипович засмеялся, — не похожи вы на убийцу. Нет, не похожи.

— ... — Олег Иванович молчал и смотрел в глаза генералу. Ему вдруг стало как-то легко и спокойно. *Этот не выдаст. А если выдаст? Бежать.* Он покосился на входную дверь.

— Что вы молчите? Вы совершенно невнимательный, я за вами шёл полквартала, всё думал «он», «не он». Теперь точно вижу — «он». Так. Вы что? И не думайте! — Архипович кивнул на входную дверь. — Вон там видите, простаивает без дела истукан в черном костюме? Ага. Это мой водитель. Так что сидим и...

— Что вы от меня хотите?

— Ничего!

— Ну так уж и ничего. Полквартала прошагать и ничего? С сыном вы ловко придумали. Один ноль в вашу пользу.

— А? Оценили? Визитку отдайте, — Архипович забрал визитку и положил обратно в карман пиджака.

— И всё-таки что вам от меня нужно? Я такой же преступник, как...

— Я же вам сказал, что не верю в то, что говорят о вас по телевизору.

— Тогда не понимаю.

Подошла официантка.

— Девушка, а вареники у вас есть? — генерал нахмурил брови. — Только не говорите «нет».

— Вареники есть. А с чем вы хотите вареники?

— А что у вас хуже всего берут?

— Гм. То есть как это «хуже всего»? У нас всё хорошо берут.

— Тогда несите две порции с мясом, двести грамм водки, два салатика и... — Архипович перевел взгляд на Олега Ивановича, — и...

— Минералку без газа, томатный сок и черный хлеб. Пожалуй, всё.

Официантка записала заказ и растворилась в глубине заведения. Архипович наклонился вперед, прижал указательный палец правой руки к губам и прошептал.

— Привет от Михалыча. Только тс-с-с. Дайте свой телефон.

Олег Иванович утвердительно кивнул головой, улыбнулся, достал телефон и положил на стол. Андрей Архипович накрыл трубку салфеткой и сдвинул на край стола.

— Э-э-э... — Олег Иванович пожал плечами и развел руками, не решаясь возмущаться вслух.

— Это вам уже не нужно. Если я вас нашёл, то и другие найдут. Возьмите это, — Архипович кивнул на свой телефон.

— Вы серьезно? Он же стоит...

— Пусть это вас не волнует. Это не совсем то, что вы думаете.

— То есть? Как?

— Китай, знаете ли, может всё, — Архипович улыбнулся, — я думаю, нам надо уйти.

— А как же вареники?

— С варениками будет всё нормально, — Архипович вытащил купюру в двести гривен, положил на стол и поставил на нее солонку, — вперед, мой друг. На баррикады. Поднимем знамя Хакамады. Что вы так смотрите? Это я импровизирую.

Они вышли из кафе и сели в чёрный джип.

— В офис! — скомандовал Архипович. — А что, вам действительно интересны процессы глобализации?

— Вы о газете?

— О глобализации.

— Я не понимаю, как это может не интересовать.

— А я думаю, что пытаться понять процессы глобализации — это всё равно, что рассуждать на тему запыленности Марса. Никакой пользы на каждый день. Берите чуть ниже...

— Я так не думаю, — Олег Иванович посмотрел в окно на удаляющееся кафе.

— Действительно?

— А вас это удивляет?

— Более чем... Хотя...

— Что?

— Смотря, что подразумевать под глобализацией. Если мобильную связь — это одно, а если всемирное государство — другое. Точнее: наличие мирового общества без всемирного государства и без всемирного правительства.

— Вы имеете в виду расширение глобально дезорганизованного капитализма?

— Я бы сказал не расширение, а аннулирование расстояний, погружение в часто нежелательные и непонятные транснациональные формы жизни или, следуя определению Энтони Гидденса¹, в деятельность и существование, не признающие расстояний в зоне глобального и легального рабства.

— Да уж. С появлением глобализации Земной шарик стал таким маленьким...

— А будет еще меньше.

¹ С 1987 года — профессор социологии Кембриджского университета (Англия).

— Нельзя нелегально пересечь границу рабства.

— Правильно. Границу рабства слабые государства и их лидеры пересекают легально и совершенно официально. Стремление к долларам — дорога в рабство.

— Куда мы едем? — Олег нервно крутил головой.

— Здесь недалеко. Не волнуйтесь, со мной вы в безопасности. А вот с теми, с кем вы собирались встретиться... Лучше не встречаться...

— То есть? Вы о...

— Да, я об этих самых американцах, с которыми вы договаривались.

— Мартин по национальности чех.

— Давайте не будем раньше времени... Гм. Приедем, я вам всё по порядку, покажу и расскажу, какой он чех.

— Очень интересно!

— Мы живем в Глобальной невольничьей цивилизации. Лучший раб — это тот раб, который даже не понимает что он раб, а наслаждается своими цепями.

— О чём это вы?

— О всё той же глобализации, которая превращает нас в толпу. Центр управления с притязаниями на мировое господство сформировался ещё в древнем Египте. Тайна герметичных знаний от двадцати двух жрецов древнего Египта.

— Все военные помешаны на истории?

— Ну, зачем же так грубо? Лучше, скажем, увлечены. А разве вам не интересно?

— Я привык жить настоящим. У Ницше есть замечательный труд «О пользе и вреде истории»...

— Знаем, читали. Все лишнее — враг необходимого, — Архипович вопросительно посмотрел на Олега Ивановича.

— Тем более. Может лучше расскажете, куда вы меня везёте?

— Не дальше, чем в самое безопасное место в Украине. Так вас устроит?

— Вполне. А сколько нам ещё ехать?

— Минут сорок. Не более.

— Не так и близко. Так что вы там хотели рассказать?

— Это не рассказ, а очень полезная для вас информация.

— Хорошо, пусть будет так.

— Итак, жрецы. Их было две команды по 11 человек для того чтобы сохранить знания. Последователи этих жрецов сегодня сидят в Швейцарии, есть запасные пункты в Лондоне и в США. Но именно жрецы впервые выдвинули задачу мирового господства. И они приступили к созданию Глобальной Толпо-элитарной системы, подчиненной единому центру. Скажите, Олег, вы часто пользуетесь кредитами?

— Стараюсь не пользоваться, а что?

— Вы знаете о Второзаконии Исая?

— ... —Олег Иванович отрицательно развел руками и качнул головой.

— А зря, Второзаконие Исая звучит так: «Не отдавай в рост брату твоему ни серебра, ни хлеба, ни чего-либо другого, что можно отдавать в рост. Иноземцу отдавай в рост, а брату твоему не отдавай в рост. И будешь давать займы многим народам, а сам не будешь брать займы и будешь господствовать над многими народами, а они над тобою не будут господствовать. Тогда сыновья иноземцев будут строить стены твои, и цари их служить тебе, народ и царства, которые не захотят служить тебе — погибнут, и такие народы совершенно истребятся».

— Вы предлагаете отказаться от кредитно-финансовой системы?

— Я так не сказал. Я отвечу вам словами Александра Сергеевича Пушкина:

Как государство богатеет,

И чем живет, и почему.

Не нужно золота ему,

Когда простой продукт имеет.

— И о каком простом продукте говорил Пушкин?

— Ага, интересно? Простой продукт —это лес, земля, вода. Так вот то, что в нынешней украинской власти отсутствует концептуальный подход в управлении страной —это очевидно. Им проще принять чужую концепцию. Смотри. Народу навязывается чужая концепция как идеальная. Люди молчат. Значит что? Правильно. Они согласны. В результате подчиненности руководства страны чуждой концептуальной власти население Украины, не самой бедной страны мира, пребывает в нищете. В нашей стране, без каких бы то ни было преувеличений, имеющей всё необходимое для устойчивого развития без помощи извне, люди живут в постоянном страхе за завтрашний день! Так в чём же дело? У нас нет одного — концепции использования имеющегося потенциала на основе единого программно-целевого подхода. Вместо этого мы через благонамеренные государственные структуры работаем на чуждую нам библейскую концепцию управления. Её существо не нужно искать в архивах западных спецслужб. Оно открыто и доходчиво изложено в Библии и дает установку хозяевам доктрины «Второзаконие-Исая» на способы финансового порабощения стран и народов.

— И что мы с вами можем сделать? Вы не президент, а я не премьер-министр. Да и вряд ли ими стану, —Олег Иванович всегда с недоверием относился к рассуждениям военных, — и всё-таки мне непонятно, как можно обходиться без кредитов? Вы ничего не путаете?

— К сожалению, нет. «Развитые» страны ежегодно перечисляют «развивающимся» странам сотни миллионов долларов и, используя

механизм ссудного процента, получают с них в виде возвратов и процентов в два раза больше. Вот вам и весь секрет «экономических успехов». Вот вам современное рабовладельческое мировое сообщество. Если сопоставить ту «помощь», которую нам оказывают и те сокровища, которые из нас выкачивают через ссудный процент и базирующиеся на нем схемы прямого ограбления страны, как все сразу же станет ясно.

— Спасибо за политинформацию. Это, конечно, очень и очень интересно, но...

— Не волнуйтесь, мы уже подъезжаем.

Джип свернул в лес и снизил скорость. Водитель выключил климатическую установку и открыл люк. Салон наполнился ароматом пышущей жизнью зелени и голосами птиц.

— А? Как вам? — Архипович опустил боковое стекло и повернулся к Олегу Ивановичу. — Дышите глубже, но не потеряйте сознание.

— Потрясающе, — Олег Иванович смотрел на лес широко раскрытыми глазами, вдыхая полной грудью терпкий аромат флоры и фауны загородной сказки, — может, остановимся? На минутку.

— Почему нет? А ну-ка тормозни вон там, на полянке, —скомандовал водителю Андрей Архипович, — действительно, подышим, поговорим.

Парковка на лесной поляне — это всегда удовольствие и не только для людей. Огромный черный джип нервно буркнул последними оборотами двигателя и радостно заглох. Олег Иванович и Андрей Архипович вышли из машины и пошли по грунтовке вдоль просеки. Некоторое время они шли молча, разглядывая окрестности. Каждый думал о своём. Олег Иванович беспокоился о жене и дочери, а Андрей Архипович думал о... Сложно сказать точно о чём...

— Украина. Лучшее место на планете, — первым нарушил молчание Андрей Архипович.

— Так уж и лучшее?

— Я говорю от себя лично. Поверьте, Олег Иванович, я повидал мир. Конечно, есть красивые места, согласен, но лично для меня... Лучше родной земли ничего нет. Только на Украине я чувствую себя частью земли и народа. Да, казалось бы Турция, Египет, Эмираты всё хорошо, всё отлично. Красиво, богато и современно. Но. Проходит неделя, и я уже тоскую. А через две недели у меня истерика. Появляется какое-то страшное ощущение оторванности от чего-то целого, родного... — Андрей Архипович сорвал дубовый лист, помял его в руке и поднёс к лицу, шумно вдохнул воздух, задержал дыхание и так же шумно выдохнул. — За этот запах и жизни не жалко...

— Наверно, вы правы. Хотя мое поколение, к сожалению, наверняка что-то утратило, потеряло... Я только лишь несколько дней назад впервые задумался над вопросом: зачем я живу?

— Мудреете, Олег Иванович, мудреете. У Омара Хайяма есть такие строчки:

Я в этот мир пришёл, богаче стал ли он?

Уйду, великий ли потерпит он урон?

О, если б кто-нибудь мне рассказал, зачем я,

Из праха вызванный, стать прахом обречён?

— Замечательное стихотворение, — Олег Иванович одобрительно покачал головой. *Стихи. Поэты. Омар Хайям, Пушкин, Лермонтов... Как это было давно... Мудрею...* Он с уважением посмотрел на Архиповича, — надо запомнить. И всё же меня больше беспокоит ваша экономическая доктрина, если так можно сказать. Насчет кредитов. Неужели это так серьёзно?

— Очень серьёзно. Если мы с вами обратимся к Корану, то нам станет понятно, по какой причине весь мир пугают некой абстракцией под названием «исламский фундаментализм», бездумно прививая негативное отношение к исламу и, в конечном счете, к Корану. Дело в том, что Коран на экономическом приоритете напрямую противостоит Библии и расценивает предоставление денег под процент

как тяжкий грех. Дословно: «Те, которые берут лихву, восстанут в Судный день, как восстанет тот, кого шайтан своим прикосновением обратил в безумца. Это им в наказание за то, что они говорили: «Воистину торговля — то же, что и лихва». Но торговлю Аллах дозволил, а лихву запретил. В Коране «лихва» звучит как «рост», то есть ростовщичество.

— И что в исламских странах нет процентов за кредиты?

— Наоборот. У них есть плата за неиспользуемые деньги.

— То есть?

— Если у тебя на счете пролежали деньги без дела, ты должен заплатить религиозный налог.

— Удивительно...

— Вот видишь, для нас это удивительно, а для них — естественно. В Китае, например, кредиты для предприятий выдаются под процентную ставку в —10%!

— Что значит минус? — Олег Иванович не скрывал своего удивления, но причин не доверять отставному генералу у него не было.

— А это значит, что, взяв десять миллионов, заемщик через год должен вернуть девять, — Архипович хитро улыбнулся и посмотрел в глаза Олега, — удивлен?

— Более чем.

— Так вот чтобы понять глубинную суть ссудного процента и «глупого роста», по Пушкину, мы должны понять три разновидности роста, имеющего место в мире. Динамика естественного роста характерна как для животного и растительного мира, так и для человека. Человек быстро растет в младенчестве и юношестве, но после двадцати лет рост практически прекращается и происходят лишь качественные изменения организма. Так?

— Безусловно.

— Аналогичным образом, пребывая в ладу с биосферой земли,

должно было бы развиваться и человечество в целом вместе с создаваемыми им технологиями. Пределы роста здесь определяются ограничениями снизу, то есть удовлетворением потребностей живущих и, чтобы избежать самоуничтожения человечества, ограничениями сверху, то есть сохранением окружающей среды. Ограничение сверху человечество как единый целостный организм должно было бы осмыслить по мере своего духовного развития. Однако сегодня мы имеем ситуацию, когда у этого монстра по имени Человеческое Общество с мозгами далеко не всё в порядке. Это было простительно, когда он был «малышом». Но сейчас, когда он то занимается членораздельным, то, пребывая, по сути, внутри уникального космического корабля, кувалдой разносит в щепки одну за другой системы жизнеобеспечения этого корабля, прощения ему не будет.

— Хорошее сравнение! Здорово!

— Нравится? А вы переживали. Так вот причиной этого является стремление к линейному росту, когда критерием «цивилизованности» и развития становится не разум, а удовлетворение потребностей, что никак не связано с развитием души. Представления о том, что чем больше станков, металла, нефти, электроэнергии, тем лучше и цивилизованнее — это порочные представления. Однако человечество в целом давно миновало зону допустимого технологического насыщения и идет по пути кривой линейного роста исключительно из-за проблем с Общечеловеческим Разумом. В этой связи и в связи с доктриной «Второзаконие Исайя» особое значение имеют представления о кривой противоестественного, по Пушкину, «самого глупого» роста. По такой схеме развивается раковая опухоль при делении каждой злокачественной клетки на две. Именно такую разновидность роста мы имеем в финансовой системе, содержащей ссудный процент. За счет взимания процентов и сложных процентов денежное состояние кредитора удваивается через определенные интервалы времени и имеет невероятную динамику роста. Фактически, проценты на кредит — это раковое заболевание кредитно-финансовой системы, которая должна лишь обеспечивать работу производственно-потребительской системы. Каждый цикл просто

не может не заканчиваться военной катастрофой. Продолжительность этих циклов перераспределения богатства, подъема «в никуда», определяется величиной ссудного процента.

— А те, кто руководит нашей страной, знают это?

— А кто руководит?

— Ну, кто? Президент, правительство...

— В нашей стране тот, кто должен копать траншеи и выращивать картошку — правит, а кто должен был править — давно свалил отсюда или, смирившись, торгует на рынке прищепками. А нынешним правителям некогда. Они заняты-с-с. А как же-с-с-с. Борьбой с русским языком, с Гоголем, советскими памятниками. А знаете, почему наши правители способны воевать только с памятниками и умершими диктаторами?

— И почему?

— Да потому, что те сдачи дать не могут, — Архипович громко рассмеялся, — вы же посмотрите, все эти академики «яворивские и жуликинские», тьфу ты, — Архипович плюнул на землю, — прости Господи, одни фамилии чего стоят, ведь они в советское время дифирамбы Ленину пели, докторские защищали на тему «коммунистического рая», а сейчас?

— Свадьба в Малиновке, не иначе...

— Цирк уехал, а клоуны остались. Ни принципов, ни морали, ни совести. И нашим, и вашим за доля-я-яры спляшем. Если завтра коммунисты придут, так вот эти «хамелеоны» поменяют бейсболки на буденовки и побегут в первые ряды. В украинской политике вовремя предать — значит предвидеть. Вот так, мой дорогой, Олег Иванович.

— И какой выход? — Олег Иванович обратил внимание, что, как ни странно, разговор с Архиповичем увлекал его всё больше и больше, он начинал понимать, что вопросы, озвученные Архиповичем, имеют определяющее значение для страны, живущих в ней людей и для него самого в том числе. — Что же делать?

— ... — Архипович хитро посмотрел на Олега и улынулся. — Сакраментальная фраза Николая Гавриловича, эпохальная фраза. Что делать? Боже, как я её ждал...

— Простите, но я не...

— Вижу, что вы Пушкарев. В том — то и собака зарыта. Что делать? Мы знаем, что делать. Вот поэтому я вас и нашёл. Есть ли альтернатива этому заведомо катастрофичному варианту развития? Безусловно, есть. Она развернута детальным образом в материалах Концепции Общественной Безопасности, с которой мы вас скоро познакомим. Ссудный процент в нормальной экономике должен стать фактически отрицательным, то есть, заменен на небольшую плату за пользование деньгами, но уже со стороны того, кто их продержал у себя «на простое».

— Чудак вы Архипович, кто же вам позволит? Все эти строительные мафии с их пирамидами, банки с процентами, кланы со сверхдоходами, западные инвесторы и прочий финансовый сброд... Это не наш с вами уровень... Вы, наверно, шутите или фантазируете?

— Не то и не другое. Что уровень не наш — согласен. Но кто сказал, что мы не сможем достичь нужного уровня?

— Чтобы достичь нужного уровня, надо стать президентом страны. Не меньше.

— А кто нам мешает?

— Ну, вы даете! Проверьте температуру тела! Градусник дать?

— А я и не собираюсь в президенты...

— Тем более, а кто собирается?

— Мне уже поздно. А вот тебе... Как раз время...

— Ну, знаете, это не смешно, — Олег Иванович хотел обидеться, но сердце подсказывало ему не делать этого. А душа... О, душа почему-то восторгалась и ожила. Он почувствовал её тепло и услышал её голос. *А почему нет? Чушь, что я думаю? Какой президент? О чём это я? Хотя... Но почему я?*

— Осторожно — ветка! — Архипович предусмотрительно придержал Олега Ивановича за рукав. — Что это с вами? Вам плохо?

— — Олег Иванович остановился и посмотрел на небо. *Господи, что происходит?*

— Он вам уже сказал, — металлический голос генерала окончательно добил Олега Ивановича.

— Что? Что сказал?

— Создатель сказал.

— Откуда вы узнали, что я подумал?

— Я не узнал, я услышал... Понимаете, может вам покажется странным, но всё, что вы слышали сегодня от меня, это не от меня. Это Система сообщила вам посредством меня... Я лишь озвучил... Как динамик...

— Андрей Архипович я не понимаю, нет, я просто отказываюсь вас понимать. Что всё это значит?

— Садитесь в машину, скоро сами поймете... — Архипович открыл заднюю дверцу джипа. — Вперед мой друг на баррикады поднимем...

— Знамя Хакамады! — перебил Олег Иванович.

— Вы быстро учитесь, а вот перебивать старших по званию нехорошо, — Архипович по-отечески пригрозил пальцем, улыбнулся и закрыл за Олегом дверь японского внедорожника.

Михаил Яковлевич открыл глаза.

— Э-э-э-м-м-м! Вы где? Эй, гадкий старикашка! Вы куда меня отправили? — Михаил ничего не мог рассмотреть. Вокруг царила полная темнота. — Не бывает много темноты — бывает мало света.

Михаил Яковлевич порылся в карманах. *Спички, где-то должны быть спички. Почему должны быть? Где это написано? Если их нет, то нет, а если есть, то...* Он ещё раз проверил все карманы. Ничего... *И что дальше?* Глаза постепенно привыкли к темноте, но заметить что-либо не представлялось возможным. Он сделал несколько шагов, присел и начал щупать пол. *Камешек. Нужно найти камешек. Кинуть и по звуку определить размеры помещения.* Но, к сожалению, пол оказался невероятно чистым и никаких камней не обнаружилось. Михаил Яковлевич встал и, выставив вперед руки, осторожно пошёл навстречу чёрной неизвестности. *Надо считать шаги. Раз, два, три. Стоп.* Руки коснулись гладкой и холодной поверхности. *Стена. Да, стена. Идем вправо, по часовой стрелке. Вдоль стены. Раз, два, три, ... , десять. Стоп. Поворот. Стена уходит вправо. Хорошо, идем вправо. Вдоль стены. Раз, два,..., шестнадцать. Снова поворот вправо. Это второй поворот. Идем дальше. Раз, два,... , шестнадцать. Ага, опять поворот вправо. А может, это не повороты, а углы? Если через шестнадцать шагов будет опять поворот вправо, то можно предположить, что я в квадратном помещении, значит...* Он шёл дальше и считал. *Восемь, девять, ..., пятнадцать. Ну, неужели нет выхода? Шестнадцать. Угол. Стена вправо. Всё. Приехали. Каменный мешок.*

— Миша! Пора вставать!

Голос прозвучал откуда-то сверху. *Это же голос Бориса Семёновича.*

— Семеныч! Я здесь, я не могу выйти! Помогите мне-е-е! — Михаил кричал изо всех сил, стучал кулаками в холодную стену и топал ногами.

— Миша, ты меня пугаешь. Что с тобой? Клара, он бледный, как мел, он умирает. Что делать? — голос Бориса Семеновича звучал, как эхо в горах, и менялся в тембре и громкости. Он то удалялся куда-то вверх, то проскакивал мимо и затихал где-то внизу.

Михаил прислушался. Ему показалось, что сердце останавливается. Он попытался нащупать пульс, но не смог. *Умираю. Я умираю? Нет, так не может быть, мне ещё столько надо сделать. Господи! Как я мог забыть? Вера в вероятность невероятного! Что город разрушенный без стен, то человек, не владеющий духом своим.*

— Семеныч, я жив, я иду к вам! — изо всех сил закричал Михаил.

Его мысли, как морские волны, накатывали одна на другую и разбивались о берег чужеродной фантастической и смертельно опасной реальности. *Смерть. Конец. Вечная ночь. Когда-то же это должно было случиться. Правда жизни. Что есть правда? Результат рассуждений. А Истина? Что такое истина? Результат Веры! Правда у каждого своя, а Истина одна! Жить! Надо жить! Я хочу жи-и-ить!*

Он повернулся спиной к ненавистной стене и побежал, набирая с каждым шагом скорость, он бежал в центр черной комнаты. Господи, помощи! Вера и дух! Дух и вера! Нет, он не просто бежал, он летел быстрее ветра, быстрее звука. Он чувствовал, как пульсируют клетки его тела, как набирают силу атомы его клеток... Шаг, еще один, еще... Вспышка света ослепила его... Он закрыл глаза... Резкий неприятный запах ударил в нос...

— Ну, наконец-то. Ты что это, герой нашего времени? Решил старика в могилу загнать?

Михаил приоткрыл правый глаз. Владимирский стоял рядом с ним и держал в руках маленький пузырек.

— Нашатырь? — скривился Михаил.

— Он самый! — с гордостью подтвердил Семёныч. — Без него никуда.

— Что со мной было?

— А я откуда знаю? Сначала пришел Грум, рассказал страшную историю про похищение президента, мы начали вспоминать о тебе. И тут стук в дверь. Открываю — ты стоишь. Потом ты молча зашёл, лег на диван и заснул. А пять минут назад я смотрю, а лицо — то у тебя белое, как мел. Начал тебя будить... Вот и всё...

— Да, так можно и того... Ка-а-а... — Михаил глубоко вздохнул.

— Кагарлыкнуться можно, — радостно продолжил Борис Семенович, — это точно.

— Почему кагарлыкнуться? — потребность Владимирского придумывать на ходу слова веселила Михаила и нервировала одновременно.

— Не знаю, тебе видней... У нас тут такое происходит, что, мама дорогая, зачем я родился? Если бы был жив мой бедный папа...

— Борис Семенович, вы меня спасли. Я ваш должник, — Михаил Яковлевич понемногу приходил в себя, — кофе есть?

— Есть, есть. В Греции всё есть, — Борис Семенович поставил пузырек и поспешил на кухню.

Михаил посмотрел на потолок. *Меня спасла Вера, Господи, слава тебе...* Он вдруг почувствовал в себе невероятные силы и уверенность. *Если будет надо, я переверну горы и остановлю реки. Я зайду в огонь и пойду по воде. Я вызову гром и развею тучи. Я смогу... Я... Начнем с малого. Внешний вид. Так. Одежда. Новый костюм, рубашка, галстук. Отлично. Это уже лучше. Ай да Миша, ай да молодец! Получилось! Научился!*

Размышления Михаила прервал звон упавшей на пол чашки. Он повернулся и увидел обалдевшего Бориса Семеновича. Осколки

чашки разлетелись по полу, а под ногами Семеновича красовалась черная лужа ароматного кофе.

— Э-э-э. Я... С тебя фи-и-игею Миша, — Борис Семенович снял очки, — как ты это сделал?

Борис Семенович переводил взгляд с ног Михаила на голову и обратно.

— Что сделал? — хитро усмехнулся Михаил.

— В зеркало посмотри, фокусник...

— А, вы про это? — Михаил поправил отглаженный пиджак и галстук. Посмотрел на правую руку. — А как вам мои новые часы?

— Ты что стал Копперфильдом?

— Нет, просто кое-чему научился. Вот посмотрите, — Михаил кивнул на пол.

Борис Семенович сделал шаг назад и посмотрел на лужу, в которой блестящие белые фаянсовые кусочки разбитой кружки. Он, конечно, много раз видел в кино, как... Как бегут кадры наоборот. Но чтобы наяву? Такого в его жизни ещё не было. Все осколки, как в мультике, собрались в центре кофейной лужи, затем из бесформенной кучки образовалась кружка. Ещё мгновение и черная жидкость вернулась назад в белую емкость.

— Вот и всё, — Михаил наклонился и взял кружку в руки. Хлебнул кофе и улыбнулся, — ну что у вас тут стряслось?

— Кубик? Это кубик? — усмехнулся Борис Семенович.

— Нет, это Вера!

— Вера? То есть Вера в Бога?

— Да, Семеныч. Я просто стал верующим. Моя вера всего лишь с горчичное зёрнышко, но то, что я чувствую — изумительно!

— Но как это работает? Что это за Вера?

— Не знаю, да это и неважно. Главное — это работает, — Михаил

взял в руки открытую бутылку водки и налил себе половину рюмки, — друзья, я хочу выпить за своё спасение!

Борис Семенович засуетился у столика с водкой и бутербродами.

— А вот скажи мне... Грумберг рассказывает, что видел... Он видел как нашего Президента... Как... Его...

— Поменяли? Это верно. Так оно и есть. Поменяли на клона.

— Откуда ты знаешь? Может, ты знаешь и как найти настоящего?

— Эта информация вокруг вас и я её считал. Но информации о том, где и как найти настоящего президента здесь я не вижу. Но надо подумать.

— Никому бы не поверил на слово, что такое возможно. Миша, а как этому научиться? Это трудно?

— Это до примитивности просто и одновременно невероятно сложно. Нужно лишь изменить представление о Боге. Да. Я это понял. Ведь, прежде всего, деградирует представление человека о Боге.

— Миша, я не ожидал от вас таких слов. Вы же физик. У всех невероятных явлений должно быть научное обоснование, — Владимирский судорожно подкурил сигарету и налил в рюмку водки.

— Вот я вам и обосновываю. Научно. Вы считаете себя атеистом? Хорошо, но. Даже у вас не может полностью исчезнуть представление о Боге потому, что присутствует в каждом человеке с рождения. Я это всегда чувствовал, но не понимал. Я даже не знаю, откуда у меня все эти слова. Я никогда ничего такого не читал. Мне кажется, что я подключился к информационной базе Высшего Разума, которая находится вне меня.

Михаил закрыл глаза и продолжал говорить. Он говорил и летал одновременно. Он находился в квартире Владимирского и одновременно вне её, он видел солнце и луну, звёзды и маленькую землю. *Куда меня несёт? Что со мной?* Он видел своё тело в Пространстве как чёрную точку, он её чувствовал. А тело его продолжало вещать, не свойственный для него, набор слов...

— Ну, ты даешь, Миша! Грум, ты что-нибудь понял? — Борис Семенович подошёл к Михаилу, приподнял на лоб очки и посмотрел ему в глаза.

— Что вы на меня смотрите, как на больного? Мне самому интересно, что это было? — Михаил подошел к креслу и сел. — Семеныч, я там, в Будущем, с внуком вашим встречался...

— Нет у меня внука...

— Будет, а назовут его — Глеб.

— Глеб?

— Он мне про книгу рассказал.

— Какую книгу?

— Ту, что у вас храниться. А потом вы ему передали...

— У меня масса книг, Миша. О какой, именно, идет речь?

— «Гипоталамус»

— Да? Это точно? Ты ничего не перепутал?

— Не думаю. Точно «Гипоталамус».

— Но у меня нет такой книги... — растерянно пожал плечами Владимирский. — А впрочем...

— Что?

— Грум приносил какую-то книгу. На хранение.

— И где она?

Борис Семенович кивнул на Грума: — У него...

— В этой книге есть ответы на наши вопросы. Это — пророчество.

— Пророчество, говоришь? — Владимирский подошел к Михаилу, выставил вперед указательный палец правой руки и начал водить им возле носа Михаила. Потом приставил внешнюю сторону ладони ко лбу.

— Температуры нет, реакция глаз в порядке. Крыша у тебя, мил человек, в норме.

— У меня такое тоже бывает, но редко, — откликнулся Грумберг.

— Ты — это другое дело, с тобой все понятно. Ты больной... А вот Миша...

— Так он того, от меня и заболел... — не унимался Грумберг. — Миша, а что ты там видел? Там было еще что-нибудь?

— Да, я видел, я очень хорошо видел... То, что я вам говорил, это мне говорили и я только лишь повторял, а в это время... Кстати, сколько прошло времени? — Михаил провел взглядом по стенам в поисках часов. — Что вы все молчите? Сколько времени прошло с того момента, когда это началось?

— Странно, но прошло больше двух часов, — Владимирский непонимающим взглядом посмотрел на свои наручные часы, поднес их к уху и снова посмотрел, — странно...

— Что вы их слушаете, они же у вас электронные! — хихикнул Грумберг. — А времени действительно прошло много...

— За это время я столько всего увидел... Грум куда вы дели книгу?

— Надежно спрятал, а что?

— Как это что? Нам нужна ваша книга.

— Это книга не моя. Мне ее дали на хранение.

— Какая разница? Это наверняка та книга о которой говорил Глеб.

— Кто такой Глеб? — нахмурился Грум.

— Это не родившийся внук Бориса Семеновича.

— Слушайте, Михаил, я бы на вашем месте не кидался подобными заявлениями, — обиженно насутился Владимирский. — Такие безапелляционные заявления могут привести к семейной дискомфортизации...

— Слушайте, господа хорошие, я устал вас уговаривать, мне нужна эта книга и все тут!

— Ну ладно, раз так, то, что делать? Принесу! — улыбнулся Грумм. — Потом...

— Ну, слава Богу, услышали. И еще. Мне нужно в мою лабораторию, — Михаил встал и быстрым шагом направился к выходу.

— Да вы с ума сошли, вас там только и ждут. Вам туда нельзя... — Владимирский бежал следом и пытался схватить Михаила за рукав. — Подождите же вы, зачем так быстро?

— Борис Семенович, это очень важно... Я был Там. Я знаю, что нам нужно, — Михаил остановился, — нам необходима система радиоволнового управления организмами на расстоянии. Понимаете, генетическая информация может существовать в форме электромагнитных фотонов и радиоволновых полей.

— Это что-то новое. Генетическая информация в форме радиоволн? Что-то не верится.

— Но я видел, как это работает, они мне все показали. Понимаете, поляризационно-радиоволновая информация имеет очень высокую избирательность и может на больших расстояниях управлять физиологическими процессами строго определенных организмов.

— Ты хочешь сказать, что ты знаешь, как можно управлять живым организмом на расстоянии?

— Пока чисто гипотетически, у меня всё в голове, — Михаил сел за стол, взял первую, попавшуюся в руки, газету и начал чиркать карандашом схемы и формулы, — Главное, не забыть...

Борис Семенович жестом пригласил Клару и Грумберга в соседнюю комнату.

— Пойдём, от греха подальше. Не будем мешать. А то скажет, что из-за нас не получилось...

САМОЛЕТ ПРЕЗИДЕНТА США

он в кабинете?

— Да, пойдй, проверь. Что-то слишком тихо.

— Хорошо, — мужчина в сером костюме встал и направился в центральную часть самолета.

Он подошел к инкрустированной двери и постучал.

— Господин президент...

Не дождавшись ответа, специальный агент Рон Макэнрой приоткрыл дверь.

— Господин президент!

— Да, Рон, я тебя слышу, но извини у меня разговор по телефону, — Президент прикрыл рукой нижнюю часть телефонной трубки, — распорядись, пусть принесут кофе.

— Хорошо, господин президент, — Рон аккуратно прикрыл дверь и кивнул напарнику.

Президент Америки не любил, когда его тревожат, но что поделать, у этих парней свои инструкции. На линии оставался посол США в Грузии. Президент поднял телефонную трубку.

— Да, я слушаю. Понимаю, что сложная ситуация. А как вы хотели? Что значит вышел из-под контроля? Он обещал нам, что народ будет доволен. Нет, это выше моих сил. Я не могу постоянно просить у Конгресса деньги для Грузии, — Президент положил трубку. *Потребности безграничны, а ресурсы редки. Ресурсы, ресурсы. А ресурсы в России...*

Он вспомнил одну из последних встреч с российским Президентом, которая состоялась в Питере. Российская сторона тогда предложила провести рабочую встречу в Калининграде, Смоленске

или Пскове. Американская — была не против, но... Но выплыли причины технического порядка: например, в Калининграде самолет президента США «Эйр форс 1» просто не мог сесть. В результате, поскольку Президент Америки летел из Праги, а дальше — в Вильнюс, решили, что удобнее всего свидеться в Санкт-Петербурге. Вернее, в пригородном городке Пушкин, в Государственном музее-заповеднике «Царское Село». Встреча проходила на втором этаже Екатерининского дворца в Голубом зале.

Главные темы переговоров — борьба с международным терроризмом, взаимодействие России и НАТО, двусторонние отношения и несколько вопросов личного характера.

Президент посмотрел в окно. *Голубое небо, как и тогда. Вот только самолет другой.* В дверь кабинета постучали.

— Да, входите. Ага, кофе, это хорошо, поставьте здесь, спасибо. Позовите, пожалуйста, мистера Петерсона.

— Слушаюсь, господин президент.

Через минуту в кабинет вошел стройный солидный мужчина лет пятидесяти.

— Господин президент.

— Заходи, Джо, у меня к тебе несколько вопросов. Во-первых, мы изменим маршрут. Мы не полетим в Амстердам, а сразу же в Женеву. Во-вторых, я хочу встретиться инкогнито с одним человеком в Куршевеле. Но надо организовать все так, чтобы никто об этом не знал.

— Нет проблем, сделаем, господин президент. В Женеву мы прилетаем вечером. После официальной встречи, перед выездом в резиденцию, мы с вами поменяемся местами. Я надену ваш плащ и шляпу, сяду в ваш лимузин, а вы сядете в машину сопровождения, надев предварительно мою куртку и бейсболку.

— Мне всё равно, как это будет. Главное, сделайте это.

— Окей.

амолет прибыл вовремя. У трапа американского президента встретила группа официальных лиц Швейцарии во главе с министром Мишлин Кальми-Реем¹. Холодное объятие, несколько скучных официальных фраз и традиционный фуршет в VIP — зале женевского аэропорта.

Президент явно нервничал, он не мог опоздать на встречу в Куршевеле, но прерывать традиционное действо не хотел.

— Скажите, Мишлин. Э-э-э, — Президент взял своего коллегу под руку и отошёл с ним в свободный угол зала, — не слишком ли часто вы встречаетесь с российским политическим бомондом?

— А вы? — вопросом на вопрос ответил министр. — Мне даже трудно сказать кто из нас чаще...

— Ох, эти швейцарцы, как они любят все передёргивать и перестраивать...

— Ну что вы? Просто швейцарцы любят порядок, — министр открыл коробку и достал сигару.

— Чей порядок?

— Естественно, швейцарский, — министр улыбнулся, — а вы не опаздываете на встречу, господин Президент?

— На какую встречу?

— В Куршевеле, — министр прикурил сигару и, не глядя на президента, прошептал, — вас уже ждут.

— М-да. Что знают двое — знает свинья.

— Швейцария — горная страна, а эхо в горах не удержишь. Пойдемте вниз. Вам лучше поехать в моем автомобиле, так спокойнее.

¹ *Micheline Calmy-Rey. С декабря 2002 член Федерального совета Швейцарии, министр иностранных дел. В 2007 по ротации является главой государства.*

Водитель — человек надежный, он знает, куда ехать. Машина сопровождения с гражданскими номерами, там охрана.

— Окей, я могу взять с собой одного человека?

— Это ваше право.

Самый уважаемый курорт французских «Трех долин», Куршевель находится в ста сорока километрах от Женевы. Четыре станции курорта расположены на высотах более тысячи триста метров над уровнем моря. Чем выше — тем солиднее отдыхающая здесь публика. Куршевель — это зимняя сказка и попасть туда — мечта любого, кто в большей или меньшей степени увлекается горными видами спорта. Днем и вечером курорт кипит бурной увлекательной жизнью. Здесь сорок пять гостиниц, более шестидесяти ресторанов, некоторые из которых классифицируются как лучшие в Альпах, шикарные магазины, гостеприимные бары...

Самый популярный среди VIP публики отель Куршевеля «Byblos Des Neiges». Он расположен в верхней части курорта в непосредственной близости от подъемников. В этом отеле часто останавливаются мировые знаменитости. Интерьеры отеля оформлены в традиционном савойском стиле. Он расположен на склоне горы, посреди красивейшего хвойного леса Jardin Alpin.

— Господин президент, приехали.

Президент открыл глаза.

— Джо, я заснул?

— Сразу же, как только мы с вами сели в лимузин.

— Мобильный не звонил?

— Звонил, но вы спали, а я не имею права...

— Хорошо, — Президент взял мобильный телефон. *Девять*

звонков. Не принято. Надо же. Как я мог заснуть? Он внимательно пересмотрел все номера непринятых вызовов, — представляешь, просто выпал из седла, это же надо...

— Это воздух, — Джо открыл дверь лимузина, — прошу вас.

— Что значит воздух?

— Чистый швейцарский воздух, — Джо помог президенту выбраться из автомобиля, — изобилие кислорода и озона.

— Может быть. Что это за отель перед нами?

— Задняя часть Jardin Alpin, как вы и просили. Задняя часть отеля, возле леса. Вот отель, а вон там начинается лес, — Джо показал рукой, — всё правильно.

— Да, всё правильно. Идём.

Встречи инкогнито всегда таинственны и опасны. Но без них в большой политике нельзя. Кто бы это ни был: публичные враги, оппоненты, оппозиционеры, военные, политики или просто бандиты — у всех есть белое и черное. Есть официальный имидж и «дырявые» носки, есть галстуки от Кардена и «пот под мышками», есть королевское высокомерие и элементарная человеческая зависть. Ведь они просто люди... Со своими рабочими и семейными проблемами, и со своими собственными тараканами в голове. Публичный человек не свободен в своем поведении на людях, зато вдали от телекамер такой «чупа-чупс» может творить и зачастую творит то, что запрещено даже законами преступного мира.

Все самые важные и решающие встречи происходят инкогнито. У бандитов такие встречи называются «стрелками», у маленьких политиков — переговорами, у министров — ланчами, а у президентов... Неизвестно. Они об этом не говорят.

верь черного хода отеля открылась, и голос из темного коридора по-военному отчеканил: —Добрый вечер, следуйте за мной.

Человек, открывший дверь, был одет в длинный плащ и широкополую шляпу. Не поднимая головы, он ловко развернулся и зашагал по коридору. Президент и его телохранитель последовали за ним. Они спустились вниз по лестнице и очутились в длинном каменном коридоре. Освещение было расположено настолько низко, что была видна лишь та часть пола, на которую попадала нога идущего. Президент с трудом различал спину проводника, а идущий следом за ним Джо ориентировался лишь по освещенным ногам впереди идущего Президента. Такое освещение было продумано не случайно. Все шли в одном и том же направлении, но никто никого не видел в лицо. Через каждые десять метров за идущими закрывалась очередная каменная перегородка. В конце коридора находились три двери.

—Вам сюда, —проводник указал на среднюю дверь и, не открывая лица, скрылся за дверью справа.

Через секунду средняя дверь открылась. Президент пропустил вперед Джо и зашёл следом.

— Странно, ни одной кнопки. Похоже, это лифт, —Джо рассматривал кабину в надежде обнаружить приборы управления.

Дверь закрылась и лифт плавно пошёл вниз. Через минуту он остановился и пошёл в сторону, затем снова вниз и снова в сторону.

— Не волнуйся, Джо, всё будет хорошо, —Президент похлопал парня по плечу, —привыкай. Тебе ещё, возможно, придется тут бывать.

— С вами, господин президент хоть в ад.

— Думаю, что это не потребуется. А-а-а почему ты так решил, что я попаду в ад?

— Извините, господин президент, это я так, к слову сказал. Простите... — смущенно оправдался телохранитель.

— Ничего, Джо, но ты должен помнить, что слово материально, —Президент ненавидел упоминания таких слов, как ад и дьявол. *Кретин безмозглый. Идиот*, —то, чего больше всего боится человек, то с ним и случается, запомни это.

— Извините, господин президент...

Лифт снова пошёл вниз, затем в сторону, остановился и, задержавшись на несколько секунд, резко пошел вверх, с каждым метром набирая скорость.

— Что, не нравится?

— Не нравится, —извинительно улыбнулся Джо, —не люблю замкнутого пространства.

— Клаустрофобия?

— Нет, но на свежем воздухе всегда лучше...

— Согласен.

Лифт остановился и двери открылись. Пассажиры вышли. Они оказались на крохотном перроне, площадь которого не превышала десяти квадратных метров. Влево и вправо уходил тоннель с железнодорожным полотном. На стене слева был расположен небольшой экран и несколько сенсорных кнопок.

— Что это, господин Президент? Метро?

— Что-то вроде того, —Президент подошёл к экрану и нажал кнопку.

На экране появилось цветное изображение шахматной доски с цифрами в каждой клетке. Президент в определенной последовательности коснулся пальцем нескольких цифр. Шахматная доска исчезла, а на экране зажглась надпись:

The code is accepted¹

— Сейчас за нами приедут, —улыбнулся президент, —запоминай всё, что видишь. Учить больше никто не будет.

¹ Код принят (англ.)

— А если забыл код? Или не то нажал? Что тогда?

— Тогда... — Президент посмотрел в глаза Джо, — тогда смерть, несколько глотков прозрачного ядовитого воздуха и всё.

Послышался характерный звук приближающегося поезда. Несколько минут нервного ожидания — и перед перроном остановился небольшой, ярко освещенный и совершенно пустой вагон. Дверь открылась. Джо зашёл первым и осмотрелся.

— Никого, странный вагончик.

— Что же тут странного? — Президент зашёл и уселся в мягкое кресло. — Совершенно обычный вагон метро, только маленький.

— Сэр, в такой обстановке я не могу отвечать за вашу безопасность.

— Я знаю, — Президент закрыл глаза.

Ему надо было сосредоточиться. Он должен был ещё раз пройти каждое слово подготовленной речи, расставить эмоциональные акценты. Надо произвести впечатление. А иначе... Он даже боялся думать, что может быть, в случае если, ему не поверят...

Вагон вздрогнул, скрипнул дверями и тронулся. Джо смотрел в окно и удивлялся. Вагон проезжал бесконечное количество перекрестков и развилочек. Освещенные тоннели уходили куда-то влево и вправо, отходили под острым углом и терялись в глубине подземелья. Он видел десятки перронов, все они были совершенно идентичны по цвету и отделке. В некоторых местах вагон останавливался на красный свет и через некоторое время двигался дальше.

— Хитро придумано, — Джо посмотрел на президента, — сэр, а сколько нам ехать?

— Каждый раз по-разному получается. Когда десять минут, а когда и два часа, — ответил президент, не открывая глаз.

— А если...

— Туалет в конце вагона.

Джип медленно двигался по лесной дороге. Отовсюду доносились голоса и песни птиц. Дорогу ярко освещало веселое летнее солнце, а мрачных старых дубов было ничуть не больше, чем в любом лесу возле Киева. Совсем рядом, судя по кваканью лягушек, находилось болото, однако вездесущие комары почему-то не беспокоило людей в джипе. Олег Иванович обратил внимание, что дорога внезапно стала уже, перейдя в обычную тропу. Однако ничего опасного он не заметил, разве что птицы смолкли, и кроны над головой сомкнулись, образуя мрачный темно-зеленый свод. Впереди появился забор с надписью.

Территория
Министерства обороны Украины
ПОСТОРОННИМ ВХОД ЗАПРЕЩЕН

— Приехали, — Андрей Архипович взял мобильный телефон и набрал номер, — алло, это я. Да. Мы на месте.

Джип остановился напротив ворот. Из калитки вышел человек в военной форме с автоматом в руках. Андрей Архипович кивнул головой из открытого окна.

— Свои, открывай!

Ворота открылись и джип с ревом въехал в просторный двор, где находились несколько небольших одноэтажных зданий и беседка с барбекю.

— Шашлык будем жарить? — пытался пошутить Олег Иванович.

— Можно и шашлык, — улыбнулся генерал, — только чуть позже.

Джип подъехал к отдельно стоящему небольшому кирпичному гаражу, с правой стороны которого находился металлический столбик.

Андрей Архипович вытащил пластиковую карточку и, не выходя из машины, поднес её к верхней части столбика. В этот же миг дверь гаража начала открываться.

Олег Иванович с большим интересом наблюдал за происходящим. Джип заехал в гараж. Дверь закрылась. Тусклые гаражные светильники лениво выхватывали из темноты отдельные детали гаражного интерьера.

— И что мы тут будем делать? — Олег Иванович не мог понять, зачем они заехали в этот странный маленький гараж, стены которого были увешаны изношенными покрывками. — Будем выходить?

— Всему своё время, — сухо отчеканил Андрей Архипович.

Дверь гаража закрылась. Джип вздрогнул и через мгновение начал опускаться вместе с полом вниз. Некоторое время было совершенно темно.

— Лифт? — обеспокоено прошептал Олег Иванович.

— Фуникулер, — усмехнулся генерал.

В первый раз за последний час Олег Иванович вдруг почувствовал тревогу и страх. *Уже метров на десять спустились. Бункер у них тут, что ли? Как я мог вот так сесть и поехать с незнакомым человеком? Идиот. Кретин. Куда? Зачем? И что теперь?*

Лифт остановился. Джип слегка качнуло. Водитель завёл машину и зажег фары. Машина рыкнула и вырвалась из каменного плена, въехав в просторный бетонный тоннель. Рев автомобиля, отражаясь от стен, потолка и пола, врвался в кабину, испытывая уши пассажиров джипа на прочность. Но люди терпеливо молчали и увлеченно смотрели в черную даль холодной железобетонной норы. Иногда попадались небольшие лужи и настоящие перекрестки со светофорами.

— Как в Брюсселе, но узковато, — Олег Иванович вспомнил Брюссель и его полусонных прохожих, многоэтажные стоянки под старинными зданиями и автомобильный тоннель под городом, — не представлял, что в Киеве такое есть.

— О-о-о, молодой человек, в Киеве ещё и не такое есть, — Андрей Архипович достал карту и осветил её фонариком, — на перекрестке направо.

— Есть, — отчеканил водитель.

— Андрей Архипович, а что это за подземелье такое? Когда его построили?

— Это еще от немцев осталось.

— А не связан этот тоннель со ставкой Гитлера под Винницей?

Генерал резко повернулся к Олегу Ивановичу и посмотрел ему в лицо.

— Возмо-о-ожно...

— Долго ещё ехать? — не унимался Олег Иванович. — В туалет хочу...

— Потерпите, тут нельзя останавливаться. Скоро будем на месте.

В это время вдалеке показался красный свет. Водитель снизил скорость. Автомобиль подкатился к светофору и остановился. Понесся нарастающий шум. Через несколько секунд перед ними на большой скорости проскочил автомобиль с зажженными фарами.

— Да тут, я смотрю, не мы одни, — беспокойство понемногу ушло и Олег Иванович почувствовал голод, — жаль, что мы с вами не пообедали. Надо было вареники с собой захватить...

Андрей Архипович не ответил. Он смотрел в развернутую карту и делал отметки карандашом.

Олег Иванович закрыл глаза. Только сейчас он осознал, что уже несколько дней нормально не спал и не ел, что его жизнь летит куда-то сама по себе, не спрашивая разрешения хозяина. Он прилёг на заднее сиденье и поджал ноги... *Как я устал. А может мне всё это снится?* Он чувствовал, как автомобиль поворачивал то вправо, то влево, то снижал скорость почти до полной остановки, то набирал снова. *Плевать, будь, что будет...*

— Э-эй, на галерке! Пора вставать, приехали.

Олег Иванович открыл глаза. Яркий белый свет. Стены, облицованные белой кафельной плиткой. Военные люди, стоящие перед машиной. Он почувствовал, что ноги сильно отерпли.

— Ну что же вы? Нас ждут, — генерал стоял у открытой двери джипа и курил.

— Минуту, дайте прийти в себя. Ноги...

— Ну, хорошо, приводите себя в порядок, даю вам, — генерал посмотрел на часы, — десять минут. Не задерживайтесь, ужин ждёт.

При слове «ужин» к Олегу Ивановичу вернулось забытое во сне чувство голода. *Ужин, о Боже, как я хочу есть... Да что же это с ногами?* Минута массажа и он выбрался из джипа. Водитель ждал его у металлической двери. Они прошли по ярко освещенному коридору несколько метров и вошли в просторное помещение.

Помещение было похоже на бомбоубежище советских времен. Массивные металлические двери с округлыми углами. Ровные оштукатуренные стены, покрашенные в серый цвет, высотой около трех метров. Стеллажи с аппаратурой, зеленые ящики, выставленные до потолка, и несколько работающих компьютеров. Простой деревянный стол посреди комнаты, на котором находились открытые консервные банки, бутылка водки и коробки с соком. Несколько человек в полевой военной форме без знаков различия сустились возле стола. Андрей Архипович держал в руках стопку пластиковых стаканчиков.

— Прошу к нашему шалашу, — прогремел генерал, — господа офицеры, прошу любить и жаловать — Олег Иванович. Гроза акул капитализма и родичей дяди Сэма.

— Скорей, они для меня гроза с молнией... — смутился Олег Иванович, поглядывая на стол с продуктами.

Ужинали стоя и молча. Бутылка водки была уничтожена на третьем розливе. Олег Иванович чувствовал себя хорошо. Он совершенно

забыл, когда в последний раз ел военную тушенку и ржаные галеты. Сейчас это было неважно. Победа над голодом всегда радость...

После ужина быстро освободили стол и расстелили на нем карту Украины. На карте было огромное количество цветных линий, флажков и квадратиков с надписями. Офицеры склонились над картой.

— Олег Иванович, а вас я прошу пройти за мной. Вас уже ждут, — Андрей Архипович таинственно улыбнулся и кивнул головой в сторону выхода.

Они проследовали по коридору в смежное помещение.

— Прошу вас, — генерал открыл металлическую дверь и пропустил вперед Олега Ивановича.

Олег Иванович осмотрелся. Скучная военная мебель: сейф, шкаф, стол, деревянные скамейки. Свежевыкрашенные серые стены отдавали олифой. На стене карта Украины с пометками.

— Присаживайтесь, Олег Иванович, — генерал отодвинул скамейку и жестом указал место.

— Не богато живете.

— Всё, как на фронте, по-боевому.

В помещение вошёл человек. Олегу Ивановичу показалось, что он уже где-то видел этого стройного солидного человека. Одет он был скромно. Черные джинсы и черная футболка с короткими рукавами делали его ещё стройней, а золотые часы на правой руке и короткие седые волосы говорили о том, что он не так прост, как кажется.

При виде вошедшего человека генерал вскочил и вытянулся по стойке смирно.

— Разрешите доложить...

— Андрей Архипович, я и сам всё вижу, спасибо, оставьте нас с Олегом Ивановичем наедине.

Генерал тихо вышел и закрыл за собой дверь.

— Давайте знакомиться, меня зовут Сергей Иванович, — он сделал паузу и поднял брови, — а вас?

— Вы уже назвали мое имя, — сердито буркнул Олег Иванович.

— Значит, вы и есть Олег Иванович Пушкарев?

— Совершенно правильно.

— А документы у вас есть? — нахмурился Сергей Иванович.

— Есть, — Олег достал из кармана портмоне, — вот водительское удостоверение, вас устроит? Вот паспорт, вот...

Сергей Иванович взял документы и, не глядя, положил их в сторону.

— Что это значит?

— Сейчас всё поймете, — Сергей Иванович достал из сейфа большой желтый конверт и протянул Олегу.

Олег открыл конверт. Там находились новые документы: паспорт, водительское удостоверение, свидетельство о браке и ещё несколько справок, включая идентификационный код. Он открыл паспорт. На первой странице красовалась его фотография.

— Что это?

— Как видите, паспорт.

— Но это не моя фамилия.

— Естественно, не ваша. С вашей фамилией пока ещё есть некоторые проблемы.

— Я понимаю, но ведь меня могут узнать.

— Пусть это вас не тревожит. Вас могут опознать только те, кто вас знает лично, а то, что показывают по телевизору, никого в нашем обществе больше суток не беспокоит. Не вас одного показывают.

— Вы так думаете? Ну, хорошо, и что дальше?

— Дальше? А дальше нам с вами необходимо поговорить. Да, кстати, можете не тревожиться за свою семью. Она в безопасном

месте — и супруга, и дочь передают вам большой привет, — Сергей Иванович достал из заднего кармана джинсов сложенный вчетверо небольшой лист и протянул Олегу, — ей Богу, я не читал.

— Спасибо, — Олег Иванович взял листок и развернул. Он сразу же узнал почерк жены и дочери. Слава Богу, все хорошо. Он мельком пробежал по листку, — я вам очень благодарен.

— Итак, разговор у нас не короткий, так что... — Сергей Иванович расположился напротив Олега Ивановича, поставил перед собой пепельницу и закурил.

— Хочу сразу же прояснить вопрос, почему нас интересует именно вы.

— Очень хотелось бы знать, — оживился Олег Иванович.

— Сначала коротко, а затем объясню подробнее. Во-первых, вы обладаете подсознательной связью с памятью прошлых жизней. Прошу вас не перебивать. Вы, сами того не понимая, пользуетесь тем багажом знаний, который достался вам в наследство из прошлых жизней, а их у вас было, — Сергей Иванович заглянул в открытую записную книжку, — о, целых восемнадцать. Далеко не все люди, живущие на земле, знают, что их истинное богатство не уюги и холодильники, а опыт прошлых жизней. Да вы и сами должны это чувствовать: высокая степень удачи, внутренний голос и так далее. Так вот из этих ваших уникальных способностей и вытекает основная наша заинтересованность.

— Как ни странно, я вас очень хорошо понимаю, со мной действительно иногда происходят странные, на первый взгляд, вещи. Я могу даже...

— Без подробностей, прошу вас, у нас не много времени. Должен признаться, мы очень хорошо вас знаем, и даже знаем то, что вам телефонировала ваша умершая бабушка.

— Да? Тотальная слежка? — возмутился Олег.

— Не люблю таких слов. Тотальная слежка, титульный украинец,

тоталитарный режим... Все эти понятия ущербны так же, как и курение, — Сергей Иванович кивнул на дымящуюся сигарету, — давайте обойдемся без эпитетов, хорошо?

— Как вам угодно.

— Итак, на первый вопрос я ответил. Переходим ко второму. Что нам от вас нужно? Вначале мы немного поговорим о том, что происходит в нашей стране и мире. Итак. Что вы можете сказать о власти в Украине?

— Я? М-да. Думаю, что очень не много.

— Хорошо, поставим вопрос иначе. Как вы относитесь к власти в нашей стране?

— Никак не отношусь. Они — сами по себе, а я — сам по себе. Если мне что-либо надо, я покупаю их услуги. А, в общем, честно говоря, это просто люди, зарабатывающие себе на хлеб тем, чем могут... Понятное дело, что слово «хлеб» — это образно.

— Да уж, образно. И в этом вся соль. А скажите, в общей массе — это хорошие люди или нет?

— Хорошие? — Олег усмехнулся, — не знаю, что и сказать. Если вас интересует моё мнение, то я скажу так. Каждый в отдельности — хороший и вполне нормальный человек, а как соберутся вместе — идиот на идиоте и идиотом погоняет.

— Совершенно правильно подметили. Прямо в яблочко. Именно это я и хочу вам объяснить. Действительно, вроде бы делают хорошее для страны дело, но. Разве можно бороться за всё хорошее против всего плохого, не уточнив прежде, что понимается под хорошим и плохим. И израильтяне, и палестинцы воюют за хорошее. Беда в том, что у них разное понятие о хорошем. Нельзя строить «вообще» хорошую Украину или фракцию, не уточнив, какая именно государственная модель под этим понимается, так же, как нельзя создавать вообще «хороший» двигатель, прежде не уточнив принцип его работы. В Украине отсутствует концептуальность власти и

масштабность мышления в пространстве и во времени. Поэтому попытки оперировать социальной энергией без цельного учения превращаются в торгашество. Все торгуют, не задумываясь над конечным результатом осуществленной продажи. Вы служили в армии?

— Военная кафедра.

— Представьте себе, как комично может выглядеть армия, состоящая только из обоза, без боевых частей. Ещё комичнее — государство из одной экономики, без идеологии. Сами по себе призывы бороться с падением экономики и рождаемости, ростом смертности и преступности тоже не идея. Это лишь фиксация язв, тогда, как нужно обнажить их корни. Сегодня много говорят об идее, но никто не указывает, что же есть эта самая идея. В результате благие пожелания в духе «чтоб всем было хорошо, а плохо не было» принимаются за идею.

— Не только. Ещё украинский язык, борьба с памятниками, геноцид и прочее.

— Это подмена понятий. Выдаваемое за идею идеей не является и являться не может по определению.

— Что же такое, по-вашему, идея?

— Идея? Это главный, основополагающий принцип, определяющий природу объекта и характер его деятельности. Например, идеей двигателя является принцип перехода одного вида энергии в другой. Идея парового двигателя — одна, бензинового двигателя — другая, электрического — третья, и так далее. Всё остальное — дизайн, цвет, вес и прочие параметры — вторично. Пожелания типа «чтоб он хорошо работал» не есть идея двигателя. Пока не будет конкретно сказано, какова идея предлагаемого объекта, создание его не реально.

— Так это что же, наш парламент обсуждает цвет двигателя, не определив принцип его действия?

— Совершенно в точку. Но они как бы и не виноваты. Дело в том, что их просто используют «втёмную». Государство — это гигантский механизм. Идея двигателя — источник энергии. Идея

государства — источник власти. Идея государственных моделей происходит из разных принципов формирования власти. В этом контексте есть три источника власти — народ, сила и религия. В рамках этих направлений развивается любая политическая теория. Власть или выбирается народом, захватывается силой, или считается данной от Бога. Один из трех вариантов становится компасом, указывающим генеральное направление. Если направления нет, страна уподобляется кораблю, плывущему неизвестно куда. Как говорил Сенека, такому кораблю ни один ветер не будет попутным. Безыдейным «судном» будет крутить Рынок. Европа и Азия, Африка и Америка, Запад и Восток оказались перед лицом реальных угроз. Финансовый кризис, экология, глобальное потепление, перенаселение, ресурсное истощение, голод и прочие проблемы, сжимаются вокруг человечества. Как ребенку невозможно заметить передвижение часовой стрелки, так человеку невозможно заметить движение такого масштаба. Но стрелка движется...

— Не слишком ли пессимистична оценка?

— Возможно, и так, но дослушайте до конца, а уж потом делайте окончательный вывод. Так вот все эти процессы имеют целенаправленный характер, из чего следует, что кто-то их инициирует. Отметим, что все мировые державы, обладающие огромной территорией, ресурсами и необычным народом, самым фактом своего существования мешают установлению мирового господства. Их не раз и не два хотели расколоть, но все попытки силового решения не дали ожидаемого результата, а в некоторых случаях дали обратный результат. Например, мощь России после каждой отраженной агрессии росла.

— Люди всегда боролись друг с другом и это нормально. Но то, что вы говорите, вызывает большие сомнения. Зачем кому-то устраивать борьбу всех против всех? Или я неправильно понял? Что значит мировой порядок? Кому он нужен?

— Во второй половине XX века был разработан принципиально новый, не силовой план уничтожения традиционных государств. Впервые в истории человечества в качестве основного инструмента наступления были задействованы манипулятивные технологии.

Ранее они тоже использовались, но исключительно как вспомогательное средство. В новом типе войны упор делался не на промышленные и стратегические объекты, как в классической войне, а на сознание. Идеологическая бомбардировка сознания заменила традиционное мировосприятие потребительским. На основе чужой мировоззренческой базы создавался светлый миф о потребительском обществе и темный — о традиционном. При этом идеализируется миф о начальной стадии развития, как у нас в Украине. То есть с одной стороны душат прошлым — шароварами и языком с другой стороны — светлым потребительским будущим в виде мерседесов и фабрик красоты, а в итоге человек выпадает из настоящего. Таким образом, настоящее для общества — это не актуальная жизнь сегодня, а страдания о прошлом и мечта о будущем одновременно. Зачем думать о настоящем вырождении нации? Не надо! Надо думать о тех, кто умер сто лет назад. Зачем мечтать о времени, когда ежегодно пускали в строй десятки новых заводов и фабрик, когда в каждом селе был клуб и свои артисты, когда дети бесплатно ходили в спортивные секции? Ну что вы, не стоит. Лучше мечтать о НАТО и Евросоюзе как о Тридевятом королевстве, куда мы всё время собираем чемоданы. В государственном организме после таких идеологических бомбардировок возникают глубокие трещины, куда нашими же руками тут же забиваются различные «клинья» от преклонения перед потребительским образом жизни до безнравственности. В итоге структура страны начинает разваливаться. Страна делится уже не только на Запад и Восток, а на тех, кто мечтает о НАТО и тех, кто туда не хочет, на тех, кто хочет дружить с восточным соседом и на тех, кто хочет дружить с неграми из Пенсильвании. Никто толком ничего не понимает, потому что ни одно правительство не охватывает весь объем ситуации. Начавшиеся процессы воспринимаются как стихийные. Если с чем государственные лидеры и боролись, то исключительно с последствиями. Они тратили силы на сокращение рабочего дня, увеличение сферы развлечений и прочее. Глубинные корни проблемы оставались вне поля зрения. При помощи такой технологии был развален СССР. Через пару десятков лет, если ничего не делать,

расколют и Россию. Расколют не силой, а через изменение принципа формирования власти. Сегодня власть и в Украине, и в России должна постоянно меняться. Вне зависимости от того, какой правитель, хороший, плохой или золотой, новая система предписывает менять его в любом случае. А как же? Другим тоже хочется порулить. Это нововведение в перспективе не оставляет шансов сохранить целостность большой страны. Когда нарушается фундаментальное условие стабильности системы — преемственность власти, страна неизбежно оказывается во власти группировок, состоящих из обывателей-временщиков. Далее, по логике событий, эти группировки начинают войну друг с другом за портфели и ресурсы. Какой бы сильной страна ни была, при такой системе грядёт неминуемое ослабление. Сегодня, с высоты прожитых лет, мы видим: всё получается как по писаному. Ни Россия, ни Украина не имеют ни единого шанса сохранить свою целостность в условиях так называемой демократии. Россию пока спасают нефтедоллары. Если бы не такой подарок, России уже не должно было быть. А вот то, что Украина до сих пор сохраняет свою целостность, иначе как чудом не назовешь, — Сергей Иванович посмотрел в лицо Олега, — вам интересно?

— Очень. Вы так хорошо всё объясняете, что я готов вас слушать вечно, — Олег улыбнулся. *А что ещё остаётся? Накормили, обогрели, задокументировали...*

— Боялся вас перегрузить, но вижу, что вы в порядке.

— В полном порядке. Никогда не думал, что всё так запущено.

— К сожалению. Продолжать или отдохнём?

— Продолжаем.

— Хорошо. Так вот, чтобы осознать неизбежность разрушения, нужно понимать, что всякая власть по своей природе тяготеет к постоянству и преемственности. Это её естественное состояние. Если же воспрепятствовать этому тяготению, начнутся разрушительные процессы. Регулярная смена руководящего состава

гарантирует развал страны. Это факт, вытекающий из природы человека. Не может правитель, получив власть «на час», строить планы «на год». Не может временщик относиться к объекту, как хозяин. При системе правления «халиф на час» государственно-стратегическое мышление заменяется сиюминутно-коммерческим. Это, в свою очередь, провоцирует постоянный передел в экономической и административной сферах.

— А как же Америка? Ведь там такая же система. Так почему они стабильно развиваются, а у нас не получается? Нет ли тут противоречий в вашей теории?

— Никаких противоречий нет. А моя теория называется концепцией общественной безопасности, кстати. Что касаясь Америки, вы правильно заметили. У них такая же система, но с одной оговоркой. Президент и парламент, которые выбираются и периодически меняются, ничего не решают. Они не могут влиять даже на финансово-кредитную систему собственной страны. Если они выбираются на четыре года, то правление федеральной резервной системой избирается на двенадцать лет.

— То есть получается, что президент Америки свадебный генерал?

— Процентов на семьдесят, так и есть.

— Чем же я могу вам помочь?

— Об этом чуть позже. Понимаете, для нас очень важно, чтобы человек понимал и осознавал, что мы делаем, и не только схематично, но и идеологически. Люди, которые идут с нами — это необычные люди. Сегодня наша главная задача — поиск людей, способных мыслить стратегически — веками, континентами, цивилизациями. Вопрос даже не в том, чтобы доказать верность наших постулатов, а в том, чтобы найти тех, кто способен мыслить масштабно. Не в пределах той или иной отрасли, а в масштабе всей планеты. Нам нужны люди, которым не безразличны их будущие воплощения. Звучит абсурдно, но это так и есть. Что толку доказывать правоту нашей теории людям, изначально воспринимающим предложенный объем

сумасшествием? С таким же успехом можно пригласить бабушку, торгующую на рынке огурцами, к обсуждению проекта на миллион. Не может честный, добрый, смелый человек, мыслящий в масштабе «огурцов», взяться за большое дело. Оно для него всегда будет нереально не потому, что он увидел в нем какие-то дефекты, а потому, что оно выходит за рамки его восприятия. За рамки его сознания. Разговаривать с человеком, мыслящим привычными категориями, на непривычные из-за огромного масштаба темы равносильно разговору с ребенком. Большинство людей, пусть даже и умных, такой разговор не воспримут серьезно. Если кто-то досконально разбирается в ядерной физике или наизусть помнит строение комариной лапки, это свидетельствует о наличии интеллекта или багажа знаний, но не масштаба мысли. Один ум, если нет масштабного мышления, ничего не решает. Вы посмотрите, как наши политики постоянно спорят о компетентности друг друга, хвастаются научными званиями, обвиняют друг друга в непрофессионализме, а понять суть проблем системно не могут. Нельзя делать то, масштаб чего не объял. Потому, что не поверишь в реальность дела. Люди, в целом понимающие и разделяющие нашу идею, но не привыкшие мыслить масштабно, как максимум, могут поговорить на эту тему и даже рядом постоять. Но ничего конкретного никогда делать не будут. Потому что для них это нереально. Человек может заниматься только реальными делами. Но для каждого своя реальность. Для одного реально огурцы выращивать и пасеку содержать, а для другого — страны завоевывать и планировать развитие страны на сто лет вперед. Каждому своё. Изменить порядок вещей невозможно. Человек не сможет заниматься не своим делом.

— А вы думаете, что я смогу заниматься тем, во что вы меня хотите втянуть? — осторожно произнес Олег.

— Мы никого ни во что не втягиваем, и вас в том числе, Олег Иванович. Вы уже сами себя втянули. Теперь вам решать, кем быть: либо простой мишенью и бегать в ожидании смерти, либо стать самому охотником.

— Лучшая защита — это нападение?

— Пусть будет так. Если вы хорошенько вспомните свою жизнь, то сразу же обнаружите, что большие и реальные деньги вы зарабатывали лишь в тех случаях, когда сами являлись причиной, а не следствием ситуации. Отказ от борьбы — это ожидание, а ожидание — это всегда следствие той причины, на которую вы не влияете. Не так ли?

— Вы умеете убеждать. Даже не знаю, что вам и сказать.

— Не надо ничего говорить. Я вас не убеждаю. Если вы сами не поймете, что вам нужно, то я, тем более, не смогу быть для вас костылями. Да и не хочу. Вам решать.

— А что будет с моей семьей? Я даже не знаю, где они.

— Не беспокойтесь, они у нас. Мы вовремя вмешались.

— Вы не шу-у-утите? — Олег Иванович вскочил с места и наклонился в сторону собеседника. — Они. С ними. Э-э-э. Как?

— С ними все в порядке, не волнуйтесь! — Сергей Иванович налил стакан минеральной воды и протянул Олегу. — Успокойтесь, мы вовремя вмешались...

— Спасибо, спасибо... Я так вам благодарен...

— Вы скоро увидите. Закончим беседу и, пожалуйста.

Олег залпом выпил воду, поставил стакан на стол и улыбнулся: — Я действительно очень рад нашему знакомству. Не знаю, что было бы с ними... Я ваш должник.

— То ли еще будет.

— Очень хочется услышать, что же с государством.

— Интересно?

— К собственному удивлению, да.

— Тогда вопрос. К чему приводит быстрая смена правительства?

— К активности общества?

— Почти угадали. Но ведь активность тоже бывает разная. Конструктивная и созидательная, а может быть и деструктивно-разрушительной.

— Если меняется власть плохая на хорошую, то...

— Вот видите и вы в этих санях едете. Плохая, хорошая. Мы сейчас не об этом. Прежде всего, быстрая смена власти приводит к тому, что в итоге рушатся ключевые узлы конструкции самого государства, растет социальная напряженность. Когда масса негатива достигнет своего критического состояния, государственная конструкция развалится сама собой. Краткосрочные программы, ориентированные на сиюминутное благо, без генерального направления приобретают разрушительный для общества характер. И дело не в личных качествах того или иного человека, а в сущности системы.

— То есть как это не важны качества человека?

— Нет. Они, конечно, важны, но это не главное. Важна общая конструкция. А детали — дело второстепенное. Люди всегда выполняют правила, которые диктует система. Поменяйте систему — изменятся люди. Система мерседесов — одна, а система жигулей — другая. Сколько бы мы с вами ни меняли детали жигулей — они не станут мерседесом. Кто определяет правила игры, тот определяет поведение игроков. Демократические выборы власти можно назвать мощнейшим средством ослабления и развала любой страны, а крупной особенно. При демократии битва за власть превращается в битву технологий манипуляции сознанием. Фактически система выборов осуществляет селекцию кадров, пропуская к «рулю» только тех, чьи обещания кажутся более правдоподобными. Такой принцип комплектации руководящих кадров означает, что все ключевые посты должны занять люди с психологией хищника. Осознавая временный характер своей власти, они будут стремиться взять как можно больше, а дать как можно меньше. Власть никогда не будет пониматься ими как бремя и способ служения народу и Отечеству. Для победивших на выборах власть в первую очередь есть, извините за выражение, «халявный» ресурс, позволяющий решить вопросы материального

и амбициозного характера. На сегодняшний день сознание правительства моделируется условиями, возникшими вследствие демократических процессов. Когда вместо ясных и понятных ориентиров предложены предельно общие термины: «свобода», «равенство», «процветание» и прочее, власть не имеет понятия о генеральном направлении движения. В итоге она ориентируется только на экономику. Государственное мышление подменяется коммерческим. Вы меня понимаете?

— Более чем. А далее начинаются ослабление и разрушение промышленности, образования, науки и армии. Все, как у нас в Украине.

— Да, и происходит так не потому, что страна в одночасье наполнилась плохими людьми, просто коммерческий подход убивает некоммерческие институты. То есть из гипотетического мерседеса начали делать жигули, а когда получили жигули, тут же принялись реконструироваться в запорожец.

— Интересное сравнение, — Олег, впрямые за последние несколько часов почувствовал легкость и радость жизни. *Семья в порядке, что еще нужно?* Он пробежал беглым взглядом по горизонту большого стола. *Эх, была бы водка — не отказался.*

— Не устали? — Сергей Иванович набросил на плечи камуфляжную куртку и затушил окуроч.

— Ну что вы? Совершенно нет! Даже экономика, если она нацелена на голую прибыль, превращается в пылесос, высасывающий из общества все соки. Я вас понимаю, — Олег Иванович вспомнил родителей-пенсионеров. *Как они там? Что с ними? При первой возможности позвоню...*

— Понимаете, в условиях тотальной коммерции врагам остается только заботиться о том, чтобы коммерциализация политики и постоянная смена власти присутствовали в жизни общества. В Киеве даже святые отцы в коммерцию подались.

— Это уж точно, — Олег Иванович вспомнил своего друга, бывшего руководителя Татнафты, которого буквально «раздели»

отцы-настоятели одной из подольских церквей. — У меня есть один друг, Соколовский Николай Петрович, так вот его...

— Известный человек, — перебил собеседник, — мы его хорошо знаем, шальные деньги, шесть жен, друзья-политики и отцы-священники, зомбирование грехами, формирование гипертрофированного чувства вины и вот вам результат.

— М-да. Девятый месяц — «на стакане». А ведь душа-человек!

— Хороший человек — не профессия. Обратите внимание на одну прелюбопытнейшую деталь. Все зачинщики «цветных революций» требуют от русских одного: соблюдайте Конституцию. Казалось бы, с чего это США вдруг так озаботились соблюдением закона России? А с того, что действующая на сегодня Конституция объявляет «текучку кадров» центральным требованием. На практике это требование в России ещё ни разу не выполнялось в полной мере. По сей день империя после всех потрясений худо-бедно существует лишь потому, что сохраняется преемственность власти. КПСС, Горбачев, Ельцин, Путин — всё это звенья одной цепи, продолжение советской власти. Система стремительно разлагается, но она ещё существует. Когда преемственность исчезнет — система развалится. Страна превратится в город, отданный на разграбление, то, что сегодня происходит в Украине. Картины из музея будут воровать не посредством махинаций, а вырезанием ножом. То, что мы видим — цветочки. Ягодки — впереди. Когда порвется великая цепь преемственности. Порвется и ударит, как у Некрасова, «одним концом по барину, другим — по мужику». Мы здесь в Украине ещё до конца не понимаем, что кончик иглы жизни нашего национального государства находится в сундуке под Кремлём, знаете, как в той сказке про Кощея Бессмертного. Падёт Кремль — не будет надежды и у нас. Всё. Развеемся по миру, как пыль. В бывших республиках СССР, где удалось нарушить преемственность власти — на Украине, в Грузии, Киргизии — начался период активного распада. «Правители», вытасканные «из ниоткуда», скоро уйдут в никуда. Их сменят другие, такие же, и так до тех пор, пока агрессор не решит, что нужная кондиция достигнута. Когда

черновая работа завершится, новые земли включат в чужую систему. Сначала не силовыми методами, а потом по ситуации.

— Ну и картину вы нарисовали. Просто «Квадрат» Малевича. Ни одного светлого пятнышка. Если так уж всё плохо, то, что мы с вами сможем сделать? Бороться с рыночными отношениями? Идти назад к светлому будущему коммунизма?

— Вот это как раз и предстоит нам с вами решать. Вы думаете, что есть уже готовое решение?

— Думаю, да, хотя, — Олег развел руками.

— Наивно. Это было бы слишком просто. Открытый рынок так устроен, что всякого, кто попал в его сети, он не отпускает. Он высасывает ресурсы, не оставляя шансов. Людям говорят пустые красивые лозунги, призывая «сохранить свободу и независимость». В итоге обманутые, своими руками, ломают свой дом.

— Безумные ведут слепых.

— Да, так и есть. И чтобы исключить всякую форму преемственности, руководящие лица не просто должны меняться. Что толку менять Ельцина на Путина? Процесс разграбления идет слишком медленно и враг опасается: вдруг за это время что-то произойдет, вдруг какая-то новая сила вызреет, как не раз бывало в нашей истории, и Россия с Украиной снова окажутся вместе и в силе? Вот США и куют железо, пока горячо. Чтобы процесс разрушения ускорился, ключевые посты должны переходить в руки оппозиционной команды. Новая команда должна быть именно оппозиционной. Это гарантирует полную смену высшего и среднего управленческого звена, исключая любую форму преемственности. Из оппозиционной элиты сформируется правительство, члены которого гарантированно будут людьми с микроскопическим масштабом мышления — другие просто не могут играть в игру «отстоим свободу». Действия «маленьких», когда они придут к власти, заранее понятны — они начнут передел в экономической и административной сферах. Даже если новыми лидерами станут честные люди, ничего не изменится. При нечестных — разрушительные процессы пойдут быстрее,

при честных — чуть медленнее, но они пойдут в любом случае. Далее социальные энергии из созидательного русла будут перенаправлены в разрушительное. Неустойчивость власти рождает кучу начальников, не понимающих ситуации и не знающих, что делать. В такой ситуации огромная Россия должна будет развалиться на ряд карликовых государств. Аналогичная судьба ждет все традиционные страны. Например, после окончательного разрушения ключевых узлов Франции Западная Европа будет полностью беззащитна. После падения России беззащитной становится не только Восточная Европа, но и весь мир.

— Возникает закономерный вопрос: а как же США — цитадель рыночной демократии?

— Не надо заблуждаться. Я вам уже говорил. В США функционирует постоянная власть. Меняется только её видимая часть. Силы, задающие генеральное направление, остаются неизменными, сохраняют преемственность и наследственность. Примерно так, как это было в СССР, утверждавшем, что власть выбирается народом. Разница только в том, что выборный спектакль в США качественнее продуман.

— Если всё это так и есть, то у меня нет аргументов возражать против этой концепции. Тогда скажите, куда смотрит Европа? Они что там, ослепли и не видят, куда их тащат?

— Хороший вопрос. Европа? А Европа, если помните, первый раз пожала зримое логическое развитие демократии в виде фашизма. Но это ещё не самое страшное. В обозримом будущем выборная система принесет ещё большие проблемы. В условиях надвигающегося энергетического кризиса и проблемы перенаселения планеты Россия — мировая сокровищница с вымирающим населением — оказывается слишком привлекательным куском, кстати, так же, как и Украина. Минус полмиллиона коренного населения в год. Чем не голодомор? Чем не геноцид от собственной власти? Через пятьдесят лет от украинца останутся только шаровары, и те в чикагском музее украинской культуры. Уничтожение Украины находится во второй фазе операции. Первый шаг — установление системы, объявляющей

постоянную смену власти главным условием — пройден. Фундамент для «цветных революций» создан. Через четыре года смена власти возможна, через восемь лет смена власти обязательна. Если на момент возможной смены есть шансы сохранить преемственность, то на переломном этапе, в момент обязательной смены власти, таких шансов быть не должно. Вся надежда только на Россию. А в таких условиях слабой команде Россию не удержать. Править такой страной может только очень сильная команда. Но тотальная безыдейность верхов исключает образование настоящей силы.

— А как же такие страны, как Индия, Китай, Япония? Их судьба тоже предрешена?

— Не надо обманываться нарастающей экономической мощью Китая. СССР был ещё мощнее, и где он теперь?

— Теперь понятно, почему произошло разделение церкви в Украине.

— Вам скоро очень многое станет понятно, Олег Иванович. Всех — и массу, и элиту, и даже технологов — используют втемную, как инструменты. Потому что человек без цельного мировоззрения — всегда инструмент, который продается, как картошка на базаре. У него нет принципов, и он готов делать что угодно, если ему выгодно. Как правило, вопрос в цене. Любая работа определяется не глобальной целью, а фактом сиюминутной выгоды. Телевизор смотрите?

— Иногда.

— Тогда наверняка видели политолога Карасикова.

— Прыщавый, с длиной шевелюрой? Борец за свободу украинского народа?

— Уши у него огромные, как у осла, вот и прячет их за прическу.

— И что Карась?

— Наркоман, на «коксе». Посадили на крючок — вот и отработывает.

— Убедительный такой!

— А как вы хотели? Стареется, порошок денег стоит...

— И все-таки кто же этот некто, который всем управляет?

— Кто? Об этом чуть позже, когда вы примите окончательно решение.

— Горит наш дом, и дети в нем... — Олег многозначительно вздохнул.

— Горит наш родной дом, но тушить его пока некому. Дело в том, что игра против Украины, России и Европы ведется не ради власти и доступа к ресурсам. Всё это — промежуточная цель. Окончательные цели, ради которых идет сражение, кроются в метафизике. Согласно демократической идеологии, традиционным народам нет места на Земле. Это не предположение. Это утверждение, выведенное из последовательного анализа ситуации на планете.

— Ого, это посерьёзней, чем я мог предположить.

— Вот так-то, Олег Иванович. Так что люди, способные осознавать свою жизнь с позиций прошлых и будущих воплощений, нам очень как нужны. А именно таким человеком вы и являетесь. То, что мы с вами, а я в этом уверен, будем делать, в одну жизнь не уложишь... Решайте. Вы с нами или сами по себе?

— Я, конечно, очень польщен вашим вниманием, но вот так прямо сразу я принять решение не могу. Дайте хотя бы посоветоваться с семьей.

— Не юродствуйте, Олег Иванович, вы уже приняли решение, и я это вижу. Вы — тот человек, который принимает решение быстро и очень долго его не меняет.

— Действительно, вы слишком хорошо меня знаете, чтобы ошибаться. Не буду врать, я принял решение. Но озвучу только после встречи с семьей. Скажем так.

— Вот это похоже на правду. Вы никогда ни с кем не советовались. В этом ваш плюс и минус одновременно.

— И такое бывает?

— К счастью, да. Вас ждёт машина. Я желаю вам приятно провести время с семьей. Сергей Иванович встал, подошёл к Олегу и пожал руку. — Очень рад знакомству.

— Даже не знаю, благодарить ли вас за то, что услышал, или...

— Не стоит, я просто делал свою работу. Надеюсь, мы прощаемся не надолго, — улыбнулся Сергей Иванович.

— Надеюсь. Вот только я не могу понять, разве нельзя то, что вы мне рассказали, опубликовать в прессе? Чтобы все сразу всё поняли. Это же так просто.

— Увы, должен вас разочаровать. А напоследок расскажу вам одну поучительную историю. В прошлом веке антисептиков не было. И от родильной горячки, то бишь, от заражения крови, умирало до трети рожениц. Причину смертности нашёл молодой врач Игнац Земмельвейс — это были немытые руки. Естественно, он ввёл мытьё рук хлоркой в своей клинике. И у него роженицы перестали умирать вообще. Он обрадовался, стал писать научные статьи. Их публиковали, но на них не было никакой реакции. Никакой! Он был поражен, но женщины продолжали умирать! Тогда Игнац Земмельвейс стал писать открытые письма в газеты типа «Аргументы и факты» о том, что «Вы, профессор, светило в гинекологии — убийца, поскольку вы не моете руки хлоркой, и женщины от этого умирают». Никакой реакции. А женщины умирают. Кончилось всё печально. Не справившись с моральным бременем, Игнац Земмельвейс сошёл с ума и умер молодым в психиатрической больнице. Вот такие дела.

— Грустно. Но поучительно. Намек понял. Жаль парня.

— Ему поставили памятник, на котором написано: «Отцу всех матерей». Кстати, в Англии через год после того, как было придумано мытьё рук хлоркой, хирург Листер придумал мытьё рук карболой. Эффект тот же самый. Но врачи не могли признать, что это они виноваты в смерти людей, и не признавали мытьё рук. Антисептику ввели потихоньку, «тишком-нишком», не афишируя, но повсюду. С того времени мало что изменилось.

—Спасибо, — Олег Иванович по-дружески кивнул головой и направился к выходу.

Тоннель встретил его холодным потоком воздуха и зажженными фарами джипа. Олег Иванович расположился на переднем кресле и пристегнулся ремнем безопасности. Железный конь вздрогнул и с ревом сорвался с места.

—Долго ехать?

— Десять минут, — по-военному отчеканил водитель.

Вечерний Киев в пятницу — это сплошная пробка. Куда бы вы ни поехали — вы попадете в автомобильное столпотворение. При этом, если в Германии, по негласной договоренности, водители соблюдают правило «молнии» — проезжают по очереди так же, как закрывается ширинка в джинсах, то в Киеве проезжает тот, кто наглее. Это особенно ярко проявляется на перекрестках без светофоров, во время пробок там никто не обращает внимания на такие мелочи, как второстепенная или главная дорога. Всем надо и всё сразу, никаких уступок. Один поток едет на другой — кто кого переедет. Нередко такие баталии заканчиваются авариями и драками. Конфликтные ситуации растут пропорционально числу автомобилей. А автомобилей в Киеве с каждым днем всё больше и больше.

Михаил Яковлевич шёл по улице Мельникова, созерцая традиционную пятничную пробку. Бесконечный поток разноцветных четырехколесных теловозов гудел, библикал, хрюкал, мигал фарами и, что самое смешное, практически не двигался. Михаил Яковлевич вспомнил свою первую машину, «шестёрку». *Какая была радость!* В советское время автомобиль, бывший в употребле-

нии, стоил дороже нового. А сегодня автомобиль можно купить по предъявлению паспорта в кредит без первого взноса. Заходи в магазин, забирай и вперёд, в пробку! *Насмешка цивилизации. Было, где ездить — не было автомобилей, есть автомобиль — негде ездить...* Он вспомнил Париж. *В Париже та же проблема. Там четыре миллиона автомобилей —днём по городу быстрее идти пешком, чем передвигаться на машине. Вопрос: зачем машина?* Он улыбнулся. До лаборатории оставалось пройти один квартал. Рука в кармане крепко удерживала газетную страницу с начирканными наспех формулами и схемами. Он уже видел новый прибор, понимал принцип его работы и радовался, как ребёнок. *Название, надо придумать название. Поляризационно-радиоволновой процессор... Нет. Слишком сложно. Система физиолого-генетического управления... Еще хуже. А может, просто Эквадек? Почему Эквадек? Ну, так, просто Эквадек и всё тут. Потребителям всё равно, а Борису Семеновичу будет приятно.*

Михаил Яковлевич ушёл в себя. Он был настолько поглощён идеей создания нового прибора, что даже не заметил, как оказался у дверей института.

— Здравствуйте, Михаил Яковлевич.

— Здравствуйте, э-э-э, — Михаил на секунду задумался, вспоминая имя охранника. — Гм. Здравствуйте, Володя.

— Давно вас не было видно. Отдыхали?

— Можно сказать и так. А что у нас нового?

— Так, ничего страшного пока не случилось. Вот только вас многие разыскивали. Я здесь не каждый день, вы же знаете, дежурство сутки через двое. Много было звонков, вопросов и прочее... Я, грешным делом, думал... Но вот вижу, всё с вами в порядке. Ну, и слава Богу. Простите, я должен позвонить, — охранник снял трубку.

— Да, пожалуйста, — Михаил Яковлевич нащупал ключи от лаборатории.

— Извините, приказано было, как вы придёте, так сразу же и позвонить. Строгие такие были люди. Сразу видно — большое начальство! — охранник покачал головой. — Говорят, чтоб сразу же...

— Одну минуту, Володя, — Михаил Яковлевич взял из рук охранника трубку и положил перед ним сто гривен, — вы всегда успеете это сделать. Понимаете, я не хочу, чтобы мне мешали, мне надо поработать одному. А когда я закончу, вы позвоните, кому следует. Хорошо?

— Э-э. Да, конечно. Как скажете, я завсегда, как надо. Если надо, — Володя ловко подмял купюру. — А чайку вам сделать?

— Не откажусь, а что в институте уже никого нет?

— Так пятница же, все либо еще в пробках, либо уже на даче. Пятница, — радостно улыбнулся охранник. — А чайку я завсегда, я щас.

— Сильно не торопитесь, я буду долго, — Михаил Яковлевич наклонился над журналом записей. — А вы не могли бы мне переписать те номера телефонов, по которым вас просили сообщить обо мне?

— Конечно, конечно напишу.

Михаил Яковлевич прошёл в фойе к лифту.

— Извините, но лифт уже отключён, хотя для вас. Я ща-а-ас включу. Минуточку, — охранник суетливо выскочил из-за стойки и побежал в конец коридора.

— Спасибо. И ещё. Я вас прошу, если вдруг кто-то придет в институт, позвоните мне в лабораторию, — крикнул вдогонку охраннику Михаил Яковлевич, — хорошо?

— Хорошо, хорошо, обязательно позвоню. Только кто может прийти в пятницу?

Двери лифта открылись и Михаил Яковлевич с нескрываемой радостью ввалился в кабину. Выйдя на нужном этаже, он вприпрыжку побежал к заветной металлической двери. Как вдруг... Посреди пустого коридора он споткнулся и упал. Обида и растерянность блокировали сознание, а боль в колене и в правом локте

отрезвляюще подействовала на его настроение. *Как же это случилось? Ровный пол, никаких препятствий и на тебе...* Он услышал легкое шуршание сзади.

— Миша, вы в порядке?

Михаил обернулся и чуть не закричал от радости, забыв о падении.

— Тс-с-с-с, — зашипел Эммануил, приложив палец к губам, — не шумите, тут у вас всё напичкано подслушивающими и подсматривающими приборами. Так что, ради Бога, тише.

Михаил поднялся. Ему хотелось обнять Эммануила, но это было бы крайне бестактно, и он удержался.

— Почему вы меня бросили? Я чуть не умер. Я попал в черную комнату...

— Знаю, знаю, — перебил Эмм, — я вас отправил, а сам остался прикрывать ваш отход. И скажу вам — было нелегко. А вы попали в их энергетическую ловушку. Я видел вас, но помочь не мог. А вы молодец! Единственно правильное решение! И вы его приняли. Представляю, в какой ужас вы повергли наших врагов. Это было потрясающе. Но почему вы пошли сюда? Я же вас предупреждал, что сюда нельзя.

— Понимаете, я был там... Где мы с вами раньше встречались... Мне показали технологию... Это неправильно?

— Нет, всё правильно. Но неужели обязательно, выбравшись из одной ловушки, лезть в другую?

— Но мне нужны мои приборы, я без них не смогу...

— Хорошо, сделаем так. Вы спокойно заходите в свою лабораторию и делаете то, что считаете нужным, я буду рядом. Не забывайте, за вами будут следить десятки скрытых камер. Они вас не тронут, пока не поймут, что вы делаете. Кстати, они уже внизу.

— Как внизу?

— Охранник позвонил сразу же, как вы зашли в лифт.

— Он же мне обещал...

— Не будьте таким наивным. Есть то, что есть. Мы должны их перехитрить, тем более, как я понимаю, внизу просто люди, которым приказано вас выследить и задержать. Это для нас с вами небольшая проблема. Идите и работайте.

Эммануил растворился в пространстве мрачного коридора.

— Эмм, вы здесь? — недоверчиво прошептал Михаил.

— Здесь, здесь, идите же, — голос прозвучал прямо в ухе Михаила.

— Вы что, у меня в ухе? — Михаил неторопливо зашагал в сторону лаборатории.

— А что нельзя? Неприглядная картина у вас тут, я вам скажу. Нормальные профессорские уши, вот только почистить не мешало, — засмеялся Эмм.

— Я вас туда не приглашал, не нравится — проваливайте, — Михаил открыл лабораторию и включил свет.

Понять, всё ли было на месте, не представлялось возможным, так как в помещении царил «рабочий порядок», верней, полный беспорядок. Кто-то хорошенько здесь всё «почистил». Всё горизонтальное пространство было занято. Стекланные колбы со шлангами и металлические пластины, электрические провода и пульты управления приборами, вакуумные насосы и камеры высокого давления. На полу валялись журналы и учётные таблицы, чистые листы бумаги и карандаши.

— Да-а-а. Что же вы тут искали, господа хорошие? — процедил сквозь зубы Михаил Яковлевич.

— Скорее всего, вас, — ответил голос в ухе.

— И как же я тут разберусь?

— Разъединяйтесь.

— Не понял, — прошептал Михаил Яковлевич, собирая с пола разбросанные бумаги.

— Что непонятного? Выходите из тела, — прошуршал голос.

Михаил Яковлевич закрыл глаза и увидел себя изнутри. *Темно. И сыро...* В этот раз разъединение души и тела произошло быстро и легко. Он увидел свое тело, ползающее по полу: — Ну и что будем делать?

— Для начала посмотрим, кто против нас играет. Вон посмотрите вверх, видите глазок видеокамеры?

— Вижу.

— Давайте туда.

Михаил Яковлевич вздрогнул невидимым телом, собрался с духом и рванул вперёд... Пролетев сквозь линзы объектива, он увидел поток ярких разноцветных частиц, устремлённый в чёрную точку. Ещё рывок и он в потоке.

— Эмм, вы где?

Ответа не последовало. Электрический поток нёс Михаила всё дальше и дальше. Периодически он влетал в печатные платы и микросхемы промежуточных приборов, а затем снова попадал в чёрный поток цветных шариков. Шум потока напоминал звуки водопада, он то нарастал, то почти полностью стихал. Невидимое тело Михаила влетало в ярко освещенное пространство компьютерного монитора. Он увидел синие, красные и зелёные точки. *«Битые» пиксели. Да, это «битые» пиксели жидкокристаллического монитора, только они пропускают свет.* Михаил сделал усилие и оказался за пределами монитора. Место, куда он попал, было похоже на центр управления космическими полётами. Столы, компьютеры, мониторы, огромные настенные экраны, десятки людей в военной форме.

— Sir, he writes something¹.

— Give a picture on the screen².

В тот же миг на огромном настенном экране появилась знакомая до

¹ Сэр, он что-то пишет (англ.)

² Дайте картинку на экран (англ.)

боли картинка: стеклянные колбы, разбросанные бумаги и Михаил Яковлевич, сидящий за письменным столом, с карандашом в руке.

— Они следят за мной! Это же я! — тихо произнес Михаил Яковлевич, не надеясь на ответ.

— Конечно вы, — голос Эммануила напугал Михаила Яковлевича.

— Эмм, вы здесь?

— Already for a long time¹.

— Где мы? Что это за люди?

— Вы думаете, я всё знаю? Могу только сказать, что они очень заинтересованы в вашей персоне. Видите, как все внимательно следят за деятельностью вашего брэнного тела. Надо торопиться. Неизвестно, что они предпримут, когда поймут, что мы водим их за нос.

— Ну, мы так ничего и не выяснили.

— Что вам не понятно? Посмотрите на бейджик сидящего рядом сотрудника и всё поймете.

— Institute in Santa fe²?

— Совершенно верно, институт социологических исследований. Закрытый институт. Заказчики Пентагон и ЦРУ. Теперь вы понимаете, у кого вы на крючке?

— Вы серьезно?

— Ещё как. Вы что, не верите своим глазам?

— Верю... Но... Разве я...

— Всё, уходим, пока нас не обнаружили.

Михаил почувствовал толчок. Невидимое тело, как виртуальный мячик, вскочило в монитор и мгновенно было захвачено электрическим потоком...

¹ Уже давно (англ.)

² Институт в Санта Фе. (англ.)

жо вышел из туалета. Президент сидел с закрытыми глазами. Вагон двигался с небольшой скоростью, периодически останавливаясь и поворачивая то влево, то вправо. Они ехали уже не меньше тридцати минут. За окнами мелькали однотипные перроны, тоннельные ответвления и бесчисленное количество бронированных кабелей и пластиковых труб. Он сел на свое место и закрыл глаза. Усталость давала знать. Длительный перелет, напряженный прием, таинственная встреча...

— Приехали, Джо! Вы, как я посмотрю, совершенно забыли о своих прямых обязанностях, — Президент стоял у открытых дверей, — ну, же, вставайте.

— Простите, господин Президент, я как-то... Закрыл глаза... И...

— Всё нормально, это самое безопасное место на планете, — нахмурился Президент.

Они вышли из вагона и направились к двери лифта. Несколько минут лифт шёл вверх, затем остановился и двинулся в сторону, затем снова вверх.

— Как тут всё запутано, — Джо осматривал кабину лифта, которая была отделана очень дорогими породами дерева и резьбой под старину.

— Оставьте свои мысли при себе, — Президент нервничал. Он ещё и ещё раз прогонял в голове заранее подготовленную речь, он прекрасно понимал, что от неё зависит не только его нынешняя жизнь, а и те жизни, которые будут потом...

Лифт остановился и двери открылись. Джо вышел первым. Помещение, в которое они прибыли, потрясало роскошью отделки и высотой потолка. Верней сказать, потолок был настолько высок, что определить его высоту было просто невозможно. Гулкое эхо от

МЫ ЗАРАЖАЕМ ИХ
ИНФЕКЦИЕЙ
ВСЕДОЗОЛЕННОСТИ ПОД ФЛАГОМ
ДЕМОКРАТИИ.

МЫ ВЫРЫВАЕМ
ДУХОВНЫЕ КОРНИ,

МЫ РАЗЛАГАЕМ,
РАЗВРАЩАЕМ
И РАСТЛЕВАЕМ ИХ.

ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ БЛЕСК - САМЫЙ ЯРКИЙ
ОН СВЕТИТСЯ, КАК ЧЕРНОВАЛ ПОСЛЕ
ВЗРЫВА, НЕВИДИМО ОТРАВЛЯЯ
ДУХОВНОЕ ПРОСТРАНСТВО.

шарканья их туфель раздавалось по всему огромному помещению, напоминающему здание железнодорожного вокзала. Красивейшие колонны, отделанные золотыми резными решётками и драгоценными камнями, были подсвечены хрустальными светильниками и уходили далеко вверх, теряясь в темной неизвестности свода.

— Присядь тут, — Президент указал на скамью из белого мрамора, — жестковато, но с подогревом. Так что не простудишься. Если меня в течение часа не будет, уходишь сам. Понятно?

— То есть как сам? — растерянно мигал глазами Джо. — Я не имею права.

— Джо, так надо. Это приказ. Ты понял? Если я не выйду через час, ты уходишь сам. Ты меня понял?

— Так точно, господин Президент, понял.

— Ну, с Богом, — Президент зашагал вглубь огромного подземного холла.

Еще несколько минут Джо слышал гулкие звуки, затем послышался скрип открывающихся дверей, после чего в подземном холле воцарила полная тишина. Джо посмотрел на часы.

Президент бывал в этом помещении и прекрасно знал, что именно в этом помещении решались и решаются судьбы королей, президентов и их народов. Здесь определяют, кто демократ, а кто диктатор, здесь принимаются решения о поощрении и выносятся смертные приговоры. Именно здесь находился Глобальный Предиктор — руководящий орган Мирового Правительства.

Американский президент сел в кресло стоящее посреди комнаты, в центре пересечения двух равнобедренных треугольников с отсеченными верхушками, рельефно выделенных над уровнем пола. В каждом отсеченном фрагменте был светящийся глаз. Шестиугольная комната с шестью большими жидкокристаллическими экранами расположенными напротив друг друга, отделанная натуральным

камнем, встретила Президента холодным запахом англо-саксонского консерватизма. В каждом из пяти экранов было изображение человека в черной сутане, с капюшоном на голове. Лица были скрыты почти полностью. В шестом экране был человек в белой сутане и сидел он спиной к залу. Это был Председательствующий Предиктор, принимавший окончательное решение.

— Ты опоздал на десять дней, — прогремел железный голос.

— Он заставил нас ждать. Это неслыханная наглость, — подержал другой.

— Ты зачем притащил с собой раба? — раздраженно добавил третий.

— Он не выполняет свои обещания! Он слаб! — откликнулся четвертый.

— Он устал править! — заключил пятый.

Человек в белой сутане, сидящий спиной к залу, молчал. Пауза затянулась.

— Господин, Председательствующий Предиктор, я могу всё объяснить, я... — Президент почувствовал ком в горле. Все заготовленные слова выскочили из головы. *Надо взять себя в руки*, — гм. Всё не так как вы думаете... Я...

— Послушай меня, — прогремел голос Белого Предиктора, — тебе не надо ничего объяснять. Мы не спрашиваем тебя: «Что ты делал?». Мы спрашиваем тебя: «Что ты с-с-сделал?». Чувствуешь разницу? Нас не интересует процесс. Нас интересует результат.

— Я понимаю, поэтому и хочу сказать о результате...

— Ты всё только портишь, у тебя в голове яхты и гольфклубы, виски и женщины. Ты обладаешь огромной властью, а тратишь свою жизнь на рабские утехы. Ты должен быть выше. Чтобы стать выше всех, надо вести себя ниже всех. Тебе поручено дело, которое мы контролируем уже тысячи лет. Ты должен завершить первую стадию,

тебе поручена высокая миссия завершения Гипоталамуса, Нервной Системы Мирового Порядка...

— Я знаю, я именно этим и занимаюсь... — Президент Америки выглядел растерянным и напуганным.

— Если бы ты вовремя всё делал, империя была бы уже повержена. Русские тебя просчитали, они начинают действовать твоими же приемами.

— Чего стоит только один Проект Россия! — добавил чёрный Предиктор слева.

Президент опустил голову. *Проект Россия, шесть томов разрушающей Гипоталамус информации. Книги «без автора». Сволочи. Даже наказать некого! Обезличенный информационный вирус.*

— Если они успеют сформировать Национальный Эгрегор — тебе конец, ты это понимаешь?

— Нам всем конец! — прошипел чёрный Предиктор справа и, вытянув вперед правую руку, опустил большой палец вниз, — он не достоин высшего места! Высшие места занимают князья духа, для которых честь стоит на первом месте, а земная жизнь и всё остальное — на втором!

— Я могу всё объяснить, — Президент взял себя в руки. Он знал, что тут главное не слова, а реакция, эмоции и манера поведения, уверенность в себе, решительный голос и жесткость в ответах. *Я достоин высшего места!* Он понизил голос и продолжил, — я очень благодарен вам за возможность пользоваться опытом прошлых воплощений, я понимаю, насколько важно именно сейчас то, что приходится делать мне. Я обещаю, что мы бросим всё, что имеем: всё золото, всю материальную мощь — на оболванивание и одурачивание низших рас! Посеяв хаос, мы подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить...

— Мы это уже слышали! Скажи, как ты будешь это делать? — перебил Белый Предиктор.

— Мы нашли своих единомышленников в самой России. Уже начат грандиозный по своему масштабу процесс уничтожения самого непокорного на земле народа, процесс окончательного и необратимого угасания его самосознания.

— Это лозунги для толпы. Мы спрашиваем тебя о конкретных действиях.

— Например, из искусства и литературы мы вытравляем его социальную сущность. Литература, театры, кино — всё будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы всячески поддерживаем художников, которые вдавливают в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства — словом, всякую безнравственность...

— Очень хорошо! — перебил один из черных предикторов. — А что с государством? Вы должны влиять на государственном уровне.

— В управлении государством мы создаем хаос и неразбериху. Украина пала. Она полностью в наших руках...

— Не будь таким самоуверенным! Многие поколения наших предков сотни лет мечтали владеть их землями. Знаешь, что их всегда губило?

— Нет, господин Предиктор.

— Самоуверенность! И, в конце концов, они поняли, что славянский народ можно победить лишь при помощи его самого! Используя его внутренние энергии. Помни это!

— Да, господин Белый Предиктор. Мы действуем именно так. Россия без Украины — не империя. В наших рядах влиятельные люди России: бизнесмены, представители интеллигенции и деструктивные политики. Мы активно и постоянно способствуем самодурству чиновников, процветанию взяточников и беспринципности. Бюрократизм и волокита возводится в добродетель. Честность и порядочность осмеиваются и никому не нужны, они превращаются в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и

обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство и национализм, вражда народов — прежде всего вражда и ненависть к русскому народу — всё это мы культивируем и всё это расцветает махровым цветом. И лишь немногие, очень немногие догадываются, что происходит. Но таких людей мы, руками их же соотечественников, ставим в беспомощное положение, превращаем в посмешище, находим способ их оболгать и объявить отбросами общества...

— Я рад. Ты хорошо понимаешь, что от тебя ждет Золотой Миллиард. Но этого мало. Этого очень мало! Необходимо разрушить их духовность. Ты должен привести их духовный знаменатель к одному единственному значению — доллару!

— Понимаю, господин Белый Предиктор. Мы вырываем духовные корни, опошляем и уничтожаем основы народной нравственности. Наши общественные организации берутся за их людей с детских лет, главную ставку мы всегда делаем на молодежь. Мы заражаем их инфекцией вседозволенности под флагом демократии, мы разлагаем, развращаем и растлеваем их. Мы делаем из них циников, пошляков и космополитов. В конце концов, мы уничтожим национальные государства, а их народы рассеем по миру, как пыль. Потребление возведем в ранг религии. Потребительский блеск — самый яркий. Он светится, как Чернобыль после взрыва, невидимо отравляя духовное пространство. Начинаются духовные мутации. За относительно короткий срок формируется принципиально иной тип общества, в силу своей яркости задающего тон. Когда облучение достигнет критической массы, произойдет коллапс.

Последние слова многократно повторились эхом и угасли в шестиугольном своде.

— Нам нравится твоя решительность, — голос Белого Предиктора прозвучал как резюме, как окончательное решение, — но не забывай твоя сила — не ракеты и танки. Твоя сила в — гражданском обществе и конкуренции. Экономически успешная часть общества всегда будет сплываться в отдельный класс, в гражданское общество, цель

которого — защищаться от ограбленных, — Белый Предиктор засмеялся, — государственная машина начинает видеть свою функцию в подавлении слабых. Ты должен разделять. Всех и всегда разделять. И, прежде всего, по экономическому признаку. Если христианская теория естественным состоянием общества объявляет любовь, то твоя теория должна объявлять естественным состоянием войну всех против всех! Высшее достижение демократии — конкуренция. Конкуренция во всём и везде! Члены одного общества должны воевать друг с другом точно так же, как раньше воевали с врагами. Сильный должен строить свое благо на беде слабого! Если не ешь ты, едят тебя. Разница лишь в том, что новая форма людоедства должна быть цивилизованной, в рамках закона, определенного государством. Убивать можно, но по закону! Убей конкурента, разори его, раздави, но по закону, и гражданское общество тебя возвысит. Главная твоя задача — охрана конкуренции во всем мире. Ты понял?

— Понял, господин Белый Предиктор, — Президент встал и склонил голову.

— Иди и делай! Тебя ждет слава и великие почести Золотого Миллиарда.

— Гм. Э-э. Я хочу вас просить...

— Что ты смеешь просить у Глобального Предиктора? — истерично выкрикнул черный Предиктор. — Ты не имеешь права ничего просить, ты должен только выполнять!

— Но я... Я прошу вас выслушать...

— Хорошо, говори, но ничего не проси!

— Русским кто-то помогает. Кто-то очень сильный, я не знаю, кто... Они всегда действуют на упреждение. У меня есть информация. Разработанный ими Проект Россия — информационный вирус. Он работает автоматически. Информация передается, как плохая новость, из уст в уста. Мало того, что этим вирусом уже заражены как минимум пятьдесят процентов взрослого населения России, ещё хуже, что он начинает своё движение на Запад...

— Мы знаем об этом. А как ты думал? Не ешь ты — едят тебя! Чего ты хочешь?

— Я хочу знать, кто им помогает.

— А ты не боишься? А если это мы? — Белый Предиктор сделал акцент на последнем слове. — Иди и делай. Тебя ждет слава и почести Золотого Миллиарда!

— Нет. — Президент отрицательно качнул головой. — Так нельзя, это неправильно...

Экраны погасли. Президент тяжело вздохнул. В глубине души он ненавидел этих людей и боялся. Располагая самой мощной военной силой в мире, он был беспомощен перед этими шестью экранами. *Кто эти люди? Где они живут? Как им удастся влиять на мировую экономику? О, если бы он знал, он бы им показал, кто он такой...* Президент направился к выходу. *А что собственно произошло? Чего он ждал? Эти люди владеют всем, что есть на планете Земля. Что он может против них? Ничего! Иди и делай! Иду! Почести Золотого Миллиарда? Удивили. Возьмите их себе! А может, объединиться с русскими против них? Нет, это совершенно нелепая мысль, а вдруг русские действительно имеют связь с Предиктором? Кто-то же им помогает. Тогда кто кого уничтожает? С каждым моим усилием русские становятся только сильнее...*

Обратный путь показался Михаилу Яковлевичу короче. Его тело сидело за столом и что-то записывало в огромный толстый журнал. Михаил Яковлевич влетел в тело. *Итак. Что мы делаем?* Он посмотрел в журнал. *Ага, заполняем лабораторные отчеты. Ну и хорошо.*

— Что ты расселся? Ты думаешь, по ту сторону дураки сидят? — прохрипел голос Эммануила. — Давай быстрее, бери, что надо, и уходим. Только быстро.

— Нет, быстро не получится. Уж если я сюда попал, то буду делать прибор. А когда сделаю — уйдем, — парировал Михаил.

— Зачем тебе этот прибор? — не унимался голос в ухе.

— Я учёный, я не могу иначе.

— Как хочешь. Дело твое. Заметь, ты сам принял решение. Тогда пока. Я ушёл.

— Давай. Сделаю прибор, позову.

— Уж будьте так добры, позовите, пожалуйста.

Михаил разложил инструменты и приборы... *Лед тронулся, господа присяжные заседатели. Мы начинаем... С Богом...*

Абсолютно свободный человек не знает полутонов, не знает компромиссов. Он — полностью замкнутая система, он абсолютно независим, а если это невозможно, он умирает. Михаил Яковлевич чувствовал себя по-настоящему свободным. Он делал и думал, размышлял о жизни и творил... В его руках рождался новый, ещё никому на Земле неизвестный, прибор. Но. Вечная проблема научных людей состоит в том, что им никогда не известно наверняка, будет ли их новое изобретение использоваться в военных целях или нет. Они создают новое во благо... Однако часто случается наоборот. Лишь

после того, как прибор был собран, Михаил Яковлевич задумался... *Человек нравствен, если он свободно подчиняет свою волю служению «абсолютному добру», то есть Богу. А что я делаю? Что движет моими желаниями? Я просто делаю то, что должен? Делай, что должен, и будь, что будет? Если так, то...* Тот старый мир для него больше ничего не значил, все его устремления были там, за границей обыденности. В черном таинственном Пространстве Вариантов. Он вдруг осознал, что живёт в ожидании смерти, понимаемой им не как исчезновение, а как переход в вечную жизнь. *Вот настоящая свобода! Жизнь без страха смерти! Каждый человек желает быть свободным в своих действиях, поступать так, как хочет именно он, а не как его понуждают обстоятельства. Любому человеку хочется быть личностью, живущей по принципам, но жизнь вносит свои коррективы. Разные инстинкты, в том числе инстинкт самосохранения, властвуют над человеком. Отстоять свою свободу способны единицы. Большинство становятся рабами инстинктов. Но я свободен! Слава тебе, Господи! Слава Тебе!* Михаил Яковлевич встал и отошёл к окну. *Я сделал это! Сделал!*

В двери лаборатории постучали.

— Михаил Яковлевич, уже утро. Я скоро буду сдавать смену.

Михаил узнал голос охранника. *Как я мог забыть? Они же следят... Они тут...*

— Михаил Яковлевич, тут к вам пришли... Откройте пожалуйста дверь, — не унимался голос за дверью.

— Да, я сейчас, вот только руки помою, — Михаил взял в руки кофр ноутбука и положил туда свое ночное творение — «Эквадек».

— Михаил Яковлевич, откройте дверь, — слышался незнакомый мужской голос, — я вам приказываю открыть дверь!

— Володя, а это ещё кто? — весело отозвался Михаил Яковлевич. — Вторая смена?

— Я тебе сейчас покажу вторую смену! — грозно заявил незнакомый голос. — А ну-ка, интеллигент паршивый, открывай дверь! Это приказ!

— Да пошёл ты! — внезапно вырвалось у Михаила. Он даже обрадовался своей дерзости. — Мозгов еще не накопил, чтобы мне приказывать.

— Ах ты сволочь, ну ты у меня сейчас завоешь на Луну!

Михаилу вдруг почему-то стало весело. Он улыбнулся. *Это же просто люди. Обычные смертные, неверующие люди. Кто они против меня? Дети.* Он закрыл глаза и вышел из тела. Пройдя сквозь двери, он увидел людей, одетых в черную униформу. Они по очереди разгонялись и били в двери своими огромными мускулистыми глупыми телами. Но дверь не поддавалась. *Вот если бы сейчас... Стать львом или тигром...* Михаил закрыл глаза и собрал свою волю в единое целое. *Ладно, на этот раз обойдемся без тигров... Давайте-ка сделаем паузу. Всем стоять и молчать! Всем стоять! Стоять, я сказал!* Сразу же наступила полная тишина. Михаил открыл глаза. Нападавшие застыли, как застывают в кино при стоп-кадре. Они стояли с открытыми глазами, как манекены в магазине. Михаил Яковлевич вернулся в тело, забрал кофр с прибором, и спокойно вышел в коридор.

— Никто ничего не помнит! Меня здесь не было! Всем понятно? Всего хорошего, — Михаил подошёл к охраннику, поправил задравшуюся куртку и заглянул ему в глаза. — Нехорошо обманывать старших, Вовчик. Всем спасибо!

Люди — манекены смотрели на него полными ужаса стеклянными глазами. Михаил спокойно сел в лифт и через десять минут уже ехал в набитом до отказа утреннем троллейбусе. *Неужели я нашёл свой путь? Борьба. С кем? Во имя чего?* Он смотрел на рекламные борды, витрины магазинов и бегущих в разные стороны людей. *Меня совершенно перестали беспокоить деньги... Может, это не нормально? Куда бегут эти люди? Они бегают по палубе тонущего «Титаника» и грызут себе глотки за право комфортной смерти... Бред... Эй, люди! Вы куда? Зачем вам столько хлама? Цель жизни? Пропустить через свой желудок несколько тонн колбасы и сносить три десятка джинсов? Неверующие прагматики... Рабы гастронома... Рабогастры...* Михаил нахмурился. *Если нищему человеку подарить супермаркет. Он его съест...*

ерная точка в конце тоннеля. Рев двигателя. Бетонные стены. *Свет. Свет в конце тоннеля. Свет в конце неизвестности. Надежда увидеть близких людей... Самых родных в мире, самых дорогих во всей Вселенной...*

— Впервые в жизни сожалею, что нет цветов, — Олег Иванович растеряно посмотрел на водителя.

— Почему нет? — холодно отозвался тот и кивнул в сторону заднего сидения. — Есть!

Олег обернулся назад, и... Огромный букет алых роз одиноко качался на кожаном диване, подпрыгивая в такт с автомобилем.

— Архипович?

— Так точно, — впервые улыбнулся водитель.

— Ну, дед, молодец, выкручусь, обязательно отблагодарю.

Автомобиль подъехал к железным воротам и остановился.

— Надо выйти из машины, — водитель заглушил двигатель и открыл дверь, — такой порядок.

— Окей, как скажешь, — Олег вышел из машины, — а цветы?

— Можете забрать.

— Ездим, ездим, а как тебя зовут, не знаю...

— Илья.

— Просто Илья?

— Илья из Донецка, — улыбнулся водитель.

— Ну, спасибо тебе, Илья из Донецка, за целостность и сохранность моего брэнного тела, — высокопарно произнёс Олег, — а я Олег.

— Очень приятно Олег Иванович...

Наверно, странно выглядит человек в сыром тоннеле, с букетом роз. Может быть. Но чувства, переполнявшие душу и сердце Олега, не влияли на логику. Стук сердца эхом отдавал в висок, а голос совершенно пропал. Глаза стали влажными, а руки слегка дрожали...

Проверка не заняла больше трех минут. Железные двери с грохотом отворились. В ярком люминесцентном свете... Родные лица... Со скоростью ветра он влетел в помещение и утонул в объятиях самых близких и любимых ему людей... Слезы, поцелуи, нежные слова, снова слезы и снова поцелуи...

— Папа, ты где был? Папа, что ты молчишь?

— Привет моя маленькая...

— Я уже не маленькая.

— Ну, хорошо, привет «не маленькая»!

— Привет, па-а-а-пк-а!

— Ну, как вы?

— У нас всё хорошо, — супруга взяла Олега за руку и повела по коридору.

— Доча, слазь с папика! Ты уже большая, — Олег с трудом удерживал висющую на шее дочь, — прыгай вниз!

— Нет, не прыгну!

— Прыгай! — Олег поставил дочь на пол, — Боже мой, вы посмотрите, да ты уже невеста!

— Не хочу быть невестой! — нахмурила брови Даша, — я хочу «Бизе-енесменом»! Как ты.

— Одно другому не мешает. Бизе-е-енесменка.

Они подошли к стеклянным дверям. Тоня достала электронную карточку и приложила её к замку. Загорелся зелёный свет, и дверь открылась.

— Прошу вас, господин Пушкарёв, — официальным тоном заявила супруга, — только ничего не трогайте.

Олег удивленно посмотрел на жену и развел руками.

— Как скажете, товарищ начальник. И с каких пор мы на вы?

— С момента вашего исчезновения и до момента нашей... — она посмотрела на Дашу и улыбнулась, — в общем, пока я не уточню, где вы всё это время ночевали и с кем!

— Понятно, а я — то, дурак, бегая под пулями, думал, что возможно кого-то в этом мире беспокоит. Гм. Э-э-э, — Олег посмотрел на дочь, — моя жизнь...

— И жизнь тоже...

Она обняла мужа и прижалась к его груди. Дочь растерянно смотрела на них снизу вверх и плакала.

— Ну что ты плачешь? Видишь, всё налаживается, мы снова вместе, — попытался успокоить дочь Олег Иванович.

— Мультик... — всхлипнула Даша.

— Какой ещё мультик? Не понял?

— Вы, как в мультике «Красавица и чудовище», у вас так хорошо получилось!

— Ах ты, нехорошая девчонка, я — то думал, она плачет от радости, а она мультик вспомнила! А не пора ли тебе спать, дорогая?

— А сказку расскажешь?

— Сказки маленьким рассказывают, а ты уже взрослая почти.

— А мне мама взрослые сказки рассказывает.

— Неужели? — Олег Иванович удивленно посмотрел на супругу, — и что же это за сказки такие?

— Вот видишь, дочь, папа даже не знает, какие сказки ты любишь...

— Конечно, он же на работе всегда. Мама, а давай ты нам с папой сказку расскажешь, давай?

— Какую?

— Любимую...

Олег Иванович взял дочь на руки.

— Где вы расположились?

— У нас тут апартаменты, — оживилась Даша.

— Апартаменты, говоришь? — нахмурился Олег Иванович, — Интересное...

Антонина открыла дверь, и они вошли в просторную меблированную комнату с большим диваном.

— Это мой диван! — завизжала Даша.

— А вы хорошо устроились, я вам скажу, — Олег внимательно осмотрел комнату, — очень даже неплохо.

— Мама хочу сказку! Про Мальчиша... — Даша крепко сжала руку отца, — Папа, ложись со мной рядом ты тоже слушать будешь, это моя любимая сказка.

— С удовольствием прилягу, — он расположился рядом с дочерью и закрыл глаза, — мамик, мы готовы, можешь начинать.

Антонина взяла со стола книжку и открыла на закладке.

— Сказка про Мальчиша-Кибальчиша. Если папе наш вариант не понравится, он нас простит. Господин Пушкарёв, сделайте поправку на то, что в нашем варианте демократия переводится, как власть демонов.

— Интересное... — засыпая, прошептал Олег Иванович. Демоны, демоны... *Демо-н-кратия... Интересно.*

— В одно страшное время на нашу страну напали демоны. Много лет шла война. Но не могут демоны победить. И спрашивает Главный Демон у своих демонкратов:

— *Ну что, демонкраты, добились вы победы?*

— Нет, Главный Демон, — отвечают демонкраты, — мы отцов и братьев разбили, и совсем была наша победа, да примчался к ним на подмогу Мальчиш-Кибальчиш, и никак мы с ним справиться не можем.

Очень удивился и рассердился тогда Главный Демон, и закричал грозным голосом:

— Может ли быть такое, чтобы целая армия не справилась с Мальчишем? Ах вы, негодные демонкратишки! Как это вы не можете разбить мальчишку малолетнего? Скачите скорей и не возвращайтесь назад без победы.

Вот сидят демонкраты и думают: что же делать? Вдруг видят: вылезает из-за кустов Мальчиш-Плохиш и прямо к ним.

— Радуйтесь! — кричит он. — Это всё я, Плохиш, сделал. Это я фильмы голливудские привез про вампиров и зомби, про стрельбу и убийства. Это я наркотики детям в школах раздавал. Это я кричал о свободе и равенстве. Это я демонкратией темный люд заразил, чтобы они грызли друг друга и ненавидели, чтобы они только о покупках да деньгах думали. И получилась черная бомба. Положил я эту бомбу под сознание народное. То-то сейчас грохнет!

Обрадовались тогда демонкраты, записали поскорее Мальчиша-Плохиша в свою демонкратию. Дали ему модные штаны, плеер стильный, утюг крутой, телефон с играми и денег заморских. Сидит Мальчиш-Плохиш в модных штанах, плеер слушает, деньгами шелестит и радуется.

Вдруг как взорвалась черная бомба! И так грохнуло, будто тысячи громов в одном месте ударили и тысячи молний из одной тучи сверкнули.

— Измена! — крикнул Мальчиш-Кибальчиш.

— Измена! — крикнули все его верные мальчиши.

Но тут из-за дыма и огня налетела демонская сила, и схватила, и скрутила она Мальчиша-Кибальчиша. Заковали Мальчиша в

тяжелые цепи. Посадили Мальчиша в каменную башню. И помчались спрашивать: что же с пленным Мальчишем прикажет делать Главный Демон?

Долго думал Главный Демон, и наконец надумал:

— Мы погубим этого Мальчиша. Но пусть он сначала расскажет нам всю их Великую Тайну. Вы идите, демонкраты, и спросите у него:

— Отчего, Мальчиш, бились с вашим народом сорок демонкратов да сорок тиранов, бились, бились, да только сами разбились? Отчего, Мальчиш, и все газеты полны отравой, и все телевидение забито гадостью, на всех углах люди деньгам молятся, со всех сторон порок со стяжательством, а нет нам, демонкратам, покоя ни в светлый день, ни в темную ночь?

Вы спросите, демонкраты, нет ли, Мальчиш, у Православного Царства, сокрытого великого секрета? И пусть он расскажет секрет. Откуда сила у православного народа, откуда помощь? Узнайте у него, нет ли тайного хода из одной православной страны во все другие христианские страны, по которому, как у вас кликнут, так у них откликается, как у вас запоют, так у них подхватывают, что у вас скажут, над тем у них задумаются?

Ушли демонкраты да скоро вернулись:

— Нет, Главный Демон, не открыл нам Мальчиш-Кибальчиш Великой Тайны. Рассмеялся он нам в лицо.

— Есть, — говорит, — и неисчислимая помощь, и сколько бы вы душу нашему народу ни травили, всех не перетравите, и не будет вам покоя ни в светлый день, ни в темную ночь.

— Есть, — говорит, — и глубокие тайные ходы. Но сколько бы вы ни искали, все равно не найдете. А и нашли бы, так не завалите, не заложите, не засыплете. А большие я вам, демонкратам, ничего не скажу, а самим вам, проклятым, и ввек не догадаться.

Нахмурился тогда Главный Демон и говорит:

— Сделайте же, демонкраты, этому скрытному Мальчишу-Кибальчишу самую страшную Муку, какая только есть на свете, и испытайте от него Великую Тайну, потому что не будет нам ни житья, ни покоя без этой важной Тайны. Не видать нам без нее мирового господства.

Ушли демонкраты и вернулись нескоро.

Идут и головами покачивают.

— Нет, — говорят они, — Главный наш Демон. Бледный стоял он, Мальчиш, но гордый, и не сказал нам Великой Тайны, потому что такое уж у него твердое слово. А когда мы уходили, то опустился он на колени, приложился к православным иконам, и, ты пове-ришь ли, о Главный Демон, улыбнулся он так, что вздрогнули мы, демонкраты, и страшно нам стало. Не услышал ли он, как шагает по тайным ходам наша неминуемая гибель?..

— Что это за страна? — воскликнул тогда удивленный Главный Демон. — Что за непонятная страна, где даже такие мальчиш знают Великую Тайну и так крепко держат свое слово? Торопитесь же, демонкраты, и погубите этого гордого Мальчиша. Заряжайте газе-ты и телевидение, компьютеры и кинотеатры новой порцией от-равы, раскрывайте наши демонкратические знамена, говорите это-му народу, что все можно, что нет законов, нет Бога, давайте им деньги заморские, потому что слышу я, как трубят тревогу наши сигнальщики и машут флагами наши махальщики. Видно, будет у нас сейчас не легкий бой, а тяжелая битва.

И погиб Мальчиш-Кибальчиш... Но дело его не погибло. Душа его летает в небе и напоминает нам о том, что мы должны делать. Не освободилась наша страна ещё от черной власти Демона. Но живет в народе добрая православная сказка. И придет время, когда воссия-ет из земли нашей Крест Православный на всю Вселенную...

Олег открыл глаза. Сон. Это был сон. Или нет? Рядом никого не было. В комнате было тихо. Телевизор беззвучно мелькал цветными картинками очередных рекламных роликов.

— Э-э-й, где вы все? Дорогая! Где вы?

Он встал, прошёлся по комнате. Мягкое покрытие пола было по-домашнему тёплым. В шкафу он обнаружил шёлковый халат и тапочки.

— Надеюсь, ванная и туалет имеются в этом бункере, — он вни-мательно осмотрел стены и потолок. Ничего удивительного всё, по обыкновению, просто и грубо. Как у военных. Впрочем, почему как?

Он прошёл по коридору и открыл первую попавшуюся дверь.

— Вот и чудненько. О, и туалетная бумага присутствует! Отель «пять с плюсом»! Ах, как я соскучился по ванной!

Сколько времени заняли утренние процедуры, сказать трудно. Из ванной Олег Иванович вышел окрыленный пахнущей свежесбрито-стью и наскоро сработанным автоманикюром. Он подошёл к зеркалу и сделал типичную позу древнегреческой статуи.

— Красаве-е-ец! — он сделал ударение на последний слог. — Красаве-е-ец!

— Вам нравится мужское тело? — голос сзади прозвучал нежно и ласково.

— Дорогая! Ты меня напугала, — не оборачиваясь, ответил Олег.

— Тебя напугаешь, ты сам кого хочешь напугаешь, бизнесмен-неудачник.

— Я вас попрошу, моя дорогая, не выражаться так категорично.

— Знаю, знаю мысль материальна, — Антонина подошла сзади и прижалась к спине любимого человека, — как ты нас напугал.

— Извини, я не хотел, — он повернулся и обнял её, — мое самое любимое обожаемое существо.

— Вот так всегда. То «зайка», то «котик», то «существо»...

— Извините меня, Антонина Владимировна, вы — настоящий мой боевой друг и товарищ. Так лучше?

— Вы — хам, Олег Иванович, просто хам.

— Как вам будет угодно, Антонина Владимировна.

Он взял её на руки и поцеловал.

— Я вижу вы, Олег Иванович, совершенно не соскучились. Или всё же...

Любовь... Это такое чувство... Это такое действо... Это такая радость... А если это настоящая любовь... То... Это божественно... Он и она... Единый порыв страсти в потоке летящего времени... Что было? Что будет? Что сейчас происходит? Всё равно. Полет двух горящих тел, слитых воедино... Полет в вечность...

иша, ты не сходишь в магазин? — Владимирский заглянул в комнату. — Тебе не помешает прогулка перед сном. И ты извини, конечно, может это не моё дело...

— Хорошо, а извинение при чём? — Михаил закрыл окно сайта и повернулся к Борису Семеновичу. — Компьютер у вас ни к черту, пора менять.

— Мне и такого хватает, вот ты... Извини Миша, но Клара переживает.

— Да в чём дело? Что вы мямлите?

— Как это в чём? Ты пришёл когда?

— Э-э-э, не помню. Вчера.

— Не вчера, а в понедельник.

— Ну и что?

— А то, что сегодня четверг...

— Это хорошо, что четверг. Э-э-э, то есть как это четверг?

— А вот так, вслед за вторником и средой наступает обычно четверг.

— Гм. И что?

— Да ты что совсем съехал со своим прибором? Ты же с понедельника ничего не ешь, не пьешь и, что самое страшное, не выпиваешь, — прохрипел старик, кивая взглядом на открытую бутылку водки.

— Этого не может быть. Я думал, что прошло максимум несколько часов... А... Это мистика... Как это я не ел? Не понимаю... — Михаил развел руками, — вы не шутите?

— Нет, к сожалению, это так и есть. Мало того ты ещё и не спал, — Владимирский достал сигарету, закурил и бросил на Михаила косой взгляд, — понимаю, дело молодое, научное, физико-фанатичное, но... Так, брат, нельзя. И тебе вред и мне не в радость. Это где же видано, чтобы с гостем и без компании? Выпить не с кем. Так, брат, нельзя. Это неуважение...

— Странно как-то всё, мне казалось, что прошло не более пяти часов, а вы говорите, с понедельника... Странно.

— Признаешь свою вину?

— Признаю, Семеныч.

— Ну, тогда наливай.

— А в магазин?

— А потом и в магазин сходишь.

Михаил разлил остаток водки в два стакана. Выпили. Закусывать было не чем.

— Деньги — то есть? — Борис Семенович повеселел.

— Деньги есть, так я пошёл? — Михаил собрал прибор и положил его во внутренний карман.

— Вот список чего надо, — Борис Семенович протянул Михаилу клочок бумаги, — а радио свое зачем взял? Боишься, что сломаю?

— Да, нет. Хочу проверить, как работает.

— Окей. Давай двигай, а я пока картошку почищу.

Вечерний Подол встретил Михаила запахом выхлопных газов и суетой. Он прошёл мимо автостоянки на улицу. *Как же так получилось? Прошло четыре дня, а я... Может, Семеныч чудит? Я пришёл домой с прибором в понедельник, это точно, а сейчас четверг. А четверг ли? Вот это я заработался... Почему не ел? Почему не спал?*

— Михаил Яковлевич, — голос прозвучал сзади, — можно вас на минуту?

— А-а-а чем, извините, обязан? — Михаил повернулся назад. Он увидел человека среднего роста в чёрном спортивном костюме, — мы знакомы?

— Скорее нет, чем да.

Мужчина подошёл и взял Михаила под руку.

— Вы из милиции?

— Если вам так угодно, пусть будет из милиции.

— Я арестован? — Михаил посмотрел в глаза незнакомца.

— Почему сразу арестован? Нет, конечно же, нет! Я ваш друг.

— И что вы хотите, друг? Имя — то у вас есть?

— Вам не нужно моё имя, вам нужна моя помощь.

Рядом с ними остановился чёрный джип, из него вышел человек и открыл заднюю дверь.

— Прошу вас, — незнакомец улыбнулся и слегка подтолкнул Михаила в сторону открытой двери.

— А если я не...

— Вас ждут очень уважаемые люди, не заставляйте меня применять силу. Это для вашей же пользы.

— Но... Позвольте... Я должен кое-что купить...

— Если бы вы знали, какой опасности подвергаете сейчас себя и меня, то уже сидели бы в машине, засунув голову под сиденье, — незнакомец втолкнул Михаила в автомобиль, запрыгнул следом и закрыл дверь, — на базу!

Михаил Яковлевич, вы меня, конечно, извините, но вы сами виноваты.

— Не понимаю, я вышел на улицу, меня кидают в машину, везут неизвестно куда, а я ещё и виноват?

— Речь идёт не об этом. За то, что с вами обошлись грубо, я приношу свои извинения, а вот ваша вина состоит в вашей неосторожности.

— Я вас не понимаю. Прежде всего, объясните, куда вы меня привезли, кто вы такой, а уж потом и обвиняйте.

— Хорошо, вы правы. Меня зовут Сергей Иванович, я генерал комитета государственной безопасности, в отставке.

— СБУ?

— КГБ.

— Понимаю, понимаю... Это уже лучше, а я...

— Спасибо, не надо, мы всё о вас знаем, и, может быть, больше, чем вы сами.

— В этом вам не откажешь, хотя современные чекисты, знаете ли, не очень...

— Мы не современные, мы те...

— А-а-а, — многозначительно протянул Михаил, — это другое дело.

— Давайте начнем с приятной встречи, — Сергей Иванович нажал кнопку автоматической станции, — пусть заходит.

Дверь открылась и, на пороге, Михаил увидел знакомое лицо.

— Олег? Олег Иванович? Вы?

— Как видите, Михаил Яковлевич, не ожидали?

— Да уж не ожидал, знаете ли, не ожидал. Хотя...

— Всегда вероятно наступление невероятного.

— Это точно, а я думал, куда это вы запропали.

Они пожали друг другу руки.

— Ну и что будем делать? — улыбнулся Михаил Яковлевич.

— Риторический вопрос, — Олег посмотрел на Сергея Ивановича, — вечный вопрос, на который нет определенного ответа. Адресую вопрос Сергею Ивановичу, что будем делать?

— Бороться, — утвердительно качнул головой Сергей Иванович. — Покой нам только снится, присаживайтесь, дорогие товарищи, или господа? Как будем обращаться друг к другу?

— Только не господа, я вас прошу, — Михаил Яковлевич прищурился и подмигнул Олегу Ивановичу. — Давайте будем товарищами, а?

— Не буду спорить, — подмигнул в ответ Олег Иванович, — лишь бы не «любимые друзья».

— Этого не будет, обещаю, — Сергей Иванович встал и подошёл к стене. Он раздвинул шторы и перед глазами присутствующих предстала карта Украины. — Итак, что мы с вами видим?

— Украину, — отозвался Олег Иванович.

— Да, пока ещё вы правы, Украину, но это пока. На самом деле то, что мы с вами видим, уже не существует. Только де-юре, а де-факто

нет. Де-факто мы имеем три ярко выраженные территории: Юго-Восток, Центральная часть и Западные территории.

— Извините, Сергей Иванович, нас уже завоевали?

— Нет, нас просто разрушили. Разрушили изнутри, усилиями нас самих, нашими же руками. В настоящее время израильское и американское посольства рекомендуют своим гражданам покинуть Украину.

— Это почему покинуть? Что ожидается?

— Ожидаются большие потрясения, беспорядки и, скорее всего, военные действия.

— Вы это серьезно? — Олег Иванович покачал головой и закрыл глаза. — Я чувствовал, я знал, что это будет. А как иначе? Это же надо, Президент заинтересован в том, чтобы в стране был кризис! Это же надо? И всё это ради второго срока? Правительство истратило за полгода весь годовой бюджет.

— Продавать уже нечего, всё продали и проели, — добавил Сергей Иванович. — Внешний долг растет не по дням, а по часам. А тут еще и заканчивается действие Большого Договора с Россией.

— И что? — нахмурился Михаил.

— Что? Вы спрашиваете что? — Олег Иванович повысил голос, — это значит, что страна остается без границ, правильно?

— Правильно! — подтвердил Сергей Иванович. — Но не это самое страшное. Они хотят обрушить саркофаг на ЧАЭС в тот момент, когда ветер будет на Киев.

— Кто они и почему, зачем они это делают?

— Ответов много, — Сергей Иванович сел на свое место и налил в стакан воды, — один из них — это желание «евроспильноты» заполнить нашу зону отчуждения. Сегодня пустые дома и школы, немые дороги, брошенные игрушки вызывают не только горькие воспоминания бывших жителей городка, но и оживленный интерес общественности. Казалось бы, район вокруг ЧАЭС должен отталкивать

любого здравомыслящего человека. Анет. С каждым годом всё больше зевак хотят увидеть, чем живет зона отчуждения сегодня. Как результат — неведомая сила притягивает сюда «туристов». Они стремятся уловить как бы законсервированный воздух советских времен или почувствовать себя героем фантастического фильма о городе-призраке. Район страшной техногенной катастрофы медленно превращается если не в парк аттракционов, то в туристический центр.

— Я слышал. Как-то несколько лет назад одно иностранное информационное агентство объявило об открытии туризма в Чернобыль. И добавило, что по остроте ощущений поездка в Чернобыль может сравниться разве что с путешествием на Майорку или Карибские острова, только совсем недорого, — оживился Михаил Яковлевич. — Но это немыслимая глупость.

— В прошлом году и Президент Украины замолвил слово о пользе поездок туристов на Чернобыльскую атомную станцию, он заявил: «Здесь есть польза в разных аспектах. С одной стороны мы говорим, что нужно посмотреть на Чернобыль такой, какой он есть. Причем, посмотреть своим глазами, не создавать мифов и басен. Убежден, что реактор в том виде, в котором он есть, или в новом должны увидеть своим глазами миллионы людей». Но больше впечатлений можно получить от иной картины, считает Президент: «для многих людей, граждан Украины увидеть чернобыльское село с незакрытыми дверями, с распахнутыми окнами, со двором, в котором разрослись кусты, с неухоженным садом — тоже уроки, и на кого-то они будут производить большее впечатление, чем блок ядерной станции, который разрушен».

— Кому чего, а курице просо, — хмыкнул Олег Иванович, — он во всем видит, прежде всего, село, а уж потом всё остальное. Но какая связь с тем, что вы говорили в начале?

— Связь в том, что Европе нужно хранилище для ядерных отходов, которое, кстати, «втихушку» давно построили в зоне ЧАЭС. Но вы же понимаете, что если общественное мнение будет сориентировано на «туризм» в зоне отчуждения, то никакой свалки отходов не будет. Наверняка очень многие из нас знают, что люди, работающие в нашем

правительстве, это совсем не те люди, которые в действительности принимают решения по политическим и экономическим вопросам, как во внутренней, так и во внешней политике. Это побуждает многих искать правду в альтернативной прессе, у тех писателей из информационных бюллетеней, которые, подобно Джону Колеману, Николаю Кузьмину, Николаю Сенченко и многим другим конспирологам, искали, но не всегда находили корень смертельной болезни Соединенных Штатов, России и нашей с вами Украины. Формула «ищите и обрящите» не всегда работает. Что мы действительно обнаружили, так это то, что люди живут в глубоком мраке, по большей части, совершенно не беспокоясь о том, куда же движется их страна, пребывая в твердом убеждении, что с нею никогда ничего не случится. Именно такая жизненная позиция была воспитана у большей части населения, и эта позиция прямо играет на руку тайного правительства, — Сергей Иванович сделал несколько глотков и поставил стакан на стол, — такое положение продолжается уже в течение десятилетий.

— И кто же они такие эти призраки? Может, пришельцы? — Олега Ивановича всегда напрягали лекции, вне зависимости от темы. *Вот уж попал, так попал. Неужели это всё так серьезно?*

— Нет, Олег Иванович, это не пришельцы, а вы действительно «попали» в очень неприятное положение, я бы сказал, даже смертельно опасное положение.

— Вы что, читаете мои мысли? — Олега пробил легкий озноб, в глубине души он всё же надеялся на случай.

— Вы спрашиваете себя, «неужели все так серьезно»? Да?

— Невероятно, этого просто не может быть!

— Молодой человек, если бы вы только знали, что может быть... Я, лично, уже ничему не удивляюсь. Скажите, а обед будет? — Михаил вопросительно посмотрел на Сергея Ивановича.

— Думаю, что будет, хотя вероятность достаточно мала, — усмехнулся Сергей Иванович.

— И всё же скажите, вы умеете читать мысли?

— Нас этому учили, но я был не самым лучшим учеником.

— Очевидное невероятное! Буду осторожней с мыслями...

— Вот, вот, надо всегда быть осторожным, это и вас касается, Михаил Яковлевич.

— Дорогие гос-с-по-о-о, э-э-э, извините, товарищи, нельзя мучить организм, разрешите в туалет.

— Выходите в коридор и первая дверь направо, — Сергей Иванович нарисовал указательным пальцем в воздухе букву “Г”.

— Извините меня, я сейчас, — Михаил Яковлевич вышел в коридор.

— Олег Иванович, должен вас расстроить, но по — другому не могу, вы должны всё понимать. Так вот ваша жена, — он сделал паузу и развел руками, словно о чем-то сожалел.

— Что моя жена? Что вы хотите сказать? — Олег Иванович напрягся.

— Не волнуйтесь, ваша жена, Олег Иванович является нашим сотрудником.

— Что? Что вы несете? Каким ещё сотрудником?

— Она сотрудник нашей организации.

— Она кэгэбистка?

— Зачем же так грубо?

— Нет, это вы грубо шутите. Моя жена не может быть сотрудником КГБ, нет, это просто невозможно!

— Она не сотрудник КГБ, она сотрудник нашей организации.

— Вы ещё скажите, что она так же, как вы, может угадывать мысли!

— Угадывать? Ну что вы, угадывать не может, — Сергей Иванович лукаво улыбнулся, — она может читать мысли.

— Гм, вы это серьёзно?

— Более чем.

— И давно она это умеет?

— С детства.

— А я то — думаю... Да. Вот так живёшь с человеком и не знаешь, какие у него способности. Нет, я вам не верю.

— Это сугубо ваше право, в конце концов, мы живем в демократической стране. А хотите проверить?

— Давайте, а как?

— Сначала договоримся, если вы убедитесь в способностях Антонины Владимировны читать мысли, то будете слушать меня тихо и мирно до тех пор, пока не поймете то, что вам нужно понять. Ну?

— Договорились. Но чтобы без дураков!

— Обижаете, я же всё-таки генерал! Итак. Предлагаю следующий тест: вы произносите фразу, я её слышу, мы можем даже записать, а затем мы приглашаем Антонину Владимировну и она считывает эту фразу с торсионного поля. Идет?

— Идет!

— Ну, тогда давайте, произносите! — в глазах генерала загорелись озорные огоньки. — Ну, смелей!

— Э-э-э, я в этот мир пришёл, богаче стал ли он, уйду, великий ли потерпит он урон. О если б кто-нибудь мне рассказал, зачем я, из праха вызванный, стать прахом обречен.

— Омар Хайям?

— Не знаю, просто запомнил.

— Хорошо. Зовем Антонину Владимировну?

— Давайте!

Генерал нажал кнопку коммутатора. Динамик зашуршал и произнес: — Вас слушают.

— Дежурный, Антонина Владимировна на месте?

— Да, товарищ генерал, у себя.

— Попросите её зайти ко мне.

— Есть пригласить.

Дверь открылась, и в комнату зашел Михаил Яковлевич.

— Я что-то пропустил?

— Всё только начинается, — Олег Иванович нервничал. *Это же надо такому случиться. Мысли она читает... Сотрудница...*

— Ваша супруга прибудет не раньше, чем через пять минут, так что предлагаю выпить кофе, — Сергей Иванович поставил чашки и достал банку растворимого кофе, — я знаю, Олег Иванович, что вы не пьете растворимый, так что для вас припасено кое — что другое.

Он достал белый «пузатый» конверт с цветными надписями.

— А это пойдет? Чай «Очищающий» монастырский, сбор трав.

— Вы действительно кое — что обо мне знаете, даже «мгарский» чай достали...

— Ваш любимый!

— С такими сотрудницами и не такое узнать можно, — кивнул на входную дверь Олег Иванович.

— Вы так и хотите оскорбить нашу организацию, это несправедливо. Про чай мы узнали от вашего секретаря.

— Она тоже ваш сотрудник?

— Бывший.

— Ну да, конечно, бывший, дурака нашли, у вас бывших не бывает.

— Так и вы про нас кое — что знаете, — рассмеялся Сергей Иванович, — товарищи, не стесняйтесь, насыпайте чай, кофе и наливайте кипяток.

В дверь постучали.

— Да, да входите.

В комнату вошла Антонина Владимировна.

— Вызывали, Сергей Иванович?

— Заходите, заходите. Тут у нас небольшое пари. Понимаете, я пытаюсь нашим товарищам, так сказать, популярно объяснить, что и как происходит в этом мире, а они, верней, ваш любимый супруг, где-то летает, невнимателен, что делать? Вот и решили мы немного расслабиться и поиграть. Ваша задача, Антонина Владимировна, произнести вслух то, что Олег Иванович, — генерал посмотрел на часы, — пять с половиной минут назад произнес в этой комнате.

— Сергей Иванович, я не знаю, надо ли это... Зачем...

— Однозначно надо, я открыл вашу тайну, Олег Иванович уже слышан о ваших потрясающих способностях.

Она посмотрела на Олега любящим взглядом.

— Дорогая, тут о тебе такого наговорили, что я просто в панике!

— Если так, то... — она закрыла глаза, — пять минут назад он говорил: «Договорились. Но чтобы без дураков! Идёт!»

— Этак вы весь разговор повторите, там было стихотворение, — генерал с удовольствием смотрел то на Михаила, то на Олега, — стихотворение.

— Стихотворение? Ну, хорошо. Дальше он сказал: «Э-э-э, я в этот мир пришёл, богаче стал ли он, уйду, великий ли потерпит он урон. О если б кто-нибудь мне рассказал, зачем я, из праха вызванный, стать прахом обречен.»

— Невероятно! Немыслимо! Как ты это сделала? — Олег Иванович вскочил с места и подбежал к супруге. — Ты что, всегда знала, что у меня в голове?

— А ты думаешь, это так интересно? У тебя в голове одни деньги. Товарищ генерал, я свободна?

— Конечно, вы свободны, извините, но это было необходимо.

— Я понимаю, — Антонина Владимировна вышла из комнаты.

— Олег Иванович, вы проиграли.

— Согласен. Вы меня так взбудрили, что я дважды проснулся. Это же надо!

— Товарищи мои дорогие, предлагаю перейти к нашим делам, время не ждет. Разговор будет длинным, — генерал придвинул на середину стола пепельницу и пачку сигарет. — Курите.

— Спасибо, после такого шоу закурить — не грех, — Олег Иванович взял сигарету.

— Итак, что мы с вами имеем? За вами, Олег Иванович, идет охота и это понятно. Мы пока не знаем истинную причину, но знаем точно, кто охотник. У вас, Михаил Яковлевич, дело посерьезней. За вами тоже идет охота, но мы не можем точно сказать, кто ваши преследователи, скорее всего, это связано с вашей научной деятельностью. Обстановка в стране напряженная, кризис власти, экономический кризис, и все это на фоне мирового кризиса. Я постараюсь вам объяснить, что происходит вокруг нас с вами, чтобы отыскать действительные причины наших с вами проблем. Идет?

— У нас нет другого выхода, как я вижу, — Михаил Яковлевич пожал плечами и переглянулся с Олегом.

— Согласен с вами, коллега, давайте разбираться, — Олег утвердительно кивнул в сторону Михаила.

— Ну, тогда вперед.

— Если вы позволите, я закурю, — Олег Иванович откинулся на спинку стула и с наслаждением выпускал клубы табачного дыма. Он до сих пор не мог прийти в себя после показательного выступления супруги. *Это же можно такое творить. А если её брать на бизнесовые переговоры, а если использовать её способности в...*

— Олег Иванович, курить курите, но не сорите мыслями, — Сергей

Иванович погрозил пальцем и демонстративно нахмурил брови.

— Извините, ничего не могу с собой сделать.

— Если вы сами чего-то с собой не сделаете, то сделают другие, те, кто за вами гоняется.

— Понимаю, понимаю, извините.

— Итак. Наш разговор займет некоторое время, так что наберитесь терпения. Моя задача — подготовить вас к серьезной работе. Но использовать вас «втемную» не получится, вы должны всё знать сами и осознанно принимать те или иные решения. Вы готовы?

— Нет решений правильных или неправильных — есть решения только вынужденные, — философски заметил Михаил.

— Можете считать себя слушателями тайной академии, — Сергей Иванович встал и посмотрел на присутствующих строгим учительским взглядом, — готовы?

— Думаю, да, — одобрительно кивнул Олег.

— Я кадровый офицер разведки. За время моей карьеры я неоднократно получал доступ к строго секретной документации, мне представилась возможность изучить целый ряд совершенно секретных документов, содержание которых было необычайно откровенным. То, что я увидел, наполнило меня гневом и возмущением, и я встал на путь, с которого уже больше не сворачивал — моей целью стало показать всем, какая сила контролирует и управляет правительствами Великобритании и Соединенных Штатов. Какая сила, так или иначе, влияет на Россию и Украину. По роду своей деятельности, мне довелось познакомиться с такими тайными обществами как «Королевский институт международных дел»¹, «Совет по международным отношениям»², «Бильдербергский клуб»³ и многими другими. Этих людей не часто показывают по телевизору, хотя их имена никто и не скрывает...

¹ *Royal Institute for International Affairs*² *Max May*

² *The Council on Foreign Relations*

³ *The Bilderbergers*

Несколько часов Сергей Иванович рассказывал слушателям тайной академии о деятельности Трехсторонней комиссии¹, сионистах, масонах, большевизмрозенкрейцерстве, а также о всех ответвлениях этих тайных обществ. Наиболее деятельной организацией оказался «Римский клуб» с которым боролся неутомимый конспиролог американец Джон Колеман. 30 апреля 1989 года Колеман написал монографию, раскрывшую существование «Римского клуба»², определив его как орган Комитета 300, занимающийся подрывной деятельностью. В Соединенных Штатах это было первой публикацией об этих организациях. Параллельное тайное правительство высшего уровня на виду у всех в Белом Доме, Конгрессе, на Даунинг Стрит 10 и в британском парламенте. Эти люди — слуги Мирового Правительства и Нового Мирового Порядка.

— Президент Соединенных Штатов не выглядит как ревностный слуга параллельного правительства высшего уровня; но не заблуждайтесь на его счет — он такое же чудовище, как и страшилища из фильмов ужасов, — Сергей Иванович не жалел эпитетов, а его запасы неформальной лексики были поистине неисчерпаемы. — Останемся на мгновение и рассмотрим, как этот пи...ар тупоголовый, этот «дядясэмовский» опарыш приказал зверски убить 150 000 иракских солдат в колонне военных машин с белыми флагами, возвращавшейся в Ирак в соответствии с Женевской конвенцией о согласованном разъединении войск и выводе их из боя. Представьте себе ужас иракских солдат, когда их, размахивавших белыми флагами, в упор расстреливали американские самолеты. На другом участке фронта 12 000 иракских солдат были заживо погребены в траншеях, которые они занимали. Не чудовищно ли это в истинном смысле этого слова? Откуда же получил «хромой гусь» приказы действовать таким образом? А получил он их из Королевского института

иностраннных дел, который, в свою очередь, получил свой мандат от Комитета 300, организации, известной также как «Олимпийцы».

Михаил Яковлевич и Олег Иванович внимательно следили за каждым движением Сергея Ивановича. Глаза их были широко раскрыты, а тела напряжены.

— Не утомил ещё? — Улыбнулся генерал.

— Терпим. Давайте дальше. — Олег Иванович затушил сигарету, — из вышеприведенного становится ясно, насколько далеко простираются планы заговорщиков. Они мыслят отнюдь не в масштабах пятилетних планов...

— Как же удастся заговорщикам держать за горло весь мир, и особенно США и Великобританию? — Не выдержал напряжения Олег Иванович.

— В том то и вопрос. Действительно как одна отдельная организация может в любой момент времени знать обо всем, что происходит в мире, и как вообще она осуществляет свой контроль? Мы попытаемся ответить на этот и другие вопросы. Единственный способ реально противостоять успеху заговорщиков — это открыто назвать и развернуть дискуссию вокруг тайных обществ, а также организаций, служащих ширмой этих обществ, правительственных агентств, банков, страховых компаний, транснациональных корпораций, нефтяной промышленности, вокруг сотен тысяч прочих организаций и фондов, прячущихся под разными вывесками, но тем не менее, подчиненных Комитету 300 — верховному контролирующему органу, который управляет миром, по меньшей мере, уже на протяжении сотни лет. Хотя мы вполне можем предполагать, что существует структура, управляющая Комитетом-300. Это нам и предстоит выяснить. Но на сегодня меня больше беспокоят насущные проблемы в нашей с вами стране. Приватизация, продажа земли, деструктивная политика псевдоинтеллектуалов и национальный экстремизм. И все это под красивыми лозунгами демократии и евроинтеграции. Дайте пролетарию право решать свою судьбу, и он унесет свой завод на металлолом...

¹ *Trilaterals*

² *Club of Rome*

— Кстати, Ленин в 29-м томе на странице 13 также утверждает, что пролетариат бесчеловечен, что в пролетариате нет ничего человеческого, — вспомнил Олег Иванович.

— И вы уже с нами, Олег Иванович, это похвально. Так вот, «Римский клуб» имеет свои частные разведывательные агентства и, кроме того, «заимствует» информацию у Интерпола, контролируемого Дэвидом Рокфеллером. С ним очень тесно сотрудничают все разведслужбы США, а также бывший КГБ и Моссад.

— Не понимаю, а как же КГБ? — возмутился Михаил Яковлевич.

— Не всё сразу, поймёте. Единственной спецслужбой, не попавшей под его влияние, была разведка ГДР «Штази»¹. «Римский клуб» также имеет собственные хорошо организованные политические и экономические агентства. Именно они приказали президенту Рейгану сохранить на посту Поля Волкера², еще одного важного члена Комитета 300. Волкер остался председателем Федеральной резервной системы США, несмотря на заверения кандидата Рейгана, что он сместит его, как только он, Рейган, будет избран президентом. В очередной раз американцев обманули. Таковы нравы Комитета 300. В мае 1967 года «Научно-техническим комитетом Североатлантической Ассамблеи» и «Исследовательским институтом по внешней политике» была организована встреча под названием «Конференция по трансатлантическому дисбалансу и сотрудничеству», которая состоялась во дворце, принадлежащем королеве Елизавете в Девилле, Франция. Главной целью конференции в Девилле было положить конец технологическому и промышленному прогрессу в США. Материалы конференции легли в основу двух книг, одна из которых — «Технотронная эра» Бжезинского. Другая — была написана председателем конференции Аурелио Печчеи и называется «Перед бездной»³. Печчеи в основном согласен с Бжезинским, но добавил, что в будущем мир будет ввергнут в хаос, если он не будет управляться Единым Мировым

Правительством. В этом плане Печчеи настаивал на том, что Советскому Союзу следует предложить «конвергенцию с НАТО», и эта конвергенция завершится равным партнерством с США в Новом Мировом Порядке. Обе нации должны будут отвечать за будущее «управление кризисами и глобальное планирование». «Римский клуб» поручил первый «контракт по глобальному планированию» «Массачусетскому технологическому институту»¹, одному из главных исследовательских институтов Комитета 300. Во главе проекта были поставлены Джей Форрестор и Дениз Мидоуз. В чём же состоял смысл их доклада? По сути, он не отличался от проповедей Мальтуса и Фон Хайека, то есть снова был поднят старый вопрос о том, что природных ресурсов на всех не хватит. Доклад Форрестора — Мидоуза был откровенным обманом. В нём намеренно умалчивалось о том, что доказавший свою силу творческий гений человека в любом случае найдет решение проблемы недостатка ресурсов. Для создания природных ресурсов может быть использована энергия холодного термоядерного синтеза — смертельный враг Комитета 300. Например, с помощью энергии холодного термоядерного синтеза можно из одного квадратного километра пустой породы произвести столько алюминия, что его будет достаточно, чтобы удовлетворить наши потребности в течение 4 лет.

— Думаю, что даже гораздо больше, и... — Михаил Яковлевич хотел ещё что-то добавить, но генерал его перебил.

— Михаил Яковлевич, я знаю, что вы в этой области большой специалист. И мы не случайно с вами сегодня встретились. Но давайте я всё же договорю, а уж потом будете говорить вы.

— Окей, я согласен, извините.

— Так вот Печчеи никогда не прекращал свою проповедь против национальных государств. Он постоянно твердил, что они являются тормозом для прогресса человечества и призывал к «коллективной ответственности». Национализм как раковая опухоль на человеке — вот тема нескольких важных речей, произнесенных

¹ TASSY

² Paul Volcker

³ The Chasm Ahead

¹ Massachusetts Institute of Technology

Печчеи. Его близкий друг Эрвин Ласло в 1977 году написал доклад в подобном ключе под названием «Цели человечества». В течение всех этих лет Киссинджер в качестве уполномоченного представителя «Королевского института международных дел» поддерживал тесную связь с Москвой. Друзья Киссинджера в Кремле регулярно получали доклады о «глобальном моделировании».

— Потрясающе, вы хотите сказать, что железный занавес не был уж таким железным? — откликнулся Олег Иванович. Разговор его захватил полностью, он уже чувствовал себя тайным агентом секретной организации.

— Олег Иванович, вы меня радуете. По поводу стран третьего мира член «Римского клуба» Харланд Кливленд подготовил доклад, который представлял собой верх цинизма. В то время Кливленд был послом Соединенных Штатов в НАТО. По сути, в докладе говорилось о том, что страны третьего мира должны сами решить между собой, какая часть их населения должна быть уничтожена. Теперь вы понимаете, что в Украине идет плановое уничтожение коренного населения? Политика Комитета по целенаправленному уничтожению африканских наций голодом, что видно на примере стран, лежащих к югу от пустыни Сахара. Это был просто отвратительный цинизм, поскольку Комитет 300 уже присвоил себе право единолично распоряжаться жизнью и смертью, и Печчеи знал это. Ранее он указывал на это в своей книге «Пределы роста». Печчеи полностью отрицал промышленный и сельскохозяйственный прогресс и вместо него требовал, чтобы весь мир подчинялся одному координационному совету, имея в виду, естественно, «Римский клуб» и учреждения НАТО, составляющие Единое Мировое Правительство.

— Вот почему они так рьяно тянут Украину в НАТО...

— Естественно, дело не в России и даже не в противостоянии Востока и Запада. Дело в лишении Украины последних основ национального государства. Превращение ее территории в площадку для глобальных экспериментов. И, конечно же, природные ресурсы, которые должны распределяться в рамках глобального планирования. Национальные

государства либо должны принять главенство «Римского клуба», либо жить по закону джунглей и бороться за своё выживание. В первом «пробном случае» Мидоуз и Форрестор планировали, чтобы арабо-израильская война 1973 года недвусмысленно дала понять всему миру, что природные ресурсы, такие, как нефть, должны в будущем перейти под контроль глобальных плановиков, имея в виду, конечно, Комитет 300. Если вы внимательно проанализируете так называемое наследство нашей страны, то увидите, что всё, что нам досталось в общественное пользование: старинные церкви, поместья, парки, коммуникации — всё было создано либо Советским союзом, либо до него поляками, литовцами, немцами и евреями с участием итальянских архитекторов. И ничего украинцами. Вот и теперь не случайно к власти допущены правнуки тех, кто никогда ничего для государства не создавал...

— Я бы так однозначно не говорил, — насупился Олег Иванович, — это не патриотично.

— Согласен, не патриотично. А говорить неправду — патриотично?

— Нет сомнений, если хотя бы половина имущих людей в нашей стране часть своих сверхприбылей тратила на общество и украинскую землю...

— Размечтались, Михал Яковлевич! Да вы с них и копейки не получите. Они будут жить без уличных фонарей и тротуаров, но на лошадку в «мульйон доля-я-я-я-я-я» гроши найдут. Генотип потребителей — всё в свой двор... Малограмотные холопы Европы.

— Так может... — Михаил Яковлевич задумался. Ему пришла совершенно сумасшедшая мысль. *А зачем защищать такой народ? Должен ли он жить? Сколько же ещё многострадальная Земля будет терпеть этих людоедов?* Он испугался своих мыслей и, нахмурившись, покосился на Сергея Ивановича. *Прочитал...*

— М-да, — Сергей Иванович утвердительно покачал головой и вытянул губы, — вы правы, Михаил Яковлевич, правы...

— Я вас боюсь, — Михаил отвернулся. *Тайная организация, а подумать тайно нельзя.*

Больше всего Михаила Яковлевича возмущало желание Комитета прекратить все научно-исследовательские работы, за исключением тех, которые Комитет считает полезными. Основные усилия Комитета направлены против использования ядерной энергии в мирных целях. Особую ненависть тайных правителей вызывают эксперименты по холодному термоядерному синтезу, которые в настоящее время всячески дискредитируются и высмеиваются Комитетом и подчинённой ему прессой. Создание реакторов на основе холодного термоядерного синтеза не оставило бы камня на камне от концепции Комитета об «ограниченных природных ресурсах».

— Я всегда об этом догадывался... Теперь я понял, в чём дело! Извините, но меня переполняют эмоции. Теперь я понял, почему это происходит, но это же преступление перед человечеством! — Михаил вскочил с места.

— Михаил Яковлевич, теперь вы понимаете, почему вас сориентировали на другие работы и завалили деньгами?

— Конечно, понимаю, чтобы я не занимался холодным синтезом.

— Вот так, друзья, с помощью таких энергетических установок при правильном их использовании можно создавать любые вещества и материалы из самых обычных горных пород. Возможности применения реакторов холодного термоядерного синтеза поистине беспредельны, и они могут принести человечеству такие блага, о которых люди пока не имеют даже отдаленного представления, — Сергей Иванович затушил сигарету и взял новую, — путем ограниченных войн в развитых странах, а в странах третьего мира — посредством голода и болезней, они хотят осуществить к 2050 году уничтожение 3 миллиардов человек — тех, которых они называют «бесполезными едоками». По этому вопросу Комитет 300 поручил Сайрусу Вэнсу написать доклад о том, как лучше всего осуществить этот геноцид. Работа эта вышла под названием «Отчет Глобал 2000»¹ и была одобрена и принята в качестве руководства к действию правительством

США в лице президента Картера и до сих пор ее никто не отменял. В одной из глав «Технотронной эры» объясняется, как развитие новых технологий повлечет за собой интенсивную конфронтацию, а также нагнетание социальной и международной напряженности. Как ни странно, но мы уже испытываем сильное напряжение от постоянного наблюдения. Один из центров такого наблюдения — база Лурдес на Кубе. Ещё один такой центр — это штаб-квартира НАТО в Брюсселе, Бельгия, где установлен гигантский компьютер под кодовым номером «666», который может хранить все типы данных, упомянутые в книге Бжезинского, а также обладает возможностями расширения базы данных ещё на несколько миллиардов человек в случае необходимости. Но с учетом политики геноцида, предусмотренной «Глобал 2000», необходимость использования этих ресурсов, скорее всего, не возникнет.

— Как вы сказали? Компьютер под номером «666»? Это же то, что мы искали с Борисом Семеновичем! — Михаил Яковлевич ходил по комнате из угла в угол. — Эврика, это же надо? Компьютер номер «666»? А мы — то думали... Избавь число имени Его от образа Бога во времени и познаешь Его.

— О чём это вы? — генерал смотрел на Михаила, как удав на кролика. — Что за глупые эмоции?

— Я вам позже расскажу, извините, надо кое-что проверить, — Михаил загадочно улыбался и бормотал про себя какие-то слова. *Ну, Семеныч, ну держись, вот вам и ответ.*

— Как скажете, так вот использовать такую базу данных в США будет очень просто — достаточно лишь ввести в компьютер «666» номер водительского удостоверения или социального страхования, и наблюдение, о котором говорят Бжезинский и его коллеги из Комитета 300, будет обеспечено. Комитет ещё в 1981 году предупредил все правительства, включая правительство СССР, о том, что «наступит хаос, если Комитет 300 не возьмет на себя полный контроль за подготовкой к установлению Нового Мирового Порядка. Ещё один факт, о котором я должен сказать, состоит в том, что Россия была приглашена

¹ *Global 2000 Report*

принять участие в приготовлениях к установлению Единого Мирового Правительства. Оглянувшись на прошедшие 10 лет, можно легко видеть, как быстро осуществляются эти планы. Если эта информация вызывала тревогу в 1981 году, то ещё большую тревогу она вызывает сегодня, когда мы приближаемся к завершающим этапам разрушения Соединенных Штатов. Если принять во внимание неограниченные возможности финансирования, наличие нескольких сотен мозговых трестов и 5000 социальных инженеров, создание информационных банков данных и установление контроля за большинством правительств мира, то перед нами вырисовывается проблема невиданных масштабов, с которой в настоящее время не может справиться ни одна отдельно взятая страна. Американцев заставили поверить, что корни этой проблемы находятся в Москве. В результате усиленной промывки мозгов они действительно уверовали в то, что коммунизм для Америки представляет наибольшую опасность. В реальности дела обстоят совершенно по другому. Наибольшая угроза исходит от массы предателей в американских собственных рядах. Американская конституция призывает выявлять врагов в собственном доме. Враги Америки, России, Франции и Украины — это слуги Комитета 300, занимающие высокие посты в структуре органов управления самих этих стран, — генерал посмотрел на присутствующих, как смотрит учитель на любимых учеников, — ну что, на сегодня хватит?

— Вот это лекция! Ничего подобного никогда не слышал, — Олег сиял, как июльское солнце, — генерал, неужели всё так плохо?

— Всё не просто плохо, всё катастрофически плохо.

— Вы оптимист, Сергей Иванович, — Михаил посмотрел на часы.

— Торопитесь?

— Нет, просто привычка, — извинительно кивнул Михаил. *Да, в КГБ учили хорошо.*

— У нас не так много времени, поэтому всю необходимую информацию вы будете изучать самостоятельно. Вас проводят в нашу библиотеку. Там есть всё необходимое, литература, видеоматериал,

Интернет и спутниковое наблюдение. Программа обучения у каждого своя. Так что вперед. На всё про всё у нас с вами есть неделя.

— И какое же количество информации нам предстоит изучить? — Олег Иванович выглядел обеспокоено. — Учиться, учиться и снова учиться?

— Это неизбежно! Или у вас есть другие предложения? — Сергей Иванович вопросительно кивнул в сторону Олега Ивановича и, не дождавшись ответа, продолжил. — А информации вам придется изучить... гигабайт сто на каждого, что составляет чуть более 28 тысяч книг.

— Вы, наверно, шутите? Это невозможно.

— В обычном режиме, конечно же, нет, а по нашей технологии возможно.

— И что же это за технология? Это не больно?

— Что такое информация и где она хранится? — генерал посмотрел в лицо Михаила Яковлевича. — Простой вопрос, ну? Михаил Яковлевич, вы же знаете.

— Информация находится в пространстве, а мы лишь узнаем путь к ней, — как на экзамене буркнул Михаил и нервно провел рукой по выющимся волосам. Он сам до конца не был уверен в ответе. *Информация.... Вроде бы всё понятно, но...*

— Олег Иванович, не будем терять время, Михаил Яковлевич вам всё объяснит, он в курсе дела. Так? — генерал явно намекнул на потаенный смысл. Его слегка прищуренные глаза искрились юношеским задором.

— В общих чертах, если можно так сказать, — не до конца понимая, что от него хотят, улыбнулся Михаил Яковлевич.

— Итак, товарищи по оружию, мне пора, а вам надо учиться. Без этих знаний вы не сложите общую картину происходящего в мире, а, следовательно, не сможете принимать самостоятельных решений. Так что вперед, — повысил голос до командного генерал.

Олег и Михаил автоматически поднялись и неуклюже пытались принять стойку «смирно». Что творилось в их головах после поли-
тинформации Сергея Ивановича трудно представить. Олег Иванович
видел себя в роли агента 007, действующего на стороне тайной орга-
низации. Желая отомстить врагам, взорвавшим офис, он готов был
не только вливать в себя нужную для дела информацию и учить ки-
тайский язык, но и делать по утрам зарядку. Михаил Яковлевич прак-
тически ничего не запомнил, слова Сергея Ивановича проскочили
сквозь его уши и растворились в океане цифр и формул... Голова Ми-
хаила работала, как компьютер, но совершенно в другом смысловом
формате: Эквадек и его возможности, жажда научного эксперимента
и эмоциональный подъем творческого духа, жар бурлящих, как вул-
кан, мыслей изобретателя и холодный расчет талантливого физика...

Сергей Иванович сочувственно посмотрел на стоящих перед ним
двух совершенно разных людей. *Люди, люди, что в их головах...
Что их ждёт? Что будет с ними? Что будет со мной? Что такое
«будет» и «не будет»...*

оль в суставах... Шум в голове...
Он попытался открыть глаза.
Веки не слушаются. Он поднял
правую руку и попытался подне-

сти её к лицу, но рука дернулась и бессильно упала где-то рядом с те-
лом. Кто я, что со мной? Сквозь невнятный шум пробивалась, знакомая
сердцу и привычная душе, звуковая симфония птичьего пения, шелеста
трав и пчелиного жужжания. *Кто же я? Что со мной?* Он напряг мозг...
но тот надменно молчал. *Эй, ты, кто ты? Странно задавать себе
вопрос «кто ты?».* И всё же... Он снова поднял правую руку и по-
тянулся к лицу. Кончики пальцев ощутили плотный материал, не похо-
жий на кожу. *Что же это?* Невероятным усилием воли он приоткрыл

глаза. Но в узкую щель горящих от боли век не ворвался солнечный
свет... *Черное... Я ослеп? Черное, черное...* Он шевельнул левой рукой. *В
порядке, на месте. Что с ногами?* Он попытался встать, но боль в по-
звоночнике была настолько сильной, что он не выдержал и закричал.

— А-а-а! По-о-омоги-и-и-ите! Эй, кто-нибу-у-у-удь! Лю-ю-ю-ди-
и-и! Помоги-и-и...

Ещё рывок тела и боль унесла его в бессознательное состояние.
Вспышка, ещё одна... лёгкость в теле... нет тела... нет боли... Он открыл
глаза. Яркое солнце ласково смотрело на него и улыбалось. Легкие
перистые облака играли с ветром. Он опустил взгляд и вздрогнул.
Я летаю! Нет, этого просто не может быть! Я в небе! Я летаю!
Он парил над старинным полуразрушенным зданием, утопающим в
буйной растительности. *Кто я? Что со мной? Опять те же вопросы.*
Он протянул вперед правую руку... *О Боже, где моя рука?* Но. Не было
не только правой руки, не было ни ног, ни тела. *Господи, что со мной?
Где мое тело? А может быть это сон?* Ему хотелось себя ущипнуть,
но как это сделать, если нет тела? *Тогда как же я всё вижу?*

— Это твоя душа! А тело твоё умирает, если уже не...

— Что-о-о-о? — он повернулся и увидел сидящего в кресле челове-
ка. При этом кресло висело в воздухе на высоте более десяти метров
над землей, — кто вы?

— Чего ты орёшь? Перекрикиваешь такую красоту! — человек
опустил руку вниз и достал из-под кресла огромный рупор, поднес
его ко рту и громогласно произнёс: — Для начала перестань орать!

Затем человек прижал рупор узкой стороной к уху, закрыл глаза и
улыбнулся: — Как поют, фантасти-и-ично!

Он тоже прислушался. *Действительно поют, потрясаяще поют,
великолепно поют, но...*

— Никаких «но»! Никаких возражений! Тс-с-с. Тихо, я вам го-
ворю! — прошипел человек. — Слушайте и молчите.

— Я бы с удовольствием, но понимаете ли...

— Понимаю! — гаркнул человек и бросил рупор. — Вот так всегда. Что вы за люди? Ах, да какие же вы люди?

— Вы можете мне сказать, что происходит?

— Все банально просто — вы умерли.

— Э-э-э почему умер-ли?

— Это не мои вопросы, «почему» или «за что», мое дело объяснить, что будет дальше.

— Извините, а кто я?

— Хотите знать, кем были?

— Понимаете, я даже не помню своего имени...

— Это не мои вопросы, имя, ну ладно, — человек посмотрел в блокнот, — итак, вы Виктор Антонович Юрченко, бывший Президент Украины.

— Что-о-о-о?

— Не верите? Это ваше дело.

— Да нет, что вы, я...

— Понимаю, понимаю... Умирать всегда непривычно. Это со всеми бывает, так что привыкайте.

— Президент Украины, интересное дело...

— Ничего удивительного, все умирают, дворники, министры, президенты. Вот только не все такие, как ты, не все могут вернуться.

— Это как?

— Не у всех есть душа.

— А у меня есть?

— Есть, Виктор Антонович, у вас есть, — ухмыльнулся человек в кресле.

— А вы кто?

— А как вам угодно? Могу быть экскурсоводом, могу гаишником, — человек достал из-под кресла полосатый жезл и начал неуклюже им размахивать, — хотите буду...

— Не хочу. Так не бывает. Имя — то у вас есть?

— А какое вы хотите?

— Я не знаю, какое, такое, какое у вас есть.

— У ангелов нет имен, к сожалению...

— Так вы...

— Да, да, да, ангел личной персоной, прошу любить и жаловать.

— Бред, нонсенс, ангел... — Виктору Антоновичу хотелось убежать из этого кошмара, проснуться, очнуться. *В конце концов, ожить, если это возможно.*

— А вы знаете, Виктор, можно я без отчества?

— Будьте так любезны, — язвительно процедил Виктор Антонович. *Нашелся друг, «без отчества» ему хочется.*

— С вами, Виктор, — ангел посмотрел на собеседника проникающим насквозь взглядом и нацелился полосатым жезлом, — с вами, Виктор Антонович, хочет встретиться один, в прошлом очень известный человек. Ну, очень хочет. Если согласитесь, я дам вам шанс вернуться.

— Что за человек? — Виктор Антонович решил доиграть роль до конца, он все же надеялся, что это сон, — вернуться? Ну что ж. Говорите, очень известный?

— Ага! Заинтриговал! Поверьте, мой дорогой, ну очень, очень известный, а?

— Ну, если он хочет, не будем ему мешать, валяйте.

— Вот это будет встреча! Он меня так просил, так просил, — ангел веселился, как мальчишка, — да и вам полезно будет, у него есть чему поучиться.

— Ладно, договорились. Вот только что же я в прозрачном виде буду делать? Ты бы мне хоть какой нарядец подшустрил.

— Понимаю, понимаю, одну секунду, — ангел прокрутил жезлом большой круг и поставил в центре точку.

В тот же миг Виктор Антонович оказался одетым в изящный черный костюм и сидящим в уютном кресле.

— Вот это другое дело, а то, как же... — Виктор Антонович входил в роль. *Чудеса, фантастика, а может это реальность? Нет, этого просто не может быть, это сон.*

Ангел достал из-под кресла телефон и набрал номер.

— Алло, это я. Все, как и обещал, вас ждет Виктор Антонович, президент Украины, да, ждём с нетерпением, с вас райское яблоко, нет лучше два, — ангел громко засмеялся и выключил телефон, — будет через минуту. Так что вы тут сами без меня разберетесь, а у меня дела.

Ангел встал, и расправил крылья. Виктор Антонович онемел. *Ангел, действительно ангел!*

— Я ненадолго, — взвизгнул тот и скрылся в перисто-голубом тумане.

Виктор Антонович закрыл глаза. Он снова пытался вернуть себя в прошлое. *Почему я здесь? Что произошло? Ничего не помню. Сон, это сон. Ну, кто-нибудь, разбудите меня!*

— Ну, здравствуй, товарищ Юрченко!

Шершавый баритон скорее проскрипел, чем прозвучал. Наступила полная тишина. Ни птиц, ни ветра, ни шелеста трав. Виктор Антонович не спешил открывать глаза. Он всё ещё надеялся проснуться, очнуться или ожить. Встреча с известным незнакомцем не предвещала ничего хорошего. *Голос, очень знакомый голос, очень знакомый акцент! Нет, не может быть! Я просто отказываюсь верить!* Он открыл глаза и, срывая голос, закричал.

— Ста-а-алин?

— Нашли!

— Ба-а-атюшка!

— Арте-е-емий!

— Мы его нашли!

— Это Васька нашёл!

По дороге бежали сельские мальчишки и пронзительными голосами звенели, будто коровьи колокольчики.

— Это он, батюшка!

— Васька нашёл!

— Думали, мертвый, а он живой, жив-о-ой! Страшный такой!

Молодой священник, отец Артемий, степенно опустился на корточки и, заглядывая в глаза малолетних босоногих сорванцов, спросил: — Кого нашли?

— Дядьку нашли...

— Местный?

— Нет, не местный, не наш... страшный... на мумию похож из фильма.

— И где он?

— Там, в старой школе, в мусоре лежит.

— Ну, пошли. Кто Васька?

— Я Васька, — нахмурил брови чумазый мальчуган.

— Веди, чего стоишь?

Старая развалюха на окраине села Буки была излюбленным местом пьяниц и бомжей. В ее архитектурных формах легко узнавалось бывшее помещичье имение. Расположенная на пригорке возле фермы, она утопла в зарослях дикорастущего кустарника, лип и тополей.

Кирпичные стены, окрашенные мелом, круглые пятиметровые колоны, просторный вход. Проемы окон и дверей зияли черными язвами пустых глазниц.

Священник осторожно зашел в здание и посмотрел вокруг. *Разруха — сестра голода.* Битый кирпич, пластиковые бутылки, разбитое стекло. *Господи, что же это?* На груде строительного мусора лежало тело человека. Он подошел ближе. Сквозь полуразрушенную крышу пробивались лучи июльского солнца и, заполняя немое пространство руин, ярко освещали забинтованное лицо лежащего на спине человека. Отец Артемий перекрестился: — Так пацаны, быстро бегите к храму и позовите рабочих, быстро!

Михаил Яковлевич и Олег Иванович проходили курс обучения в тайной академии по специальной программе.

— Ну, как результаты, товарищи курсанты? — Сергей Иванович шумно распахнул двери и, улыбаясь во «все тридцать два», направился к своим подопечным.

— Нормально, — Олег Иванович поднялся из-за стола и протянул вошедшему руку.

Михаил Яковлевич сидел в наушниках и не сразу заметил присутствие начальства.

— Профессор терпит? — кивнул на Михаила Сергей Иванович.

— Угу! Ещё как! За ним не успеешь... грызёт гранит науки.

— Молодцы, мне доложили, что идёте с опережением графика.

— Сергей Иванович, а что это за технология обучения?

— Технология? Не совсем так. Это система знаний и техник. Мы называем ее — Метафилософия. Единение метанауки с философией. Здесь и Саентология, и Философия, и Теория Физического Вакуума и многое другое.

— Звучит загадочно. — Михаил шевельнул бровями. — Всю жизнь живи — всю жизнь учись... С Саентологией и Философией более-менее понятно, а вот с теорией физического вакуума...

— В результате развития идей Эйнштейна появилась новая теория — теория физического вакуума, которая не только включает сознание в картину мира, но и указывает на определяющую роль некой Высшей реальности при рождении грубой материи из ничего. Высшая реальность рассматривается Метафилософией как Сверхсознание, Сверхразум или Бог. Я понимаю, Михаил Яковлевич, ученому не просто такое понять...

— Эх, Сергей Иванович, товарищ генерал, вы даже не представляете, как все запущено. После всего, что со мной произошло, меня трудно чем-то удивить.

— Вот это меня и пугает. Способность удивляться — это первый шаг к Сверхсознанию. Только способный удивляться, может постичь способность удивлять, а следовательно и трансформировать пространство.

— беру свои слова обратно. К счастью, у меня не пропало желание удивляться. Только вот иногда чувствую себя ребенком в цирке. Автоматически приходит на ум самое простое объяснение — магия...

— Когда физик видит необъяснимые с позиции имеющихся знаний, проявления сознания человека, то первоначально он пытается представить всё это, как фокус. Однако любой честный человек должен признать, в этом случае, ограниченность существующей научной парадигмы. Замечательным достижением Метафилософии является научное предсказание существования тонкоматериальных миров и мира Высшей реальности, играющих существенную роль в эволюции материи и человека в том числе. На этом этапе понятно?

— Теоретически понятно, а на практике?

— На практике? Что ж. Можно и на практике. — Сергей Иванович встал. — Прошу следовать за мной.

Они вышли из помещения. Охранник отдал честь и открыл бронированную дверь. Черный джип, стоящий у входа, радостно мигнул фарами и хрюкнул стартером. Ехали долго. Все смешалось: черный тоннель, молчаливое переглядывание Михаила с Олегом, косые взгляды Сергея Ивановича, рычание «крузера» и механические движения водителя. Это, если смотреть со стороны. А что происходило на самом деле? Шло самое настоящее невербальное телепатическое общение:

— Сергей Иванович, а водитель нас не слышит?

— Нет, Миша, водитель этой способностью не обладает.

— А прикольно вот так общаться. Болтаем с закрытыми ртами. Чудно. — Олег закрыл глаза. — Я немного отдохну, вы без меня...

— От чего отдыхать собрался?

— От вас, господа, от вас, милые...

— Размечтался герой! Глазки закрыл. Ты посмотри на него, Миша, как, с таким лентяем, в разведку идти?

— Да ладно, это у него защитная реакция такая. Как надо чуть углубиться, его тут же в сон клонит.

— Углубляйтесь без меня, я — человек поверхностный...

— Да Бог с ним, Сергей Иванович, скажите, вот нас научили технике управления снами... это же можно и на других влиять...

— Для этого и учили, чтобы свои сны могли защитить и, если надо будет, на других влиять. Для вас сейчас готовят особое задание.

Олег Иванович, слушая собеседников, вспомнил и о своей давней мечте. Несколько лет назад ему приснился удивительный сон... супер-сон... невероятный сон... Сон, который трансформировался

в навязчивую, фантастическую мечту, а мечта превратилась в физиологическую потребность. Он не раз ловил себя на мысли, что мечта-потребность никогда не сбудется, что это просто невозможно, это антинаучно. Но! Всякий раз получал из... неизвестно откуда... такой прилив надежды и уверенности, что все сомнения исчезали, как утренний туман. Сон. Мечта. Фильм. Он улыбнулся и «включил»: *Зал Верховной Рады. Жизнь кипит. Народ спорит, договаривается, кричит... рабочая суета... управляемый хаос... почти никто не замечает, как странный человек проходит через весь зал и занимает место за трибуной. Это — человек в чёрном. Спокойное, холодное выражение лица. Его взгляд — молния. Взгляд, сила которого заставляет встrepенуться и замолкнуть всю эту зарвавшуюся толпу идиотов. Им кажется, что время остановилось, что секунды превращаются в минуты, в часы, в годы... Его голос! Нет, это не просто голос — это гром! Жесткий и четкий, но одновременно мягкий и нежный, как голос священника, нет, как голос самого Создателя... который произносит... Истину, неподлежащую сомнению... ОН сказал: «пришло время вернуть вас в Реальность и показать, кто вы или что вы есть на самом деле. Сейчас сюда придут остальные... крупные боссы земли украинской, включая бывших и настоящих гарантов и премьеров... Все, кто приложил свои таланты, руки и ноги, зубы и желудки к телу народному, многострадальному, к земле святой, вами поруганной... И поиграем мы в интересную игру — ВСЕ О ВСЕХ!*

— Олег Иванович, что это за кино вы смотрите?

— Э-э-э, я... а вы что... тоже видите? — смутился Олег.

— А как вы думаете? Видим или нет?

— Ну, раз спросили, значит, видите. — Олег открыл глаза.

— Чушь какая-то. — Михаил нервничал. Мысли Олега были настолько сильными, что перебили телепатический разговор на самом интересном месте.

— Нет, это не чушь. — Сергей Иванович загадочно улыбнулся. — Приехали, господа, выходим.

Автомобиль остановился у серой двери с номером 10. Олег вышел из машины последним. Сергей Иванович подошел к стене и ударил по ней ладонью. Получился хлопок, похожий на взрыв китайской петарды. Некоторое время спустя, послышался скрежет и дверь приоткрылась.

— Вперед. — прогремел генеральский баритон Сергея Ивановича.

— А что так примитивно? Нельзя было поставить кнопку или кодовый замок? Бить в стену рукой — не культурно. — Михаил брезгливо поморщился. — С вашими-то способностями...

— Все гениальное — просто, но не у нас. Стена, Миша, не простая. Стена — это сканер, он определяет правильность движений бьющего, силу удара, отпечатки пальцев и прочее.

— А я так и подумал, — откликнулся Олег. — Один — ноль в мою пользу.

— Ладно, поверхностный человек, так уж и подумал?

— А чего вы спрашиваете, Михаил? Вы можете «отлистать» прошлое и посмотреть мысли Олега, если он, конечно, позволит вам это сделать. — предложил генерал.

— Не будем фиксироваться на пустяках, я ему верю.

Помещение за дверью с номером 10 было огромным. В нем свободно могли уместиться два спортивных зала для минифутбола. Яркое освещение и полная тишина заставили вошедших перейти на шепот. Люди в белых халатах были повсюду: они стояли на площадках второго яруса, сидели у компьютеров, носили бумаги и не обращали никакого внимания на стоявших с открытыми ртами курсантов тайной академии.

— Нравится? — прошептал генерал.

— Как в фантастическом фильме, — не отрывая взгляд от симпатичной лаборантки, пропел Олег Иванович. — Супе-е-ер...

— А что они все тут делают? — пришел в себя Михаил Яковлевич.

— Работают, — генерал жестом указал направление движения.

Они подошли к огромному прибору.

— Итак, продолжим обучение. Как вы думаете, что это такое?

— Судя по виду и надписям — это микроскоп, — предположил Михаил.

— Совершенно правильно. Это электронный микроскоп. Самый мощный.

— Самый, самый из самых, самых? — улыбнулся Олег

— Ый, ый из ых, ых, — в тон вопроса передразнил Олега Михаил.

— Так, товарищи курсанты, я вас попрошу быть серьезней, шутки будете шутить с врагами нашей Родины, — генерал нахмурил брови. — Вот потом и посмотрим на ваши способности. Итак. Возвращаемся к физическому вакууму. Предлагаю очень простой ход рассуждений, который приводит нас к мысли, что в основе мира лежит Великая Пустота — физический вакуум. Вот вам электронный микроскоп, садитесь и смотрите.

— На что будем смотреть?

— Неважно. Ну, хотя бы на стол.

— На стол?

— Смотрите на стол. Смотрите?

— Смотрим.

— Что вы видите?

— ... э-э-э, вероятно, это стол.

— Вы видите перед собой твёрдую материальную поверхность. Теперь увеличиваем мощность микроскопа. Что видим?

— Шарики цветные, — радостно откликнулся Олег.

— Шарики-ролики, молекулы это, а не шарики, товарищ Шариков, — Михаил язвительно улыбнулся и кивнул в сторону Олега. — Один — один!

— Принимается, — неохотно кивнул Олег.

Михаил смотрел в экран микроскопа и сиял от радости: — Потрясающая штука, просто фантастика, магия...

— Опять вы про магию? — резко перебил Сергей Иванович.

— М-да, вредные привычки, как сырые спички, извините...

— Вы видите молекулы вещества, а что еще?

— ... — Олег пожал плечами. — Ничего.

— Правильно, именно ничего! Вы видите пустое пространство, в котором по определенным законам расположены молекулы. Вы направляет микроскоп на молекулу, меняете увеличение и видите, что молекулы состоят из атомов, а между атомами опять ничего, пустота. Направляя микроскоп на отдельный атом, можно увидеть, что в центре атома ядро, вокруг которого вращаются электроны, подобно планетам вокруг Солнца. Видите?

— Да, это здорово, так вот они какие... — Олег Иванович радовался как ребенок. — Какое сходство с небом!

— Смотрите, а между ядром и электронами — пустота. Следующий этап увеличения покажет, что ядро состоит из элементарных частиц — протонов и нейтронов, между которыми опять наблюдается пустота. Если теперь посмотреть на саму элементарную частицу, например, электрон, то он состоит из пустоты, поскольку представляет собой «возбужденное состояние физического вакуума» — особое состояние пустоты.

— Можно задать вопрос? — Олег Иванович оторвался от микроскопа и уставился на генерала. — Чем отличается пустота в том месте, где есть электрон, от пустоты, где электрона нет?

— Для ответа на этот вопрос необходимо иметь представление об абсолютной пустоте. Сейчас к нам подойдет руководитель лаборатории Геннадий Иванович Шипов. В 1967 году он окончил Московский государственный университет имени Ломоносова по

специальности теоретическая физика. В 1972 году окончил аспирантуру Университета Дружбы народов имени Лумумбы, доктор физико-математических наук. А вот и он. Прошу знакомиться.

Михаил протянул руку: — А мы ведь с вами встречались.

— Я помню, Михаил Яковлевич, в Брюсселе на симпозиуме в конце девяностых...

— Очень приятно, Геннадий Иванович, очень приятно, — Михаил вспомнил Брюссель, узкие улочки, никчемную статуэтку «писавшего мальчика» в углу старого дома. — Как это было давно... Сто лет назад... *Антураж изысканности в наркотическом дурмане скуки.*

— М-да-с, когда мы были молодые...

— Господа, я вас прошу, лирика потом, давайте к делу, — генерал нервничал.

— Окей, окей, Сергей Иванович, продолжим. Итак — пустота. Этот объект рассматривается в физике, как пустое, без какого-либо вида материи. Не искривлённое пространство-время. Исследуя процесс создания нового в науке, мы пришли к выводу, что восприятие новых научных истин выдающимися учёными происходит не в результате логической работы ума, а посредством прямого подключения к некоторому первоначально заданному источнику знаний. В этом состоит акт вдохновения, сопровождающий творческую работу в любой деятельности человека. Точка зрения Пенроуза полностью подтверждается выводами теории физического вакуума, поскольку она предсказывает существование в природе первичных торсионных полей — идеального носителя информации. Кроме того, богатый опытный материал, накопленный восточными искателями истины в результате работы с нервными центрами, чакрами, и нервными каналами человека, дает основание честному ученому признать существование мира высшей реальности и тонких миров, представителем которых является первичное Сверхсознание. Таким образом, есть достаточно веские основания считать, что торсионные поля теории физического вакуума соответствуют различным уровням тонкоматериальных миров, тесно

связанных с сознанием человека, и давно описаны в религиозных трактатах и в эзотерической литературе. С другой стороны, сочетание индуктивных и дедуктивных методов познания реальности может привести к синтезу точной науки и религиозной мудрости. Грядет синтез науки и религии, причем наука, использующая знания о физическом вакууме, протягивает руку религии, ориентируясь в будущем на создание метанауки, которая объединит в себе науку, искусство и религию...

— Мне об этом бабушка рассказывала, — перебил Шипова Олег Иванович. — Вы извините, но это так и есть, действительно. Бабушка мне говорила, что религия и наука — это одно и то же, только с разных сторон. Что тысячелетиями они идут друг другу навстречу и обязательно встретятся...

— Считайте, что уже встретились, — улыбнулся Шипов.

— У вас все готово? — обратился генерал к Геннадию Ивановичу.

— Да, у нас полный порядок, вас ждали...

— Итак, господа-товарищи курсанты, переходим к практике.

Шипов встал: — Прошу за мной.

Геннадий Иванович шел впереди всех, пробираясь между столами с компьютерами, электронными кульманами и стеллажами с оборудованием.

— Потрясающая тишина, при таком количестве работающих... — прошептал Олег, оглядываясь на симпатичную лаборантку. — Они что, вот так и молчат целый день?

— Они общаются телепатически, так же, как и мы с вами общались в машине. Только на своей волне, — Сергей Иванович кивнул в сторону лаборантки, нахмурил брови и пригрозил пальцем. — И не думай...

— А я что? Я не того... Сергей Иванович, я просто так...

— Знаю я тебя, «просто так».

— Вот и пришли. Это наша святая-святых, — торжественно объявил Геннадий Иванович.

— Располагайтесь поудобней, — генерал прошел вперед и взял со стола пульт.

Комната, в которую они зашли, выглядела совершенно необычно и даже странно. Все шесть стен помещения, включая потолок и пол, являлись активными экранами. Кресла, на которых они расположились, были изготовлены из прозрачного пластика. Генерал нажал кнопку пульта и входная дверь закрылась: — Готовы?

— К чему? — не скрывая любопытства, процедил Олег.

— А вот к этому, — Сергей Иванович снова нажал на пульте кнопку и началось...

— А-а-а-а!

— Что-о-о-о происхо-о-одит?

— Вы-ы-ы-ы-ключю-ю-ючите-е-е!

— А-а-а-а!

Олег и Михаил кричали не своими голосами. Что произошло? Ничего страшного. Просто пол провалился и они оказались на высоте более тысячи метров над Землей, летящими в свободном падении вниз. Два человека, как два одиноких камня, брошенные с огромной высоты, стремительно приближались к...

— Ми-и-иша-а-а! Что-о-о про-о-оисходит?

— Я не-е-е зна-а-аю-ю-ю!

— Что-о-о-о де-е-е-а-а-а?

— Не-е-е-е зна-а-аю-ю-ю!

Сколько продолжалось это падение — так и осталось загадкой. Михаилу показалось, что они падали целую вечность, а Олег не успел засечь время...

— Ну, хватит кричать! — генерал выключил злосчастную кнопку и все вернулось на круги своя.

Олег смотрел на Михаила круглыми от страха глазами и молчал, а тот мигал и, заикаясь, пытался что-то сказать: —М-м-ма т-т-ть-ь-ь м-о-о-оя-я-я ж-ж-ж-ж...

— Понравилось? —издевательски прохрипел Сергей Иванович.

— По-о-онннн-ра-а-авилось, а ка-а-ак же-е-е.

— Да. Ничего се-е-ебе-е аттракциончи-и-ик.

— Да. Это наша гордость и наше чудо! —вмешался Геннадий Иванович. —Эта комната может все!

— Итак, господа-товарищи курсанты, эта комната действительно может все или почти все. С ее помощью можно оказаться на самой высокой горе, можно летать на самолете, можно побывать в космосе и, что самое интересное, можно управлять чужими снами в больших масштабах. Мы приготовили для вас небольшое, но очень ответственное задание. И задание это непростое, это давняя мечта Олега Ивановича, которая приснилась ему, —генерал заглянул в записную книжку, —ровно девятьсот двенадцать дней назад, так, Геннадий Иванович?

— Подтверждаю, действительно два с половиной года назад мы вмешались в сон Олега Ивановича и показали ему интересное кино, —Шипов извинительно пожал плечами. —Уж извините нас, так получилось.

— Вас предложила ваша жена Антонина, она же и проследила за вашей реакцией... —сдвинул брови генерал.

— Да! Вот это рельсы, так рельсы! А я-то, дурак, все время думал, что сам выбираю свой путь... А тут на тебе... Так поставить!? Это же надо...

— Вы, Олег Иванович, в нашей организации на учете с детского возраста, —генерал клацнул кнопкой пульта и на всех стенах-экранах появилось огромное количество фотографий Олега.

— Ну, ни фиги себе! Это как же понимать? Что это за тотальная слежка?

— Это не слежка —это контроль реальности. Вашего рождения

ждали и вы родились. А чтобы с вами не произошло никаких случайных случайностей, вас все время вели и оберегали.

— Так, так. Спасибо, дорогие мои, однополчане, спасибо... Век не забуду...

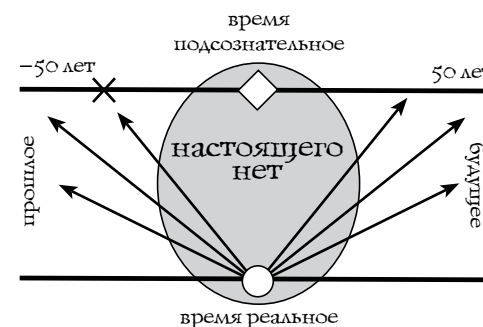
— Успокойтесь Олег Иванович, многие люди так и умирают, не зная правду о себе, а вам повезло... —промямлил Шипов. —Мне, например, о себе ничего не известно...

— Гена, ты хоть не паясничай, и без тебя тошно. Господа курсанты, хватит вам фамильярности по стенкам размазывать, а то я расплачусь, —генерал выключил фотографии и стены комнаты снова стали белыми. —Итак. Задание следующее: надо собрать в помещение Верховной Рады всех нардепов, всех бывших президентов...

— Всех бывших премьеров, министров и губернаторов, включая, естественно, и ныне действующих, —продолжил Олег Иванович, —и будем играть в игру...

— Что помните наше кино —это хорошо, но надо знать и технологическую составляющую. А она выглядит так, —генерал нажал нужную кнопку пульта и на одной из

шести стен появилась цветная схема:

— Давайте разбираться. Верхняя прямая —это время, в котором пребывает подсознание человека, нижняя —это условно реальное время, которое мы с вами видим на часах. Понятно?

— Что ж непонятного, два вида времени...

— Хорошо. Продолжим. Подсознание украинского народа технично и грамотно сместили в «прошлое». Туда, где «проживают»: Мазепа, Хмельницкий, Сталин, Ленин и прочие деятели, ах да еще легендарный Голодомор. Да так настучали по головам единоверцев оранжевым молотком, что ни у кого и сомнений-то не осталось. Все туда! В прошлое! И там себе дебатируют, воют с умершими гетьманами и красными диктаторами. А с другой стороны масмедиа «вбивают гвозди» о великой стране Европии, куда мы собираем чемоданы уже почти два десятилетия. Что получается? Пушкарев, что думаете?

— А чего думать, у вас же все написано. Раздвоили сознание народное на прошлое и будущее, а настоящее украли. Скрыли настоящее. Как в известной песне: «есть только миг между прошлым и будущим».

— Так оно и есть. Настоящее скрыто под толстенным слоем лжи... Вот так. Это вам не танки с самолетами. Тут социологи крепко поработали. Товарищи курсанты, слушай задачу. С помощью нашей уникальной комнаты вам предстоит вернуть нашим великим политикам и крупным стратегическим руководителям Реальность! То есть заставить их говорить правду.

— Сложная задача... — философски заметил Олег Иванович.

— Не скрою, сложная. Правды от них дожидаться нелегко. Но вы сможете заставить их признать свое вранье.

— Игра «Все про всех»?

— Да, «Все про всех»! Готовы?

Олег посмотрел на Михаила и подмигнул: — Вперед?

— Успех неизбежен... — ответил Михаил и крепко ухватился за прозрачное кресло.

— Товарищ генерал, вас срочно к телефону, — запыхавшийся посыльный протянул телефонную трубку, — вот.

Генерал взял трубку.

— Что? Прибор? Невероятно, сейчас буду, — генерал вернул трубку посыльному и повернулся в сторону Михаила. — Ну что, товарищ ученый? Ваш прибор нашел цель.

— Я же говорил, я верил, я знал... — обрадовался Михаил Яковлевич.

— Послушайте, господа — товарищи, может, я сам туда, а вы с прибором разберетесь?

— Операция пока отменяется, мы все должны быть на командном пункте, — генерал застегнул верхнюю пуговицу рубашки и достал сигарету. — Так что, Олег Иванович, подъем, вас ждет более важная задача: найти бывшего президента.

— Олег, ты что не понял? Мой прибор нашел Юрченко, настоящего.

— Да понял я, понял. Ну, нашел, что с того, куда он не денется если нашелся.

— Курсант Пушкарев, встать! — повысил голос генерал.

— Есть встать, а может, все-таки...

птицы... Голоса птиц... Голоса людей... Боль... Ах, как болит лицо... Что со мной? Он попытался поднять руку и открыть глаза.

— Батюшка! Отец Артемий! Он очнулся!

Ар-те-е-емий... Батю-ю-юшка... Птицы... Голоса птиц... Сталин? Ста-а-а-а...

— Батюшка, идите быстрее, он что-то шепчет!

Отец Артемий склонился над человеком.

— Кто ты?

Кто-о-о ты-ы-ы... Птицы... Я птица? Я Сталин? Боль... Лицо...

— Что они со мной сделали? — голос человека был тихим, но акустика храма усилила его многократно. — Где я?

— Ты в селе Буки, в храме, — отец Артемий приподнял голову человека и подложил сложенное вчетверо полотенце. *Кто же его так, Господи? Это же не люди...*

Изрезанное, в кровоподтеках и опухолях, лицо было скорее похоже на страшную маску, чем на лицо человека. Отец Артемий перекрестился: — Ты в храме, сын мой...

— Я умер?

— Нет, сын мой, ты жив, слава Богу, жив...

Жив... Птицы... Голоса птиц... Сталин... Жив...

— Буки, храм, где это? — он открыл глаза.

То, что он увидел, привело его в неописуемый восторг. Такой красоты он не видел никогда в жизни. Великолепный белоснежный купол, расписанный цветными картинками, мозаики в оконных проемах, изящная воздушная лестница, свечи, много свечей. Странно,

но, несмотря на тяжелое состояние, он замечал и фиксировал мельчайшие детали интерьера.

— Краси-и-иво, — пересохшие губы с трудом шевелились, а свинцовые веки давили на глаза невероятным грузом, — воды...

— Нельзя, сын мой, до приезда врача, нельзя. Прости...

— Кто ты?

— Я настоятель отец Артемий...

— Отец? — губы человека криво улыбнулись. — Ты же ещё... так молод...

— Молодость — не порок.

— Отец, как здесь красиво... это рай?

— Нет, это не рай, хотя красивей места на земле я лично ещё не видел.

— Не рай, не рай, но почему не рай?

— Скорую вызвали? — отец Артемий обратился к молчаливо стоящим возле него рабочим. — Вызвали, говорю, скорую и милицию?

— Да, вызвали, едут, — откликнулся голос из толпы.

Птицы... Голоса птиц... Люди... Голоса... Сталин... Президент...

— Сын мой, мы нашли тебя в здании старой школы, как ты туда попал? Ты что-нибудь помнишь? Кто ты?

Кто ты? Кто ты? Кто я? Птицы... Как поют птицы... Как я устал... Я хочу в рай... Буквы и слова кружились в замкнутом пространстве головы, отражались, накладывались друг на друга и эхом били в его слабое сознание. Кто-о... о... о... Ты... ы... ы...

— Ты слышишь меня, сын мой? Кто ты?

— Я... я пре... зи... дент...

— Президент? Ну, да, конечно, президент компании. А какой компании?

— Я пре-е-зи-идент Украины...

— Думаю, ты ошибаешься, ты не президент Украины. А с кем ты был, вспомни.

— Сталин... я был с ним. Где он?

В храм быстрым шагом зашли люди в белых халатах.

— Ну, что тут у нас?

— Вот, нашли человека, —отец Артемий встал и кивком головы поздоровался с вошедшими врачами, —спаси, Господи.

— Как он? В сознании?

— Бредит...

Скорая помощь увезла страшного человека, а участковый милиционер начал опрашивать свидетелей происшествия. Опросив мальчишек, он подошёл к настоятелю храма.

— Тёма, дело понятное, напился, подрался...

— Я вам не «Тёма» —это, во-первых, а во-вторых, он не был пьян, и я прошу вас разобраться детально, это же человек, который пострадал. И к тому же этот человек может оказаться очень важным и влиятельным, так что...

— Извините, отец Артемий, грешника, —язвительно прошипел милиционер. —Висяк мне не нужен. А больница сама определит: пьяный или нет —так что звоните, если будет трудно...

— Ты и вовсе глуп, как я посмотрю, вчера что было?

— Вчера?

— Вчера, вчера, что было?

— Э-э-э футбол показывали... э...

— Футбол-то футбол, а кроме...

— Гости были...

— Был день рождения Ивана Николаевича... юбилей...

— Ну?

— Ну, ну, заладил...

— И что?

— А то, что это, может быть, кто-то из приезжавших гостей, из Киева.

— А? Э-э-э, может быть. Точно, может быть...

— А я тебе про что?

— Да, действительно, прости Артемий, —смущенно прохрипел участковый и вышел из храма, —как же я сразу не понял?

Скорая помощь с телом незнакомца выехала из села Буки в направлении райцентра. За окнами бушевало желтое море нижней части украинского флага.

Небо хмурилось и обещало дождь. В динамике надрывно кричал голос культурного олигарха Поплавка. Водитель молчал и активно жал на педали. Дежурный доктор, закрепив себя ремнем безопасности, сразу же заснул. Его голова болталась из стороны в сторону, каждый раз, когда старый автомобиль бил своим много раз перекрашенным телом в ненавистные ухабы и трещины черного асфальта.

Он слышал каждый звук, однако сложить цельное понимание действительности не удавалось. *Ветер бьет в приоткрытое окно... Рев мотора... Песня... Музыка... Ветер... Сталин... Президент... Ангел... Я... Темно... Больно... Легко.*

— Товарищ Юрченко, куда это вы сбежали?

Он не торопился открывать глаза. *Сталин? Где ветер? Где музыка? Почему Сталин?*

— Вы, Виктор Антонович, как я посмотрю, не меняетесь. Что в жизни, что в смерти... Вы уже всех просто достали. Откуда такая нерешительность? Вытаскивайте голову из песка, вы же не страус!

Песок? Какой песок? Нет, я не хочу! Почему я? Нет боли... Легко...
Он открыл глаза. Так же, как и в прошлый раз, Сталин сидел напротив него в черном кожаном кресле.

— Я... Гм... Я не могу понять... — Виктор Антонович удивленно поднял брови, — почему это происходит? Как это может быть? Это же невероятно...

— Всегда вероятно наступление невероятного, — Сталин улыбнулся и выпустил клуб серого ароматного дыма. — А вы знаете, товарищ Юрченко, что мы с вами, в принципе, делаем одно и то же дело?

— Я вас не понимаю...

— Во-первых, мы с вами коллеги.

— Э-э-э. Не...

— Да, представьте себе, коллеги. Я так же, как и вы, работал бухгалтером. В тифлисской обсерватории. — Иосиф Виссарионович нежно улыбнулся и провел рукой по густым усам. — И, что самое удивительное, мне нравилась эта работа.

Виктор Антонович промолчал. Он не знал, что ответить. Отсутствие боли, легкость в дыхании и пение птиц действовали на него успокаивающе. Волнение и беспокойство ушли на второй план.

— Мне тоже. Вот только... — Виктор Антонович на секунду задумался. *Умер. Вот и все... А сколько еще можно было сделать...*

— Вы хотите спросить про свою смерть?

— Гм. М-да. А вы... Вы читаете мои мысли?

— Чита-а-аю? — Сталин громко рассмеялся. — Здесь нельзя мыслить так, чтобы вас не слышали. Ваши мысленные слова, как гром среди ясного неба. А, кстати, как вам небо?

Виктор Антонович посмотрел вниз и вздрогнул. Под ногами проплывали полупрозрачные облака, ниже которых, как из самолета, виднелись геометрические формы разноцветных полей и линии дорог.

— Красиво. Не правда ли?

— Да, красиво...

— Итак, как бухгалтер бухгалтеру, должен вам заявить официально, что вы, товарищ Юрченко, были плохим руководителем. Нет, не плохим, а очень плохим! — Сталин резко встал. — Вы предали свой народ! Вы пошли на поводу акул капитализма. При этом вы хорошо понимали, куда ведете свой народ!

— Я с вами не согласен... Я... — Виктор Антонович вскочил с места. Он хотел еще что-то добавить, крикнуть, топнуть ногой... Но лишь горько хмыкнул и сел.

— Вот видите. Вам даже сказать нечего! Вы привели свой народ к Бабьему Яру! — грузинский акцент Иосифа Виссарионовича подчеркивал несокрушимость авторитарной логики.

— А вы-то сами, товарищ Сталин, что наделали? Да вы... Я читал Троцкого... Я знаю... Сталинизм... Культ личности.

— Сталини-и-зм? — Иосиф Виссарионович взял паузу. Он сделал несколько шагов влево, развернулся и направил руку с трубкой на Виктора Антоновича. — Признаю, бил сталинизм. Но било еще и то, что вы до сих пор доедаете. Все доедаете. Били заводы, фабрики, мосты, армия, электростанции, каналы... Что бы вы без этого делали?

Виктор Антонович молчал.

— Троцкий, говорите? Ну, хорошо, пусть будет Троцкий. — Сталин поднял голову вверх. — Пригласите товарища Троцкого!

Виктор Антонович также посмотрел вверх. *Троцкий?*

— Через несколько минут будет вам товарищ Троцкий. Читал. Знаю. Что вы знаете? Вы ничего не знаете. Сталинизм. Троцкизм. Троцкий хотя бы говорить умел. А вы? Вы беспомощны, как ребенок. Вас никто не боялся, а, следовательно, и не слушался. К вашей фамилии даже “изм” не лепится. Юрчи́зм! Смешно! У вас нет харизмы, вы не способны на большие дела.

— Я с вами не согласен... А революция?

— Не смешите меня, товарищ Юрченко, револю-ю-ция? Благодарите своих противников за их слабость. Если бы на их месте был я... Или Троцкий...

— Я вас приветствую, товарищи!

— А вот и он! Прошу вас, Лев Давидович, помогите нам разобратся в заблуждениях нашего гостя.

Виктор Антонович не верил своим глазам.

Троцкий во всей своей красе, в безукоризненно выглаженных гимнастерке и галифе, щелкнул начищенными до блеска голенищами хромовых сапог: — Здравствуйте, товарищи! Так вот вы какой, товарищ...

— Юрченко, — улыбнулся Иосиф Виссарионович.

— Да, да, да! Конечно! Юрченко... Что у вас с лицом? Извините, товарищ Коба, но я не могу вспомнить... Юрченко, Юрченко... Не помню.

— Вот видите, Виктор Антонович, а вы говорите, читал, знаю... А вот Лев Давидович вас не знает.

Виктор Антонович вопросительно пожал плечами и нелепо улыбнулся.

— Иосиф, друг мой, что это за ребусы? Тебе что, делать нечего? Оторвал меня от... — Троцкий поправил пенсне. — Подождите, подождите. Так это же Президент Украины! Оранжевый демократ! Как же я этого негодяя сразу не узнал? Это же враг народа! Расстрелять! Немедленно расстрелять!

Виктора Антоновича пробил озноб. Он хотел что-то сказать, но мозг отказывался формировать мысль. Небольшой коллектив слов его лексикона в панике разбежался по серым уголкам скудного интеллекта. На виду остались лишь несколько букв. Он молчал и мигал офигевшими, выпученными глазами. Дрожащими пальцами правой руки он взял невидимый лист бумаги и поднял перед собой: — М-м-м... Я-я-я... М-м-м...

— Товарищ Троцкий, уважаемый Лев Давидович, зачем же так? Это, прежде всего, наш гость а уж потом враг народа...

— Коба, ты стал мягкотелым, жалким либералом! Это непростительно, я буду ставить вопрос на пленуме ЦК! Со мной, значит, можно ледорубом, а с врагами нянькаешься? — голос Троцкого звенел в прозрачном воздухе резким, но приятным тенором. Он был похож на смешанные звуки разбитого стекла и забиваемых в громадную доску гвоздей.

Виктор Антонович плохо понимал, что именно происходит. Заклинившее сознание и саботирующая память окончательно блокировали и без того слабый ум колхозного бухгалтера. Заученные с большим трудом, умные слова и термины смотрели на него из глубины сознания, как гуливеры на лилипута и ехидно улыбались. Он ощущал себя маленьким ничтожеством... микроскопической, плохо пахнущей, каплей... в великом океане истории.

— Коба, ты не забыл, что за тобой партия в шахматы?

— А может, перенесем?

— Нет, это невозможно! Ты мне обещал! Я буду жаловаться!

— Ну, хорошо, хорошо. Будет вам партия. Только прекратите бурю в стакане, я вас очень прошу. Посмотрите, вы же насмерть перепугали нашего гостя. Мы с Виктором Антоновичем пригласили вас не для этого.

— Буря? Это — легкий бриз! Вот в наши времена... да... То были настоящие бури!

Виктор Антонович постепенно приходил в себя. *Расстрелять? Что за бред? Я же и так уже умер... Что может быть хуже? Хуже? А в самом ли деле хуже?*

— Товарищ Юрченко, вы уже, как я слышу, успокоились? — Сталин прикурил трубку и обратился к Троцкому. — Лев Давидович, объясните нашему гостю суть ваших письменных измышлений. Расскажите нам про сталинизм и троцкизм, только лаконично, пожалуйста.

— Лаконично о нас с тобой рассказать невозможно! Как можно говорить о сталинизме, не разобравшись с японскими Микадо, Гитлером и Пиночетом?

— Лев Давидович, мы же не в том времени, все изменилось и нам надо меняться, так что, как можно короче. Прошу вас, — Иосиф Виссарионович искоса поглядывал на Виктора Антоновича, уголки его губ вздрогнули и лукавая, знакомая всему миру, улыбка ожила на его суровом лице. — А ви слушайте, товарищ Юрченко. Не каждому дается возможность услышать самого Троцкого!

Лев Давидович с достоинством императора поправил пенсне, ухватился большим пальцем правой руки за лямку портупей и повернулся лицом к Виктору Антоновичу: — Ну-с, братец, начнем-с или как?

— Гм. Я читал... Вашу книгу... — Виктор Антонович прокашлялся и посмотрел прямо в глаза Троцкому, — Вы же писали, что Сталин,... что он... вы его ненавидели... как же вас сейчас понимать?

— Коба, ты уверен, что он нам нужен? Может все-таки расстреляем? — Троцкий нервно опустил руку к кобуре.

— Успокойтесь, Лев Давидович, мы всегда сможем это сделать. Но это было бы слишком просто. Гораздо интересней, когда человек понимает, что он сделал и за что несет наказание. Кому нужна смерть в неведении?

— О какой смерти вы говорите? Мы же с вами и так уже мертвые... — Виктор Антонович сжал кулаки и напряг тело.

Троцкий и Сталин многозначительно переглянулись и громко засмеялись.

— Что смешного? — обиженно надулся Виктор Антонович.

— Да, смешного, действительно, мало. Очень мало! Откуда вы такие беретесь? Как вас народ терпит? Без царя в голове. Нищие духом. Мелкие лавочники, хвостокруты и свинопасы! Ваши гены от сохи, а ум от базарных сплетен! — Троцкий почти кричал. Блеск его пенсне молнией рассекал пространство, желая вонзить свое лезвие в тело Виктора Антоновича. — Расстреливать вас некому, вот в чем проблема!

— Что вы все про расстрел, Лев Давидович, наш гость — ваш поклонник, а вы... Стыдно, товарищ Троцкий, стыдно...

— Покло-о-онник? Неумолимый и надежный, как ледоруб, принцип «нет человека — нет проблемы» — вот единственный мой поклонник! Что он хочет знать? Коба! Что ему надо?

— Думаю, он хочет обличить меня при помощи тебя.

— Я никому не позволю вмешиваться в наши разборки, наши противоречия — это наши вопросы. А не лучше ли нам поговорить о тебе, товарищ народный вредитель? Да! Мы так и поступим! Мы займемся тщательным анализом отдельных, хотя и мелких, фактов и свидетельских показаний вашей демократической карьеры. Мы расскажем вам про вашу болезнь. Это обычная аберрация у всякого рода либеральных субъективистов, находящихся в разладе с ходом классовой борьбы. Такие, как вы, недовольные результатом исторического процесса, осуждают тот научный анализ, который обнаруживает неизбежность действительно правильного результата.

— Позвольте, Лев Давидович, как вы можете знать... это не будет объективно... это... — Виктор Антонович пожал плечами.

— Вы хотите сказать, что мы заинтересованы в субъективизме? Вы плохо знакомы с нашими методами. Если внимательное, тщательное и добросовестное собирание фактов, даже мелких эпизодов, проверка свидетельских показаний при помощи приемов исторической и биографической критики, наконец, включение фактов личной жизни и исторического процесса, если все это не есть объективность, то остается спросить, в чем же, собственно, она состоит?

Виктор Антонович почувствовал этого человека всеми частями своего умершего тела. Он почувствовал его, как кролик удава. С каждым сказанным словом Лев Давидович вырастал в сознании Виктора Антоновича до гигантских интеллектуальных размеров, объять которые не представлялось возможным. Цепкий, пронизательный ум Троцкого, его непревзойденная риторическая логика уже в начале разговора сковала мышление собеседника холодной тяжелой цепью. Он забыл все, что помнил, и даже больше. А Лев Давидович, отчаянно жестикулируя револьвером, продолжал свою наднебесную речь.

— Вы говорите, Сталин. Сталинизм. Да если бы к власти пришел не Сталин, а я, вот тогда вы бы узнали, что такое настоящий сталинизм. Настоящий сталинизм — это троцкизм! Да, наши дороги со Сталиным так давно и так далеко разошлись, и он в моих глазах является в такой мере орудием чуждых мне и враждебных исторических сил, что мои личные чувства по отношению к нему мало отличаются от чувств к Гитлеру или к японскому Микадо. Что было личного, давно перегорело. Уже тот наблюдательный пункт, который я занимал, не позволял мне отождествлять реальную человеческую фигуру Сталина с ее гигантской тенью на экране бюрократии. И я считаю себя поэтому вправе сказать, что никогда не возвышал Сталина в своем сознании до чувства ненависти к нему...

— Вот слышите, товарищ Юрченко, это вам не книжки читать — это живой звук в мертвом царстве, это первоисточник, а вы говорите сталини-и-изм, — заметил Сталин.

Виктор Антонович молчал. Ему было жаль себя, жаль свою жизнь и время, потраченное на политику. *Как я ошибался... Разве можно было сравнивать себя с этими монстрами? Кто я против них?*

— Коба, нехорошо перебивать старых партийных товарищей, возьми слово и тогда я буду слушать, — Троцкий показательно насупился и покачал головой.

— Извини, друг, больше не буду.

— Никакой партийной дисциплины, товарищ Коба. И так. Немного

истории. Прежде, чем стать царем в Израиле, Давид в отрочестве, так же, как и вы, Виктор Антонович, пас овец.

— Э-э, простите, но я не пас овец, — Виктор Антонович обидно насупился и сделал характерное движение руками.

— Но вы пасли коз и коров, дорогой мой, да, да, коз и коров. Разве не так?

— Овец не пас!

— Пусть будет по-вашему. Так, о чем я?

— О Давиде, товарищ Троцкий, — Сталин покачал головой, — да, время берет свое...

— Исключительная карьера Давида становится более понятной, если принять во внимание, что почти все сыны полукошевого израильского народа пасли овец и что искусство управления людьми было в ту пору немногим сложнее искусства управления стадами. Теперь вы понимаете, к чему это я, товарищ Юрченко?

— Не совсем.

— Пастись животных, значит нести ответственность.

— Согласен с товарищем Троцким, солидарен на все сто процентов! — Сталин прокашлялся и внимательно посмотрел на Виктора Антоновича. — А что вам так овцы не нравятся?

— Э-э-э, я такого не говорил... — Виктор Антонович поежился и вспомнил древний афоризм. *Стадо баранов...*

— Так вот в чем дело? Стадо баранов под управлением льва сильнее, чем стая львов под управлением барана? — Иосиф Виссарионович прищурился и ядовито улыбнулся. — Народ всегда прав. И если так говорят, то что-то здесь есть. Ну не способны вы управлять, не способны, да и пастух из вас никудышный был...

— Меня народ выбрал, — Виктор Антонович гордо поднял голову.

— Вас суд назначил, а не народ выбрал, не врите хотя бы здесь.

— Товарищи, я решительно протестую, — Троцкий нервничал. — Мне дадут, наконец, высказать мысль или нет?

— Извините, Лев Давидович, извините, но вы не на съезде, у нас тут диалог, так что...

— Какой у нас с тобой, Коба, может быть диалог? Ты погубил мировую революцию! Ты погубил дело моей жизни! Ты...

— Опять двадцать пять, — резко прервал Сталин.

— Ты не можешь масштабно мыслить, ты...

— Лев Давидович, ты лучше расскажи нашему гостю про Голодомор.

— А что Голодомор?

— Как что? Кто организовал Голодомор? Товарищ Юрченко, как вы думаете? Кто организовал Голодомор в Украине, на Поволжье, в Казахстане?

— М-м, мы рассекретили документы... там... есть факты...

— Факты? — Сталин встал и подошел к Виктору Антоновичу. — Факты?

— М-м, я... читал...

— Читал? Пора и вам ознакомиться с некоторыми фактами, о которых не принято говорить вслух. И вы не найдете эти факты в учебниках по истории до тех пор, пока мировой валютой будет оставаться ваш любимый доллар.

— Вы хотите сказать, что Голодомор организовал доллар Соединенных штатов? — Виктор Антонович оживился и даже произвел подобие улыбки.

— Ну не совсем-таки сам доллар и тем более не доллар Соединенных штатов...

— Австралийский, что ли?

— Доллар Федеральной Резервной Системы, образованнейший

вы наш, товарищ банкир-президент, ФЭ-ЭР-ЭСный, если хотите. А вы что, не знали, что нет у Америки своих долларов, нет денежных знаков с упоминанием Соединенных штатов? Есть доллары ФРС!

— Э-э... ну это разве не одно и то же?

— Для вас? Думаю одно и то же, а вот для СССР того времени было не одно и то же. Наш уважаемый мировой революционер товарищ Троцкий, великий полководец, стратег и вождь мирового пролетариата приехал в Россию, так сказать, в командировку...

— Я вас попрошу... — Троцкий схватился за кобуру.

— Что вы так нервничаете, Лев Давидович, разве есть то, чего я еще не знаю?

— Это дела давно забытых лет, это история, наши с тобой разногласия касаются только нас...

— Если бы... Вот Виктор Антонович считает что наши дела касаются и его лично!

— Народ должен знать правду... — Виктор Антонович съехался и искоса посмотрел на кобуру Троцкого.

— Народ? Что такое народ? — Лев Давидович снял фуражку и поправил пышную шевелюру. — Народ? Прочитайте, что пишет товарищ Ленин в том номере двадцать девять на странице тринадцать. Он пишет, что пролетариат бесчеловечен, в нем отсутствует все человеческое... А, как вам? Да, да так и пишет. А что пишет Ницше в труде «О пользе и вреде истории для жизни»? Он начинает словами Гете: «мне, во всяком случае, ненавистно все, что только поучает меня, не расширяя и непосредственно не оживляя моей деятельности». Эти слова Гете могли бы служить вступлением и к нашему рассуждению о положительной или отрицательной ценности истории. Ибо в этом рассуждении мы намерены показать, почему поучение без оживления, почему знание, сопряженное с ослаблением деятельности, почему история как драгоценный избыток знания и роскошь нам должны быть, по выражению Гете, серьезно ненавистны, а именно потому, что

мы нуждаемся еще в самом необходимом, и потому, что все излишнее есть враг необходимого. Вы, товарищ Юрченко, считаете, что украинский народ имеет всего в достатке? Он богат и счастлив? Он настолько обеспечен всем необходимым, что недостает лишь знаний истории?

— Я... ду-у-ума-ю...

— Вы думаете, потому что у вас денег куры не клюют, ваша супруга обеспечивает вас всем необходимым, вас от жиру в историю тянет... А народ, извините, на хлебе и воде сидит. У вас люди, как мухи, мрут, вы устроили Голодомор в житнице Европы.

— Не каждому такой талант дается, не каждому, — Сталин кивнул одобительно головой и выпустил клуб серого ароматного дыма. — Талантище!

— Я... ду-у-ума-ю... что вы... не так... все...

— Мы не так? — Троцкий громко рассмеялся.

— Как раз в этом вопросе у нас с Львом Давидовичем разногласий нет. У нас были и есть другие непонимания, а что касается вас... Полное единогласие. Так вот о Голодоморе хочу вас информировать. Наш уважаемый Лев Давидович, прежде, чем ехать в далекую командировку в Россию революцию делать, вошел в сговор с международными банкирами, организаторами ФРС. Деньги от них получил...

— А что бы вы делали без денег? Что? Вы сами просили, умоляли...

— Умолял вас Ленин. Не спорю, без денег было бы трудно. Но одно дело взять деньги для революции, а другое — отдать за эти деньги всю страну...

— Не преувеличивайте, Коба, это не совсем так.

— Да, это не совсем так, это совсем не так. Вы договорились отдать банкирам не только страну, но и людей, и их детей, и их внуков... Все! Вот скажите, товарищ Юрченко, Украина на сегодня много товаров импортирует?

— Э-э, думаю очень много.

— А чем расплачивается Украина?

— Валютой, чем же еще?

— То бишь долларом?

— Да.

— А откуда вы его берете?

— Это валютные поступления и... кредитные программы...

— Итак, кредитные программы, валютные поступления в обмен на что?

— В обмен на золотой запас...

— Вот и дошли, вот она правда! Золотой запас! А скажите, уважаемый товарищ Юрченко, а если бы вам отказали в кредитах да вот так взяли и отказали, да еще и золото ваше отказались бы покупать... Что бы вы делали?

— Это невозможно... Это трудно представить...

— Лев Давидович, расскажите нашему другу, что же на самом деле произошло.

— ... — Троцкий нахмурился и, махнув рукой, отвернулся. — У тебя своя правда, у меня своя...

— А я вам расскажу, товарищ Юрченко. Лев Давидович вместе с Владимиром Ильичем чуть ли не всю страну отдали в концессию. От банковского дела до добычи полезных ископаемых. Чего стоит одна только история английской компании «Лена Голдфилдс». По распоряжению Троцкого и Ленина эта компания получила целый комплекс горнодобывающих и металлургических предприятий: Ревдинский, Бисертский, Северский металлургические заводы, Дегтярское и Зюзельское месторождение меди, Ревдинские железные рудники, Егоршинские угольные копи. И что удивительно, чем глубже начинаешь изучать славную историю золотодобычи в молодой советской республике, тем большим циником становишься. Оказывается, согласно договоренности о разделе продукции, доля народной власти

в добываемом драгоценном металле была аж семь процентов! Целых семь! А доля «Лены Голдфильдс» составляла всего лишь какие-то жалкие девяносто три процента... Вот какое выгодное соглашение подписали советские власти во главе с Троцким и Лениным! А зачем? Зачем же совершалась социалистическая революция, если все те же лондонские и нью-йоркские банкиры продолжали качать ресурсы из России? Эта компания во главе с вашим другом, товарищ Троцкий, Гербертом Гуедалом вела себя в первом социалистическом государстве на редкость развязно и нагло. При заключении концессии обещала инвестиции, но не вложила ни рубля. Наоборот, дело дошло до того, что «Лена Голдфильдс» потребовала для себя государственных субсидий и всячески уклонялась от платежей всех сборов и налогов. И благодаря товарищу Троцкому, до 1929 года не было никакой управы на эту обнаглевшую «Лену». Но в этом же году ситуация поменялась. Десятого февраля 1929 года Лев Давидович Троцкий был выслан из СССР и уже в декабре того же года «Лена» была вынуждена свернуть свою деятельность в России. А с 1930 года золото в Сибири стала добывать уже государственная компания и вся прибыль, все сто процентов стали поступать в бюджет. А может, расскажете о «золотых паровозах»? Что же вы молчите, товарищ Троцкий?

— Что произошло — то неизбежно...

— Это, правда, неизбежно... Так вот доходим и до Голодомора. Кстати, товарищ Юрченко, то, что я вам рассказываю, все это есть у вас на книжных полках Петровки. Книги Николая Старикова... Замечательные книги, настоящая история, правда во плоти... Почитайте, ах да... Вероятно, вам уже не придется... Он к нам сюда иногда в гости заходит, любознательный такой, настоящий патриот своей Родины... Я вас обязательно познакомлю.

— Мелкий ты, Коба, провинциальный политик... Не дано тебе понять высокие идеалы мировой революции...

— А что ты так переживаешь? Ты же меня все равно победил. После смерти, а все же победил, — Сталин тяжело вздохнул, сел в кресло и склонил голову.

— Что-то я не понимаю: то Голодомор, то победа после смерти... — Виктор Антонович нелепо мигнул широко раскрытыми глазами и пожал плечами.

— Сейчас все поймете. После того, как Троцкий был выслан из СССР, запад сначала отказался принимать в качестве оплаты от СССР золото, затем все остальное. Все, кроме зерна! Руководство страны было поставлено перед выбором: либо отказ от восстановления промышленности, либо продолжение индустриализации, кстати, результатами которой Украина пользуется до сих пор... Государство забирает зерно у крестьян и отправляет его на Запад, но вовсе не для того, чтобы уморить голодом часть населения страны, а потому, что нет другого варианта оплаты поставок оборудования. Вся надежда была на новый урожай. Но он оказывается очень мал — в стране засуха. Продовольствие СССР закупить не может ни за золото, ни за валюту. Пытались купить зерно за золото в Персии, но не успели... Вот как все было, товарищ Юрченко, именно так и случился Голодомор...

— Как же так? Неужели... не брали золото? Почему?

— Золотая блокада, думаю, что более подробно на этот вопрос может ответить Лев Давидович, если захочет, конечно.

— Гармония между правительством и народом существует в двух случаях: или народ управляется по воле одного, как в случае с Иосифом Виссарионовичем, или один управляется волей народа, как получилось в вашем, товарищ Юрченко, варианте. В первом случае — это деспотизм с порядком и перспективой, а во втором — свобода с беспорядком и движением в никуда, — Троцкий многозначительно задумался, его жидкая борода вздрогнула и поднялась вверх, брови сдвинулись к переносице. — Вы, товарищ Юрченко, трусливый обыватель, вы способны лишь начать процесс, но довести его до конца вам не хватает воли, политической воли. Вот скажите, зачем вы содрали старую советскую плитку в доме своей матери и нацепили гуцульскую? В огороде сруб выстроили... Это что, последнее желание мамы?

— Э-э, по-о-онимаете-е-ете... я...

— Что от вас можно ожидать? Этак вы и музей Булгакова на свой лаад переделаете... Нет, вы простолюдин и жалкий обыватель. Вам страной надо было управлять, а вы плитку меняете. А ваш братец. Тоже любитель плитки. Где ни увидит, что плохо лежит, сразу в свою машину тянет. Коба, ты можешь себе представить, правитель страны ходит по базарам и скупает старые вещи?

— У гроба карманов нет, товарищ Юрченко, это я вам говорю, как бухгалтер бухгалтеру! — Иосиф Виссарионович направил дымящуюся трубку в сторону Виктора Антоновича. — Откуда вы такие беретесь?

— Вы... меня... не та-а-ак...

— Мда-с, не гений. Но и Муссолини, и Гитлер, так же, как и товарищ Юрченко, не похожи на гениев. Чем же объясняется их успех? Мелкая буржуазия в нынешнюю эпоху вообще не может выдвинуть ни оригинальных идей, ни самостоятельных вождей. У Гитлера, у Муссолини, у вас все заимствовано и подражательно. Муссолини воровал идеи у большевиков. Гитлер подражал большевикам и Муссолини. А вы — Сталину! — Троцкий поправил пенсне. — Да, да, именно Сталину. Но мелкий размер ваших талантов в синтезе с низким происхождением, замешанные в растворе демократической вседозволенности, явили миру статую крестьянина со скипетром. Чтобы страной управлять с умом, властитель должен обладать умом. У глухих приближенные — льстецы, у мудрых властелинов — мудрецы...

— Владыка, что словам своим неверен, для сердец подданных своих потерян. Несправедливость хана, лживость власти — причина неудач и всех несчастий, — продолжил Сталин.

Виктор Антонович молчал. Такого поворота событий он никак не мог предугадать. *Ангел... Сталин... Троцкий... Голодомор... Смерть...*

— Коба, а ты, как я вижу, даром время не теряешь, Баласугунского читаешь? Тьфу, ты, черт, опять в рифму получилось.

— Уважаемый Лев Давидович, мы знакомы с вами целую вечность и не знаем друг друга...

— Что касается тебя, Коба, я вижу тебя насквозь, но мы должны разобраться с главным нашим обвиняемым. Итак. Товарищ Юрченко, таким образом, вы, как и все вожди мелкой буржуазии, зависимые от крупного капитала, являлись, по самому типу своему, если и вождем, то далеко не первого класса. Ваше окружение — это мелкая буржуазия и мещане. А они, братец мой, глядеть ли на них сверху или снизу, занимают всегда второе место. Однако в рамках исторических возможностей Муссолини, в отличие от вас, проявил огромную инициативу, изворотливость, цепкость и изобретательность. Муссолини и Гитлер начали свою борьбу в условиях демократии. Они сталкивались лицом к лицу с противниками. Они спорили на равных правах. Ничего подобного не было в истории вашего восхождения. Муссолини — это непрерывная импровизация на открытой арене. Муссолини и его сподвижники подражали большевикам, хотя и в прямо противоположном направлении. Гитлер, в отличие от вас, всегда сам говорил о своей гениальности. А вот Сталин, так же, как и вы, заставлял об этом говорить других. Так в чем же состоит реализм Юрченко? Сталин, Гитлер и Муссолини являются по своей нравственной природе циниками. Они видят людей с их низшей стороны. В этом их реализм. У вас же проявляются черты мономании, мессианизма и даже, не побоюсь этого слова, циничного эгоизма. Личная обида играла в вашей карьере определяющую роль. Именно обида толкала вас вперед. У вас не было ни идей, ни убеждений, ни теорий. У вас была обида. Вы лишены дара красноречия, хотя всегда считали, что только живое устное слово характеризует вождя. Идеализация недостижимого, страх перед талантливыми и успешными, обида от понимания собственной никчемности, отвратительно плохое знание русского языка, незнание других языков — вот истинная причина вашей деструктивности, она же и является фундаментом конструкции вашей политической личности. Вот почему вы так и не смогли создать постоянную живую связь с миллионами ваших граждан. Вы не можете ни говорить, ни писать, да и вслух читаете отвратительно.

— Лев Давидович, ну зачем же так? Не подобает интеллигентному человеку такой оскорбительный тон. Вы бьете по товарищу

Юрченко, а все летит в меня, — Сталин улыбнулся и отрицательно покачал головой. — Нельзя так категорично. Я с вами не согласен. А как же Маркс и Энгельс? Они ведь не отличались красноречием.

— Да, Маркс и Энгельс приобрели миллионы последователей, не прибегая за всю свою жизнь к ораторскому искусству. Правда, им для приобретения влияния понадобились многие годы. Искусство писателя, в конце концов, выше, ибо оно позволяет соединять глубину с высокой формой. Те политические деятели, которые были только ораторами, отличались всегда поверхностностью. Оратор не создает писателей. Наоборот, великий писатель может вдохновить тысячи ораторов. Но верно и то, что для непосредственной связи с массой необходима живая речь. А у товарища Юрченко, как и у тебя, Коба, ее никогда не было...

— Лев Давидович, а короче нельзя? — не скрывая раздражения, перебил Сталин.

— Вот так всегда, вы, товарищ Сталин, всегда отличались способностью решать сложные задачи простыми действиями.

— А вы, нет? Не лукавьте, товарищ Троцкий, мы с вами, в этом отношении грешны в равной степени.

— М-да, наверно, я с вами в этот раз соглашусь. Однако продолжим. Мы совершенно ничего не сказали о власти. Новое время принесло новую политическую мораль. Но, странное дело, красный ветер воспоминаний возвращает нас, во многих отношениях, к эпохе Возрождения или даже далеко превосходит ее по масштабу своих жестокостей и зверств. Хорошее и плохое оказывались чрезвычайно спутанными в итальянских государствах XV-го столетия. Эпоха Возрождения характеризовалась исключительным развитием индивидуализма, но число индивидов, которые могли позволять себе индивидуализм, было ограничено и часто сводилось к одному лицу. А разве не такой порядок вы, Виктор Антонович, пытались построить? Теперь это называется телефонным правом, не так ли?

— Э-э-э, я не понимаю, что вы имеете в виду, — Юрченко

нахмурился. Чувство беспомощности владело им полностью и бесповоротно. Он хотел встать во весь свой немалый рост, подойти к микрофону, как на Майдане, положить руку на сердце и... И... Крикнуть... *Нет, запеть песню... Нет, лучше крикнуть... Бандиты будут сидеть... Свободу Юрию Деточкину! Что я кричу? Какой Деточкин? Кто это?*

— Это я вам подсказал Деточкина, товарищ Юрченко. Не надо так кричать, я же вас предупреждал, думайте тише... — Иосиф Виссарионович затаился и через мгновение выпустил на волю, серое облако. — Нет, все же евреи молодцы, Деточкина мог сыграть только еврей...

— Товарищи... То есть господа... Я не понимаю... — Виктор Антонович чувствовал себя отвратительнейшим образом, он ощущал себя железной болванкой, зажатой в тисках слесаря Иванова, по которой то и дело проходилась гигантский рашпиль... *Евреи... Деточкин... Сталин... Гитлер...*

— А что же тут непонятного? Мы анализируем формирование вашего политического мировоззрения, рассуждаем в сравнительной форме на тему вашей исторической значимости. Вы что, меня не слушаете? — Троцкий опустил руку к кобуре...

— Все хорошо, Лев Давидович, продолжайте, это такая современная реакция на правду. Они привыкли игнорировать существо дела и силу факта. У них теперь можно спрятаться за телевизор. Это такая мораль. Демократическая мораль выживания, — успокоил Троцкого Сталин.

— Да, мораль... Коррупция — их мораль. Религия потребления и коррупция! Это всегда так. Когда во всех областях жизни происходили и обнаруживались глубокие изменения, старые нормы отношений и тем самым нормы морали изживали себя. Именно в такое время внимательному наблюдателю и открывается ужасающая коррупция в политических отношениях. Почему? А потому, что искусство управления выродило систему клятвопреступлений и измен,

согласно которой считалось наивностью и глупостью выполнение договоров. Время вашей власти, товарищ Юрченко, может характеризоваться как наивысшая степень политической аморальности, беспринципности и предательства. Такой лживой политики, как ваша, еще никогда никто не знал. В этом деле вы преуспели, как никто.

— А что же вы хотели? Каждый правитель управляет тем, что у него самого наиболее развито. Кто-то убеждением, кто-то расстрелами, а кто-то ложью. Все дело в конкурентном преимуществе, — правил Иосиф Виссарионович. — Но разве ложью нельзя убивать?

— К чему вы ведете? — Юрченко гневно посмотрел на Сталина. — Какое вы имеете право?

— Что-то я вас не пойму. Вы всегда хотели встретиться со мной. Ваши бесконечные мысли о власти, ваши репетиции перед зеркалом... Извините, коллега, но вы всегда пытались подражать мне! — Сталин указал дымящейся трубкой на себя. — Скажите, что это не так. У нас здесь все записано. Мы можем показать вам любую секунду вашей жизни. Хотите?

— Э-э-э, я... может вы... не так меня поняли...

— Так вот мы и хотим выяснить, так ли мы вас поняли или нет. Вы схватились за Голодомор. Зачем? А я вам скажу. Вы подняли эту пыльную тему для того чтобы скрыть Голодомор, который устроили вы сами и ваши предшественники. Вы открыли двери мировому капитализму настежь. Украину грабят все, кому не лень, а вы лжете народу про демократию и равенство.

— М-да, товарищи, так мы с вами не дойдем до сути, — Троцкий положил револьвер в кобуру. — Я не хочу оправдывать Сталина, но я не могу отрицать его желание и стремление созидать. Конечно, цена такого созидания очень большая. Но как иначе? И что мы тут обсуждаем? Кто из нас не знает, что во все времена ничто не имело меньшей цены, чем человеческая жизнь. Ведь так? Из этих условий вырастали зловещие фигуры, которые соединяли с самой изысканной культурой преступную дерзость, злобную хитрость и презрение ко всем

моральным законам. Что произошло с развалом Союза? Неограниченный индивидуализм породил кроме славолубия много других губительных пороков, а именно: расточительность, роскошь и азарт в высших кругах, жажду мести, ложь и подлог, безнравственность, преступление и человекоубийства во власти и политике, неверие и суеверие в простом народе. Но никто не обнаружил такую неумолимую последовательность и стойкость в достижении своих целей, такое полное отсутствие совести и безразличие к злодеяниям вместе с демоническим сознанием своего превосходства и призвания властвовать, как товарищ Сталин и вы, товарищ Юрченко. В этом отношении у вас с Иосифом Виссарионовичем полное совпадение. Размах несколько разный, и это понятно, но остальное идентично, как две капли воды. Потому-то вы и занялись подтиранием исторических нюансов и официальной борьбой с прошлым.

— Вот видите, товарищ Юрченко, как мы с вами похожи. И я вас понимаю. Наверно, я бы действовал так же. — Сталин сделал паузу и достал карманные часы. — Хочу сообщить вам, товарищи, одну неожиданную новость. Мы с вами приглашены на очень необычное шоу.

— Какое шоу? А шахматы? — возмутился Троцкий. — Я никуда не собирался. У меня свои планы. Э-э-э. А что это за мероприятие?

— Мой старый друг пригласил меня в Киев на политическое шоу. Думаю, что будет интересно. У вас, Виктор Антонович, не спрашиваю, вы там обязаны быть, а вот Лев Давидович должен определиться сам.

Троцкий посмотрел на себя сверху вниз, поправил гимнастерку и ремень: — М-да, я... должен подумать.

Сталин сел в кресло, достал из-под него старый черный телефон и снял трубку: — Ну... хорошо... мы будем... три места на балконе.

— Вот так всегда: я думаю, а он решает! — фыркнул Троцкий.

— Простите, а что с победой после смерти? — Виктор Антонович вопросительно посмотрел на Сталина. — Вы говорили, что Лев Давидович победил вас после смерти...

— К сожалению, это так... Я вынужден признать факт поражения... — Сталин глубоко затаился и отвел взгляд в сторону. Минуту помолчав, он продолжил: — Мировая революция, товарищ Юрченко, это что?

— Гм, наверно, единая власть советов во всем мире или...

— М-да, где-то вы правы. Единое правительство, единый суд, одна армия, одна валюта... Вам это ничего не напоминает?

— Э-э, м-м... — Виктора Антоновича пробил озноб. *Глоба... ли...*

— Да, да, да... Ну, конечно же, глобализация. Это и есть завершающая стадия мировой революции. Понимаете меня? Троцкий все же обыграл товарища Сталина, обыграл. Мне надо было внимательней отнестись к его встречам с Ротшильдом в Вене. Под видом игры в шахматы в Café Central они обсуждали вопросы мировой революции — глобализации. Недооценил я товарища Троцкого, недооценил...

— Ты переоценил себя, Коба, а мое влияние в мире всегда было велико, — Троцкий гордо поднял голову и вытянул правую руку вперед. — Как вы думаете, товарищ Юрченко, барон Ротшильд, крупнейший банкирский дом в мире, будет играть в шахматы с человеком не своего круга?

— Вы меня окончательно запутали, революция... глобализация... я устал...

— То ли еще будет, Виктор Антонович, готовьтесь. Отдыхать надо было при жизни. А тут у нас все работают и даже Сам... — Сталин поднял голову вверх и задержал дыхание.

— Извините... не понял... — Виктор Антонович тоже посмотрел вверх. — Кто, Сам? Ленин?

— Какой же вы идиот, товарищ Юрченко, Ленин в мавзолее, его сюда не пускают.

— Кто не пускает?

— Он Сам и не пускает, — Троцкий, не скрывая раздражения,

бросил гневный взгляд в истерзанное лицо Виктора Антоновича и перейдя на шепот добавил: — Со-озда-ате-ель...

Зазвонил телефон. Сталин опустил руку и снял трубку.

— Да, слушаю. Э-э, а вы уверены? Хорошо, передам.

Юрченко и Троцкий настороженно смотрели на Сталина.

— Да, товарищ Юрченко, у вас, оказывается пока еще есть варианты для маневра, — Сталин поднял руку, нарисовал в пространстве вопросительный знак и поставил под ним точку. — Один вопросительный знак на два варианта ответа. Готовы?

Виктор Антонович не двигался. *Два варианта? Какие еще варианты? Вопросительный знак... Не понимаю...*

— Что вы так кричите? Зачем повторять мои слова? Вы свои мысли возьмите в руки, а не мои. Ну...

Виктор Антонович закрыл глаза и задумался.

— Это уже лучше, товарищ Юрченко, правильно думаете. У вас есть два варианта. Первый — остаться с нами и отправиться на инаугурацию нового Президента Украины, инкогнито, конечно, а второй...

— Какая инаугурация? Что вы плетете? До выборов почти год.

Троцкий громко рассмеялся, а Сталин хитро улыбнулся и поправил усы.

— Товарищ Юрченко, мы забыли вас предупредить. У нас тут времени нет.

— То есть как это нет? Такого не может быть.

— Вы видели летящий самолет?

— Ну, конечно, видел, — нахмурился Виктор Антонович

— Тому, кто видит самолет, кажется, что самолет движется медленно, а пролетающая рядом птица — быстро, так же и летчику кажется, что самолет движется относительно земли медленно, но стоит снизить

высоту до минимума и картинка меняется. Так и у нас. Пока мы с вами говорили на земле, в реальной живой обстановке прошло почти десять месяцев. Вот вам и выборы. Так что решайте, остаетесь с нами или...

Виктор Антонович затаил дыхание. *Неужели? Неужели жизнь? Нет, не может быть...*

— Да, товарищ Юрченко, — Сталин посмотрел на Троцкого.

— А может все-таки расстреляем? — Троцкий опустил руку к кобуре.

— Хороший собеседник, жаль расставаться, но все же... — Сталин посмотрел в глаза Виктора Антоновича. — Да, вы можете вернуться на землю и пожить еще. Но разве там лучше, чем здесь?

— Я хочу вернуться, у меня есть неоконченные дела, — Виктор Антонович радовался всем своим почти умершим поднебесным телом. *Жизнь. Люди, птицы... Зима, снег... Ветер... Дети... Жена...*

— Ну как знаете, вы сами решили. Но хочу предупредить, будет нелегко, — Сталин поднес трубку к губам. — Пусть будет так, как вы решили...

Морозный, снежный день наступившего года не радовал старый город... Изуродованный нелепыми постройками, истекающий кровью грязных улиц, он взывал к небесам. *Господи! Что же это за люди? Да и люди ли это? Кто они? Почему они так легко убивают меня? Что они хотят, о чем они думают?* Город тихо плакал, но его никто не слышал. *Откуда им знать, этим рабам потребления, этим бегущим на кладбище гомосапиенсам, что их машины, ради которых они продают себя и убивают старый город, все эти «пориш», «мэрсы» и «бемки» едут на свалку? Шифоньерное мышление... Продать, чтобы купить,*

купить, чтобы продать... Шариковы, швондеры, космические пришельцы и пришлые проходимцы... То ли было раньше... Городецкий, Булгаков, Малевич, Сикорский, Лифарь... Город плакал, но этого никто не видел. Угроза эпидемии гриппа с одной стороны; выборы президента — с другой; эхо мирового финансового кризиса, больно бьющее по карману украинского электората — с третьей; запрет на показ сериала «Недоторкані» — с четвертой; разрешение на показ фильма «Украденный попкорн» — с пятой; неотвратимое приближение планеты Нибиру — с шестой; китайское сало и израильский укроп в магазинах — с седьмой и еще Бог знает сколько самых разнообразных негативных сторон... Все это многоликое порождение демократической реальности, да еще непомерное количество внезапно выпавшего, никому ненужного, снега... О чем это я? Ах да, о судьбе страны... Судьба страны — это самолет. Сел в самолет и все. Нет твоей собственной судьбы, все судьбы объединены в одну большую технопогодную зависимость... Переехал в Америку — слился с судьбой Америки, в Россию — стал частью империи... Так вот и украинский народ традиционно объединился, можно даже сказать, слился воедино в огромную, отвратительную, бесперспективную, долговую зависимость... В центре внимания всей страны находился украинский парламент, а на окраинах — народные массы. Верховная Рада. Или, может, быть Верхов Нарада? А может быть, Верхов на Ра, да? То есть верхом на бже Ра? Что имели ввиду выдумщики этого словосочетания, народ не узнает никогда. Народ живет в буквальном мире, его уровень — смысловая поверхность. А что у нас на поверхности? Ну, конечно, парламент! Что же еще? А что есть парламент демократической страны? Прежде всего, это полное отсутствие личной ответственности. Парламент принимает решение, последствия которого могут оказаться роковыми. И что же? Никто за это не отвечает, никого нельзя привлечь к ответственности. Разве, в самом деле, можно считать ответственностью то, что после какого-нибудь отчаянного краха, виновное в этом правительство вынуждено уйти? Или что виновная в кризисе коалиция партий распадется и создается новая коалиция? Или распускается парламент? Разве это наказание?

Разве это ответственность? Большинство! Вот в чем вся проблема. Да разве большинство людей может всерьез нести какую-либо ответственность? Почему люди никак не могут осознать, что само понятие ответственности, сама идея ответственности может быть связана только с конкретным человеком? А можно ли сделать ответственным практического руководителя правительства за те действия, которые возникли и были проведены исключительно вследствие желания или склонности целого множества людей? В чем же задача государственного деятеля? В наличии творческой мысли? Нет. Его основная задача — реклама популярных идей перед стадом баранов и дураков, а затем выклянчивание у них их милостливого согласия на проведение его планов. Разве можно подходить к государственному деятелю с тем критерием, что он обязательно должен в такой же мере обладать искусством переубедить электорат, как и способностью принимать государственно мудрые решения. Да разве вообще когда-нибудь было такое, чтобы толпа людей поняла крупную идею раньше, чем практический успех этой идеи начал говорить сам за себя? Какая-то часть толпы, конечно же, может понять крупную идею и осознать ее значение, но это всегда очень незначительная ее часть. А разве вообще любое гениальное действие в нашем мире не является наглядным протестом гения против косности массы? Тогда что же делать государственному деятелю, которому не удалось даже какой угодно лестью завоевать благосклонность толпы? Что же ему остается —купить это благоволение? Или ввиду глупости своих сограждан он должен отказаться от проведения того, что он считает жизненно необходимым? Или он должен уйти? Или, тем не менее, остаться? Человек с характером, в таком случае, попадет в неразрешимый конфликт между тем, что он считает необходимым, и простым приличием или, лучше сказать, простой честностью. Где здесь найти границу между обязанностью, которую возлагает на себя общество, и той обязанностью, которую возлагает на тебя личная честь? Ведь каждому действительному вождю приходится решительно бороться против всех попыток унижить его до роли простого политика. И наоборот, разве не ясно, что именно политикан при таких условиях будет

чувствовать себя призванным «делать» политику как раз потому, что в последнем счете ответственность несет не он, а какая-то неуловимая кучка людей из парламента? Неужели в самом деле найдутся такие, кто поверит, что в этом мире прогресс обязан не интеллекту отдельных индивидуумов, а мозгу большинства? Или, может быть, кто-нибудь надеется на то, что в будущем мы сможем обойтись без этой основной предпосылки человеческой культуры? Парламентский принцип решения по большинству голосов уничтожает авторитет личности и ставит на ее место количество, заключенное в той или иной толпе. Этим самым парламентаризм грешит против основной идеи аристократизма в природе, причем, конечно, аристократизм вовсе не обязательно должен олицетворяться современной вырождающейся общественной верхушкой. Современный наблюдатель, обреченный получать информацию только из газет и телевидения, не может себе и представить, какие опустошительные последствия имеет господство парламентаризма. Разве что только самостоятельное мышление и наблюдение помогут ему понять суть происходящего. Прежде всего именно парламентаризм является причиной того невероятного наплыва самых ничтожных фигур, которыми отличается современная политическая жизнь. Подлинный политический руководитель всегда постарается отойти подальше от такой политической деятельности, которая в главной своей части состоит вовсе не из творческой работы, а из интриг и фальши, имеющих целью завоевать большинство. А нищих духом людей как раз именно это обстоятельство и привлекает. Чем меньше этакий духовный карлик и политический торгаш, чем ясней ему самому его собственное убожество, тем больше он будет ценить ту систему, которая отнюдь не требует от него ни гениальности, ни силы великана, которая ценит хитрость сельского старосты выше, чем мудрость Перикла. При этом такой тип не мучится над вопросом об ответственности. Он заранее точно знает, что независимо от тех или других результатов его «государственной» пачкотни конец его карьеры будет один и тот же: в один прекрасный день он все равно должен будет уступить свое место такому же «могущественному» уму, как и он сам. Для сборища

таких «народных представителей» всегда является большим утешением видеть во главе человека, умственные качества которого стоят на том же уровне, что и их собственные. Только в этом случае каждый из этих господ может доставить себе дешевую радость время от времени показать, что и он не лыком шит. А главное, тогда каждый из них имеет право думать: если возглавлять нас может любой «икс», то почему же не любой «игрек», чем «Лёня» хуже «Вити»? Эта демократическая традиция в наибольшей степени соответствует позорящему явлению наших дней, а именно: отчаянной трусости большого числа наших так называемых «руководителей». В самом же деле, какое счастье для таких людей во всех случаях серьезных решений иметь возможность спрятаться за спину так называемого «большинства». В самом деле, посмотрите на такого политического воришку, как он или она в поте лица «трудится», чтобы в каждом отдельном случае кое-как наскрести большинство и получить возможность в любой момент спастись от какой-либо ответственности. И конкурентная борьба среди таких политических проходимцев происходит не в плоскости взятия личной ответственности и творческих решений, а в пространстве масмедиа, в абстрактном соревновании горлопанов и врунов. Когда же общество проснется и осознает, что большинство никогда не сможет заменить одного? Большинство не только всегда является представителем глупости, но и представителем трусости. Соберите вместе сто дураков и вы никогда не получите одного умного. Соберите вместе сто трусов и вы никогда не получите в результате героического решения. Соберите вместе четыреста пятьдесят депутатов украинского парламента, и они никогда не заменят одного Патона. Чем меньше становится ответственности отдельного руководителя, тем больше будет расти число таких типов, которые обладая даже минимальнейшими способностями, тем не менее, чувствуют себя призванными отдать в распоряжение народа свои бессмертные таланты. Многим из них просто невтерпёж, когда же наконец очередь дойдет до них. Они становятся в очередь к власти в длинном хвосте и со смертельной тоской глядят, как медленно приближается их судьба. Они рады каждой смене лиц в том ведомстве, в

которое они метят попасть. Они благодарны каждому скандалу, который может вытолкнуть из стоящих в хвосте впереди них хоть нескольких конкурентов. Когда тот или другой из счастливцев, ранее попавших на теплое местечко, не хочет так скоро расстаться с этим местом, остальные смотрят на это, как на нарушение священных традиций и общей солидарности. Результатом всего этого является ужасающе быстрая смена лиц на важнейших государственных должностях. Результаты этого всегда неблагоприятны, а иногда прямо-таки катастрофичны. Чаще всего оказывается, что не только дурак и неспособный падает жертвой таких обычаев, но как раз способный человек, поскольку только судьба вообще дает возможность способному человеку попасть на руководящий пост. Против способного человека сразу же образуется общий фронт. Как же, ведь он вышел не из «наших» рядов, он не из нашей очереди... Мелкие, жалкие, беспаланные людишки принципиально всегда хотят быть только в своей компании. Они рассматривают как общего врага всякого человека с головой, всякого, кто способен среди нулей играть роль единицы.

К каким последствиям все это ведет, ясно уже из следующего. Состав четырехсот пятидесяти избранных народных представителей, с точки зрения их профессий, не говоря уже об их способностях, крайне пестр. Никто ведь не поверит всерьез, что эти избранники нации являются также избранниками духа и разума. Никто не поверит, что в избирательных урнах десятками или сотнями произрастают подлинные государственные деятели. Все прекрасно знают, что бюллетени подаются избирательной массой, которую можно подозревать в чем угодно, только не в избытке ума. Вообще трудно найти достаточно резкие слова, чтобы заклеить ту нелепость, будто гении рождаются из всеобщих выборов. Во-первых, подлинные государственные деятели вообще рождаются в стране только раз в очень крупный отрезок времени, а во-вторых, масса всегда имеет вполне определенное предубеждение как раз против каждого сколько-нибудь выдающегося ума. Скорей верблюд пройдет через игольное ушко, чем великий человек будет «открыт» путем выборов.

Те личности, которые превосходят обычный масштаб золотой середины, большей частью сами прокладывали себе дорогу на арене мировой истории.

Что же происходит в украинском парламенте? Четыреста пятьдесят человек золотой середины голосуют и разрешают все важнейшие вопросы, касающиеся судеб государства. Они назначают правительство, которое затем в каждом отдельном случае вынуждено добиваться согласия «просвещенного» большинства. Таким образом, вся политика делается этими четыреста пятьюдесятью. По их образу и подобию эта политика большей частью и ведется. Но если мы даже оставим в стороне вопрос о степени гениальности этих народных избранников, подумайте только о том, сколь различны те проблемы, которые ждут своего разрешения от этих людей. Представьте себе только, какие различные области возникают перед ними, и вы сразу поймете, насколько непригодно такое правительственное учреждение, в котором последнее слово предоставляется массовому собранию, где лишь очень немногие обладают подлинными знаниями и опытом в разрешении тех вопросов, которые там возникают. За все время деятельности парламентаризма в Украине общий словарный запас народных избранников, используемый при обсуждении в парламенте, едва достигает четырех тысяч слов. То есть наполовину меньше, чем лексикон заурядного выпускника посредственного ВУЗа и в десять раз меньше количества заимствованных слов русского языка. Что эти люди смогут сделать? Нынешняя система организации государства и власти в Украине принуждает отдельного человека занимать позицию по таким вопросам, в которых он совершенно не сведущ, и этим постепенно развращает человека. Никто не наберется храбрости сказать открыто: господа депутаты, я думаю, что мы по такому-то и такому-то вопросу ничего не понимаем, по крайней мере, я лично заявляю, что не понимаю. Если бы такой человек и нашелся, то все равно не помогло бы. Такого рода откровенность была бы совершенно непонятна. Про этого человека сказали бы, что он честный осел, но ослу нельзя позволять портить всю игру. Однако, кто знает характер людей, тот поймет, что в

таком «высоком» обществе не найдется лица, которое согласилось бы прослыть самым глупым из всех собравшихся. В известных кругах честность всегда считалась и считается глупостью. Таким образом, если даже и найдется среди депутатов честный человек, он постепенно тоже переходит на накатанные рельсы лжи и обмана. В конце концов, у каждого из них есть сознание того, что, какую бы позицию ни занял отдельный из них, изменить ничего не удастся. Именно это сознание убивает каждое честное побуждение, которое иногда возникает у того или иного из них. Ведь в утешение он скажет себе, что он лично еще не самый худший из депутатов и что его участие в высоком собрании помогает избежать худшего из зол.

Может быть, мне возразят те, о ком я говорю? Мол, если депутаты и не сведущи, но вопросы обсуждают во фракциях, а фракция де имеет свои профильные комиссии и комитеты, которые собирают материал через сведущих лиц и так далее... На первый взгляд кажется, что на самом деле так, но тут возникает вопрос: зачем же тогда выбирать 450 депутатов, если необходимой мудростью, которой в действительности определяются принимаемые решения, обладают лишь немногие. Да, именно в этом существо вопроса. В том-то и дело, что идеалом современного демократического парламентаризма является не собрание мудрецов, а толпа идейно зависимых нулей, руководить которыми в определенном направлении тем легче, чем более ограниченными являются эти людишки. Только на таких путях делается так называемая партийная политика — в самом худшем смысле этого слова. И только благодаря этому стало возможным, что действительный дирижер всегда осторожно прячется за кулисами и никогда не может быть привлечен к личной ответственности. Так и получается, что за самые вредные для государства решения ныне отвечает не негодяй, в действительности навязавший это решение, а фракция. Поэтому парламент, в том виде в котором мы его знаем, может быть принят только теми лживыми субъектами, которые, как черт ладана, боятся божьего света. Каждому же честному, прямодушному деятелю, всегда готовому нести личную ответственность за свои действия, этот институт может быть только ненавистным.

Старый город плакал... Он видел, как по его умирающему телу снуют людишки-насекомые, дожирающие его последние возможности и историческую значимость. Красивые автомобили и яркие витрины магазинов, рекламные плакаты и угрюмые трамваи, черно-серая масса на фоне белого снега. Вся эта безликая клоака двигалась, злилась, воняла и вымирала... Из пятидесяти двух миллионов осталось сорок восемь, а из сорока восьми в результате деятельности оранжевой чумы осталось сорок два. Римский клуб хлопал в ладоши, а Комитет-300 раздавал премии...

- Ну, что, раб божий, вот и пришла твоя очередь.
- Слыш, Иваныч, а если он не христианин?
- Ну и что?
- Я насчет раба божьего... — человек в старом ватнике поправил шапку и ковырнул замерзшую землю.
- Какая разница? Араб или еврей, все одно раб божий, — Иваныч задумался, посмотрел в небо и снял шапку. — Все одно раб.
- Жаль его, видать умный мужик был.
- Откуда ты знаешь?
- Носки...
- Что носки?
- Когда его привезли на нем были дорогие носки... Умный...
- Может, и умный, а толку то с того? Вот если бы ты, Петрович, без сознания годик в больничке, а? — Иваныч перекрестился и взял лопату. — Не приведи...
- Отмучился, царство небесное. Я, как в ночь ходил, частенько к нему заглядывал, сяду, бывало, возле него, — Петрович перекрестился, — и давай ему о жизни своей, так, мол, и так, а он лежит себе и

молчит, а я ему и про рыбалку, и про тещу, а он молчит...

— Он все слышал.

— Да ну? Ты че? Я ему такое говорил...

— Коматики все слышат, — Иваныч поднял лопату и ударил по крышке лежащего рядом гроба.

жип с номерами киевской области летел в сторону Белой Церкви. Генерал сидел рядом с водителем и держал в руках странное устройство. С одной стороны оно напоминало портативный телевизор, с другой — большой телефон, а с третьей — приборную доску реактивного самолета.

— Прибор фиксирует малую жизненную силу объекта. Квадрат 3489.

— Это на юго-западной стороне города, сейчас посмотрю детально, — Михаил Яковлевич колдовал над экраном ноутбука. — Товарищ генерал, так это же кладбище.

— Ё-маё, надо торопиться. Почему на кладбище? Слушай, Михаил, тут что-то загорелось, а ну-ка посмотри.

— Это контролер положения тела. Расстояние уменьшилось и мы можем это контролировать, еще немного и будем видеть его лицо...

— А чего этот датчик мигает?

— Мигает? — Михаил взял прибор в свои руки и сделал несколько щелчков кнопками. — Наш объект находится в горизонтальном положении и он... у него... так сейчас, да, ему не хватает воздуха. Он задыхается.

— Кладбище, задыхается, горизонтальное положение, — Олег Иванович покачал головой, — да его же хоронят!

— Так, мать твою, душу водительскую, а ну-ка притопи до пола! — заорал на водителя генерал. — Если опоздаем, по стенке размажу! Харакири твоей Тойоте сделаю, понял?

Водитель нахмурился и утвердительно кивнул. Машина вздрогнула и рванулась вперед с новой невероятной японской силой, сжирая десятки литров украинского бензина.

— Ну что, Иваныч, опускаем?

— Ты слышал, Петрович?

— Чего?

— Шорохи...

— Какие еще шорохи?

— Из гроба шорохи, ёли — пали, из гроба, — Иваныч отшатнулся от ямы и прислушался.

— Пить надо меньше или курить больше... Тихо, всё как всегда, давай опускать.

— Давай, ёли-пали, а вдруг он жив ещё?

— Да ты чё? Крыша съехала? Жив? Написано в приказе — умер, значит, умер и точка.

— Ладно, давай опускать.

Виктор Антонович открыл глаза. *Темно... Больно... Душно...* Он попытался повернуться, но ничего не получилось. *Что за черт? Где это я?* Он приподнял голову и... *Господи, что это за место? Почему*

так тесно? Ни влево, ни вправо... Так, я лежу... Я связан или... Он снова приподнял голову и уперся в жесткое препятствие. *Ящик? Эй, кто-нибудь! Где я? Так это же гроб!* Он прислушался. *Что это за голоса? Эй! Кто-нибудь! Где мой голос? Я кричу в себя... Э-э! Э-й!* Он с трудом проглотил слюну и лишь после этого почувствовал связки.

— Эй! Кто-нибудь! Помогите! Откройте! Я задыхаюсь! По-мо-о-о-ги-и-ите! — Виктор Антонович терял сознание, странно, но он не испытывал страх... Умереть второй раз не страшно...

— Иваныч, ты слышал?

— Слышал, черт это путает! Давай, осталось чуть-чуть, пару лопат и того...

— Чего того?

— А того, что конец рабочему дню, бухать будем, вот чего! Работай!

На кладбище с грохотом ворвался огромный черный джип. Казалось, что он и не едет вовсе, а летит над землей... Комья грязи и снега разлетались в стороны, обляпывая чернильными кляксами белоснежную обочину.

— Вон туда! — генерал указал пальцем в сторону двух человек на краю кладбища. — Жив ещё?

— Жив, — Михаил Яковлевич с трудом удерживал прибор в прыгающей машине, он уже несколько минут наблюдал страшную картину. Человек в гробу... Человек бьется в замкнутом пространстве на глубине двух метров в могиле, — он задыхается... Теряет сознание. Быстрее, не успеем. Пока по кругу объедем, умрет...

— Стой, мать твою! — генерал выскочил из машины и побежал напрямую в сторону копачей. На ходу достав пистолет, он сделал несколько выстрелов вверх. — Выка-апывайте! Он жив-о-ой!

Литературно–художественное издание

Баранник Евгений Владимирович

ГИПОТАЛАМУС

Документальная фантастика
(текст в авторской редакции)

www.hipotalamus.org

Дизайн, верстка — Крамар А.Е.

Художник — Зарицкая И.О.

Технический редактор — Кротенко Н.А.

Исполнительный директор — Баранник Д.Е.

Сдано в набор 15.01.2011. Подписано к печати 02.06.2011.

Формат 60X84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура Garamond Premier Pro

Усл. печ. листов 31,5